Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х. Халикова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Материалы Всероссийского научно-практического семинара «Археолог и музей: диалог о вечном» Казань, 11-13 сентября 2019 г.

№ 5
2019

e-ISSN 2618-9488

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 5 2019

Издается при поддержке Фонда "История Отечества" Российского исторического общества Договор №15/2019/ФП-ММ от 15 апреля 2019 г., Доп.соглашение №1 от 20 июля 2019 г.

Главный редактор:
чл.-корр. АН РТ, док. ист. наук А.Г. Ситдиков

Ответственный редакторы:
канд. ист. наук **Е.Е. Воробьева**, **Ч.З. Рахматуллина**

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Редакционный совет:
Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н**., к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуньков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:
Ситдиков А.Г., д.и.н. (Казань); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Мухаметшина А.С.** (Казань); **Баранов В.С.** к.и.н. (Казань); **Голубева Е.Н.** (Казань); **Вязов Л.А.** к.и.н. (Казань); **Воробьева Е.Е.** к.и.н. (Каазань); **Рахматуллина Ч.З.** (Казань).

Адрес редакции:
420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203
Телефон: (843)210-19-76
E–mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru
Индекс 71457, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»
Агенство "Роспечать"
Выход 6 раз в год

© ООО «Поволжская археология», 2019
© Академия наук Республики Татарстан, 2019
© Журнал «Археология евразийских степей», 2019

e-ISSN 2618-9488

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

No 5 2019

The work is published with the support of the "History of the Fatherland" Foundation of the Russian Historical Society, Contract No. 15/2019/FP-MM dated April 15, 2019 Supplementary Agreement No. 1 dated July 20, 2019

Editor-in-Chief:
Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Executive editor:
Candidate of Historical Sciences **Elena E. Vorobeva**, **Chulpan Z. Rakhmatullina**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocaru Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:
Sitdikov Ayrat G. , Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Khayrutdinov Ramil R.** , Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Mukhametshina Asiya S.** (Kazan); **Baranov Vyacheslav S.** Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Golubeva Ekaterina N.** (Kazan); **Vyazov Leonid A**. Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vorobeva Elena E.** Candidate of Historical Sciences; **Rakhmatullina Chulpan Z.** (Kazan).

Editorial Office Address:
Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)210-19-76
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

© LLC "Povolzhskaya arkheologiya", 2019
© Tatarstan Academy of Sciences, 2019
© Archaeology of the Eurasian Steppes Journal, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 8

Общие вопросы: правовые аспекты, история формирования и особенности хранения и учета археологических коллекций

Воробьева С.Л. *(Уфа, Россия)*
Прием археологических коллекций в музеях: правовые аспекты и особенности учета (на примере работы Национального музея Республики Башкортостан) 11

Набиуллин Н.Г. *(Казань, Россия)* Из истории формирования коллекций Джукетау 24

Агаркова А.Б. *(Сургут, Россия)* Археологические коллекции музеев Югры: опыт комплектования, учета и популяризации 30

Руденко К.А. *(Казань, Россия)* Археологические материалы в школьных, муниципальных музеях и музеях в библиотеках в Татарстане 41

Вопросы археологического музееведения, проблемы сохранения целостности археологических коллекций и их использования в научной и публичной сфере

Ютина Т.К. *(Ижевск, Россия)* Археологические коллекции музеев и университетов: возможности популяризации историко-культурного наследия 48

Казанцева О.А. *(Ижевск, Россия)* Делить нельзя изучать (целостность археологической коллекции: возможности и трудности научного исследования) 57

Баранов В.С. *(Казань, Россия)* Целостность археологических коллекций в музейном хранении: эффект «распредмечивания» 66

Камалеев Э.В. *(Уфа, Россия)*
Каталогизация археологических коллекций в музеях на примере каталогов Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева 75

Вопросы музеефикации археологических объектов

Губайдуллин А.М. *(Казань, Россия)* О музеефикации объектов фортификации 81

Шакиров З.Г. *(Казань, Россия)* Проблемы изучения и музеефикации археологизированных объектов Билярского городища 83

Бугарчев А.И., Сингатуллина А.З. *(Казань, Россия)*
Монеты хана Пулада, выпущенные на монетном дворе Булгар ал-Джадид (по материалам Измериевского клада из фондов Национального музея РТ) 94

Междисциплинарные исследования в археологии: достижения и вызовы

Воробьева Е.Е., Голубева Е.Н. *(Казань, Россия)*
О работе VI Международной археологической школы 99

Винникова В.Е. *(Минск, Республика Беларусь)*
К истории становления антропологической науки в Беларуси 113

Втюрина К.Н., Четвертаков Е.В. *(Нижний Новгород, Россия)*
Пример раневой баллистики по данным Старосельского Терюханского могильника 117

Каретников А.Л. *(Ростов, Россия)*
Урочище «Гора Святой Марии» в окрестностях Ростова Великого: итоги и перспективы междисциплинарных исследований 123

Кащей О.А. *(Казань, Россия)*
Анализ состояния сохранности петроглифического комплекса Каракиясай и определение задач по его консервации и сохранению 129

Крутикова К.А. *(Иркутск, Россия)*
Погребальных комплексах Усть-Бельского и
Китойского могильников (Южное Приангарье) 141

Купцова М.С. *(Елабуга, Россия)* Прикамско-Приуральский компонент
в керамическом комплексе Староромашкинского городища 146

Кутузова Д.О. *(Йошкар-Ола, Россия)* Бусы Мари-Луговского могильника 151

Макарова Ю.М. *(Елабуга, Россия)*
Отражение духовной культуры ананьинцев в материалах Луговского могильника 157

Нефедова М.В. *(Великий Новгород, Россия)* Технологические аспекты выделки кожевенного сырья: опыт применения РФА (по материалам раскопок в Хлыновском Кремле) 164

Провоторов Е.В. *(Курск, Россия)*
Новые археологические исследования на территории города Орла 171

Смертин П.Р. *(Пермь, Россия)* Сравнение палеодемографических показателей могильников Ломоватовской и Неволинской культур 177

Солод Ю.А., Давыдов Р.В. *(Новосибирск, Россия)* Торевтика с инкрустацией из погребений енисейских кыргызов: факторы сохранности в свете дальнейшего изучения 187

Торениязов А.Ж. *(Нукус, Узбекистан)* Анализ коллекции хумов Ташкерман-Тепе 196

Троицкий С.О. *(Москва, Россия)* Новые данные по ремесленным комплексам о обработке цветных металлов из раскопок городища Старая Рязань 215

Утягулова Р.Р. *(Казань, Россия)* О раннем импорте в материалах Билярского городища (на примере керамики типа «Сари») 221

Хамидов О.А. *(Самарканд, Узбекистан)* Новый ирригационный район в Северной Бактрии эпохи поздней бронзы и раннего железа 225

Храмцов М.В. *(Екатеринбург, Россия)*
Ареал Боборыкинской культуры в свете новейших открытий 229

Ahmed Motawea Hussein Shaikhon *(Helwan, Egypt)*
Heritage Interpretation: analysis study of signage system at Deir El Medina archaeological site in Luxor, Egypt 234

Mohammad Abu Al Hasan, ASW Kurny *(Dhaka, Bangladesh)*
Archaeometallurgical Analysis Of Four Silver Coins From Four Different Mints Of Independent Sultans Of Bengal 251

Федан П.В., Богатова Л.Ф., Буршнева С.Г. *(Казань, Россия)* Опыт обучения реставраторов по программе интенсива «Консервация и реставрация археологической кожи» на базе магистратуры К(П)ФУ по профилю «Реставрация историко-культурного наследия» 261

Резолюция Всероссийского научно-практического семинара
"Археолог и музей: диалог о вечном" г. Казань, 11–13 сентября 2019 г. 268

Список сокращений 270

CONTENS

Foreword 8

General Issues: Legal Aspects, Development History and Specified Features and Storage and Accounting of Archaeological Collections

Vorobyeva S.L. *(Ufa, Russian Federation)*
Acceptance of Archaeological Collections in Museums: Legal Aspects and Features of Accounting (at the Example of the National Museum of Bashkortostan) 11

Nabiullin N.G. *(Kazan, Russian Federation)*
Revisiting the Compilation History of Juketau Collections 24

Agarkova A.B. *(Surgut, Russian Federation)* Archaeological Collections of Ugra Museums: experience of compilation, accounting and popularization 30

Rudenko K.A. *(Kazan, Russian Federation)*
Archaeological Materials in School, Municipal and Library Museums in Tatarstan 41

Issues of Archaeological Museum Studies, Challenges of Preserving the Integrity of Archaeological Collections and their Application in Scientific and Public Spheres

Yutina T.K. *(Izhevsk, Russian Federation)* Archaeological Collections of Museums And Universities: opportunities to popularize historical and cultural heritage 48

Kazantseva O.A. *(Izhevsk, Russian Federation)* Divide or Study (The Integrity of Archaeological Collections: Opportunities and Challenges of Scientific Research) 57

Baranov V.S. *(Kazan, Russian Federation)* The Integrity of Archaeological Collections in Museum Storage: the "Desobjectivation" Effect..... 66

Kamaleev E.V. *(Ufa, Russian Federation)* Catalogization of Archaeological Collections in Museums on the Example of the Catalogs of R.G. Kuzeev Institute Of Ethnological Studie..... 75

Issues of Museumification of Archaeological Sites

Gubaidullin A.M. *(Kazan, Russian Federation)*
Museumfaction of Fortification Sites 81

Shakirov Z.G. *(Kazan, Russian Federation)* Issues of Studying and Museufication of Archaeologized Sites of Bilyar Settlement 83

Bugarchev A.I., Singatullina A.Z. *(Kazan, Russian Federation)*
Khan Pulad Coins Issued at the Bulgar Al-Jadid Mint (Based on Izmerievsky Hoard Materials from the National Museum of the Republic Of Tatarstan)..... 94

Interdisciplinary Research in Archaeology: Achievements and Challenges

Vorobieva E.E., Golubeva E.N. *(Kazan, Russian Federation)*
Proceedings of the 6th International Archaeological School 99

Vinnikova V.E. *(Minks, Republic of Belarus)*
History of the Establishment of Anthropological Science in Belarus 113

Vtyurina K.N., Chetvertakov E.V. *(Nizhny Novgorod, Russian Federation)* Example of Wound Ballistics Based on Information Obtained from Staroselsky Teryukhansky Burial Ground 117

Karetnikov A.L. *(Rostov, Russian Federation)*
Egora Svyatoy Marii (Hill Of St. Mary) Site in the Vicinity of Rostov the Great: results and prospects of interdisciplinary studies..... 123

Kashchey O.A. *(Kazan, Russian Federation)* Analysis of the Condition of Karakiyasay Petroglyph Complex and Determination of Its Conservation and Preservation Objectives 129

Krutikova K.A. *(Irkutsk, Russian Federation)*
Bone Spires from the Early Neolithic Burial Complexes of Ust-Belaya and Kitoi Burial Grounds (Southern Angara Region) 141

Kuptsova M.S. *(Elabuga, Russian Federation)*
Kama-Ural Component in the Ceramic Complex of the Staroromashkinsky Settlement..... 146

Kutuzova D.O. *(Yoshkar-Ola, Russian Federation)*
Beads from Mari-Lugovskoy Burial Ground 151

Makarova Yu.V. *(Elabuga, Russian Federation)* Reflection of the Spiritual Culture of Ananyino Population in the Materials of Lugovskoy Burial Ground 157

Nefyodova M.V. *(Velikiy Novgorod, Russian Federation)*
Technological Aspects of the Leather Tanning Materials: XRF application experience (based on the excavations in the Khlynov Kremlin 164

Provotorov E.V. *(Kursk, Russian Federation)*
New Archaeological Studies in the Territory of Orel..... 171

Smertin P.R. *(Perm, Russian Federation)* Comparison of the Paleodemographic Indicators of the Burial Grounds of Lomovatovskaya and Nevolinskaya Cultures 177

Solod Yu.A., Davydov R.V. *(Novosibirsk, Russian Federation)* Toreutics with Inlays from the Burials of Yenisei Kyrgyz Population: preservation factors in view of the further research ... 187

Toreniyazov A.Z. *(Nukus, Republic of Uzbekistan)*
Analysis of the Hums Collection of Tashkerman-Tepe 196

Troitsky S.O. *(Moscow, Russian Federation)* New Information on the Craft Complexes Related to the Processing of Ferrous Metals from the Excavations of Staraya Ryazan Settlement..... 215

Utyagulova R.R. *(Kazan, Russian Federation)* Early Import in the Materials of Bilyar Settlement (on the example of the "Sari" type of ceramics) 221

Khamidov O.A. *(Samarkand, Republic of Uzbekistan)*
New Irrigational Region in Northern Bactria of the Late Bronze and Early Iron Ages 225

Khramtsov M.V. *(Yekaterinburg, Russian Federation)*
The Areal of Boborykinskaya Culture in View of the Recent Discoveries 229

Ahmed Motawea Hussein Shaikhon *(Helwan, Egypt)*
Heritage Interpretation: analysis study of signage system at Deir El Medina archaeological site in Luxor, Egypt 234

Mohammad Abu Al Hasan, ASW Kurny *(Dhaka, Bangladesh)*
Archaeometallurgical Analysis Of Four Silver Coins From Four Different Mints Of Independent Sultans Of Bengal 251

Fedan P.V., Bogatova L.F., Burshneva S.G. *(Kazan, Russian Federation)*
Experience of Restorer Training under the "Conservation and Restoration of Archaeological Leather" Intensive Program under the "Restoration of Historical and Cultural Heritage" Master Course of Kazan (Volga Refion) Federal University..... 261

Scientific Workshop Resolution "Archaeologist And Museum: Dialogue On Eternal Issues" September 11-13, 2019, Kazan 268

List of Abbrevations 270

ПРЕДИСЛОВИЕ

11-13 сентября 2019 г. по инициативе Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, на базе Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, при поддержке фонда «История Отечества» и АНОО ВО "Институт культурного наследия и управления" в Казани состоялся Всероссийский научно-практический семинар «Археолог и музей: диалог о вечном», собравший археологов, музейных работников и специалистов по охране движимого археологического наследия.

В работе семинара приняли участие хранители музейных коллекций, главные хранители, ученые секретари, руководители и заведующие отделами музеев из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Челябинска, Севастополя, Астрахани, Ростова-на-Дону, Рязани, Ижевска, Уфы, Сургута, Тюмени, Тулы, Твери, Тотьмы, музеев-заповедников «Куликово поле» (Тульская область), «Танаис» (Ростовская область), «Казанский кремль» (Казань), представители руководства и научные сотрудники Института археологии РАН (Москва), Института археологии им. А.А. Халикова (Казань), Института международных отношений К(П)ФУ.

Целью семинара стала актуализация вопросов, связанных с решением проблем юридического и физического сохранения, а также дальнейшего использования археологических предметов и коллекций в государственных и негосударственных музеях РФ. Особое внимание в обсуждениях было уделено разработке возможных путей взаимодействия музейного и археологического сообществ, поискам согласованных и взаимоприемлемых решений в вопросах обеспечения целостности археологических собраний, их учета и сохранности.

Участники семинара обсудили проблемы состояния законодательной базы РФ по вопросам приема и передачи археологических предметов и коллекций в государственную часть музейного фонда РФ, особенности приема, хранения и учета индивидуального и массового археологического материала, антропологических, археозоологических и иных собраний, получаемых в результате археологических исследований. В процессе работы было уделено внимание вопросам особого статуса археологических коллекций, их целостности и систематизации, отмечена необходимость повсеместного создания депозитариев, как формы хранения археологических собраний с учетом международного опыта и современных российских разработок. Обсуждались особенности регистрации археологических предметов Госкаталоге, включение их в Государственный Музейный Фонд РФ и другие вопросы изучения, хранения и учета археологических предметов и коллекций.

В предлагаемом вашему вниманию разделе журнала «Археология евразийских степей» опубликована некоторая часть докладов семинара «Археолог и музей: диалог о вечном», дополненных и изложенных в формате научных статей. Структура подачи этих материалов согласована с программой семинара и теми проблемами, которые обсуждались на его заседаниях.

Раздел открывается статьями, рассматривающими наиболее общие вопросы хранения археологических коллекций и учитывающими опыт различных музейных учреждений в данной области. Особое внимание уделяется юридическим аспектам, истории формирования и особенностям хранения и учета.

С.Л. Воробьева, опираясь на опыт работы с археологическими коллекциями в Национальном музее Республики Башкортостан, характеризует многочисленные проблемы, возникающие при приеме и дальнейшем хранении археологических материалов в музее: от вопросов законодательства, до имеющих место проблем «единого понимания между археологами и музейными сотрудниками в вопросах значимости тех или иных предметов». В своей работе автор предлагает привлекать специалистов в конкретной области археологии для научной инвентаризации археологических предметов, а также представляет методические разработки алгоритмов приема в музей археологических коллекций.

Статья Н.Г. Набиуллина содержит подробный анализ находок археологических предметов и коллекций, обнаруженных на городище Джукетау X–XIV вв. и в его округе, упомянутых в разное время в литературе и отчетах исследователей памятника и хранящихся в различных музейных учреждениях Татарстана: Болгарском музее-заповеднике, Археологическом кабинете К(П)ФУ и др. Автором вводятся в научный оборот новые сведения об истории формирова-

ния коллекций, местах их хранения, уточняется и дополняется информация, ранее приведенная в публикациях. Большое внимание уделено судьбе Джукетаусского клада, найденного в 1924 г.

А.Б. Агаркова, исследуя историю формирования археологических коллекций Югры, отмечает ее тесную связь с изучением истории региона в XVIII – XIX вв. и последующее время. Вклад в комплектование археологических собраний внесли академические исследователи севера Западной Сибири, региональные общества по изучению края. Системный характер археологическое изучение региона приобретает с 1960-х гг., однако, по мнению автора, комплектование музейных фондов продолжает носить хаотичный характер, поэтому характерной чертой археологических фондов в музеях Югры является фрагментарность коллекций. В представленной статье изложены основные проблемы и принципы приема и учета археологических коллекций по опыту работы Сургутского краеведческого музея.

Предметом рассмотрения К.А. Руденко стали вопросы, связанные с хранением и экспонированием археологических артефактов в школьных и муниципальных музеях Республики Татарстан. Отмечая проблемы муниципальных музеев, связанные с их научной и методической поддержкой, особенно в деятельности по созданию экспозиций и работе с фондовыми коллекциями, автор видит их причину в отсутствии взаимодействия между археологами и сотрудниками музеев, а также не решенными в таких музеях вопросами хранения и научной обработки артефактов.

Следующий блок статей посвящен вопросам археологического музееведения, проблемам сохранения целостности археологических коллекций и их использования в научной и публичной сфере.

В статье Т. К. Ютиной рассматривается возможности археологических коллекций, как объектов не только археологических, но и музейных исследований. Автор отмечает сближение позиций археологии и музееведения в поисках возможных способов представления археологического наследия обществу и его научной интерпретации. Среди них она подробно разбирает: научные публикации, каталоги археологических коллекций, экспонирование археологического наследия, музеефикацию археологических памятников, Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. Сочетание этих форм обеспечивает презентацию археологического наследия – коллекций, памятников, отдельных артефактов, а также его популяризацию для граждан страны.

Целью статьи О.А. Казанцевой является рассмотрение вопроса целостности археологической коллекции. Анализируя ситуацию, при которой археологическая коллекция разделена между различными учреждениями, автор обращает внимание на трудности научного исследования коллекций для ученого. На вопрос о целостности коллекции автор однозначно отвечает положительно – музейная коллекция должна быть неделимой, независимо от статуса учреждения. Кроме того, О.А. Казанцева пишет о значительной роли этических норм в изучении и публикации археологической коллекции. Одной из важнейших задач для археологического и музейного сообщества является разработка и оформление норм профессиональной этики, регулирующих научную работу с археологическими коллекциями, уточнение правил пользования научными отчетами.

В.С. Баранов рассматривает вопрос целостности археологической коллекции с несколько иной стороны, видя опасность утраты информационных связей между предметами археологической коллекции, полевой и музейной документацией в процессе приема и дальнейшего хранения археологической коллекции в музее. Это может приводить к частичному или полному разрушению целостности археологической коллекции, что ведет к утрате археологическим объектом его информационных и источниковедческих характеристик и позиций. Возможное решение проблемы автор видит в разработке и создании системы учета, предполагающей особый подход к археологическим коллекциям, как музейным собраниям, обладающим только им одним присущими чертами.

Э.В. Камалеев обобщает опыт издания научных каталогов, подготовленных сотрудниками Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского исследовательского центра РАН, как неотъемлемую часть одной из основных функций музея – публичное представление музейных предметов и музейных коллекций. Автор знакомит читателя с различными изданиями Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ

РАН: научно-популярные каталоги, наборы открыток, путеводители, которые отражают историю академического музея.

Сразу две работы посвящены проблемам музеефикации археологических объектов. Данные вопросы приобретают все большую актуальность в связи с развитием на территории Республики Татарстан и в других регионах нашей страны историко-архитектурных музеев-заповедников, основную или значительную часть наследия которых, составляют предлагаемые к осмотру археологические объекты.

Учитывая выдающиеся возможности фортификационных сооружений для создания яркого и запоминающегося образа археологического памятника, А.М. Губайдуллиным предлагается методика реконструкции крепостных сооружений с целью их последующей музеефикации. В статье приводятся некоторые типы крепостных построек, а также способы определения их первоначального облика. Автором отмечаются различные технологические приемы их возведения в древности. Проблемы, которые возникают в процессе реконструкции дерево-земляных памятников фортификации, могут быть решены путем использования общетеоретических наработок, отраженные в целом ряде литературы, а также привлечения возможных аналогов.

В работе З.Г. Шакирова, на примере анализа существующего федерального и регионального законодательства, представлены проблемы сохранения и презентации археологизированных объектов, расположенных на территории Билярского городища, входящего в состав Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника. Отмечено, что качественное и количественное увеличение архитектурных объектов, которые могут отразить историю средневекового Биляра – крупнейшего городского центра домонгольской Волжской Булгарии, значительно расширят историко-культурный и туристический потенциал Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника.

Проблемы изучения археологических коллекций в музейных собраниях и решения отдельных вопросов на основе музейных коллекций представлены в статье А.И. Бугарчева и А.З. Сингатуллиной. Авторы рассматривают серебряные монеты хана Пулада, чеканенные на монетном дворе Булгар ал-Джадид – Новый Булгар из коллекции Измериевского клада Национального музея Республики Татарстан. Выделив из состава клада 43 монеты хана Пулада, и сравнив результаты исследования со значениями монет предыдущего эмитента – хана Шадибека из этого же клада, исследователи установили, что чекан монет Пулада осуществлялся по более низкому указному весу. Тем самым подтвердив замеченную А.Г. Мухамадиевым тенденцию к понижению указного веса у правителей Золотой Орды в XV в., которая продолжалась она до середины 1420-х гг.

Раздел завершается резолюцией, принятой участниками семинара «Археолог и музей: диалог о вечном». В этом документе сделаны предложения по целому ряду принципиальных вопросов, включая изменения и дополнения положений законодательства РФ, а также системы хранения и учета археологических коллекций.

Конструктивный диалог, состоявшийся в рамках семинара, позволил его участникам найти точки соприкосновения и выработать общую позицию по важнейшим вопросам сохранения археологического наследия нашей страны.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ, ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ХРАНЕНИЯ И УЧЕТА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

УДК 902/904

ПРИЕМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ В МУЗЕЯХ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

©2019 г. С.Л. Воробьева

В статье раскрывается проблема приема и учета археологических коллекций на основе опыта работы Национального музея Республики Башкортостан (г. Уфа), анализа музейного законодательства и законодательства в сфере сохранения объектов культурного наследия. Основные проблемы, возникающие при учете, хранении и научной инвентаризации археологических коллекций, связаны как с административными факторами – путаницей в самом законодательстве и недостаточным финансированием на реставрационные работы, расширение фондовых помещений и издание каталогов, так и с субъективным фактором – уровень научных описаний коллекций и их дальнейшее использование в экспозиционно-выставочной деятельности зависит от уровня образованности конкретных научных сотрудников музеев. Учитывая это, при вторичном учете или научной инвентаризации археологических коллекций, входящих в состав музейного собрания, необходимо привлекать специалистов в конкретной области археологии. В данной работе разработан алгоритм действий для приема археологических коллекций в музей.

Ключевые слова: археологическая коллекция, Национальный музей Республики Башкортостан, учет, музейная коллекция.

Национальный музей Республики Башкортостан (далее – НМ РБ) – старейший музей в Урало-Поволжье (основан в 1864 г.) и изначально задумывался своими создателями как краеведческий музей широкого профиля. Одним из основных направлений в работе учреждения во все годы существования было археологическое. На данный момент фонды археологии составляют одну треть от всего музейного собрания: 82436 единиц хранения (далее – ед.хр.) основного фонда (далее – ОФ) (в том числе 652 ед. хр. коллекции «Драгметаллы»), 24566 ед. хр. научно-вспомогательного фонда (далее – НВ), 97529 ед. хр. фонда временного хранения. Ежегодно основной фонд пополняются на 4–5 тыс. предметов. Более 800 коллекций из археологических раскопок и разведок представляют все эпохи и культуры от 500 тыс. лет назад до начала XX в. В коллекциях имеется как массовый материал (керамика, каменные изделия), так и уникальные предметы, в том числе и мирового значения (материалы раскопок пещеры Шульган-Таш, топор, изготовленный древними людьми 500 тыс. лет назад, импортные изделия – оружие, украшения, предметы утвари). К категории ценности «мирового значения и предметы из драгметаллов» относятся: 6634 ед. хр. Самые первые экспонаты поступили в фонды в последней четверти XIX в. – Куганакский клад из Стерлитамакского района – клад металлургов-язычников I тыс. до н. э. На сегодняшний день НМ РБ – единственный музей в регионе, принимающий массово археологический материал. В музее регистрацией предметов программе АС-Музей-3 (перенесение описаний из описи, предоставленной хранителем), фотографированием, регистрацией предметов в Государственном Каталоге РФ (далее – ГК РФ) занимаются отдельные люди. Основная проблема при приеме археологических коллекций в НМ РБ – это огромный объем при маленьком штате и нехватка площадей фондовых помещений.

Так, площадь фондового помещения «Археология» в НМ РБ составляет 50 кв. м на более чем двести тысяч находок.

Под археологическим предметом в музееведении следует понимать движимый объект, время возникновения которого превышает сто лет, найденный в ходе археологических раскопок, а также движимый объект, основным источником информации о котором независимо от обстоятельств его обнаружения являются археологические раскопки или находки (Воробьева С.Л., 2019, с. 13).

Опыт работы в фондах археологии позволил выделить следующие проблемы, возникающие при приеме и учете археологических коллекций в музеях:

– незнание или непонимание музейными сотрудниками законодательства об объектах археологического наследия (ОФ или НВ, формы собственности и т.д.);

– нежелание археологов сдавать коллекции с учетом требований музеев;

– желание археологов «закрепить коллекции за собой»;

– несовершенство российского законодательства, отсутствие подзаконных актов к Федеральному закону № 54 «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»;

– временной разрыв между археологическими работами и сдачей коллекции в музейный фонд;

– временной разрыв между поступлением коллекции, ее регистрацией и постановкой на учет, который ведет к утрате «научного потенциала», т. е. идет утрата полевой документации, полевых шифров, отдельных предметов;

– трата целостности археологической коллекции;

– минимизация консервационно-реставрационных работ;

– «нереальные» сроки размещения археологических фондов в ГК РФ;

– практическая невозможность проведения дополнительной аналитики после поступления предмета в музейный фонд, основанной на новых методах предметного материала: проведение радиоуглеродного датирования (прежде всего прямого), генетических анализов;

– низкая квалификация хранителей археологических фондов, маленький штат;

– проблема приема и учета, хранения антропологических, археозоологических материалов и т. д.;

– отсутствие единого терминологического аппарата для описания предметов;

– хаотичная организация учета и хранения всех археологических материалов (практически каждый музей разрабатывает свою систему учета коллекций);

– проблемы каталогизации археологических коллекций;

– невозможность приобретения (в том числе и на безвозмездной основе) археологических коллекций у частных лиц;

– проблема легализации случайных находок;

– отсутствие необходимых площадей для хранения;

– «захват» археологическими коллекциями фондов музеев краеведческого профиля;

– отсутствие единого понимания между археологами и музейными сотрудниками в вопросах значимости тех или иных предметов.

Законодательство закрепляет процедуру передачи археологических коллекций в музеи РФ: Исполнитель археологических полевых работ – физическое лицо, проводившее археологические полевые работы, и юридическое лицо, в трудовых отношениях с которым состоит такое физическое лицо, в течение трех лет со дня окончания срока действия разрешения (открытого листа) обязаны передать в порядке, установленном федеральным органом охраны объектов культурного наследия, все изъятые археологические предметы (включая антропогенные, антропологические, палеозоологические, палеоботанические и иные объекты, имеющие историко-культурную ценность) в государственную часть Музейного фонда РФ (далее – МФ РФ). Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере культуры и культурного наследия (в данный момент – Министерство культуры РФ, далее – МК РФ), обязан обеспечить прием всех изъятых при проведении археологических полевых работ археологических предметов на постоянное хранение в государственную часть МФ РФ (Федеральный закон № 73, ст. 45.13).

Необходимо учитывать, что музеи и аналогичные учреждения не могут приобре-

тать объекты археологического наследия, в отношении которых существует подозрение, что они получены в результате неконтролируемых находок, незаконных раскопок или незаконных действий в ходе официальных раскопок (Европейская конвенция, ст. 10.iii).

В случае выявления исторических древностей в процессе каких-либо земляных работ, строители, так же как и просто частные лица, обязаны приостановить хозяйственные работы и вызвать специалистов для обследования выявленного археологического памятника. При этом следует отметить, что археологические раскопки финансируются хозяйствующим субъектом, в результате деятельности которого возникает угроза уничтожения археологического памятника (Приказ Министерства культуры № 2877).

В то же время не исключено и случайное обнаружение археологических предметов и последующая их передача в музей. В этом случае, поступление любого предмета в фонды музея, как это и предписано общими инструктивными требованиями, сопровождается максимальной информацией о нем.

Лицо, обнаружившее археологический предмет в процессе хозяйственных работ и уклонившееся от обязанности передать ее государству, может быть привлечено к уголовной ответственности только в случае обнаружения «культурных ценностей в крупном размере» (т. е. если их стоимость превышает 100000 рублей) (Уголовный кодекс РФ…, ст. 243.3). К административной ответственности привлекаются исполнители земляных, строительных, хозяйственных и иных работ, обнаружившие культурные ценности в результате таких работ, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния. Физическим лицам будет грозить наказание в размере от 1500 до 2500 рублей (Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, ст. 7.33).

В соответствии с Приказом Министерства культуры от 27 ноября 2015 г. № 2877, музейные сотрудники обязаны проинформировать орган государственной власти субъекта РФ, уполномоченный в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (в РБ это Управление по государственной охране объектов культурного наследия РБ) о том, что им принесли для передачи археологические предметы, найденные случайно. Орган исполнительной власти, в свою очередь, организует работу по выявлению наличия или отсутствия на месте нахождения предметов археологического объекта и сообщает музею порядок дальнейших действий, в том числе, о возможности проведения экспертной фондово-закупочной комиссии (далее – ЭФЗК) для включения предмета в МФ РФ (Приказ Министерства культуры № 2877). Такая практика имеется в НМ РБ.

Федеральным законом (далее – ФЗ) от 23 июля 2013 г. № 245 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» в ч. 3 ст. 8 предусматривает, что физические и юридические лица, владеющие археологическими предметами, вправе помимо передачи их государству и универсального правопреемства отчуждать археологические предметы в порядке, установленном законодательством РФ о МФ РФ и музеях в РФ, при условии включения указанных археологических предметов не позднее 1 сентября 2016 г. в состав негосударственной части МФ РФ (Федеральный закон № 245).

Включение археологических предметов в состав негосударственной части музейного фонда производится на основании заявления собственника предмета федеральным органом исполнительной власти после проведения соответствующей экспертизы (Федеральный закон № 54, ст. 8, 20). Для этого владельцы археологических предметов обязаны были получить на него заключение эксперта и зарегистрировать эту коллекцию или предмет. В таком случае предмет (или предметы) можно было хранить у себя, но при этом их нужно реставрировать и обеспечить надлежащие условия. В любое время наличие этого предмета (предметов) и его сохранность могут проверить.

Владельцы археологических предметов, не оформившие свои коллекции как часть негосударственного МФ РФ, обязаны были сдать их в музеи.

Для того, чтобы предметы, находящиеся во владении, получили статус «археологических предметов», только экспертиза может выяснить из какого именно зарегистрированного объекта археологического наследия был изъят исследуемый артефакт, либо доказать что этот предмет был обнаружен случайно. Однако если сам факт находки не был задокументирован, включая состав клада и архе-

ологический контекст, то ни один специалист не возьмется с уверенностью ответить на этот вопрос без документального свидетельства. Частное лицо, приобретая какой-либо старинный предмет, не обязано было задумываться об обстоятельствах его обнаружения, поскольку археологические предметы появились в правовом поле лишь с принятием ФЗ № 245 (ФЗ № 245). Учитывая, что коллекционирование археологических предметов в России имеет продолжительную историю (с начала XVIII в.), то такие коллекции у многих являются частью семейных реликвий. Поэтому, рассуждать о незаконном происхождении коллекций археологических предметов сложно, т.к. установить истинный источник их приобретения не всегда представляется возможным. К тому же после изъятия археологического предмета из земли невозможно доказать, что он был обнаружен в процессе каких-либо земляных работ и тем более, что закон предусматривает возможность владения археологическими предметами физическими лицами (Зубенко, Чиконова, с. 88).

Принятая в июне 2016 г. новая редакция ФЗ № 54 дает следующее определение МФ РФ: «Музейный фонд Российской Федерации – совокупность подлежащих государственному учету и постоянно находящихся на территории Российской Федерации музейных предметов и музейных коллекций, гражданский оборот которых допускается с соблюдением ограничений, установленных настоящим Федеральным законом» (Федеральный закон № 54, ст. 3). Музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав МФ РФ, могут находиться в государственной, муниципальной, частной или иных формах собственности и независимо от того, в чьей собственности или во владении они находятся, подлежат государственному учету.

Некоторые документы с вступлением в силу нового Закона в настоящее время утратили силу. Например, процедура включения в МФ РФ, действующая до вступления в силу Федеральный закон № 357 от 03. 07. 2016 г., с 01. 01. 2017 отменена.

Так как, согласно ФЗ № 54, основной фонд музея представляет собой совокупность зарегистрированных в Главной инвентарной книге (далее – ГИК) (Книге Поступлений (далее – КП) ОФ музея и хранящихся в музее, иной организации музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав МФ РФ (Федеральный закон № 54, ст. 6), то из это вытекает, что все археологические коллекции, полученные в результате археологических раскопок после 1 января 2017 г. (с момента вступления в силу ФЗ № 54) должны быть внесены в ОФ музея.

Любой предмет из МФ РФ как предмет материального мира является вещью в правовом отношении. И не просто вещью, а вещью, на которую могут распространяться имущественные права, т. е. имуществом.

Тем не менее, законодатель избегает прямого определения музейного предмета как имущества, но в статье 4 ФЗ № 54 косвенно указывает на это. Там, в частности, говорится об осуществлении органами исполнительной власти РФ имущественных прав и обязанностей в отношении музейных предметов и коллекций. По-видимому, такая постановка вопроса исторически обусловлена традиционным аксиологическим аспектом, т. е. предмет МФ РФ представляется как нечто, обладающее только культурной ценностью.

В юридической литературе имущество определяется как совокупность вещей (т. е. предметов материального мира), представляющих ценность для человека, которые находятся в собственности физического, юридического лица или публично-правового образования, а также имущественных прав на получение вещей или удовлетворения от других лиц. Предмет МФ РФ вполне подходит под это определение (Зубенко, Чиконова, с. 56).

МФ РФ разделяется на две составные части: государственную часть и негосударственную часть. Государственная часть МФ РФ состоит из предметов ОФ, являющихся федеральной и республиканской собственностью, независимо от формы собственности самого музея.

В соответствии со статьей 13 Федерального закона № 54: «В состав государственной части МФ РФ входят музейные предметы и музейные коллекции, находящиеся в федеральной собственности и в собственности субъектов РФ, независимо от того, в чьем владении они находятся» (Федеральный закон № 54, ст. 13).

Форма собственности для объектов археологического наследия законодательно закреплена: «Объекты археологического наследия, а также все археологические предметы, залегающие на поверхности земли, в земле

или под водой, находятся в государственной собственности» (Федеральный закон № 73, ст. 49.3). К государственной собственности относятся федеральная собственность, собственность субъектов РФ и муниципальная собственность. Вроде бы это не противоречит музейному законодательству, согласно которому для предметов археологии определены следующие виды собственности в зависимости от того, в каком музее они хранятся (Федеральный закон № 54, ст. 14):

1) для федеральных музеев собственность на археологические коллекции федеральная, независимо от времени их поступления в музей;

2) для музеев субъектов РФ до 26.05.1996 г. – федеральная, с 27.05.1996 г. по настоящее время предметы археологии относятся к собственности субъектов РФ, если не передавались по договору в Министерство культуры Российской Федерации. С 01.01.2017 г. форма договора согласуется с Минюстом;

3) для муниципальных музеев до 26.05.1996 г. – федеральная, с 27.05.1996 г. по 22. 07. 2013 г. – муниципальная, с 23.07.2013 г. и по настоящее время – федеральная.

Но, на наш взгляд, это в некоторых случаях противоречит другим нормативно-правовым актам. Сами объекты археологического наследия, вместе с найденными на них предметами, являются объектами культурного наследия федерального значения (Федеральный закон № 73, ст. 4). Согласно сведениям из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, опубликованным в открытом доступе на портале Министерства культуры РФ, объекты археологического наследия определены как объекты «федерального значения» (в графе Категория историко-культурного значения), а так как «Под объектом археологического наследия понимаются частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки. Объектами археологического наследия являются, в том числе, городища, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, стоянки, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древних укреплений, производств, каналов, судов, дорог, места совершения древних религиозных обрядов, отнесенные к объектам археологического наследия культурные слои» (Федеральный закон № 73, ст. 3), то при отнесении предметов археологии, происходящих с объекта археологического наследия к нефедеральной форме собственности, противоречит нормам права – в данном случае два равных по статусу закона – ФЗ № 373 и ФЗ № 54 противоречат друг другу. Получается, что предмет, являющийся в момент залегания в земле в федеральной собственности, при извлечении его из земли, по ФЗ № 54, должен быть отчужден из федеральной собственности и стать, например, собственностью субъекта РФ. Поэтому, на наш взгляд, если предметы археологии происходят из объектов археологического наследия, для которых в момент их обнаружения определена форма собственности как федеральная, не могут при передаче в музей потерять форму собственности. Другое дело, что для случайных находок, не «привязных» к конкретному археологическому объекту, форма собственности определяется в зависимости от статуса музея.

Таким образом, все археологические коллекции, полученные в ходе археологических раскопок, являются федеральной собственностью.

В состав негосударственной части МФ РФ входят археологические предметы / коллекции, которые были зарегистрированы до 1 сентября 2016 г. (Федеральный закон № 245). В РБ, насколько нам известно, не зарегистрировано ни одного такого предмета или коллекции. Если подобные предметы по каким-то причинам поступят в тот или иной государственный музей на постоянное хранение, то они могут быть включены как в основной, так и в НВ (на основании решения ЭФЗК). Тогда их форма собственности будет зависеть от того, за счет каких средств они поступили в музей (по договору дарения, купленные на средства федерального бюджета или средства регионального бюджета). Они, также как и предметы государственной части МФ РФ, не могут быть вывезены за пределы РФ (Закон РФ «О ввозе и вывозе», ст. 35.1).

Все музейные предметы, в том числе и археологические коллекции, подлежат регистрации в два этапа: Регистрация в ГИК (КП ОФ) и КП НВФ и регистрации в Госкаталоге.

При регистрации в Госкаталоге для музейных артефактов необходимо определить их культурную ценность. Есть следующие категории:

– Культурные ценности мирового значения и музейные предметы из драгоценных металлов.

– Культурные ценности общероссийского значения.

– Культурные ценности, имеющие значения для народов России.

Выбор категории – полномочие ЭФЗК.

Так как археологические коллекции, происходящие с памятников археологии, являются федеральной собственностью, они могут быть отнесены только к культурным ценностям общероссийского значения. Отдельные предметы из коллекций по заключению эксперта или специалиста могут быть отнесены к категории культурных ценностей мирового значения. Предметы из драгоценных металлов и драгоценных камней могут относиться к первой категории культурных ценностей только после получения Акта экспертизы опробования предметов в государственной инспекции Пробирного надзора (Приказ Минкультуры СССР № 513.., п. IV).

Для археологических предметов / коллекций, которые были зарегистрированы до 1 сентября 2016 г. в составе негосударственной части МФ РФ форма собственности определяется на заседании ЭФЗК и может быть определена в любом из трех вариантов. То же самое и для предметов, имеющих, форму собственности субъекта РФ или муниципалитета. В данном случае все зависит от ценности конкретного предмета.

Еще раз отметим, что все археологические предметы не подлежат вывозу без обязательства их обратного ввоза (Закон РФ «О ввозе и вывозе», ст. 35.1).

Перечень фондов, в которые входят музейные предметы и музейные коллекции, иные предметы и документы, образующие собрание музея, устанавливается едиными правилами.

В соответствии со статьей 6 ФЗ № 54, государственный учет музейных предметов и музейных коллекций состоит из первичного и централизованного государственного учета. Первичный учет включает в себя экспертизу культурных ценностей, которая проводится уполномоченным коллегиальным органом музея (ЭФЗК) (Федеральный закон № 54, ст. 6).

Регистрация производится на основании приказа руководителя музея в срок не более 30 календарных дней со дня утверждения результатов экспертизы. Для осуществления первичной регистрации сведения о музейных предметах и музейных коллекциях вносятся в ГИК (КП ОФ) музея, порядковый номер записи в которой является неотъемлемым учетным обозначением музейного предмета или музейной коллекции.

Централизованный учет включает в себя внесение не позднее 120 дней с момента приказа директора сведений о музейных предметах и музейных коллекциях, подлежащих включению в состав МФ РФ, в Госкаталог и присвоение каждому музейному предмету и каждой музейной коллекции уникального идентификационного номера.

Музейные предметы и музейные коллекции считаются включенными в состав МФ РФ со дня их регистрации в Госкаталоге (Федеральный закон № 54, ст. 7).

Процедура включения музейных предметов, в том числе и археологических, описана в различных пособиях и монографиях (Брюшкова, 2006, 2007, 2010; Глызина, 2002; Кулеченко, 2003, с. 4–18; Лушникова, 2010; Мещерякова, 2006; Мильцев, 2005, с. 6–11; Музееведение.., 2010, с. 86–91; Музейное дело России…, 2003; Прокофьев, 2014, с. 9–11; Схема поступления экспоната…, 2004; Шестаков, 2009; Юмашева, 2012; Юренева, 2004, с. 383–391).

Но для приема археологических коллекций есть свои особенности, связанные с соблюдением ФЗ № 73 (Федеральный закон № 73). Коллекции, полученные в ходе археологических раскопок с момента принятия закона, должны быть включены в государственную часть МФ РФ в течение трех лет с момента проведения раскопок, поэтому при поступлении предметов после истечения этого срока, необходимо внести в протокол ЭФЗК запись о том, что коллекции приняты с нарушением.

Материалы археологических экспедиций передаче на временное хранение не подлежат (Приказ Минкультуры СССР № 290[1], п. 93, примечание).

Как уже отмечалось, археологические материалы попадают в музей разными путями. Наиболее распространенный способ

[1] Закон действует до 31. 12. 2019 г.

поступления – найденные во время разведок или стационарных раскопок. В таких коллекциях известны название памятника (или экспедиции, ведущей работы на памятнике), номер раскапывавшегося участка, детальные сведения о месте находки (место на плане, указание глубины), дата находки и фамилия человека, зарегистрировавшего ее. Другой способ пополнения фонда – передача в музеи предметов из случайных находок частными лицами и государственными учреждениями, не имеющими отношения к археологической деятельности. В этих случаях, необходимо, чтобы передача осуществлялась под контролем местного органа управления по охране объектов культурного наследия.

По окончании полевых работ и камеральной обработки исследователь сдает полученный материал в музей вместе с полевой, коллекционной описями и полным экземпляром научного отчета с иллюстрациями. Выданный музеем Акт приема на постоянное хранение представляется в Институт археологии РАН и служит основанием для получения разрешения на проведение полевых работ в следующем году.

После поступления археологической коллекции в музей хранителю фондов необходимо провести работу по ее описанию, в которое входит: краткое описание коллекции с внесением его в ГИК (КП ОФ), составление карточек первичного учета на коллекцию, внесение изменений в топографические описи фондового помещения, а также составление коллекционной описи с подробным описанием каждого предмета, входящего в состав коллекции.

Учет археологических материалов из раскопок/разведок

Все археологические материалы, поступающие в музей из раскопок и разведок, на время их подготовки к записи в книги поступлений принимаются по акту на временное хранение, а затем на постоянное хранение на основании полевой и коллекционных описей (один экземпляр отдается археологу). К описям также прилагается список наиболее значимых находок, в которой обязательны ссылки на номера предметов в описи.

Предметы из драгоценных металлов и камней до проведения апробации записываются как предметы из «белого», «цветного» металла, с «цветными вставками». Внесенные в список предметы хранятся в отдельной упаковке и проверяются в момент составления акта попредметно. Остальной материал до полной сверки с полевой описью принимается суммарно по ящикам, коробкам и другим видам упаковки.

Для археологов, процедура передачи предметов в музей включает следующие основные моменты:

1. Проведение археологических раскопок и обработка материала.

В Положении о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации (Положение, 2018, пп. 4.32–4.33, с. 24) сказано, что собранные индивидуальные археологические находки вносятся в полевую опись (см. приложение 1 – глоссарий). Каждая находка упаковывается и снабжается этикеткой с указанием года исследования и точного места происхождения каждого предмета или фрагмента (памятник, раскоп, участок, номер находки и наименование, пласт, слой, квадрат, нивелировочная отметка, яма (№), погребение (№), сооружение (№), иные условия обнаружения). Весь массовый материал (фрагменты керамики, кости животных и рыб, шлаки и прочее), характеризующий содержание и состояние культурного слоя, описывается и фиксируется по квадратам и объектам раскопа в статистических таблицах, составленных в соответствии с примененной методикой археологических раскопок объекта археологического наследия (по слоям и (или) пластам). Для наиболее информативной части массового материала составляется полевая опись.

В дальнейшем на основании полевых описей формируется коллекционная(ые) опись(и) археологических предметов, передаваемых на хранение в государственную часть Музейного фонда РФ.

Держатель разрешения (открытого листа) обеспечивает правильную упаковку, транспортировку и хранение коллекций до их передачи в музей в соответствии с действующим законодательством.

В зависимости от степени изученности и сохранности объекта археологического наследия и характера материала, исследователь вправе отобрать часть массового археологического материала, которая может быть оставлена на месте полевых работ. Указанный материал должен быть сфотографирован, зафиксирован в дневнике, представлен в научном отчете о выполненных археологиче-

ских полевых работах и закопан на исследованной территории объекта археологического наследия с точным указанием этого места на плане. При проведении подводных исследований объектов археологического наследия при условии отсутствия возможностей для первичной стабилизации и реставрации находок рекомендуется не извлекать их из стабильной среды, а при угрозе их сохранности на месте выявления допускается их «захоронение» в специальном контейнере с указанием его места и географических координат в отчетной документации.

Рекомендуется полное определение всего остеологического материала, собранного в процессе археологических раскопок. В противном случае для определения следует отбирать остеологический материал из непотревоженных стратифицированных культурных напластований и закрытых комплексов. Отбор остеологических материалов для постоянного музейного хранения производится по рекомендации специалиста-палеозоолога.

2. Необходимо на имя директора музея вначале направить письмо о передаче предметов в музейный фонд.

3. Подготовка коллекционной описи с подробным описанием каждого предмета: 1 предмет = 1 строке в описи. У каждого предмета указывается размер и датировка (для разновременных предметов), либо одна датировка на все. Можно объединять только развалы сосудов, развалы одной кости, кости скелета от одного индивида, сломанные части одного предмета (например, нож, разломанный пополам). В этих случаях пишется общий размер предмета или размер фрагментов одного сосуда. Когда предмет склеен – его количество равно одному. В описи обязательно указывается сохранность каждого предмета и его местонахождение на памятнике.

На предметы ставится полевой шифр (без номера) с указанием памятника и года раскопок / разведки. (Например: Шипово, 1999 или Шип., 1999). К маленькому предмету крепится бирка на веревке или леске.

Каждый предмет необходимо положить в отдельный пакет (для долговременного хранения используются пакеты из крафт-бумаги или микалентной бумаги). В пакет нужно положить бирку с номером предмета по описи.

Запрещается объединять предметы из разных памятников в одну опись: предметы с одного памятника – это одна коллекция, с другого – другая, в этом случае нумерация начинается заново.

Человеческие останки должны быть определены антропологами (пол, возраст), они только после этого передаются в музей вместе с другими находками и включаются в коллекционную опись в последнюю очередь (в конце описи). Обязательно указание имени, места работы и ученого звания специалиста-антрополога, который дал определение. Антропологический материал передается по костякам. Один скелет вместе с черепом – это один предмет. Размеры для антропологических остатков в коллекционной описи не указываются. Каждый скелет вместе с черепом укладывается в отдельную коробку из крафт-картона, желательно разделить (бумагой) левые и правые кости рук и ног. При транспортировке возможно упаковать несколько черепов в одну коробку.

Отбор остеологических материалов для постоянного музейного хранения должен производиться по рекомендации специалиста-палеозоолога (обязательно указание имени, места работы и ученого звания данного специалиста). Остеологический материал также прописывается в конце.

Опись рекомендуется составлять в следующем порядке: индивидуальные находки, массовый материал (предметы, которые предположительно изготовлены из драгоценных металлов, предметы быта и этнографии из металла, керамики, камней), далее – остеологический (палеозолоогический) материал, не несущий следы обработки, антропологический материал, манупорты.

Для коллекций, которые много лет были на хранении в научных фондах или лаборатории юридического лица, номер открытого листа, подробное обстоятельство ее нахождения может быть неизвестно. В этом случае описывается только то, что достоверно известно.

3. В музей поступают описи вместе с копией научного отчета, заверенная в организации, где работает археолог. В отчете обязательно должна быть копия Открытого листа, также заверенная в организации. Полевая опись учитывается и «Книге регистрации полевых и коллекционных описей», которая хранится в отделе / секторе / учета или у

хранителя фондов и получает свой порядковый номер.

4. На основании коллекционной описи составляется Акт приема на постоянное (временное) хранение до протокола ЭФЗК и один экземпляр Акта отдается археологу. Копия Научного отчета должна совпадать с оригиналом отчета, предоставляемого в отдел Полевых исследований РАН (г. Москва). Акты приема на временное хранение оформляются в установленном инструкцией по учету и хранению порядке (Внутримузейная инструкция.., 2007).

Для больших коллекций ЭФЗК, рассматривая вопрос о принятии вновь поступающих материалов на хранение, устанавливает срок, в течение которого данный материал необходимо проверить по коллекционной описи и подготовить к последующей записи в КП на постоянное хранение.

После проверки предметов по коллекционной описи, осуществленных научными сотрудниками музея, ЭФЗК рассматривает этот материал, определяет его в ОФ (для археологических коллекций, полученных с 2002 г. по сегодняшний день) и принимает решение о принятии поступлений на ответственное хранение. Раньше в ОФ записывались только целые предметы и все материалы с малоисследованных памятников, из погребений и закрытых комплексов, а также определенная часть массового материала, которая несет научную информации о данном памятнике, сейчас в ОФ поступает и массовый материал, который будет включен археологом в коллекционную опись.

Далее с коллекцией работает хранитель фондов Археологии, которому она передается на основании Акта на ответственное хранение.

Регистрация коллекции на постоянное хранение в ГИК (КП ОФ) каждой коллекции производится под одним номером – порядковым номером данной книги. Номер присваивается всей коллекции один, а каждый входящий в нее предмет получает дробный номер: в числителе – номер коллекции по ГИК (КП ОФ), а в знаменателе – номер музейного предмета по данной полевой или коллекционной описи (например: 165/3). Коллекции, состоящей только из одного предмета, присваивается также отдельный номер.

Необходимо дать краткое название коллекции, которое начинается с имени существительного. В названии содержатся сведения о памятнике, авторе и месте (необходимо указать район исследования) раскопок, культурной принадлежности, акт приема от исследователя. Обязательно указываются полные фамилии, имя исследователя, его должность, номер открытого листа, год раскопок. После указания всех сведений о памятнике, дается краткая характеристика коллекции с названием предметов и их количеством в скобках. Обязательно определяется датировка в узких или широких интервалах.

Для первичного учета составляются учетные карточки в двух экземплярах (один экземпляр отдается на хранение главному хранителю или в отдел учета музея, второй обязательно хранится в фонде).

После поступления коллекции в фонд, хранитель составляет коллекционную опись, на основании которой предметы регистрируются в Госкаталоге. Коллекционная опись подписывается составителем (ответственный хранитель или научный сотрудник одного из отделов) и утверждает директором музея. Опись может быть дополнительно проверена заведующим научным отделом или ответственным хранителем (или заведующим фондами археологии). Все описи имеют порядковый номер, регистрируются в Каталоге коллекционных описей, один экземпляр отдается на хранение главному хранителю или в отдел учета музея, второй обязательно хранится в фонде.

Далее предметы фотографируются и регистрируются в Госкаталоге по описаниям, занесенным в коллекционную опись.

Учет археологических предметов из «случайных находок»

«Случайными находками» считаются все археологические предметы, найденные не в процессе стационарных археологических раскопок или целенаправленных разведок, а в результате земляных, строительных или иных работ, а также на поверхности земли, в обрывах, размывах берегов рек и т.п. Как правило, это одиночные предметы или небольшие группы находок, передаваемые частными лицами или представителями строительных организаций. Эта форма поступлений не дает массового увеличения МФ РФ, но пополняет музей интересными, подчас уникальными предметами и указывает на местонахождение новых археологических памятников.

Первым этапом оформления документации на такие поступления является составление акта приема на временное хранение. В акте перечисляются все предметы, дается их описание, указываются размеры и степень сохранности. При передаче нескольких предметов, описание их также может бать суммарным, а к акту прилагается коллекционная опись, как в случаях передачи коллекций из раскопок. В акте и описи указывается по возможности точное место находки, адрес лица, произведшего находку, и адрес лица, передающего коллекцию или предмет.

После уведомления органа государственной охраны объектов культурного наследия (Управление по государственной охране объектов культурного наследия РБ) о находках и получения ответа, на ЭФЗК принимается решение о включении предмета в ОФ музея.

Далее коллекция /предмет / регистрируется в книге поступлений в установленном порядке и описываются по тому же принципу, что и коллекции, поступившие в результате археологических раскопок – составляются карточки первичного учета, коллекционные описи, предметы фотографируются и регистрируются в Госкаталоге.

Практика показала, что, даже выполняя основные положения инструкции, принимая в музей тот или иной предмет, зачастую забывают отразить чисто специфическую археологическую информацию об условиях местонахождения древнего артефакта. Для определения древности предмета, его культурной принадлежности, а также максимально достоверной его интерпретации важны условия обнаружения самого предмета. Поэтому необходимо обозначить, обнаружен ли предмет на поверхности или в слое земли на определенной глубине. Единичный ли это артефакт, или он обнаружен в составе коллекции. В последнем случае необходимо указать основные, наиболее выразительные изделия, помогающие уточнить культурную принадлежность и время бытования всего комплекса находок.

Археологические предметы, поступившие ранее в музейный фонд (в дореволюционное время, например) бывают беспаспортными (когда все нужные сведения утрачены). Для их регистрации в Госкаталоге сотрудникам музея необходимо провести трудоемкую работу по поиску полевой документации (можно сделать запрос в Архив Института Археологии РАН, Архив Института истории и материальной культуры РАН). Коллекции могли быть опубликованы, сведения о памятниках, обнаруженных ранее, могут содержаться в справочниках археологических объектов. При отсутствии в музее специалистов, способных определить датировку, необходимо их привлечь для консультации. При этом указываются только достоверные сведения.

Таким образом, процедура приема и учета археологических коллекций в музеях РФ должна учитывать, что:

1. Объекты археологического наследия, а также все археологические предметы, залегающие на поверхности земли, в земле или под водой, находятся в государственной собственности.

2. Археологическая коллекция – не делима.

3. Все предметы археологии поступают в Основной фонд музея.

4. Исполнитель археологических полевых работ обязан передать все изъятые археологические предметы (включая антропогенные, антропологические, палеозоологические, палеоботанические и иные объекты, имеющие историко-культурную ценность) в государственную часть МФ РФ.

5. Музеи и аналогичные учреждения не могут приобретать объекты археологического наследия, в отношении которых существует подозрение, что они получены в результате неконтролируемых находок, незаконных раскопок или незаконных действий в ходе официальных раскопок.

6. Описанием предметов должны заниматься специалисты, имеющие опыт работы с археологическим материалом. Для научного описания коллекций необходимо привлекать специалистов в конкретной области археологии (антропологов, археозоологов, востоковедов, медиевистов, этнокостюмологов и т. д.).

7. При описании коллекций, поступивших в музей до 2017 г., до их регистрации в Госкаталоге, они описываются фактически заново, все сомнительные данные, связанные с атрибуцией обсуждаются на ЭФЗК.

Проблемы, связанные с комплектованием, учетом и хранением археологических предметов, являются следствием отсутствия четкой нормативно-правовой базы, регулирующей эти процессы, а также наличием нестыковок в законодательстве.

ЛИТЕРАТУРА

Брюшкова Л.П. Учет и проверка наличия музейных ценностей. М.: Мир музея. 2006. 36 с.

Брюшкова Л.П. Учет и проверка наличия музейных ценностей. М.: Мир музея. 2007. № 2. 36 с.

Брюшкова Л.П. Об учетной деятельности в музеях // Музей. 2010. №7. С. 62−64.

Внутримузейная инструкция по учетно-хранительской работе Национального музея Республики Башкортостан / Сост. В. Я. Аллагуватова. Уфа: Национальный музей Республики Башкортостан, 2007. 25 с.

Воробьёва С.Л. Комплектование, учет, хранение и научное описание археологических коллекций в музеях: правовые аспекты и практический опыт. Научно-методическое пособие. Уфа: Национальный музей Республики Башкортостан, 2019. 160 с.

Глызина А.И. Учет фондов, учетная документация и хранение музейных предметов // Научно-фондовая работа в музее: Методическое пособие / Труды Красноярского краевого краеведческого музея. Вып. 1. / Под ред. А.И. Глызина, Л.Г. Михайлова. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2002. С. 4−17.

Европейская конвенция: Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) (ETS № 143). Ратифицирована РФ в 2011 г. URL: http://docs.cntd.ru/document/901809045. (Дата обращения 16.10.2019)

Закон Российской Федерации «О ввозе и вывозе культурных ценностей» от 15.04.1993 г. № 4804-1 (ред. от 28.12.2017 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2018 г.). URL: http://www.garant.ru. (Дата обращения 14.10.2019)

Зубенко Ю.С., Чиконова Л.В. Правовой режим археологических предметов, находящихся во владении частных лиц // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 87−98.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.08.2018 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2018 г.) // Гарант: правовая система. Доступно по URL: http://www.garant.ru.

Куреченко М.Е. Описание музейных предметов: основные элементы и образы. Методическое пособие (Издание 3-е, дополненное). М.: Государственный центральный музей современной истории, 2003. 39 с.

Лушникова А.В. Музееведение/музеология: конспект лекций для студ. очного и заочного отделений, обучающихся по специальности 071500 «Музейное дело и охрана памятников». Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2010. 334 с.

Мещерякова Е.В. Порядок учетно-хранительской работы в государственных музеях // Почтовые музеи: взгляд из прошлого в будущее / Отв. ред. М.:, 2006. С. 12−22. Доступно по URL: http://ns.rustelecom-museum.ru/objects/?ContainerID=7069&ContainerType=73&objectID=8981&langID=57

Мильцева Н.Н. Методические рекомендации «Структура, состав, учет и хранение музейных фондов» (для музеев образовательных учреждений). Нижний Новгород: Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, 2005. 33 с.

Музееведение: учебное пособие для студентов специальности 031502 – музеология / Под. ред. Н. В. Мягтиной; Владим. гос. ун-т. Владимир: Издательство Владим. гос. ун-та, 2010. 116 с.

Музейное дело России / Отв. ред М. Е. Каулен. М.: Издательство «ВК», 2003. 614 с.

Постановление Правительства РФ от 12 февраля 1998 г. № 179 «Об утверждении положений о Музейном фонде Российской Федерации, о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации, о лицензировании деятельности музеев в Российской Федерации» (в ред. Постановления Правительства РФ от 08.05.2002 г. № 302) // Гарант: правовая система. Доступно по URL: http://www.garant.ru.

Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2014 г. № 127 «Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия» // Гарант: правовая система. Доступно по URL: http://www.garant.ru.

Приказ Министерства культуры РФ № 2877: Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 27 ноября 2015 г. № 2877 «О порядке передачи государству археологических предметов, обнаруженных физическими и (или) юридическими лицами в результате проведения изыскательских, проектных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, указанных в статье 30 Федерального Закона от 25.06.2002 № 3-фз «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры)

народов Российской Федерации» работ по использованию лесов и иных работ» // Гарант: правовая система. Доступно по URL: http://www.garant.ru.

Приказ Министерства культуры РФ от 01.12.2017 г. «Об утверждении Положения о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации» // Гарант: правовая система. – Режим доступа: http://www.garant.ru.

Приказ Министерства культуры РФ от 15.01.2019 г. «Об утверждении Положения о Музейном фонде Российской Федерации» // Гарант: правовая система. Доступно по URL: http://www.garant.ru.

Приказ Минкультуры СССР от 15.12.1987 № 513 «Об инструкции по учету и хранению музейных ценностей из драгоценных металлов и драгоценных камней, находящихся в государственных музеях СССР». Доступно по URL: http://www.garant.ru.

Приказ Минкультуры СССР от 17.07.1985 № 290 «Об утверждении инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР». Доступно по URL: http://www.garant.ru.

Прокофьева Ю.В. Учет комплектов и многосоставных предметов. Нормативно-правовая база и ее применение на практике // Справочник руководителя Учреждения культуры. 2014. № 6 (июнь). С. 56−61.

Схема поступления экспоната в фонды музея на постоянное хранение (методическое пособие для молодых специалистов) / Пособие подготовлено методическим отделом НМ РБ. Уфа: Национальный музей Республики Башкортостан, 2004. 8 с.

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 3-ФЗ (ред. от 29.07.2018 г.) // Гарант: правовая система. Доступно по URL: http://www.garant.ru.

Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ред. от 03.08.2018 г.. Доступно по URL: http://www.garant.ru

Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2017 г.) Доступно по URL: http://www.garant.ru

Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». Доступно по URL: http://www.garant.ru

Шестаков В.А. Процедура включения культурных ценностей в состав музейного фонда РФ 2009. Доступно по URL: https://isomuseum.files.wordpress.com/2010/05/including-cultural-values.pdf. (дата обращения)

Юмашева Ю.Ю. Археографическое описание музейного предмета и его место в системе документации музея // Археография музейного предмета: материалы Междунар. науч. конф. Москва, 16–17 марта 2012 г. / Отв. ред. Д.А. Добровольский, Р.Б.Казаков, М.Ф.Румянцева. М.: РГГУ, 2012. С. 196−199.

Юренева Т.Ю. Музееведение: Учебник для высшей школы. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2004. 560 с.

Информация об авторе:

Воробьева Светлана Леонидовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия); sveta_legion@mail.ru

ACCEPTANCE OF ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS IN MUSEUMS: LEGAL ASPECTS AND FEATURES OF ACCOUNTING (AT THE EXAMPLE OF THE NATIONAL MUSEUM OF BASHKORTOSTAN)

S. L. Vorobyeva

The article reveals the issue of acceptance and accounting of archaeological collections based on the experience of the National Museum of the Republic of Bashkortostan (Ufa), an analysis of museum legislation and the legislation in the field of preservation of cultural heritage sites. The main issues arising during the accounting, storage and scientific description of archaeological collections associated with administrative factors, i.e. discrepancies in the legislation, and insufficient funding of restoration activities, extension of fund storage areas and catalog publication. Another subjective factor consists in the dependency of the level of scientific description of museum collections on the academic proficiency of the museum staff. With this in mind, secondary accounting or scientific description of archaeological collections deposited in a museum requires the involvement of experts in the particular fields of archaeology. This paper features an algorithm of activities during the acceptance of archaeological collections in a museum.

Keywords: archaeological collection, National Museum of Bashkortostan, accounting, museum collection.

About the Author:

Vorobyeva Svetlana L. Candidate of Historical Sciences. Bashkortostan National Museum, Sovetskaya Str.. 14, Ufa, 45008, Russian Federation; sveta_legion@mail.ru

УДК 902/904

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ ДЖУКЕТАУ

© 2019 г. Н.Г. Набиуллин

В публикации систематизируются данные по археологическим коллекциям вне фондов Музея археологии Татарстана из комплекса па-мятников Джукетау X–XIV вв. Вводятся в научный оборот новые сведе-ния об истории формирования коллекций, местах их хранения, уточня-ется и дополняется информация, приведенная в публикациях.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Улус Джучи, Золотая Орда, Джукетау, Т.А. Хлебникова, музей, археологическая коллекция.

Первые известные сведения об археологических находках из Джукетау отрывочны, описаны на уровне развития науки своего времени. Так, А.И. Артемьев сообщает, что на территории Жукотина «попадаются кирпичи, черепки, куски перегнившего дерева… куски перетопившегося стекла и обгорелые камни... я исходил все городище, отыскивая что-нибудь достойное замечания, но кроме черепков, не нашел ничего». Пастухи говорили А.И. Артемьеву, что на городище часто находят «неверные деньги»; одну медную монету А.И. Артемьев приобрел у ямщика («величиною она с двухкопеечник, но значительно тоньше его; по типу близка к халифским, надпись сделана куфическими буквами, и кажется одинаковая с обеих сторон») (Артемьев, с. 8–15).

По данным И.А. Износкова, на месте Жукотина «попадаются медные и серебряные татарские деньги, напрясла и небольшие глиняные сосуды...», среди последних небольшой глиняный шарообразный сосуд с шейкой и узким отверстием, разбитый и выброшенный ...» В с. Жукотино были приобретены четыре напрясла и три медные монеты[1] (Износков, 1879, с. 112, 113).

Н.А. Толмачев сообщает: «На поверхности я видел много красных черепков разбитой кухонной посуды ... деревенские дети находят иногда в окрестностях, особенно влево от оврага ... мелкие вещицы и изредка и татарские деньги». Проводник передал Н.А. Толмачеву девять монет[2] и перстень (утерян) (Толмачев, 1884, с. 24, 25).

П.А. Пономарев упоминает «черепки глиняных сосудов, железные обломки, куски окалины, «неверные денежки», кольца, наручники, таганы», серебряный браслет, серьги. В заложенной на городище траншее «… не нашли ничего, кроме мелких глиняных черепков, нескольких железных обломков и кусков окалины». При обходе дер. Донауровки со-браны небольшие «глиняный и железный сосуды», одиннадцать джучидских монет и др. (Пономарев, 1892, с. 473).

В «Отчетах Императорской археологической комиссии» сообщается, что «в числе случайных находок по Казанской губернии упоминается китайское зеркало с изображением драконов и других животных, найденное в овраге близ деревни Донауровки...». Это медное зеркало, найденное внучкой крестьянина И.Н. Шабаева Верою Алексеевной Михеевой, поступило в Археологическую комиссию в 1902 г. и передано в Государственный Эрмитаж в 1904 г. (ОАК 1902 г., 1904, с. 254; ОАК 1908 г., 1912, с. 140, 164).

В 1908 г. Археологическая комиссия получила 33 «серебряных восточных монеты», найденные крестьянином д. Донауровки Е.И. Бико-вым в поле крестьян с. Жукотино. Переданы в 1910 г. в Казанский городской музей[3] (ОАК 1908 г., 1912, с. 185; Федоров-Давыдов, 1960, № 57).

В том же году в Археологическую комиссию передано 542 серебряных золотоордынских монеты весом два фунта, найденные крестьянином с. Жукотино Андреем Маркеловым Романовым в своем поле. Основная часть передана в 1910 г. в Казанский городской музей, меньшая – в Херсонский музей

[1] В публикации есть указание – «По каталогу музея №№ 393-396».

[2] В сохранившихся вариантах черновых рукописей 10 монет (Толмачев, Путевые запис-ки по Чистопольскому уезду).

[3] См. также Центральный музей АТССР (ТАССР), Государственный музей ТАССР, Государственный объединённый музей ТАССР (РТ), Национальный музей РТ.

(ОАК 1908 г., 1912, с. 185; Федоров-Давыдов, 1960, № 58). Видимо, часть этого же клада была в количестве 71 монеты дослана в 1910 г. Археологической комиссией в Казанский городской музей (Федоров-Давыдов, 1963, № 58а).

К настоящему времени ранние коллекции разрознены, смешаны с другими коллекциями, утеряны сами предметы, а идентифицируемые как точно происходящие из Джукетау утеряли конкретные сведения об условиях их нахождения и поступления в фонды.

В том числе, скорее, уже нельзя идентифицировать немногочисленные находки с известными (старыми) инвентарными номерами. Например, в публикации И.А. Износкова есть ссылка «По каталогу музея № 393–396» (Износков, 1879, с. 112, 113).

Переданные в Казанский городской музей монеты из кладов и отдельные находки 1908-1909 гг. в Национальном музее РТ не выявляют-ся; инвентарные (?) номера («32, 227-232, 304»), указанные в Археологической карте Татарстана (АПЦЗ, №№ 397–399), по сути, тоже неин-формативны[4].

В архиве Т.А. Хлебниковой есть выписка: «Кн. 1930 г., ЦМ/АО-91. Керамика фр. сосудов из Донауровского оврага близ город. Джукетау Чистоп. к-н. Дар Раскопова, Х. 1930 г. Собраны им во время геологич. работ. Док. 57, дело 30, стр. 40; кн. п. стр. 54, кол. 33, опись - голубая папка». Ныне сведения об этих находках в Национальном музее не обнаружены.

В фондах Археологического музея Казанского государственного университета числился фрагмент керамики под № АКУ-104/1 («Данауровка, Жукотин Чистопольского уезда»)[5], но условия его нахождения и поступления в фонды неизвестны (через собрания Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете?).

Среди замечательных находок, безусловно, наиболее известен так называемый Джукетауский клад ювелирных изделий с монетами[6], найденный в 1924 г.[7] на территории Джукетау[8], публикацию материалов которого уже в следующем году сделал В.Ф. Смолин (Смолин, 1925б).

Клад драгоценностей (золотые браслеты, брошь, «футляр для талисмана», «сюрьмянница», жемчужины, две золотые монеты и др.) был найден крестьянином Палатниковым в береговом откосе близ дер. Донауровки при ломке камня. Вещи находились в небольшом глиняном сосуде. Палатников продал его жителю г. Чистополь, у которого потом был приобретен в Кантфинотдел. Оттуда он поступил в кладовую Народного Комиссариата Финансов ТССР, а затем в Центральный му-зей ТССР, откуда был похищен из экспозиционного зала в числе других коллекций 18 октября 1957 г.

Поиск «следов» этого клада в книгах поступлений, материалах сверок, коллекционных описях и других документах в Национальном музее РТ, пока почти не дал результатов.

Всего было похищено 85 предметов из золота общим весом 561,78 г, серебра – 44,6 г, четыре нити жемчуга (158 шт.) весом 21,4 г. (Акт от 19.10.1957 г.; списаны на основании Ордера №3270 от 9.04.1976 г.// Фонды НМ РТ). Среди списка похищенных предметов нет описанного В. Ф. Смолиным одного целого «массивного браслета». Считается, что еще в 1935 г. он поступил из НМ РТ (тогда Центральный музей ТАССР) в Государственный Эрмитаж (без указания места нахождения) и, таким образом, избежал хищения (Мальм, 1979, 247–249; Сокровища Золотой Орды, с. 242).

Интересно, что в списке украденных экспонатов из золота отсутствует ряд мелких предметов – 13 «золотых мелких круглых гнездышек с дырочками для камней или жемчужин», «2 золотых тонких гвоздика», а в общем списке – 12 «жемчужин» (в списке – 158 штук общим весом 21,4 г., в публикации –

---

[4] Сообщение А.З. Сингатуллиной

[5] По материалам Т.А. Хлебниковой (фонды БГИАЗ).

[6] Точнее будет сказать, часть клада. Почти не встречается его другое название – Донау-ровский клад (Смолин, 1925а, с. 390, 391).

[7] В некоторых публикациях неточно указан 1925 г. (очевидно, по году публикации).

[8] Снимки места нахождения клада, о которых упоминает В. Ф. Смолин, пока не найде-ны. Как следует из текста, «клад был найден <...> в береговом откосе близ дер. Данау-ровки» (Смолин, 1925б, с. 16), т. е., видимо, на берегу рч. Килевка, в золотоордынской части территории Донауровского селища, на расстоянии 1-1,5 км к югу от городища Джукетау. В литературе встречается неточное место нахождение клада – «городище Джукетау».

170 шт. общим весом 19,9 г.), 4 шлифованных камня (горный хрусталь).

При переводе приведенных В. Ф. Смолиным данных о весе находок из дометрических единиц на современные и сравнении полученных результатов с данными описи похищенных предметов выявляются недопустимые с точки зрения правил хранения музейных экспонатов из драгоценных металлов погрешности. Они достигают 0,81 г. для одного экс-поната в сторону увеличения веса в описи и только для пяти экспонатов (в отношении которых это можно проверить) в сумме достигают 2,14 г. Создается общее предварительное впечатление либо о погрешностях при первоначальном взвешивании, либо, заметим с осторожностью, о преднамеренной попытке получить какую-то искомую величину общего веса похищенных предметов путем искусственного накопления погрешностей в сторону увеличения веса (для рассматриваемых предметов – до 1% от веса одного экспоната из драгоценного металла) (Набиуллин, 2006, с. 31–36).

Клад и отдельные его предметы неоднократно упоминаются в общеисторической, археологической, искусствоведческой и пр. литературе, особенно в контексте аналогий с Симферопольским кладом.

При разведочных исследованиях А.С. Башкировым и Н.Ф. Кали-ниным в 1928 г. найдены глиняная посуда, кости животных, «железный ножичек», жернов (Спиридонов, 1928, лл. 10, 11). Данные о коллекциях опубликованы в «Каталоге археологических коллекций Государственного музея ТАССР» (Каталог, 1980).

«641. Джукетау городище на берегу Камы, 0,7 км к северу от с. Донауровка Чистопольского района ТАССР. Раскопки А.С. Башкирова, Н.Ф. Калинина 1928 г. № 6409 (№№ 14562-14769, 15078-15101, кн. 1936 г.) 524 предмета. Фрагменты керамики. Пряслица. Поделки из кости – гребни, наконечники стрел, заготовки изделий. Ножи железные. Грузила каменные. Кости животных» (Каталог, 1980, с. 114).

Эти предметы, действительно, числятся в книге поступлений и находятся в фондах. Нам были предоставлены фрагменты керамики, фрагмент поливного изразца (?), два железных ключа, три железных ножа, одно глиняное пряслице, обработанный кремень (орудия, отщепы). К сожалению, остальные находки пока не найдены[9].

«642. Джукетау городище на берегу Камы, 0,7 км к северу от с. Донауровка Чистопольского района ТАССР. Раскопки Н.Ф. Калинина 1928 г. № 5835 (15078-15101, кн. 1936 г.). 21 предмет. Фрагменты гончарной керамики, пряслице глиняное. Железные изделия – нож, ключ. сосуд (обл.). Кости животных, рыб. Колл. 40 а. Дело № 37/30, стр. 49» (Каталог, 1980, с. 114).

Здесь в публикации ошибка: под номером 5835[10] числились предметы клада 1924 г.

В 1950-х годах при неизвестных условиях «вблизи городища Джукетау» найдено нагрудное украшение, которое представляло из себя витую гривну с тремя подвесками-лунницами (Хованская, 1958, с. 239–243). Эта находка поступила в фонды ГМТР 14.06.1951 г. Данные о ней есть в «Каталоге археологических коллекций Государственного музея ТАССР»:

«643. Джукетау городище на берегу Камы, 0,7 км к северу от с. Донауровка Чистопольского района ТАССР. Случайная находка близ городища передано из Краеведческого Музея г. Чистополя через О.С. Хованскую в 1950-х гг. Серебряное ювелирное изделие: швейное («шейное»? – Н.Н.) украшение – гривна с тремя подвесками; гривна плетеная из проволоки, подвески пластинчатые в форме лунниц, отделаны сканью, зернью, имеют шатоны для цветных вставок» (Каталог, 1980, с. 114, 115).

В 1966 г. жителем дер. Донауровка Н.С. Улыбиным был обнаружен и передан в дар в Чистопольский краеведческий музей (Музей уездного города Чистополь) клад из 596 золотоордынских серебряных монет.

Значительную часть источников составляют коллекции и полевые материалы исследований Джукетау Т.А. Хлебниковой в 1970–1973 гг. (Хлебникова, 1970; она же, 1971; Хлебникова, 1972; Хлебникова, 1973; Хлебникова, 1975), хранящиеся в БГИАЗ. В научных отчетах указано, что после лабораторной обработки коллекции из раскопок и подъемный материал из Джукетау переда-

[9] Их не очень много; по книге поступлений – это, в частности, предметы из кости.

[10] У Р.Г. Фахрутдинова «5838» (Фахрутдинов, 1975, с. 145).

ются в фонды ГОМРТ[11] под шифром ГМТР-15650-инв. №:

1) коллекция 1970 г. – №№ 1-993, в том числе №№ 1-590 – пригород, №№ 591-993 – городище;

2) коллекция 1971 г. – №№ 994-1307, в том числе №№ 994-1022, подъемный материал с пригорода, №№ 1023-1079 – материал с раскопа II с городища, №№ 1080-1307 – материал с раскопа II на пригороде;

3) коллекция 1972 г. – №№ 1308-1886 – материал с раскопов III и IV на городище.

Однако в Национальном музее РТ отрицают, что коллекция поступала в их фонды в 1970-е годы из ГОМРТ, и, действительно, по до-кументам под № 15650 она не числилась (с 1970-х по 1990-е гг. находилась в фондах ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ?).

Примерно в начале 1990-х гг. коллекция была передана на постоянное хранение в фонды БГИАЗ, причем по документам получена как из ГОМРТ («№ по книге поступлений 519). При этом старая коллекцион-ная опись была переписана в новую опись БГИАЗ № 245, шифр «ГМТР-15650» заменен на «БГИАЗ-245», инвентарные номера оставались те же. К сожалению, условия находок из раскопок были при переписи утеряны. Часть из них восстановлена нами при изучении полевых материалов и отчетов.

Всего в коллекционной описи числится 1116 предметов (БГИАЗ-245-инв. №№ 1-1908), из них №№ 1-1892 из раскопок 1970–1972 гг. и 16 предметов из исследований 1973 г. (записано «пригород»), имеющих №№ 1893–1908.

В то же время в Музее археологии РТ имеется «Коллекционная опись Джукетау, пригород» археологической экспедиции 1973 г. (Хлебникова, 1973, лл. 1, 2), где указаны найденные «с отмели» 8 предметов с шифром «Дж-п/№№1–8» – фрагменты керамики (№№ 1–6), железные ножи (№7 – обломок, № 8 – целый), т.е. состав находок из этой коллекционной описи не совпадает и находками из БГИАЗ.

Нумизматический материал исследований 1970–1972 гг. в количестве 14 монет передан в Государственный исторический музей (г. Москва) в дар на постоянное хранение (акт приема-сдачи № 200 от 24.05.1972 – номер хранения ГИМ № 102395, книга поступлений 1578120, 1578133).

В Археологическом музее Казанского государственного университета хранятся археологические коллекции из разведочных исследований К.А. Руденко 1988 г., шифр «АКУ-250-88» / №№1-64, в том числе по коллекционной описи: №37 – городище Джукетау; №№38-50 – Донау-ровское I селище; №№51-64 – Донауровское II селище.

В 1990-е годы исследования памятника возобновил Институт языка, литературы, истории им. Г. Ибрагимова (Институт истории им. Марджани, Институт археологии им. А.Х. Халикова) Академии наук РТ под руководством Ф.Ш. Хузина. Ныне коллекции и все остальные материалы находятся в фондах Музея археологии РТ[12]. Исключением являются материалы исследований 1991 г., которые после обработки были переданы на постоянное хранение в фонды БГИАЗ в 1992 г. под шифром БГИАЗ-245-инв.№ (книга поступлений 588). В БГИАЗ наша коллекционная опись была переписана, коллекционная опись БГИАЗ продолжает коллекционную опись 1970-х годов (полное название: «Коллекционная опись 245 к акту приема №№ 519, 588»); находкам давались новые инв. номера (новый шифр БГИАЗ-588-инв. №№ с 1909 по 2299/245). При работе с коллекциями следует учитывать, что некоторая часть данных по находкам, содержащаяся в коллекционной описи БГИАЗ, в том числе по условиям нахождения, не всегда совпадает с нашей – оригинальной.

Небольшие собрания предметов из Джукетау есть в Музее уездного города Чистополь Чистопольского государственного историко-архитектурного и литературного музея-заповедника (в том числе коллекция, переданная Р.Х. Хисамовым), Музее археологии и истории Татарстана Елабужского института КФУ (руководитель А.З. Нигамаев), в школьных музеях г. Чистополь и др.

Вопрос об использовании сборных коллекций в научных исследованиях в качестве источника имеет дискуссионный характер. В отношении изучения конкретных памятников и территорий мы являемся сторонниками избирательного использования таких предметов, да и то в качестве аналогий и т.д.; как правило, из-за вероятной смешан-

11 В Археологической карте Татарстана есть указание на место хранения коллекций – «ЦМТР (91)» (АПЦЗ, 1988, с. 61, № 401).

12 В отдельной публикации.

ности абсолютное большинство их отбрако- вывается и в работе не используется.

ЛИТЕРАТУРА

Артемьев А.(И.). Древний болгарский город Жукотин // ЖМВД. 1851. Ч. XXXII, № 1. С. 56–74.

Археологические памятники Центрального Закамья. Казань, 1988. 98 с.

Каталог археологических коллекций Государственного музея ТАССР. Вып. II. Эпоха железа. Волжская Болгария. Золотоордынские города. Казанское ханство. Коллекции XVI–XVIII вв. Сост. А.М. Ефи-мова. Казань, 1980. 232 с.

Износков И.А. Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и встречающихся в них находках // ИОАИЭ. 1878. Т. 1, вып. 5. С. 73–84.

Мальм В.А. Золотой браслет с персидской надписью // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 247–249.

Набиуллин Н.Г. Комментарий и примечания [к ст. В.Ф. Смолина «Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джуке-Тау»] // Татарская археология. 2006. №№ 1–2 (16–17). С. 31–36.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1902 г. СПб., 1904.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1908 г. СПб., 1912.

Пономарев П.А. Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Владения липовогорских князей // ИОАИЭ. 1892. Т. X, вып. 5. С. 452–472.

Смолин В.Ф. Данауровский клад (из Чистопольского кантона Тат-республики) // НВ. 1925а. №№ 8–9.

Смолин В.Ф. Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джуке-Тау // ВНОТ. 1925б. № 3. С. 16–28.

Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. СПб, 2000.

Спиридонов Николай. Дневник археологической экспедиции 1928 г. в Билярске // Архив МА РТ, ф. 8, оп. 5, ед. хр. 18.

Толмачев Н.А. Об остатках древности в пределах Казанской губернии // Труды IV АС. Казань 1884. Т. 1, отд. 1. С. 69–109.

Толмачев Н.А. Путевые записки по Чистопольскому уезду // ОРРК, № 4106.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжской Булгарии и ее территория. Казань: Таткнигоиздат, 1975. 219 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. 1963. Т. IV. С. 165–221.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // НЭ. 1960. Т. I. С. 94–192.

Хлебникова Т.А. Отчет 2-го отряда археологической экспедиции КФАН 1960 г. // Архив ИА РАН, № 2431.

Хлебникова Т.А. Отчет об исследовании в 1970 г. комплекса г. Джуке-Тау // Архив ИА РАН, № 4181.

Хлебникова Т.А. Отчет об археологических раскопках на Джуке-Тау за 1972 г. // Архив ИА РАН, № 4712.

Хлебникова Т.А. Отчет об исследованиях остатков города Джуке-Тау за 1971 г. // Архив ИА РАН, № 4433.

Хлебникова Т.А. К истории Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970–1972 гг.) // СА. 1975. № 1. С. 234–251.

Хлебникова Т.А. Отчет об исследовании булгарских памятников Нижнего Прикамья за 1973 г. // Архив МА РТ, ф. 5, опись 2, ед. хр. № 405.

Хованская О.С. Нагрудное украшение из булгарского города Джукетау // СА. 1958. № 1. С. 239–243.

Информация об авторе:

Набиуллин Наиль Гатиатуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, (Россия, г. Казань); NGNabiullin@gmail.com

REVISITING THE COMPILATION HISTORY OF JUKETAU COLLECTIONS

N.G Nabiullin

The paper systematizes the information on archaeological collections not included in the funds of the Museum of Archeology of Tatarstan obtained at the complex of Juketau sites of the 10th-14th centuries. It introduces into scientific discourse the new information on the history of compilation of the collections, their storage locations, and also clarifies and supplements the information available in publications.

Keywords: archaeology, Volga Bolgaria, Ulus of Jochi, Golden Horde, Juketau, T.A. Khlebnikova, museum, archaeological collection.

About the Author:

Nabiullin Nail G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru

УДК 902/904

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЕВ ЮГРЫ: ИСТОРИЯ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО УЧЕТА

©2019 г. А.Б. Агаркова

История формирования археологических коллекций Югры тесно связана с историей изучения региона. Начало этого процесса относится к XVIII – XIX вв. и связано с деятельностью академических исследователей севера Западной Сибири. К концу XIX в. значительный прорыв в комплектовании фондов происходит благодаря деятельности региональных обществ по изучению края. Более системный характер в археологическом изучении региона фиксируется с 1960-х гг., но комплектование музейных фондов продолжают носить хаотичный характер. Основной специфической чертой археологических фондов в музеях Югры является фрагментарность коллекций. Вплоть до начала XXI века только в двух музеях округа работают штатные специалисты-археологи. На протяжении последних 40 лет активного комплектования археологических предметов в Югре сложилась ситуация по разногласию документации. В последнее десятилетие музеи находятся в состоянии постоянного изменения законодательной базы, которая задала новые требования к системе учета археологических предметов. В связи с этим возникла острая необходимость изменения системы документального сопровождения передаваемых коллекций. С представленной статье изложены основные принципы приема и учета археологических коллекций из опыта работы Сургутского краеведческого музея.

Ключевые слова: Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, север Западной Сибири, Сургутское Приобье, археологические коллекции, научно-фондовая работа, государственная часть Музейного фонда РФ, муниципальные музеи, сохранение наследия, учет археологических коллекций.

Территория современной Югры, как субъекта российского государства, была выделена в 1932 г. Это связано с образованием Остяко-Вогульского национального округа. Позже, в 1978 г. он был преобразован в Ханты-Мансийский автономный округ, в а 2003 г. утверждается современное название Ханты-Мансийский автономный округ-Югра (ХМАО - Югра). Однако административное выделение региона в XX веке не отражает многовековую историю Югры, которая притягивает исследователей на протяжении долгого времени.

Начало научному изучению округа положено в XVIII в. участниками Второй Камчатской экспедиции. Более пристальное внимание территории уделяется со II половины XIX в. и находит отражение в музейных коллекциях. Это связано с исследованиями Севера Западной Сибири академическими учеными-путешественниками; политическими ссыльными, состоявшими в комитетах и обществах по изучению края и местными любителями старины. Первые археологические находки передавались в крупнейшие музеи страны того времени: музеи г. Санкт-Петербурга, Тобольский губернский музей, музей Императорского Томского университета. Большинство материалов, полученных в ходе таких точечных обследований территорий –единичные находки эпохи Средневековья. В основном - это предметы вооружения из железа (наконечники стрел, копий, ножи) и отливки из белой бронзы, отражающие верования таёжного населения обских угров, и, как правило, они включались в состав этнографических коллекций.

Время первых раскопок на территории Сургутского Приобья относится к 80-90 гг. XIX века. В 1889 г. по приказу Тобольского губернатора группа политических ссыльных во главе с В.Ф. Казаковым провела раскопки на территории урочища Барсова Гора. В 1890 г. этнографические сборы и раскопки произвел помощник прозектора Томского университета С.М. Чугунов (Чемякин, Шатунов, 2002). Например, коллекция могильника Барсов Городок, полученная после проведенных раскопок в 1891 г. под Сургутом шведским исследователем Ф. Р. Мартином, была вывезена и хранится в фондах Государственного исторического музея Швеции (Арне, 2005).

В начале XX века Тобольский губернский музей организовал ряд собственных экспедиций. В результате этого появились первые расширенные отечественные описания памятников археологии, опубликованные в Ежегоднике музея (Городков, 1913). Коллекции музея пополнились более разнообразным предметный ряд эпохи раннего железа и Средневековья

Позже сотрудникам Тобольского музея (с 1921 г. - Музей Тобольского Севера) удалось возродить исследовательскую работу в регионе, пришедшую в некоторый упадок в период революций и Гражданской войны. Однако, к концу 1920-х гг. «деятельность местных краеведческих ячеек и отдельных краеведов была приостановлена, т.к. отрицательно воспринималась советским правительством и историко-культурное краеведение как «гробокопательско-архивное» было объявлено не совместимым с социалистическим строительством» (Носкова, 2009).

Первый музей на территории Югры был организован в 1932 г. в столице вновь созданной административной единицы – Остяко-Вогульского автономного округа. Причем археологический фонд и архив Остяко-Вогульского музея (ныне - Музей природы и человека г. Ханты-Мансийск) «начали комплектоваться… органами НКВД. С 1936 по 1940 гг. Остяко-Вогульским окружным отделением НКВД в музей были отданы «шаманские божки» и несколько уникальнейших экспонатов – бронзовые зеркала с графическими рисунками, бронзовые антропоморфные фигурки и личины, серебряная голова «дракона» и другое» (Приступа, Туровина, 2010). Первый специалист-археолог Т.А. Воробьева проработала в музее в 1955 – 1957 гг., проведя несколько экспедиционных выездов, и впервые в состав фондового собрания музея поступили материалы разведок (Туровина, 2011). В дальнейшем, вплоть до 1990-х гг. в окружном музее не велось целенаправленного комплектования археологических фондов. Также обстояло дело и в образованном в 1963 г. Сургутском краеведческом музее (СКМ).

Несмотря на то, что с 60-х гг. XX в. начинается промышленное освоение Тюменского Севера, которое сопровождалось масштабными археологическими исследованиями, фонды музеев не расширяются. Коллекции, сформированные в ходе проведения археологических работ на территории Югры, и в первую очередь в Сургутском Приобье, вывозились за пределы округа в научные центры Екатеринбурга, Тюмени, Томска, Новосибирска и др. Исключением являлись лишь некоторые разведочные материалы или фрагменты коллекций, которые оставались в музеях Ханты-Мансийска и Сургута.

В это время наблюдается фрагментарная передача коллекций в различные музеи. Это объясняется, прежде всего, сложившейся практикой комплектования археологической части фондов провинциальных музеев в СССР. Особо ценные предметы изымались из коллекций и передавались в ведущие музеи страны. Преследовалась благая цель – обеспечение государственного уровня хранения уникальных предметов в рамках сохранения культурного наследия. Однако фактически это выразилось в сборе эксклюзивных вещей центральными музеями страны и региона. Это привело к тому, что едва ли не в каждом музее ХМАО – Югры и юга Тюменской области, существуют разрозненные, неполные коллекции, полученные при раскопках археологических памятников Сургутского Приобья.

Основной причиной такой ситуации было отсутствие штатных специалистов-археологов в музеях. Обстановка в деле комплектования археологических коллекций в Сургутском регионе изменилась в 1988 году с приходом квалифицированного специалиста – археолога М. Ю. Селяниной, и с 1992 г. началось планомерное формирование археологического собрания Сургутского краеведческого музея (Агаркова, 2006).

В других провинциальных музеях региона, образованных в конце 1970 – начале 1990 гг. (гг. Нижневартовска, Нефтеюганска, Советска, пгт. Березово, п. Угут, д. Русскинская и др.) также формируются небольшие археологические собрания путем приема либо случайных находок, либо небольших (от 10 до 600 единиц хранения) коллекций археологических разведок.

Отдельной вехой в истории комплектования археологического фонда ХМАО-Югры стало создание в 1998 г. в округе нового органа исполнительной власти – Службы главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия. В музеи территорий стали поступать коллекции, полученные в результате аварийно-спасательных работ. Контроль за передачей археологических коллекций из произ-

водственных центров в музеи округа ведется Службой до настоящего времени.

В настоящее время на территории ХМАО – Югры действуют 32 музея регионального, муниципального и сельского подчинения. Из них шестнадцать имеют археологические собрания. В структуре только двух музеев региона имеются отделы археологии: с 1999 г. в Музее природа и человека (г. Ханты-Мансийск) и с 2003 г. в структуре Сургутского краеведческого музея. С этого времени комплектование в двух ведущих музея округа принимает системный характер и ведется по следующим направлениям:

– организация передачи коллекций из фондов исследовательских центров;

– пополнение фондов путем проведения собственных разведочных работ;

– инициирование и организация раскопок на разрушаемых археологических памятниках;

– работа с населением по передаче случайных находок.

В целом, в процессе формирования археологического собрания Югры условно можно выделить несколько этапов:

1. XVIII – начало XX вв. – период включения единичных археологических предметов в этнографические фонды столичных музеев Российской империи. В этом выражается специфика региона – археологические предметы из металла имели долговременное бытование среди аборигенов севера Западной Сибири.

2. 1930 – начало 1950-х гг. – создание первого музея на территории Югры и поступление первых археологических предметов в фонды окружного краеведческого музея.

3. Вторая половина 1950-х – начало 1990-х гг. – период количественного наполнения фондов научно-исследовательских центров и музеев за пределами Югры предметами и коллекциями, полученными в ходе активного изучения археологических памятников. Появление штатных сотрудников-археологов в музеях гг. Ханты-Мансийск и Сургут. Поступление первых коллекций в состав собраний музеев округа.

4. Вторая половина 1990-х гг. – середина 2000-х гг. – рост численности музеев Югры и увеличение принятых на хранения археологических предметов и коллекций. Начальных этап передачи коллекций из научных центров Екатеринбурга, Новосибирска и др. Выделение специализированых отделов археологии в структуре музеев гг. Ханты-Мансийск и Сургут. Расширение и профессиональное оборудование фондохранилищ.

5. Вторая половина 2000-х гг. – 2017 г. – расширенное комплектование археологических коллекций в двух музеях Югры: региональный Музей Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск) и муниципальный Сургутский краеведческий музей. Этот период можно охарактеризовать как эпоху затишья в археологическом комплектовании других музеев округа в связи с неразработанностью законодательства в области учета археологических предметов.

Необходимо отметить региональную специфику археологических коллекций. Большинство из них включают в себя керамические комплексы памятников (нередко до 100 % единиц хранения) с незначительной частью предметов из других материалов (изделий из камня, кости, металла и пр.). Особенно крайне редки в коллекциях палеозоологические и палеоантропологические материалы. Скудность и фрагментарность археологических коллекций от эпохи каменного века и вплоть до средневековья объясняется особенностью северных почв: их кислотность и высокий промывной режим способствуют полному разрушению предметов органики. Отсутствие разнообразных источников усложняет работу не только археологов. Именно разрозненность информации об археологических предметах зачастую останавливает сотрудников небольших музеев расширять археологические фонды не имея в штате специалиста-археолога.

На январь 2019 г. общая численность предметов археологии, хранящихся в фондах музеев Югры составила более 125 тысяч единиц хранения, 54 тысячи из них – это археологический фонд единственного государственного (регионального) музея округа – Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск). Остальная часть находится в составе фондов муниципальных музеев.

Современное законодательство в области комплектования и хранения Государственной части Музейного фонда РФ налагает особые требования к муниципальным музеям. Обеспечив качественную сохранность археологического наследия, и заключив трехсторонний договор на право оперативного

управления коллекциями, такие музеи являются хранителями Государственной части Музейного фонда наряду с федеральными и региональными учреждениями. Поэтому муниципальные музея Югры испытывают те же трудности, что все музеи в РФ.

Можно выделить несколько наиболее острых проблем в области учета и хранения археологических коллекций:

1. Отсутствие и/или не разработанность нормативно-правовой базы в сфере учета и хранения археологических предметов и коллекций.

2. Наполнение баз данных.

С 2007 года в музеях Югры, и в частности в Сургутском краеведческом музее (СКМ), формируется электронная база данных на платформе КАМИС. Карточка археологического предмета состоит из 12 разделов (вкладок), в которых требуется заполнить от 40 до 65 полей. Поэтому в арсенале музейного сотрудника должна быть максимально полная информация об этом предмете: все физические и культурные характеристики, функциональное назначение, данные о коллекции и памятнике, информация об авторе исследования, публикации предмета и/или упоминания о нем и мн. др.

Известная фрагментарность всех археологических коллекций, не только не освобождает предметы от общих музейных требований, но и в значительной степени усложняет обработку и введение в оборот переданных в музей материалов. Коллекционные описи, составленные авторами раскопок в соответствии с современными требованиями ОПИ, не содержат необходимой первичной информации, за исключением № полевой описи и наименования предмета. Не решает проблем и введенное в 2018 г. требование указывать размеры предмета. Зачастую при передаче коллекций в музей, авторами исследований памятников полевые описи не корректируются, а только переименовываются в коллекционные. Это приводит к необходимости полной повторной обработки коллекции, но уже сотрудниками музеев и, как следствие, влечет за собой не только нарушение требований современного законодательства о регистрации новых поступлений в Государственном каталоге Музейного фонда РФ в течение 120 дней, но и частичную утрату информации о коллекции.

3. Дефицит площадей фондохранилищ.

В соответствии с нормативом, действующем в СССР по проектированию музеев, на 1 кв. м. площади фондохранилищ должно приходиться не более 140 единиц хранения. В настоящее время повсеместно фиксируется переполненность фондохранилищ. Инициатива создания региональных археологических фондохранилищ может стать решением проблем.

В связи с отсутствием законодательно закрепленного четкого регламента современного учета и хранения археологических предметов и коллекций, сотрудниками СКМ была разработана схема предварительной систематизации предметов вновь поступающих археологических коллекций Предложенная схема была впервые представлена и обсуждалась на V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе (Агаркова, Селянина, 2017). Для включения в фондовое собрание музея коллекции разделяются на три раздела:

1) индивидуальные находки, аттрактивные предметы, в том числе и отдельные сосуды, характеризующие культурные особенности памятника. Этот материал входит в основной фонд и в дальнейшем проходит все ступени учета государственной части музейного фонда;

2) массовый материал, не имеющий ярко выраженных признаков аттрактивности, но систематизированный автором исследований. Эта часть коллекции входит в состав научно-вспомогательного фонда. При хранении основного и научно-вспомогательного фондов коллекции неразделимы, им обеспечивается микроклимат с учетом требований температурно-влажностных характеристик материала;

3) мелкие (до 1,5 см) фрагменты сосудов, технической керамики, изделий из металла и кости крайне плохой сохранности, образцы почв, шлак, уголь и пр. – всё это входит в состав нового для Сургутского краеведческого музея фонда вспомогательных материалов и хранится отдельно. Как показывает практика последних лет, подобное выделение отдельного фонда «безболезненно» для основной части коллекции, позволяет проводить дальнейшие исследования материалов.

Как правило, этот процесс обсуждается с исследователем заранее и отражается не толь-

ко в раскладке коллекции, но и фиксируется в коллекционной описи.

В 2015 г. была разработана внутримузейная инструкция о приеме археологических коллекций с перечнем материалов, сопровождающих передаваемые коллекции: копия отчета о НИР (электронный и по возможности печатный экземпляры); полевая опись; коллекционная опись; карточки научного описания для индивидуальных находок и наиболее аттрактивных предметов; фотоархив оцифрованных предметов; список публикаций.

Многолетний опыт комплектования и популяризации археологии показал необходимость сбора дополнительной информации от археологов, передающих коллекции в СКМ. В электронном варианте музей настоятельно рекомендует передавать такие материалы как: краткую информацию об экспедиции: время работ, количество участников, общая площадь, расстояние лагеря от раскопа и др. общая интересная информация; общие фото памятника до раскопок (местность близ памятника особо приветствуется) 5- 10 шт.; отдельные рабочие фото (общий вид раскопа (особенно вид сверху), интересные рабочие моменты, а возможно и художественное фото; фото наиболее ярких находок in situ; рабочие кадры с участниками экспедиций; и несколько фото, отражающих бытовую жизнь экспедиции. Таким образом, передача коллекции – это не одномоментный акт, а долговременный процесс взаимодействия археолога и хранителя.

Значительная часть необходимых мер для изменения сложившейся критической ситуации в сфере комплектования, учета и дальнейшего сохранения археологических предметов широко обсуждалась и нашла отражение в итоговых рекомендациях участников Всероссийского научно-практического семинара «Археолог и музей: диалог о вечном». Но есть и ряд размышлений, оставшихся вне официального документа.

- Неясной остается позиция, неоднократно озвученная на региональных семинарах Министерством культуры РФ о том, что предметы археологии, принятые в фонды муниципальных музеев в период с 25.07.1996 г. по 23.07.2013 г. являются муниципальной собственностью и включены в негосу дарственную (!) часть Музейного фонда РФ. Понятие «муниципальной собственности на предметы археологии» в законодательстве РФ отсутствуют.

- Часть муниципальных музеев Югры хранит в своих фондах археологические коллекции и имеет возможность расширять археологические собрания. Но при выполнении муниципальными музеями всех существующих требований законодательства РФ в области учета и хранения Государственной части Музейного фонда РФ, к сожалению, не приходится рассчитывать на финансовую и иную поддержку на региональном, и, тем более, федеральном уровне. Даже в деле реставрации археологических коллекций.

- Югра не единственный регион РФ, где сотрудники муниципальных музеев, несмотря на законодательные коллизии, на высоком профессиональном уровне работают с археологическими коллекциями. Сформированное последними двумя десятилетиями представление о муниципальных музеях как негосударственных учреждениях = учреждениях «второго сорта» не просто усложняют работу. Это приводит к сомнению со стороны некоторых коллег-археологов в правомерности хранения предметов археологии. Однако, вступление в силу 357- ФЗ, надеемся, изменит ситуацию и частично (пусть временно) решит вопрос дефицита фондохранилищ для археологических коллекций на исследуемых территориях.

- Новые региональные фондохранилища не должны стать складом археологических предметов. До их размещения на хранение коллекции должны быть изучены своевременно и обстоятельно, вне зависимости от целей и характера проведения археологических работ. Любая отсрочка обработки коллекции ведет к утрате авторской информации от исследователя либо к полной ее потере.

- При реализации идеи строительства региональных фондохранилищ также необходимо разработать четкий регламент выдачи предметов и коллекций, как на изучение сторонним специалистам, так и на временное хранение в музеи территорий.

Активное обсуждение ситуации в области учета, хранения и представления археологических предметов профессиональным сообществом вселяет надежду на адекватное решение всего комплекса этих проблем в правовом поле РФ.

ЛИТЕРАТУРА

Агаркова А.Б. Из истории формирования археологической коллекции Сургутского краеведческого музея // Провинциальный музей в рамках разработки проектов музеефикации археологических объектов: Материалы региональной науч.-практ. конференции (Советский, 3 – 6 октября 2005 года). Екатеринбург: Волот, 2006. С. 107–110.

Агаркова А.Б., Селянина М.Ю. Об учете археологических предметов и коллекций (из опыта работы Сургутского краеведческого музея)// Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. III / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 205–207.

Арне Т.Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века / Пер. Ж.Н. Труфановой, под ред А.Я. Труфанова. Екатеринбург-Сургут: Уральский рабочий, 2005. 184 с.

Городков Б.Н. Поездка в Салымский край (Путевой дневник) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 21.Тобольск: Типография Епархиального Братства. 1913. 100 с.

Носкова А.В. Охрана археологического наследия в Тобольском округе и научное краеведение в 1920-х гг. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 7. / Отв.ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 106−109.

Приступа О.И., Туровина В.Ф. История формирования археологического фонда Музея природы и человека в г.Ханты-Мансийске // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб.статей. Вып. 8 / Отв.ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 112−120.

Туровина В.Ф. Татьяна Петровна Воробьева – первый археолог музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск) //Музейное дело в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Вып. 1 / Отв.ред. Я.А. Яковлев. Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2011. С. 134−139.

Чемякин Ю.П., Шатунов Н.В. История изучения археологических памятников Барсовой Горы // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований / Под ред. А.Я. Труфанова, Ю.П. Чемякина. Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова Гора», 2002. С. 40−57.

Информация об авторе:

Агаркова Анна Брониславовна, кандидат культурологии, зав. отделом археологии и этнографии Сургутского краеведческого музея (г. Сургут, Россия).

ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS OF UGRA MUSEUMS: HISTORY OF COMPILATION AND ISSUES OF MODERN ACCOUNTING

A.B. Agarkova

The history of establishment of Yugra archaeological collections is closely related to the history of studying of the region. The onset of this process dates back to the 18th–19th centuries and is associated with the activities of academic researchers from the north of Western Siberia. A significant breakthrough in the field of fund acquisition at the end of the 19th century is related to the activities of regional societies conducting regional studies. A more systematic approach to the archaeological study of the region has been recorded since the 1960s, but the compilation of museum funds has remained disorganized. The primary characteristic of the archaeological funds of Yugra museums is the fragmentation of collections. Until the early 21st century, only two museums of the region were staffed with full-time specialists in archaeology. Over the past 40 years of active compilation of archaeological collections in Yugra, an issue has arisen, which is related to discrepancies in documentation. In the last decade, museums found themselves been in a situation of ongoing changes in the legislative framework, which has imposed new requirements for the archaeological item accounting system. This has resulted in an urgent need to change the system of documentary support of transferred collections. The article features the basic principles of acceptance and accounting of archaeological collections based on the experience of the Surgut Museum of Local Lore.

Keywords: Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra, north of Western Siberia, Surgut Ob region, archaeological collections, scientific and fund activities, state portion of the Museum Fund of the Russian Federation, municipal museums, heritage preservation, accounting of archaeological collections.

About the Author:

Agarkova Anna B., Candidate of Cultural Sciences, Surgut Museum of Local Lore. 30 let Pobedy Str., 21/2, Surgut, 628403, Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra, Russian Federation.

Рис. 1. Здание Музейного центра (г.Сургут)

Рис. 2. Структурное подразделение СКМ
«Купеческая усадьба. Дом купца Клепикова Г.С.)

Рис. 3. Мемориальный комплекс геологов-первопроходцев «Дом Ф. К. Салманова»

Рис. 4. Хранение археологического фонда в СКМ

Рис. 5. Фрагмент археологического раздела исторической выставки «Перекресток времен»

УДК 904

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ШКОЛЬНЫХ, МУНИЦИПАЛЬНЫХ МУЗЕЯХ И МУЗЕЯХ В БИБЛИОТЕКАХ В ТАТАРСТАНЕ

©2019 г. К.А. Руденко

В статье рассматриваются вопросы, связанные с хранением и экспонированием археологических артефактов в школьных и муниципальных музеях в Республике Татарстан. Многие из них имеют интересные коллекции по археологии, собранные в конце XX столетия. Они до сегодняшнего дня остаются очень слабо изученными и практически не учтенными. Реорганизация системы музеев в Татарстане в начале XXI века привела к проблемам, связанным с научной и методической поддержкой муниципальных музеев, особенно в деятельности, по созданию экспозиций и работой с фондовыми коллекциями. Наиболее сложными для муниципальных музеев остаются темы по археологии. Во многом это связано с отсутствием взаимодействия между археологами и сотрудниками музеев, а также проблемами хранения и научной обработки артефактов в таких музеях.

Ключевые слова: археология, Татарстан, хранение археологических артефактов, муниципальные музеи, школьные музеи, археологические школьные кружки.

Археологические материалы помимо крупных музеев (НМ РТ) и музеев-заповедников (БГИАЗ, БГИАПМЗ и др.), а также специализированных хранилищ, как, например, в Институте археологии АН РТ в Казани, находятся в школьных музеях и музейных уголках практически по всей республике. Традиция эта давняя, а начало ее можно отсчитывать как минимум с начала XX в. (Руденко, 2018, с. 104–107). Ярким примером в этом отношении является деятельность в 1900-х гг. П. А. Пономарева – педагога и археолога-любителя (Худяков, 1920, с. 48–59; он же, 1920а, с. 245–260).

В настоящее время больше всего археологических материалов в школах встречается в тех районах Татарстана, часть территории которых занята Куйбышевским (Жигулевским) или Нижнекамским водохранилищами, где происходит размыв прибрежной полосы и разрушение археологических памятников. Это Алексеевский, Спасский, Чистопольский, Мензелинский, Нижнекамский районы, а также частично Лаишевский и Рыбно-Слободской. Археологическими разведками в 1960-х – 1970-х гг. здесь выявлено несколько сотен археологических памятников разных эпох, большая часть которых описана в нескольких томах Археологической карты Республики.

В советский период роль учителей-краеведов в выявлении новых археологических памятников отмечалась профессиональными археологами (Археологические памятники, 1989, с. 5). В это время школьное краеведение активно поддерживалось и даже пропагандировалось на государственном уровне, особенно в 1970-е – 1980-е гг. В программу краеведения входило и знакомство с археологическими памятниками. Это способствовало тому, что артефакты с различных археологических объектов сосредотачивались в школьных кабинетах истории или музеях/музейных уголках. Подчеркнем, что археологические занятия не были главными в краеведческих школьных практиках. Основной была тема патриотизма, что в ряде мест сохранилась и в современных экспозициях школьных музеев[1].

Официальное краеведение в СССР стимулировало развитие школьных археологических кружков, которые давали возможность привлекать учащихся в археологические экспедиции, обеспечивая, таким образом, определенную последовательность в подготовке археологических кадров (школа-вуз-аспирантура). Несмотря на различные формы организации школьников – в городах они могли посещать археологические кружки при Дворцах пионеров, кружки в школе, в краеведческом музее, в вузе (при кафедре или учебном музее), – массовое участие учащихся в работах археологических экспедиций способствовало укреплению интереса к археологической науке в молодежной среде с одной

[1] Например, в школьном музее в с. Елыкла Алексеевского района, открытом в 1999 г. Егоровой Любовью Ивановной, были следующие разделы: «Люблю тебя мой край родной», «История совхоза и школы», «Они сражались за Родину», «Дети войны».

стороны, а с другой – поступлению в школы археологических артефактов из случайных сборов помимо официальных экспедиций и занятий[2].

В последнем случае это чаще всего происходило там, где имелся крупный археологически памятник и работали археологические экспедиции. Например, в соседнем с Билярском (на территории Билярского городища – крупнейший средневековый памятник в регионе) с. Шама в школьном музее, основанном в 1977 г., Анатолием Гавриловичем и Валентиной Михайловной Чугуровыми, была собрана разнообразная коллекция артефактов практически всех эпох с каменного века до позднего средневековья и Нового времени. Кроме того, здесь были разделы, посвященные советскому периоду: Гражданской и Великой Отечественной войнам; помимо этого в экспозиции рассказывалось об истории колхоза, школы и т.д.[3] Интересное собрание археологических предметов, собранное учащимися на поселениях в бассейне р. Шенталы (Шенталки), находится в школьном музее в с. Подлесная Шентала открытом в 1997 г. Радиком Рафиковичем Хуснуллиным.

Велика в данном процессе роль учителя и, одновременно, руководителя кружка. Собственно учителя были инициаторами организации и руководителями школьных кружков, а также теми людьми, которые по мере возможностей создавали школьные музеи и музейные уголки. Иногда в этой роли выступали и сотрудники школьных библиотек[4]. К сожалению, стоило только такому учителю завершить свою работу в школе, то, как правило, такой музей прекращал активную работу и приходил в упадок. Чаще всего это заканчивалось сворачиванием или закрытием музея/музейного уголка и утратой коллекций. Впрочем, это не обязательно являлось правилом. Не редко руководители школ поддерживали это начинание, и музей продолжал функционировать с новым руководителем. Отметим, что в любом случае, даже если музей не имеет отдельного помещения, учителя и руководство школ не соглашаются передавать их куда-либо, мотивируя тем, что собирали эти предметы учащиеся данной школы, да и сами артефакты могут быть использованы в учебном процессе.

Археологические коллекции в школьных музеях являлись и являются частью довольно обширного экспозиционного материала. Набор предметов здесь эклектичен, но при этом выдерживается определенная упорядоченность в тематическом плане. Это разделы по древней истории и природе, тема Великой Отечественной войны (сюжеты: земляки – Герои Советского союза, труженики тыла), войны в Афганистане и Чечне (как правило, выпускники школ, погибшие в этих войнах).

Например, в с. Средние Тиганы Алексеевского района РТ в музее, основанном в 1998 г. Хайбуллиным Альфиром Тагировичем, коллекции были сгруппированы по следующим направлениям: орудия труда, бытовые («домашние») предметы, школьные (учебные) пособия, предметы, связанные с Великой Отечественной войной и 60-летним юбилеем Победы, нумизматика[5].

С 2000-х гг. в экспозициях многих школьных музеев, особенно на селе, добавились разделы по советской эпохе: пионерах и комсомоле и их атрибутике. В 2015 г. были созданы отдельные разделы экспозиций, посвященные 70-летию победы в Великой Отечественной войне. Финальной темой экспозиций школьных музеев были материалы о земляках, внесших выдающийся вклад в новейшую историю Отечества.

Существовали и учебные кабинеты-музеи по географической тематике, как, например, в конце 1980-х гг., в школе № 64 Московского района Казани или краеведческого направления, как в школе МБОУ № 42 Приволжского района Казани в 90-х гг. XX в., где имелись археологические находки с территории ТАССР. Аналогичные кабинеты-музеи функционировали во многих районных центрах. Некоторые из них, к примеру, кабинет-музей, действующий в школе № 1 р/п

---

[2] Традиция школьной археологии развивалась еще в 2000-х гг. (Региональный, 2005), однако постепенно она сходит на нет.

[3] Школа и, соответственно, музей закрылись в начале 2010-х гг. в связи с «оптимизацией» средних учебных заведений.

[4] Чаще это стало происходить уже в постсоветский период, начиная с 2000-х гг., когда библиотеки стали активно «выживать» и «бороться» за посетителей. Школьные кружки при библиотеках разнообразили свою деятельность и археологическими экскурсиями. В Казани на базе такого кружка в детской районной библиотеке № 45 Новосавиновского района в конце 1990-х гг. был создан музей, где имелись и археолого-этнографические коллекции.

[5] Данные на 2011 г.

Алексеевское в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг., можно считать по формальным признакам музеями: у них было отдельное помещение, отделенное от учебных классов, имелись специализированные витрины и книги поступлений (КП).

Отдельное помещение в 1980-е – начале 1990-х гг. имел школьный музей в р/ц Лаишево, где была интересная коллекция артефактов с древних поселений из окрестностей современного поселения[6] и даже из подъемного материала с Билярского городища, привезенного одной из студенток, родом из Лаишева, проходившей в начале 1980-х гг. археологическую практику КГУ на этом памятнике. Здесь же хранилась и обширная нумизматическая коллекция золотоордынских монет[7], определенная Д.Г. Мухаметшиным, а также выразительное собрание предметов христианского культа XVII – начала XX в. Все это было собрано школьниками на разрушающихся археологических памятниках или принесено из дома из того, что родители считали «старым» и ненужным.

К сожалению, интерес к археологическим артефактам в школьных музеях со стороны профессиональной науки и тем более музейного сообщества невелик и, по сути, этот материал лежит невостребованным и постепенно исчезает[8] или разрушается.

Более сложная, но во многом схожая со школьными музеями, ситуация с муниципальными (районными) музеями. С 1982 г. и до начала 2000-х гг. они входили в музейное республиканское объединение в качестве филиалов Государственного объединенного музея РТ, который стоял во главе объединения. Сотрудники ГОМ курировали деятельность этих музеев – от строительства экспозиций и до проблем комплектования фондов (ФЗК была единой и проходила в ГОМ РТ). Причем при создании экспозиций районных музеев, обычно брались материалы фондов головного музея (например, экспозиции Чистопольского или Куйбышевского[9] (районного) музеев). После ликвидации объединения по распоряжению Министерства культуры РТ в конце 2000-х гг. был осуществлен возврат экспонатов в фонды ГОМ РТ, получившего новый статус – Национального музея РТ. Это привело к демонтажу разделов экспозиций по древней и средневековой истории в значительном числе муниципальных музеев[10].

Эта ситуация вскрыла одну из незаметных ранее проблем – это наличие в муниципальных музеях археологических коллекций для строительства новых музейных экспозиций и реэкспозиций, что стало особенно актуально в 2000-х гг., в связи с «музейным бумом» в республике. Даже районы, где археологические экспедиции проводились регулярно и масштабно, все находки вывозились археологами в Казань, а иногда и за пределы Татарстана, но даже информация о работах и о месте хранения отсутствовала как в отделах культуры, так и в самих музеях.

Правда, были и некоторые нюансы этой ситуации. Часть муниципальных музеев имела достаточно длительную историю возникновения и существования, особенно те из них, которые были образованы в первой трети XX в. – Тетюшский, Чистопольский, Елабужский, Мензелинский, Арский музеи, и у них были, хоть и небольшие, собственные археологические материалы (Руденко, 2018, с. 150–162). Другие, возникшие в 1970-е – 1980-е гг., таковыми в большинстве случаев не обладали.

В конце 1990-х – 2000-х гг. это положение дел создало проблему в музейном строительстве в районах, особенно при наличии планов обновления экспозиций как в техническом плане, так и в концептуальном. На фоне возросшего интереса к «малой истории» в Татарстане и многочисленных весьма спорных трактовках российской истории в «региональном контексте» (Руденко, 2017, с.

[6] Эти материалы хранились и экспонировались в одном из кабинетов школы, где нам удалось их осмотреть в начале 1990-х гг. Через несколько лет выставка этих предметов была свернута, а в дальнейшем большая часть их была потеряна.

[7] Монеты и сохранившаяся часть археологических находок в настоящее время переданы в Музей Лаишевского края имени Г.Р. Державина.

[8] Известны случаи, когда археологические артефакты случайно выбрасывались при ремонте школьных кабинетов строителями.

[9] В советское время был Куйбышев областной, ныне – г. Самара и Куйбышев районный, сейчас – г. Болгар.

[10] В единичных случаях возврат предметов, даже с внутренними инвентарными номерами ГОМ, оказался невозможен, когда, например, археологические предметы из Куйбышевского (районного) музея были переданы в Болгарский музей-заповедник и им были присвоены номера по КП БГИАМЗ. Они хранятся там и по сей день.

13–23) решение этой проблемы приняло весьма причудливые формы.

Первое явление – попытка добыть «престижные» археологические материалы, например, относящиеся к эпохе Золотой Орды, желательно из тех мест, которые имели особую значимость в ту эпоху – в первую очередь с крупных нижневолжских городищ: Селитренного или Царевского. На этой волне постижения «забытой» истории Кукморский музей в начале 2000-х гг. при финансовой поддержке администрации района приобрел у казанского археолога А.А. Бурханова несколько тысяч фрагментов стенок гончарных сосудов с Селитренного городища, где в те годы под его руководством работала студенческая практика.

Второе явление, проявившееся в конце 2000-х гг. – это пополнение фондов беспаспортными археологическими материалами или находками из недокументированных раскопок якобы найденные на территории района. Так, от А.А. Бурханова части археологических коллекций, полученные им во время раскопок в 2003 г. на средневековых памятниках на территории республики, попали в музеи разных районов РТ[11]. Например, часть коллекции из раскопок этого исследователя Старо-Нохратского городища в Алькеевском районе в начале 2010-х гг. оказалась в краеведческом музее Лениногорска Лениногорского района РТ, на территории которого близких по эпохе памятников не выявлено. Не нужно объяснять, что со временем этот беспаспортный материал может привести к ошибочным выводам археологов или краеведов.

Третье явление – приобретение через закупку, или как дар, артефактов, найденных случайно частными лицами, либо от посредников «черных копателей», а также от любителей-поисковиков. Случайные находки поступали в музеи практически всегда, но в последнее десятилетие эти добровольные пожертвования практически прекратились, поскольку после принятия Федерального закона об охране археологического наследия от 25 июня 2002 г. № 73 и закона от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии», желающих попасть под статью Уголовного кодекса РФ не стало, поскольку требовалось доказать случайность находки.

В середине 2000-х гг. были зафиксированы предложения по приобретению археологических артефактов от посредников в основном из Пермского края, где масштабы разграбления археологических памятников в те годы были катастрофическими. Расширяя рынок сбыта, многие из посредников совершали вояжи в соседние регионы, в том числе и Татарстан, предлагая разнообразные археологические материалы. Однако высокая для муниципальных музеев стоимость артефактов, а также профилактическая работа со стороны республиканских МВД и ФСБ нейтрализовали эти попытки. По той же причине в те же годы прекратило торговлю археологическими предметами и большинство антикварных салонов Казани (кроме нумизматики).

Кроме того, к концу 2000-х гг. сложился рынок археологических предметов в сети интернет, что привело к некоторому изменению формата реализации добытых в результате незаконных раскопок и поисков артефактов. Виртуальное пространство объединило не только профессиональных поисковиков, но и массу любителей, для которых был важен не бизнес, а так сказать, интерес, своего рода, разновидность хобби[12]. Последние, зачастую из собственного понимания «любви к истории», берут на себя задачу пополнения своими находками фондов музея того района, где живут они сами. Делают они это чаще всего бескорыстно, аргументируя свою «правоту» тем, что археологи здесь не работают, а если и ищут, то «не там» и «ничего не отдают в музей».

Отчасти это имеет под собой основание, поскольку коммерческие организации, такие, например, как ООО «Центр прикладных археологических исследований» (г. Казань), ведущие договорные охранные работы на территории РТ, как правило, игнорируют положение об информировании руководства района и тем более районных музеев о проводимых ими исследованиях на строящихся объектах[13].

[11] Полученные им с раскопок около десятка памятников не были сданы в музеи. Большая часть их, очевидно, утрачена, как, например, из исследований II Тетюшского городища. А остальные время от времени «появляются» в муниципальных музеях РТ.

[12] Наиболее известным и активным является форум «Домонгол» – http://domongol.su/

[13] Чаще всего полученные коллекции попадают в самые разные места, а если исследования велись без открытого листа, то их судьба не известна.

Находки в муниципальные музеи от них не поступают, впрочем, не поступают и те, которые получены археологами из государственных учреждений при работах в районах РТ.

Взаимодействия между муниципальными музеями и академическими, как и коммерческими археологическими учреждениями, на сегодняшний день нет. Безусловно, есть тут и вполне обоснованные опасения археологов о сохранности археологических коллекций и их учете в муниципальных музеях, в меньшей степени их беспокоит проблема доступности коллекций, однако чаще всего о проблемах муниципальных музеев в отношении археологических фондов никто особенно не задумывается.

Современное состояние музейной работы делает практически невозможным для малых музеев, впрочем, как и для более крупных и даже музеев-заповедников, получить в штат профессиональных археологов, как и других «узких» специалистов, что затрудняет даже первичную атрибуцию артефактов. Не решены технические и организационные вопросы сдачи археологических материалов в музейные фонды. При наличии потребности и отсутствия предложения данная ситуация приводит к очевидному кризису, который чаще всего решается муниципальными музеями в зависимости от ситуации разными способами, но, как правило, без участия профессиональных археологов.

Стоит сказать, что работа муниципальных музеев и их активность в выставочно-экспозиционной, туристической деятельности, как и в комплектовании фондов, в том числе, и археологическими материалами, во многом зависят от инициативности руководителей этих учреждений. Известны случаи, когда директора музеев были инициаторами создания самого музея. Так, например, по инициативе краеведа Виталия Ивановича Абрамова, ветерана Великой Отечественной войны в 1987 г. был создан музей родного края в р/ц Алексеевское Алексеевского района РТ. Занимавший сначала всего несколько комнат в административном здании, музей по распоряжению главы администрации района В.К. Козонкова в 2008 г. был размещен в новом здании с фондохранилищем, и там была открыта новая экспозиция с археологическим разделом[14]. Случайные археологические находки из фондов музея (некоторые из них являются уникальными) (Путеводитель, 2017, с. 2–3), были дополнены реконструкциями из археологических раскопок К.А. Руденко на Остолоповском селище у с. Речное Алексеевского района РТ (Руденко, 2012, с. 123–145).

Интересная коллекция археологических артефактов (около 300 ед. хр.) имеется в Музее Лаишевского края имени Г.Р. Державина, который возглавляет Ф.Г. Муртазина. Предметы разных эпох, которые были собраны Яном Александровичем Гайдукевичем в 1980-е гг., стали основой музея, который как филиал ГОМ РТ был создан приказом Министерства культуры Республики Татарстан № 292 от 30.12.1992 г. Однако полноценно он стал функционировать только с августа 1997 г. с открытием новой экспозиции. В настоящее время музей располагается в здании Детской школы искусства, имеет четыре экспозиционных и один выставочный зал. Концепция экспозиции была разработана совместно сотрудниками ГОМ РТ и директором Ф.Г. Муртазиной, а раздел «Лаишевский край с древнейших времен до начала XX в.» – при содействии археолога П.Н. Старостина из Института истории АН РТ. Последним для экспозиции в музей были переданы находки с ряда археологических памятников Лаишевского района, которые им изучались в 1980-е гг. Археологические фонды музея существенно пополнились из сборов с разрушающихся археологических памятников в окрестностях города в 1990-е – 2000-е гг. благодаря активной политике директора музея, обращавшейся к горожанам за поддержкой его деятельности.

Сотрудничество археологов и муниципальных музеев позволяет решать часть проблем, в том числе и хранение археологических материалов, полученных в результате охранных раскопок, их учет и научную обработку, а также вопросы экспонирования, что показывает опыт такого рода в Тетюшском краеведческом музее (МБУ «Музей истории Тетюшского края») и музее рыболовства (г. Тетюши, Тетюшский район РТ; директор Н.Г. Понедельникова). К сожалению, это большая редкость.

В целом вопросы хранения, исследования и популяризации археологических материалов, которые находятся в школьных и муниципальных музеях, как и в музейных уголках некоторых библиотек, остаются в настоящее время без должного внимания со

[14] В 2008 г. ему было присвоено имя В.И. Абрамова.

стороны официальной науки. Эта ситуация порождает, по сути, бесконтрольный процесс стихийного пополнения фондов этих музеев случайными находками или, того хуже, артефактами из несанкционированных раскопок и поисков и тем самым стимулирования разрушения археологических памятников. Это, конечно, не носит глобальный характер, но как явление – это имеет место.

Отсутствие взаимодействия республиканской археологической науки и муниципальных музеев в большинстве случаев делает неразрешимым вопрос о достойном представлении древней истории конкретного района в экспозиционном плане на основе подлинных находок. На то есть, безусловно, объективные причины, но немалую роль здесь играет и традиционное невнимание к этой области культурного пространства, оставляя ее зоной любительского интереса и непрофессионального краеведения.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. 100 с.

Путеводитель по Музею родного края им. В.И. Абрамова. Алексеевское: издание МРК, 2017. 13 с.

Региональный общественный фонд «Общественный информационный центр». Проект «Детская областная летняя полевая археологическая школа «Древний город»». Информационный бюллетень. 2005. №2(2). 20 с.

Руденко К.А. О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан // Поволжская археология. 2012. №2. С. 123 – 145.

Руденко К.А. Этюды по музейной антропологии. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2017. 268 с.

Руденко К.А. Коммуникационные формы культуры Татарстана: генезис и эволюция (с древности до XX в.): учебное пособие. Казань, Редакционно-издательский центр «Школа», 2018. 164 с.

Худяков М.Г. Школьные исторические музеи в Казани // Казанский музейный вестник. 1920. № 7–8. С. 48–59.

Худяков М.Г. Петр Алексеевич Пономарев 1847–1919. // ИОАИЭ. 1920а. Т. 30. Вып. 3. С. 245 – 260.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL MATERIALS IN SCHOOL, MUNICIPAL AND LIBRARY MUSEUMS IN TATARSTAN

K.A. Rudenko

The article considers the issues related to the storage and display of archaeological artifacts in school and municipal museums in the Republic of Tatarstan. Many of them feature interesting archaeological collections compiled in the late twentieth century. Until today, they remain scarcely studied and practically not taken into account. The reorganization of the museum system in Tatarstan at the beginning of the 21st century resulted to problems associated with the scientific and methodological support of municipal museums, especially in terms of activities on the establishment of expositions and working with fund collections. The most problematic issues for municipal museums are those related to archaeology. This is largely due to the lack of interaction between archaeologists and museum staff, as well as the issues of storage and scientific processing of artifacts in such museums.

Keywords: archaeology, Tatarstan, storage of archaeological artifacts, municipal museums, school museums, archaeological school circles

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЕВЕДЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В НАУЧНОЙ И ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ

УДК 902/904

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЕВ И УНИВЕРСИТЕТОВ: ВОЗМОЖНОСТИ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

© 2019 г. Т. К. Ютина

Археологические коллекции, полученные в результате раскопок, имеют для исследователей-археологов научное значение как источники по изучению истории общества прошедших эпох. Включенные в состав фондов музея, они становятся музейными предметами (коллекциями) и изучаются специалистами-музеологами. Актуально расширение научного сотрудничества археологов и музея. На основе анализа изученных публикаций отечественной литературы – археологической и музееведческой, рассмотрены вопросы популяризации археологического наследия Российской Федерации. Формы и способы презентации обществу археологических объектов и коллекций различны: это публикации научных результатов исследований, защита научных диссертаций; экспонирование и музеефикация археологических объектов. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации – источник знаний об археологических коллекциях, нацелен на их учёт, сохранение и популяризацию. Археологическое наследие находит отражение в образовательных программах подготовки студентов вузов - археологов и музеологов.

Ключевые слова: археология, археологические коллекции, музей, Госкаталог, археологическое музееведение, сохранение и популяризация культурного наследия.

Ученый-археолог изучает археологические объекты (стоянки, селища, укреплённые городища, некрополи и т.д.). В результате его деятельности – раскопок – формируются археологические коллекции памятников, имеющие для археолога, в первую очередь, научную значимость. Главная цель для археолога – изучить археологический артефакт методами исторической науки, использовать междисциплинарные подходы, методы смежных наук в исследовательском процессе. Место хранения полученных археологических коллекций может быть различно. Они хранятся в фондах учебных музеев (учебных кабинетов) российских вузов, академических учреждений РАН, в фондах музеев различной организационно-правовой формы (государственных, муниципальных, ведомственных и др.). Археологические коллекции фондов музеев становятся музейными археологическими коллекциями, музейными предметами. Хранение и использование их осуществляется в соответствии с российским законодательством в области музейного дела.

Ученый-археолог и музейный работник изучают археологические коллекции: каждый – в соответствии со своими задачами, целью и методами исследования. Имея один и тот же объект изучения и хранения, археолог и музейный специалист бывают далеки друг от друга в оценке информационных возможностей для исследовательского процесса и популяризации предметов археологической коллекции. Подходы к археологическому артефакту (предмету, коллекции) – «изучить-исследовать» и «изучить-сохранить» – имеют часто разные представления взглядов археолога и музейного работника. Вместе с тем, археологическая коллекция становится объектом не только археологических, но и музейных исследований.

Важно отметить, что в период прошедших двух десятилетий XXI в. ярко проявился интерес к проблеме взаимоотношений наук – археологии и музееведения. Обе, активно развивающиеся науки, вступили в полосу тесного переплетения научных интересов, междисциплинарных подходов в изучении,

сохранении и презентации археологического наследия России. Отмечу значительное количество публикаций ученых – археологов и музейных специалистов по данному вопросу. Защищен ряд диссертаций по данной, в частности, А. В. Жукова провела анализ эволюции взаимоотношений археологической науки и музея в период с последней четверти XIX в. до 1990 –х гг. на материалах экспозиций музеев Москвы (Жукова, 2000, 27 с.).

Современный период развития наук – археологии и музееведения характеризуется сближением целей и задач в поисках возможных способов представления археологического наследия обществу и его научной интерпретации. Анализ тематики научных публикаций, проведенный на основе изучения информации, размещенной в базе «РИНЦ», показал актуальность обозначенных выше целей и задач для наук – археологии, музеологии, истории и ряда других.

В научной литературе появились объединяющие две науки термины – «археологическое музееведение», «музейная археология» (Тихонов, 2007. с.544–556; Тихонов, 2009. с. 219–227; Минеева, 2012. 100 с.; Нестеров, 2013. с. 196-198). Журнальный раздел «Археологическое музееведение» отмечен, например, в издании «Известия Иркутского государственного университета» (Бердникова, 2014. с. 94).

В образовательных программах подготовки бакалавров, магистров, аспирантов вузов имеются курсы, включающие междисциплинарный подход при разработке их содержания. Например, на кафедре археологии Санкт-Петербургского государственного университета И.Л. Тихонов читает спецкурс «Археологическое музееведение» (Тихонов, 2018). Бакалаврам РГГУ (направление подготовки 51.03.04. «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия») читается курс «Методы исследования и музеефикация археологических памятников», магистрантам – курс «Межпредметный семинар археологическое наследие России». Основные научные направления кафедры включают как археологию, так и музеологию (11.10.2019). В Ярославском государственном университете – преподается курс «Археологические музеи». В Алтайском государственном университете бакалаврам профиля «Музеология и охрана культурного и природного наследия» читается курс «Археологические коллекции в музеях». (14.10.2019).

В Удмуртском государственном университете археологическая практика рассматривается как ресурс изучения историко-культурного наследия и как форма комплектования археологических коллекций (Казанцева, 2015.; Казанцева, 2016. С. 401–403). Публикуются в вузах учебно-методические пособия, указания по вопросам, связанным с экспозиционно-выставочной практикой археологических коллекций (Кадиева, Спиридонова, 2006.).

Таким образом, археология и музеология на современном этапе развития имеют в поле зрения своего внимание один и тот же объект – археологическую коллекцию (или отдельный археологический предмет) с разными подходами и методами ее (его) учета, изучения (исследования) и хранения. Выработка приемлемых для разных сторон подходов в данном процессе, очевидно, требует внимательного изучения и согласования целей и задач обеих наук на законодательном уровне.

Необходимо отметить, что вопросы сохранения археологических коллекций, популяризация археологического наследия была в числе важных тем обсуждений на возрожденных Всероссийских археологических съездах.

В Решениях I (XVII) Всероссийского археологического съезда в Новосибирске (от 27 ноября 2006 г.) были подняты вопросы сохранения культурного наследия России, отмечалась возрастание более тесной координации деятельности научно исследовательских учреждений РАН, вузов, музеев, государственных органов охраны памятников и др. в области охраны и изучения археологического наследия (10.11.2019).

В решениях II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале (от 24 октября 2008 г.) отмечалась необходимость повышения уровня организации музейного хранения коллекций, вызывало озабоченность современного состояния музейных фондов, отсутствие условий для хранения археологических коллекций (12.10.2019).

На III (XIX) Всероссийском археологическом съезде (Великий Новгород – Старая Русса, 2011 г.) внимание уделялось сохранению археологического наследия, проблемам музеефикации археологических объектов, экспозиционно выставочной деятельности. В разделах «Проблемы сохранения памят-

ников археологии в современной России» и «История археологической науки и место археологии в современном обществе» были опубликованы актуальные статьи по данным вопросам. В решении съезда отмечалась необходимость повышения уровня организации хранений археологических коллекций в музеях (III (XIX) ВАС. Решение съезда от 29 октября 2011 г.).

В числе рабочих секций организованных на IV (XX) Всероссийском археологическом съезде (Казань, 2014) была секция «Археологическое наследие: сохранение, менеджмент, музеефикация, реставрация и проблемы общественного признания». Представленные доклады были посвящены проблемам сохранения (Энговатова, 2014. с. 263−265) и презентации археологического наследия (Труды IV (XX) ВАС. Т. IV. с. 379 –436). В Решении съезда также были отмечены вопросы, связанные с сохранением археологического наследия – археологических коллекций (16.10.2019)

На V (XXI) Всероссийском археологическом съезде (Барнаул–Белокуриха, 2017) , также, уделялось внимание проблемам сохранения археологического наследия, роли археологии в образовании и музейной деятельности. Доклады двух секций «Сохранение археологического наследия в России » и «Роль археологии в образовании и музейной деятельности» были посвящены данным вопросам (Труды V (XXI) ВАС. Т. III. с.168 –215.).

Аналогичные проблемы – сохранение, популяризация археологического наследия, музеефикация археологических объектов, экспонирование археологических коллекций в музеях обсуждались на Уральских археологических совещаниях. В частности, на XX Уральском археологическом совещании обсуждались данные вопросы (Материалы XX УрАС, 2016. с. 401 – 412). На XXI Уральском археологическом совещании (Самара, 2018), на секции «История и теория археологии» было продолжено обсуждение этих проблем (Материалы XXI УрАС, 2018. с. 334 –347).

Актуален сегодня поиск наиболее представительных форм презентаций археологического наследия. Важны решения вопросов использования информационных технологий в музейной деятельности при представлении объектов археологии – памятников, коллекций, отдельных предметов.

В связи с требованиями исполнения статей Федерального законодательства в области сохранения культурного наследия РФ и наполнения данными Музейного фонда Российской Федерации, встал вопрос о повышении квалификации сотрудников музея – хранителей археологических коллекций, имеющих статус музейных. Не каждый музей имеет в своём штате археолога. Возникла потребность более тесного сотрудничества музейного специалиста-хранителя коллекций и археолога.

Археологические коллекции (археологические предметы) требуют особого внимания в подходах к организации их учёта, хранения и использования (Бердникова, 2014. с. 94-109; Перевозчиков, 2017. с. 213–219; Воробьева, 2019. 160 с.; Мухаметшина, 2017. с. 228–233; Загоскин, 2019. 81 с.) и др. Своевременной была организация Всероссийского научно-практического семинара «Археолог и музей: диалог о вечном» (Казань, 2019). Важной является и проблема презентации археологического наследия. Археолог и специалист музея заинтересованы во всестороннем представлении археологического наследия обществу. Обсуждение форм этого представления и подходы к нему находят отражение в современной литературе – как археологической, так и музееведческой (Каменский, 2009. 24 с.; Андреев, 2014. с.195–200).

Презентация археологического наследия – коллекций, памятников, отдельных артефактов имеет различные формы. Остановлюсь на некоторых из них.

Научные публикации как способ представления археологических коллекций. Археологическая коллекция имеет два направления (подхода) изучения: как объект музейной коллекции (археологического артефакта) в исследовании музейного специалиста, так, и как объект научного интереса археолога. Подходы различны, но конечный результат направлен на всестороннее выявление научной и музейной характеристики археологической коллекции (археологического предмета). И в этом смысле, действия археолога-исследователя и научного сотрудника музея (в том числе, хранителя фондов археологии) должны быть направлены в одно русло исследовательского процесса. Как этого добиться? – отдельный вопрос обсуждения.

Исследование отдельных археологических коллекций памятников или категорий

предметов представлено в исследовательских работах археологов: научных статьях, монографиях; научных кандидатских диссертациях по специальности ВАК 07.00.06 «Археология», отмечу, для примера, лишь некоторые из них (Басова, 2010, 22 с.; Русланова, 2015, 17 с.). Вопросам сохранения и государственной охраны археологического наследия посвящена докторская диссертация по специальности ВАК 07.00.02. «Отечественная история» И. М. Минеевой (Казань, 2011, 50 с.).

По направлению специальности ВАК РФ 24.00.03 «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов» защищены диссертации, в которых изучены вопросы музеефикации археологических объектов, презентации археологического наследия (Медведь, 1999. 17 с.; Дробышев, 2011. 24 с.; Нестеров Е.Н., 2013. 28 с.; Каплунов, 2016. 20 с.) и др.

Представление археологических коллекций университетских музеев отражено в работах ученых (Казанцева, 2011.192 с.; Семенов, Моряхина, 2014. с.5–9) и др. Использование археологического наследия (коллекций) в образовательном процессе также находит отражение в публикациях ученых вузов (Корусенко, 2009. с.203–208; Мандрыка П.В., 2019. С. 172–176; Ютина, 2014. с. 266–268). В материалах II Международной научно-методической конференции (Томск, 25–29 сентября 2016 г.) нашла отражение роль музеев университетов в сохранении культурного наследия (Томск, 2016.231 с.)

Каталоги археологических коллекций.

Одной из форм презентации культурного наследия является издание каталогов археологических коллекций (предметов) памятников. Археологические коллекции попадают в сферу научных интересов и музея, и вуза. Вопросам истории создания археологических каталогов посвящены статьи (Руденко, 2011. с. 241–244; Черненко, 2012. с. 114–120; Герасимов, 2012. с.128-136). Каталоги археологических коллекций изданы в Казани, Омске, Уфе, Сыктывкаре и многих других городах. Опубликованы каталоги археологических коллекций и памятников учеными Ижевска, отмечу некоторые из публикаций (Казанцева, 2004. 174 с.; Останина, 2004. 231 с.).

Увеличивается число электронных каталогов. В сети Интернет представлен каталог 16 коллекций Государственного исторического музея, коллекция археологических памятников представлена 61189 предметами (Археологические памятники). Электронный путеводитель музея помогает познакомиться с археологическими экспозициями. Таким образом, посетитель имеет возможность ознакомиться с археологическими коллекциями не только при личном посещении музея, но и в удаленном доступе.

Экспонирование археологического наследия

Традиционной формой представления археологического наследия является экспонирование (постоянные или временные выставки) археологических коллекций, отдельных предметов археологии музеями, университетами, академическими учреждениями, археологическими экспедициями.

Государственные музеи исторического профиля (как крупные центральные, так и провинциальные), как правило, имеют значительные постоянные экспозиции, посвященные археологии, истории изучения древнейших и средневековых периодов, нового времени Отечественной истории регионов. Муниципальные музеи России, в основном, представляют археологические экспозиции, отражающие аспекты археологического наследия конкретной территории – области, республики, города, района и т.д.

Археологические коллекции, полученные в результате научных раскопок экспедициями университетов, также представлены в экспозициях (постоянных и временных) вузовских музеев (учебных музеев, кабинетов), отражены в научных публикациях (Казанцева, Ютина, 2006. с. 158–163). Археологические экспозиции вузовских музеев имеют высокое значение в подготовке студентов историков – бакалавров, магистров, аспирантов.

Временные выставки археологических коллекций, отдельных категорий предметов часто организуются руководителем, коллективом археологической экспедиции в период проведения стационарных исследований памятников. Основная цель таких временных выставок – познакомить местное население с результатами научных раскопок, расширить представление жителей местности об археологическом наследии территории, это способствует пониманию значения охраны памятников от незаконных раскопок (Андреев, 2014. с

195–200.; Ефремова, 2016. 23 с.; Казанцева, Ютина, 2006. с.158–163).

Музеефикация археологических памятников. Формой представления археологического наследия, археологических коллекций является музеефикация археологических объектов России. Прошедшие три десятилетия ознаменованы повсеместным активным развитием этого процесса, анализируется опыт, накопленный в период 2-ой половины XX – начала XXI вв. в сфере музеефикации объектов археологии (Ефремова, 2016. 23 с.) Разрабатываются новые теоретические и практические подходы к разработке концепций музеефикации археологического объекта (Кепин, 2013. с. 150–159; Дробышев, 2011. 24 с.; Каплунов, 2016. 20 с.), практическому воплощению задуманного с использование различных средств, в том числе, информационных и мультимедийных технологий.

Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации.

В период активного развития информационных, мультимедийных технологий отметим и формы виртуального представления археологических коллекций памятников России. Это не только виртуальные экспозиции, выставки, но и другие более значимые электронные ресурсы в сети Интернет.

Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации – федеральная государственная информационная система государственного учета музейных предметов и музейных коллекций, также, может быть, рассмотрен и как способ представления обществу археологического наследия. На страницах российских государственных музеев на портале «Госкаталог. РФ» размещены фотографии, описание, размеры археологических предметов. Таким образом, в системе удалённого доступа можно познакомиться с коллекциями археологических памятников различных регионов России. Госкаталог – один из важнейших ресурсов представления археологических коллекций обществу, материалы каталога являются ценными источниками для научных исследований.

Таким образом, возможности представления и популяризации историко-культурного наследия России – археологических коллекций – включают различные формы. Печатные работы: издание статей, монографий, посвященных научному изучению археологических коллекций (отдельных предметов), истории формирования коллекций, изучению объектов археологии и т.д. характерны, преимущественно, для ученых вузов и академических учреждений. Вместе с тем, в данных учреждениях активно идёт процесс выпуска каталогов собственно археологических коллекций или археологических памятников, с включением в их содержание описание археологических артефактов.

Публикации сотрудников музеев, ориентированы, прежде всего, на изложение методических приёмов исследования музейного предмета, рекомендаций его учета в документации музея, способов хранения, экспонирования коллекций, внесения информации о предмете археологии в информационную внутреннюю электронную систему музея (на платформе «КАМИС») и в Государственный каталог Музейного фонда РФ и т.д. Это печатные и электронные каталоги коллекций музея; публикации, посвященные вопросам экспонирования археологических коллекций (постоянные и временные выставки). Вместе с тем, необходимо отметить и наличие музейных публикаций, отражающих результаты всестороннего научного изучения археологической коллекции (отдельного предмета) методами исторических наук (археологии, в первую очередь). Это характерно для музеев, которые ведут собственные полевые археологические раскопки или в штате музея есть научные специалисты-археологи.

Форма экспонирования (постоянные и временные выставки) археологических коллекций, как способ популяризации археологического наследия, используется учреждениями различного типа: вузами, музеями, учреждениями академии наук РФ. Фундаментальные постоянные археологические выставки, отражающие историю прошлых эпох России в целом или отдельного региона, имеют государственные музеи РФ, выставки муниципальных музеев ограничены ресурсами своей территории.

Вузы и академические учреждения, презентуют, прежде всего, в экспозициях музеев (учебных музеях, кабинетах) результаты научных полевых изысканий археологической экспедиции своей организации. Вузовские учебные музеи ориентир ованы, в первую очередь, для использования археологических коллекций в научно-образовательных целях подготовки студентов по

направлениям «История», «Археология», «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» и др., а также популяризации археологического наследия гражданам страны.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев В.М. Интерпретативность археологического наследия и его музейная презентация // Фундаментальные исследования. 2014. № 11. С. 195−200.

Археологические памятники. Электронный каталог музейных предметов Государственного исторического музея URL: https://catalog.shm.ru/entity/COLLECT/5?index=0 Дата обращения 15.10.2019.

Басова Н.В. Серьги и височные подвески населения юга западной Сибири (V–XVIII вв.). Автореф. дисс…канд. ист.наук. Новосибирск, 2010. 22 с.

Бердникова Н.Е. Археологические объекты, коллекции и проблемы хранения // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология» 2014. Т.10. С. 94–109.

Воробьева С.Л. Комплектование, учет, хранение и научное описание археологических коллекций в музеях: правовые аспекты и практический опыт. Научно-методическое пособие. Уфа: Национальный музей Республики Башкортостан, 2019. 160 с.

Герасимов Ю.В. Каталогизация археологических фондов в российских музеях: История и перспективы // Вопросы музеологии. 2012. № 1(5). С. 128−136.

Дробышев А.Н. Музейный парк как форма презентации археологического наследия. Автореф. дисс…канд. культурологии. Кемерово, 2011. 24 с.

Ефремова Е.В. Проблемы музеефикации объектов археологического наследия в России в отечественных исследованиях 1961 –2012 г. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Томск, 2016. 23 с.

Жукова А.В. Эволюция взаимоотношений археологической науки и музея (на материалах экспозиций музеев Москвы). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2000, 27 с.

Загоскин Д.В. Вопросы нормативного регулирования и организации учетно-хранительской деятельности в музее. Учебно-методическое пособие для руководителей и специалистов музейной сферы. Томск: Томский областной краеведческий музей имени М. Б. Шатилова, 2019. 81 с.

Казанцева О.А. Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области / МИКВАЭ. Т.14. Ижевск: УдГУ, 2004. 174 с.

Казанцева О.А. История музеев Удмуртского государственного университета. Ижевск, Изд-во «Удмуртский Университет», 2011. 192 с.

Казанцева О.А. Археологическая практика как ресурс изучения историко-культурного наследия : учебное пособие. Ижевск: Удмуртский университет, 2015. 77 с.

Казанцева О.А. Археологические полевые исследования как форма комплектования археологических коллекций// Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному знанию (XX Уральское археологическое совещание) : материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 401–403.

Казанцева О.А., Ютина Т.К. Выставка археологических древностей «Сокровища земли Бардымской» // Оборинские чтения : материалы регион. археол. конф. Вып. 4. / Отв. ред. Г. Н. Чагин. Пермь. 2006. С. 158−163.

Кадиева Е.К., Спиридонова Е.В. Музейно-выставочная археология: указание для студентов исторического факультета. Ярославль: ЯрГУ, 2006. 39 с.

Каменский С.Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках: Автореф. дисс…канд. культурологии. Екатеринбург, 2009. 24 с.

Каплунов В.А. Комплексный музей-заповедник на основе археологического памятника как тип современного музея. Автореф. дисс…канд. культурологии. Кемерово. 2016 . 20 с.

Кепин Д.В. Концептуальные подходы к проектированию «Археопарков» // Вопросы музеологии. 2013 № 2(8). С. 150−159.

Кафедра музеологии. Факультет истории искусства РГГУ. URL: http://museolog.rsuh.ru/ Дата обращения 11.10.2019

Корусенко М.А. Музей вуза и академический музей: поиск точек взаимодействия (на примере МАЭ ОМГУ и музея народов Сибири Омского филиала ИАЭТ СО РАН) // Академические и вузовские музеи: роль и место в научно-образовательном процессе. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. Э.И. Черняк. Томск: Томский государственный университет, Научно-образовательный центр "Музей и культурное наследие. 2009.С. 203–208.

Мандрыка П.В. Археологические коллекции музея Сибирского Федерального университета в научно-исследовательской работе студентов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 3 (35). С. 172−176.

Медведь А.Н. Музеефикация средневековых памятников археологии. Автореф. дисс…канд. истор. наук. М., 1999. 17 с.

Минеева И.М. Сохранение, использование и государственная охрана археологического наследия Южного Урала во второй половине XIX – начале XXI вв. Автореф. дисс… докт. ист. наук. Казань, 2011. 50 с.

Минеева И. Музейная археология в Башкортостане. Развитие археологических исследований в музеях Башкортостана в XIX – XX вв. Из-во: Palmarium Academic Publishing, 2012. 100 с.

Мухаметшина А.С. Археология в музее: проблемы приёма и учета коллекций (из опыта музея археологии Татарстана Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ// Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 228−233.

Музеи университетов Евразийской ассоциации и их роль в сохранении культурного наследия: материалы II Международной научно-методической конференции (Томск, 25–29 сентября 2016 г.)/ отв. ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том.ун-та,2016. 232 с.

Нестеров Е.Н. История сохранения и использования археологических движимых памятников музеями Алтая в 1823 – 2012 гг. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Томск, 2013. 28 с.

Останина Т.И. Археологические коллекции Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда: Каталог. Ижевск: Удмуртский государственный университет. 2004. 231 с.

Перевозчиков В.И. Методология отнесения археологических предметов к основному, научно-вспомогательному и сырьевому фондам в свете музейной практики последних десятилетий // Вестник Танаиса. Вып. 4. / Отв. ред. В.И. Перевозчиков. Недвиговка: Из-во АМЗ «Танаис», 2017. С. 213–219.

Решения I (XVII) Всероссийского археологического съезда. Новосибирск, 27 ноября 2006 г. URL: https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/arheologicheskie%20syezdi/i/resheniya_novosibirsk.pdf Дата обращения 10.11.2019

Решения II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Суздаль, 24 октября 2008 г. URL: https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/arheologicheskie%20syezdi/ii/resheniya_ii.pdf (Дата обращения 12.10.2019)

Решения III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса, 29 октября 2011 г. URL: https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/arheologicheskie%20syezdi/iii/resheniya_iii.pdf (Дата обращения 13.10.2019)

Руденко К.А. Археологические каталоги массового материала (железные наконечники стрел, пряжки, накладки): подготовка, структура, подходы, описание // Шестые Берсовские чтения: материалы Всероссийской археологической научно-практической конференции / Отв. ред. В. В. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 241–244.

Русланова Р.Р. Бусы могильников Уфимско-бельского междуречья III–VIII вв. Автореф. дисс… канд. ист.. наук. Ижевск, 2015. 17 с.

Семенов Д.А., Моряхина К.В. История развития музея археологии и этнографии Пермского Предуралья ПГГПУ // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2014. № 4. С. 5−9.

Тихонов И.Л. Археологическое музееведение или музейная археология: реалии, проблемы, перспективы// Труды по русской истории. Сборник статей в память о 60-летии Игоря Васильевича Дубова/ Отв. ред. В. М. Воробьев. М.: издательский дом «ПАРАД», 2007. С. 544–556.

Тихонов И. Л. Археологическое музееведение : постановка проблемы // Музеология–музееведение в XXI веке: проблемы изучения и преподавания. Материалы Международной научной конференции. (г. Санкт-Петербург, 14−16 мая 2008 г.) / Отв. ред. А. В. Майоров. СПб., 2009. С. 219–227.

Тихонов И.Л. Археологическое музееведение. Курс лекций. 2018. URL: https://history.spbu.ru/arch-sotrudniki/details/6/137.html Дата обращения 07.10.2019

Томилов Н.А., Кильдюшева А.А., Патрушева Г.М. Музею археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского – 40 лет// Музеи научных и учебных заведений: история, вклад в сферы знания и образования. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2015. С. 245−255.

Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб-М-Великий Новгород, 2011. 424 с.: илл.

Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV / Отв. ред. Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. 443 с.

Решения IV (XX) Всероссийского археологического съезд. Казань, 25 октября 2014 г. URL: https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/arheologicheskie%20syezdi/iv/resheniya_iv.pdf Дата обращения 16.10.2019

Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т.III. / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. 220 с.

XX Уральское археологическое совещание// Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному знанию (XX Уральское археологическое совещание) : материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. 424 с.

XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И.Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б.Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. 364 с.

Учебный план «Археологические коллекции в музеях» по программе бакалавриата 51.03.04. «Музеология и охрана культурного и природного наследия» ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». URL: http://www.asu.ru/files/sveden/education/plan/Ucheb_plan_z51_03_04_muzeologia-3-2019_2017_25.06.2019.pdf Дата обращения 14.10.2019

Черненко Е.А. Отечественные музейные археологические каталоги второй половины XX века/ / Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. Выпуск 1 (18). С. 114–120.

Энговатова А.В. Сохранение археологического наследия в современной России // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани Т. IV / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 431–433.

Энговатова А.В., Колдаева Н.Т. Сохранение археологического наследия в России: анализ изменений в федеральном законодательстве // Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. III. / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Алтайский университет, 2017. С. 200–204.

Ютина Т.К. Археологические музеи Приуралья в системе высшего профессионального образования // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани Т. IV. / Отв. ред. А. Г. Ситдиков, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 266−268.

Информация об авторе:

Ютина Татьяна Карловна, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); yutinatk@yandex.ru

ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS OF MUSEUMS AND UNIVERSITIES: OPPORTUNITIES TO POPULARIZE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

T. K. Yutina

Archaeological collections obtained as a result of excavations are scientifically important for archaeological researchers as sources for the study of the history of past societies. After their inclusion in museum funds, they become museum objects (collections) studied by museology experts. Of particular relevance is the expansion of scientific cooperation between archaeologists and museums. Based on an analysis of studied Russian publications on archaeological and museum studies, the authors considered the issues of popularization of the archaeological heritage of the Russian Federation. The forms and means of presentation of archaeological objects and collections to the society are different, from publications of scientific research results, defense of scientific theses; exhibiting and museumification of archaeological sites. The state catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation is a source of knowledge on archaeological collections intended for their accounting, preservation and popularization. Archaeological heritage is reflected in academic programs for university students - archaeologists and museologists.

Keywords: archaeology, archaeological collections, museum, state catalogue, archaeological museology, preservation and popularization of cultural heritage.

About the Author:

Yutina Tatiana K. Candidate of Historical Sciences, Udmurt State University, Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Republic of Udmurtia, Russian Federation; yutinatk@yandex.ru

УДК 902:069.5(045)

ДЕЛИТЬ НЕЛЬЗЯ ИЗУЧАТЬ (ЦЕЛОСТНОСТЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ТРУДНОСТИ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

©2019 г. О.А. Казанцева

Обсуждаются вопросы неделимости археологических коллекций в связи с принятием Федерального Закона о передаче археологических коллекций в государственный музейный фонд Российской Федерации через 3 года после окончания раскопок памятника. Институт Археологии РАН в Положении о проведении археологических раскопок предписывает всю коллекцию (предметы, антропологию, остеологию) сдавать в государственные музеи. Актуален вопрос об исследовании археологических коллекций в государственных музеях, который имеет ряд сложностей при работе ученого. Основной проблемой среди них является ограничения применить методы, ведущие к частичному разрушению экспонатов. Поднимается проблема прав автора в первоочередной публикации коллекции. Уделено внимание нормам профессиональной археологической научной этики относительно использования автором раскопок и другими учеными научного отчета и археологической коллекции для публикации. Предлагаются рекомендации по увеличению срока исследования археологической коллекции памятника до 5 лет, раскопки которого имеют срок более 20 лет и являются реперным памятником для определенной территории, материалы которого имеют существенное значение для реконструкции исторических процессов. Важным шагом Института археологии должна быть разработка методических рекомендаций для выделения, возможно, части коллекции, которая будет предметом исследования узких специалистов.

Ключевые слова: археология, коллекция, музей, изучение музейных предметов, статус ученого, нормы профессиональной этики.

В современной археологии обращение к пониманию, исследованию археологической коллекции вызывает огромный интерес не только у профессиональных археологов, но и у работников музеев России.

Археологические коллекции – систематические собрания предметов археологии. Являются основой для создания археологических музеев или составной частью краеведческих музеев и музеев исторического профиля (Археологическая коллекция. Российская музейная энциклопедия. URL: http: // museum.ru›colvid.asp?arch (дата обращения: 01.05.2019).

Музейная коллекция – совокупность культурных ценностей, которые приобретают свойства музейного предмета только будучи соединенными вместе в силу характера своего происхождения, либо видового родства, либо по иным признакам (Федеральный закон о Музейном фонде Российской Федерации и музеях РФ от 03.07.2016 г. №357-ФЗ, ст. 3. URL: https://duma.consultant.ru/documents/3711529 (дата обращения: 05.05.2019).

Данные определения представлены неполно, так как коллекции еще отличаются по значимости для науки, по времени и содержанию, массовости и уникальности, являются предметом изучения не только археологов, музейщиков, но и искусствоведов, биологов, антропологов и других ученых в обществе. Теоретически любая музейная коллекция может исследоваться бесконечно, в зависимости от поставленных исследовательских задач ученого. Наука стремительно развивается, появляются новые методы и методики исследования предметов, позволяющие на новом качественном уровне изучить коллекции мира материальной культуры.

Археологическая коллекция, с точки зрения историка-археолога, должна отвечать ряду принципов: бережность, сохранение информации, проверяемость, перспективы, всесторонность изучения и т.д. Особое место среди них занимает принцип комплексности, который провозглашает интерес к единому – массовому материалу и уникальному (Клейн, 2001, с. 63–64).

Цель статьи – рассмотрение вопроса целостности археологической коллекции, заключающейся в ее неделимости между учреждениями, задачи – возможности и труд-

ности научного исследования коллекций для ученого.

В отечественной археологической науке уже практически 20 лет обсуждаются проблемы комплектования, хранения, учета, изучения и превентивной консервации, реставрации, а также экспонирования археологических коллекций. Отметим в качестве примера некоторые публикации, в которых авторы представляют опыт и практическое решение тех или иных проблем, связанных с археологическими коллекциями и их исследованием, хранящихся в государственных музеях (Агаркова, Селянина, 2017, с. 205–207; Бердникова, 2014, с. 94–109; Бугров, 2004, 26–34; Воробьева, 2016, с. 108–123).

В связи с представлением предметов в Госкаталоге музейного фонда РФ возник ряд проблем, связанных с учетом, презентацией и атрибуцией археологических коллекций (Кекеев, Менкенова, 2017, с. 111–117). Появляются публикации, анализирующие сайты музеев, содержащих археологические предметы (Ютина, 2016, с. 157–161).

Заслуживают внимания работы, рассматривающие проблемы учета и хранения археологических коллекций в конкретных республиках, например, в Удмуртии имеется опыт успешного хранения археологического металла, выработаны позитивные способы сохранения изделий из них (Дорфман, Останина, 1999, с. 135–138; Останина, 2000, с. 78–80), Республике Татарстан (Руденко, 2013, с. 44–51; Мухаметшина, 2017, с. 228–233). Авторы анализируют археологическое наследие с применением естественнонаучных методов в вузовских музеях (Чижевский, Антипина, Асылгараева, Нуретдинова, 2018, с. 68–87; Чижевский, Антипина, Асылгараева, Нуретдинова, 2019, с. 84–103).

Популярным изданием среди археологов и музейщиков являются каталоги археологических коллекций как в целом по району полевых работ, так и по отдельному памятнику, музею, а также к тематическим выставкам (Казанцева, 2004; Останина, 2004;Останина, Канунникова, Степанов, Никитин, 2011; Достояние…, 2015; Федотова, 2011, с. 141–152; Кладовая…, 2015). Тема каталогизации актуальна, публикации авторов содержат общие историографические обзоры изданий в России (Герасимов, 2012, с. 139–147; Черненко, 2012, с. 114–120).

Археологи подчеркивают важность археологических раскопок как основной формы комплектования археологической коллекции (Казанцева, 2016, с. 401–403), презентации коллекции обществу после завершения раскопок на месте работ (Казанцева, 2015, с. 125–127).

Современным подходом формирования археологических коллекций является научный подход, при котором коллекция признается историческим источником (Сорокина,2014, с. 364), следовательно, исследоваться она должна с применением новейших методов и современных методик.

Своевременными являются проблемы, связанные с законами в области археологии и музейного фонда (Яншина, 2007, с. 99–102), принятием этических норм в среде археологов, которые разрабатывались А.А. Формозовым (Кореняко, 2004, с. 36–47).

Как показывает краткий историографический обзор отечественной литературы, многие проблемы, связанные с археологическими коллекциями, решены в конкретных музеях, но, тем не менее, остается еще много вопросов.

Археологические коллекции хранятся в государственных музеях (по классификации музеи могут быть не только исторического профиля), муниципальных музеях, ведомственных музеях, учебных кабинетах (вузы, школы, НИИ). Следует отметить, что археологические коллекции являются предметом интереса частных коллекционеров в России и мире, состав и объем которых пока не учтен. Полагаю, что археологическая коллекция должна быть востребована как часть историко-культурного наследия России, независимо от того, где где она хранится (государственный или ведомственный музей, частный коллекционер). Тем не менее, коллекции предметов археологии имеют отличия в музейных и не музейных учреждениях.

Археологические коллекции не музейных учреждений (НИИ, вузы) в отличие от государственных музеев имеют свои правила комплектования, систему учета, способы хранения, методы исследования, формы публикации и экспонирования.

Статус исследователя археологической коллекции. Археолог, занимающийся определенной темой в науке, может представлять Научно-исследовательский институт, государственное образовательное учреждение

высшего образования (ВО) и обладать разными возможностями изучения предметов, связанными с выбором методов и определенными финансами.

Археолог, являясь держателем Открытого листа, отвечает за исследование коллекции, ее хранение и сохранность. Он обязан изучить коллекцию памятника за 3 года после окончания полевых работ. Но возможно ли это? В теории, да. На практике изучение коллекции будет зависеть от состава и количества вещей объекта, разнообразия материалов и финансовых возможностей. Важное значение имеет спектр современных научных методов и методик с помощью которых будут изучаться предметы коллекции. Узкие специалисты в науке (спектральщик, палеоботаник, антрополог, остеолог и т.д.), безусловно, доступны для взаимодействия, но существует очередь на определения (анализы) к ученому. За 3 года можно не успеть, процесс растянется на годы ожидания научных результатов. Огромную роль при междисциплинарных исследованиях играют личные контакты ученого.

Музейщик не может использовать все методы исследования археологических предметов и в том числе разрушающие структуру вещи и /или отдать на определение узкому специалисту. Например, в 90-е гг. XX в. возможность изучить древнее гончарство по материалам коллекций могильников мазунинской археологической культуры в Прикамье в Национальном музее УР им. К. Герда (г. Ижевск) обернулось для автора статьи определенным ограничением. Керамику нельзя было ломать, а для технологического исследования нужен был свежий слом. Анализы не состоялись.

Система учета археологических коллекций ведомственных учреждений отличается от требований государственных музеев. Долгое время полевая опись на месте раскопок и коллекционная опись, составленная в камеральных условиях, оформлялась не с предметного слова (железный нож). Далее, номера предмету, состоящему из нескольких частей, присваивали разные. Например, ожерелье могло иметь номер 1-560, а предмет один. Глиняный сосуд, состоящий из множества фрагментов (номера 1-50), но предмет один. Такая учетная система требует корректировки. Безусловно, это кропотливая и длительная работа по переводу всех археологических коллекций к единой системе учета, принятой в государственных музеях. Специалистов, умеющих научно обработать археологическую коллекцию, в государственных музеях недостаточно. В вузовских музеях (учебных кабинетах) не предусмотрены ставки для сотрудников, занимающихся учетом. Возможно, целесообразно оценить археологические коллекции с точки зрения их важности для истории конкретного региона и передать только реперные коллекции после изучения для сохранения и экспонирования в государственные музеи. Назначение коллекций в вузе как образовательном учреждении – выполнять роль наглядных пособий, служить базой для науки и способствовать повышению образовательного уровня студентов в области археологии. В большинстве своем, коллекции созданы за период учебных полевых практик студентов и являются базой для подготовки курсовых и выпускных квалификационных работ, научных докладов и публикаций не только студентов, но и преподавателей, научных сотрудников, именно в этом состоит важное отличие вузовской коллекции от музейной.

Учет археологических коллекций подразумевает обеспечение сохранности предмета от порчи и краж. Но в настоящее время система учета археологических коллекций остается разной в учреждениях, она не унифицирована и нуждается в доработке и/или выработке единых правил и подходов.

Рассмотрим ситуацию, если коллекция будет разделена – часть хранится в не музейном учреждении, другая – в музее. К чему приведет деление археологической коллекции? Прежде всего, к ограничениям в ее же исследовании. Методы, которые требуют разрушения вещи, не могут применяться к музейным предметам в коллекции. Нет узких специалистов для исследования археологических коллекций, а иногда и реставраторов в штате музея.

Ученому, поставив цель публикации коллекции, необходимо будет затратить больший промежуток времени на ее сбор (крайний вариант – разные города или крупный город, куда необходимо будет приехать на период изучения или знакомства с коллекцией). Существенны финансовые затраты на проезд, проживание ученого, фотосъемку и зарисовку вещей, это при условии, что археолог все умеет делать сам, а если нет, то фотографа и художника надо приглашать, тогда расходы

увеличатся, необходимо будет обеспечить их всем необходимым для работы и жизни.

Таким образом, делить, нельзя изучать – это определенное ограничение для археологов-исследователей при обращении к коллекции в музее. Делить, нельзя изучать коллекцию возможно в том случае, когда археологические предметы имеют риск в обеспечении сохранности (открытый доступ в системе хранения, нарушения температурно-влажностного режима и правил учета, что приводит к утрате свойств предмета, краже вещей и т.д.).

С другой стороны, как будет осуществляться в государственном музее доступ к коллекции автора раскопок? Музей может выставить часть коллекции в экспозицию, а как же будет соблюдаться первоочередное право публикации автора, создателя этой коллекции? Не ясно. При передаче коллекции будет проблема, связанная с пониманием того, что археолог должен сдать в музей только аттрактивные, экспрессивные предметы – довольно частое рассуждение, которое можно слышать в обществе. В своей практике мне тоже приходилось получать такое предложение. На вопрос, как будем делить коллекцию, немедленно прозвучал ответ – вам керамику и железо, а нам – серебро и бронзу, и это был ответ директора музея районного масштаба.

Возможна ситуация другая – делить коллекцию, чтобы ее изучать, которая возникла в результате компромисса двух сторон, участвующих в приеме и сдаче археологической коллекции между музеем и не музейным учреждением. Вероятно, целесообразно оставлять часть предметов (обломки от вещей, бус, глиняных сосудов) археологической коллекции для специальных анализов (спектрального для металла, технико-технологического – для керамики и т.д.), так как после сдачи коллекции в музей ничего изъять уже будет невозможно. В этом случае ИА РАН (г. Москва) необходимо разработать методические рекомендации ученым по отбору количества фрагментов для проб и дальнейшего изучения коллекции. В археологической коллекции, вероятно, надо выделить фонд сырьевых материалов (объекты органического мира), которые будут находиться на временном хранении в музее, а главное – могут и должны быть изучены (антропологические, остеологические материалы).

Проблемы для музейных работников тоже возникают и, в основном, касаются наличия помещения, отвечающего всем требованиям для хранения археологических коллекций и массового материала в том числе. В государственном музее возможны в штате реставраторы, в не музейных учреждениях их, как правило, нет. Интерес к содержанию археологической коллекции у музейщиков чаще всего вызван возможностью экспонирования аттрактивных вещей, а не всей коллекции.

Делить нельзя, изучать – такой подход позволяет археологам-исследователям подойти ответственно к изучению, введению в научный оборот материалов, вопрос в другом – как успеть за 3 года. Атрибуция и исследование коллекции или отдельных предметов может занимать гораздо больший период времени.

Целесообразно изучение археологических коллекций полученных в результате многолетних археологических раскопок памятников федерального значения до передачи в государственный музей. При условии, что материалы исследуются автором раскопок, результаты ежегодно публикуются, приглашаются для анализа материалов узкие специалисты, коллекция презентуется на выставках (в том числе, по итогам археологических работ в поле).

Права исследователя. При передаче коллекции на хранение в государственный музей, вероятно, надо оговаривать при передаче коллекции особые условия, в которых перечислить обстоятельства выдачи и экспонирования или вообще не показа вещей, условия публикации и возможности (ограничения) доступа для работы с коллекцией автору и других ученых.

Соблюдение этических норм при работе с коллекциями, когда авторы раскопок памятника разные за длительный период исследования объекта. С одной стороны, каждый имеет право на «свою» часть, но памятник-то один, следовательно, только искусство договариваться между собой и будет лучшим результатом для исследования и публикации памятника.

Таким образом, тема утраты целостности археологической коллекции – серьезная проблема в научном и музейном обществе и решать ее в большинстве своем надо на местах, всем археологам России. Насколько коллекция будет доступна самому автору – ее создателю? Не опередят ли его другие ученые

в исследовании и публикации? Поясню на примере. Есть коллекция, ее никто не изучает (нет специалистов в этой области), она собрана не по научной теме не музейного учреждения – лучше сдать ее в музей. Другой пример, коллекция собирается десятилетиями, передать часть от нее в музей – потерять целостность. Исследователь, в перспективе планирующий изучать и публиковать материалы, должен иметь срок для подготовки к изданию гораздо больше – минимум до 5 лет.

Вероятно, следует ранжировать археологические объекты по типам (поселения и могильники), эпохе, времени функционирования, площади, объему массового материала в коллекции. Кроме того, понятие «массовый материал» для каждой эпохи свое. Такой подход позволит четче определить время, необходимое для исследования конкретных коллекций.

Археологическая коллекция не должна делиться на части, при условии, если она находится под охраной, созданы оптимальные условия хранения и всестороннего изучения, а также возможность презентации ее обществу.

В научных и музейных учреждениях должна соблюдаться целостность археологической коллекции, но с обязательной перспективой введения ее в научный оборот. В этих условиях, прежде чем планировать археологические раскопки, руководитель организации будет думать, где ее хранить, кто будет изучать, какими возможностями сохранения археологических материалов располагает учреждение, а также обеспечат ли полноценное (с привлечением методов современной науки) исследование и дальнейшую публикацию для научного мира. Раскопки ради получения коллекций, которые затем не изучаются десятилетиями, – это реальный факт, которого не должно быть в современном археологическом мире, особенно в условиях роста хоздоговорных работ и количественном преобладании разведок над стационарными раскопками.

С другой стороны, коллекция коллекции рознь. Археологическая коллекция, полученная в результате многолетних стационарных раскопок, требующая монографического издания материалов памятника (объекта наследия федерального уровня), не должна быть обременена рамками изучения трех лет и передачи части коллекции в другое учреждение (даже в государственный музей) пока автор (держатель Открытого листа) работает с коллекцией (предметы, антропология, остеология, палеоботанические пробы и т.д.), публикует результаты исследования в научных статьях.

Важна тема реставрации предметов после применения разрушительных методов исследования перед сдачей коллекции в музей. В обязательном порядке вещам, побывавшим на специальном исследовании, например, металлографическом, должна быть воссоздана их морфология.

Коллекция археологическая «комплектуется» научным отчетом. Возникает некое противоречие. Некоторые ученые публикуют из научного отчета материалы, не дожидаясь окончания раскопок памятника и даже не работая с предметами по месту хранения коллекции, не спрашивая разрешения у автора памятника. Такие факты явно свидетельствуют о необходимости не только обсуждать имеющуюся проблему, но и вырабатывать археологам, как любому научному сообществу, свои нормы профессиональной этики в работе с материалами и отчетом памятника. Существуют профессиональные нормы в среде реставраторов, считаю, что и в среде археологов они тоже должны быть приняты. Полагаю, что в этом плане археологическому сообществу есть над чем поработать.

Итак, перед археологами стоят важнейшие проблемы, связанные с археологическими коллекциями. На основе анализа ситуации с археологическими коллекциями, отметим следующие рекомендации.

1. Музейная коллекция должна быть неделимой, независимо от статуса учреждения: государственное или негосударственное, музейное и не музейное. Успешные примеры хранения и экспонирования археологических коллекций есть, например, в мемориальном музее «Разночинный Петербург» (Екименкова, 2018, с. 233–241). Научные сотрудники освоили правила хранения нумизматики и успешно применяют их в своей деятельности. По их мнению, самое главное – археологическую коллекцию можно включать в выставки самой разнообразной тематики.

2. Правила комплектования, учета, хранения для археологических коллекций должны быть унифицированы, возможно, пересмотрены для не музейных учреждений, что позволит изучать предметы, а не только хранить и экспонировать. Это уже нашло отражение в Федеральном законе от 3 июля

2016 года № 357-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О музейном фонде РФ и музеях в РФ», где говорится о неделимости музейной коллекции в ст. 7 (собрание музея).

3. Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР, действовавшая с 1984 г. отменена (Инструкция по учету и хранению…, 1984), новые документы находятся в стадии разработки, остается надеяться на их завершение (Федеральный закон «О внесении изменений в федеральный закон «О музейном фонде РФ и музеях в Российской Федерации» от 3 июля 2016 года. № 357-ФЗ (URL: https://duma.consultant.ru/documents/3711529 (дата обращения: 05.05.2019). Необходимы новые Инструкции по полевой консервации и сохранению археологических предметов в связи с появлением новых антисептиков и консервантов, от которых зависит дальнейшая судьба предмета в камеральных условиях.

Необходима новая система учета археологических вещей для не музейных (вузовских, университетских) учреждений. Очевидна необходимость разработки единого Положения об учете и хранении археологических коллекций для ведомственных музеев.

4. Важна подготовка и издание публикаций (электронных в том числе) – каталогов археологических коллекций в не музейных учреждениях, например, в университетах. Каталогизация коллекций в электронном виде позволит, прежде всего, оценить объем археологического наследия в этом секторе (в вузах в том числе).

5. Разработка и оформление норм профессиональной этики, регулирующих научную работу с археологической коллекцией, уточнение правил пользования научным отчетом в архивах. Институтом археологии РАН четко должны быть определены возможности и ограничения работы археологов с коллекциями по статусу исследователя: автор и другие ученые, учитывающие цели публикации. «Комплект» коллекции составляют предметы материальной культуры и документы: опись вещей, научный отчет. Важны этические нормы изучения коллекции и ее публикации. Один копает, добывает коллекцию, другой изучает, а третий (не имеет отношения к археологическим раскопкам) публикует – это крайний вариант, существующий в отечественной археологической науке. Идеальный вариант, когда все процедуры изучения в руках одного исследователя (или авторского коллектива) и учреждения (сделавшего заявку на Открытый лист), а также грамотное хранение и обеспечение сохранности коллекции. Автор имеет право первым публиковать коллекцию, о чем свидетельствует Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации, утверждено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 27 ноября 2013 г. № 85 (URL: https://www.archaeolog.ru/media/2014/polozhenie_opi_v0915.pdf (дата обращения: 05.05.2019). Документ требует корректировки в плане увеличения времени на исследования археологических коллекций, полученных в результате многолетних стационарных раскопок памятника.

6. Определение статуса исследователя: автор раскопок и другие ученые. Положение автора в подготовке и издании материалов археологической коллекции должно быть приоритетно и обозначено в документах (Положение…, 2013 (дата обращения 05.05.2019)). В настоящее время у исследователя коллекции – археолога – больше обязанностей, чем прав и возможностей, но только у него, в отличие от остальных ученых, должно быть право беспрепятственного доступа к коллекции и это право должно быть отражено в документах. Другие ученые, заинтересованные в его материалах, не должны составлять научную конкуренцию в обработке коллекции, ее изучении и публикации.

7. Механизм исследования коллекции должен быть четко обозначен в документах, разработанных Институтом Археологии РАН (г. Москва) и разделен на две части: до сдачи в музей и после сдачи в музей. Методически необходимо обозначить возможности и требования в отношении изучения отдельных частей археологической коллекции: предметы (вещи), антропология, остеология, манупорты и сырьевой фонд, который автор оставит для изучения разрушительными методами, и определен срок исследования.

Институту археологии РАН (г. Москва) необходимо и в дальнейшем собирать заинтересованных коллег на научные обсуждения (конференции, семинары, круглые столы), обобщать опыт и разрабатывать рекомендации (положения) не только о механизме исследования и передаче археологических коллекций в музеи, но и о статусе авторов коллекций,

Кодексе археолога. Возможности изучения археологических коллекций будут зависеть от решений, которые примет археологическое сообщество.

Самое важное – не допустить, чтобы в среде археологов утвердилась практика, при которой, один ученый еще изучает памятник в поле, а другой исследователь уже публикует материалы этого объекта в монографии или научной статье.

Археологические коллекции – древнейшая часть историко-культурного наследия, следовательно, деление коллекции на части будет затруднять ее изучение учеными, а целостность коллекции, наоборот, обеспечит ее всесторонне исследование.

ЛИТЕРАТУРА

Агаркова А.Б., Селянина М.Ю. Об учете археологических предметов и коллекций (из опыта работы Сургутского краеведческого музея) // Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. III / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017.

Археологическая коллекция. Российская музейная энциклопедия. Доступно по URL: http: // museum. ru›col vid.asp?arch (дата обращения: 01.05.2019).

Бердникова Н.Е. Археологические объекты, коллекции и проблемы // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология, Антропология». 2014. Т. 10. С. 94–109.

Бугров Д.Г. Археологические коллекции общества археологии, истории и этнографии в фондах Национального музея Республики Татарстан: к истории передачи (по документам из Архива сектора учета НМ РТ) // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона / Редкол.: Р.К. Валеев и др. Казань: Каз. гос. ун-т, 2004. С. 26–34.

Воробьева С.Л. Специфика научной инвентаризации (вторичного учета) археологических коллекций (на примере работы Национального музея Республики Башкортостан) // Вопросы музеологии. 2016. № 2. С. 108–123.

Герасимов Ю.В. Каталогизация археологических фондов в российских музеях: история и перспективы // Вопросы музеологии. 2012. № 15. С. 139–147.

Достояние республики: каталог коллекций Национального музея Удмуртской Республики имени Кузебая Герда: к 95-летию основания музея. Ижевск: Удмуртский изд. дом, 2015. 247 с.

Дорфман А.М., Останина Т.И. Опыт консервации музейных коллекций археологического металла // РА. 2001. № 2. С. 135–138.

Екименкова О.П. Вопросы систематизации и учета археологических коллекций в непрофильных музеях (на примере коллекции мемориального музея «Разночинный Петербург») // Рериховское наследие. Семнадцатая междунар. науч.-практ. конф. «Рериховское наследие». Санкт-Петербург, 2018. С. 233–241.

Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР. М.: Министерство культуры СССР, 1984. 151 с.

Казанцева О.А. Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 14. Ижевск, 2004. 176 с.

Казанцева О.А. Популяризация археологического наследия как форма предупреждения незаконных раскопок // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы. М.: ИА РАН, 2015. С. 120–131.

Казанцева О.А. Археологические полевые исследования как форма комплектования музейных коллекций // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 401–403.

Кекеев Э.А., Менкенова Б.Ш. База данных археологических коллекций Национального музея республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова и аспекты ее применения // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 3. С. 111–117.

Кладовая времени. Из коллекций Археологического музея Казанского университета / сост. Ф.А. Ахметгалин. Казань, 2015. 56 с.

Клейн Л.С. Принципы археологии. СПб.: Бельведер, 2001. 152 с.

Кореняко В.А. Этические проблемы и кризисные явления в археологии // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова) / Ред. и сост. В.И. Гуляев, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2004. С. 36–47.

Мухаметшина А.С. Археология в музее: проблемы приема и учета коллекций (из опыта музея археологии Татарстана института археологии им. А.Х. Халикова РТ) // Археология Евразийских степей. 2017. №1. С. 228–233.

Останина Т.И. Хранение археологических коллекций в Национальном музее Удмуртской Республики и использование ингибиторов атмосферной коррозии для защиты археологического металла // Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев/ Труды ГИМ / Отв. ред. Л.И. Скрипкина. Вып. 113. М., 2000. С. 78–80.

Останина Т.И. Археологические коллекции Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда: Каталог. Справ. изд-е. Ижевск, 2004. 231 с.

Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б. Кузебаевский клад ювелира VII в. как исторический источник / Науч. ред., авт. введ. и закл. Т.И. Останииа. Ижевск.: Удмуртия, 2011. 218 с.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации, утверждено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 27 ноября 2013 г. № 85. 25 с. // ИА РАН: сайт. URL: https://www.archaeolog.ru/media/2014/polozhenie_opi_v0915.pdf (дата обращения 05.05.2019).

Руденко К.А. Проблемы сохранения археологического наследия в Татарстане (музейные коллекции: комплектование и хранение) // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы. Материалы конф. «Противодействие незаконной деятельности в области археологии», 9-10 декабря 2013 г. / Отв. ред. О.В. Зеленцова. М.: ИА РАН, 2013. С. 44–51.

Сорокина И.А. Становление современных норм учета и хранения археологических коллекций в России // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 361–365.

Федеральный закон «О музейном фонде РФ и музеях в РФ» от 26 мая 1996 года. № 54-ФЗ. URL: https://bazanpa.ru/gd-rf-zakon-n54-fz-ot26051996-h308970/ (дата обращения: 05.05.2019).

Федеральный закон «О внесении изменений в федеральный закон «О музейном фонде РФ и музеях в Российской Федерации» от 3 июля 2016 года. № 357-ФЗ. Консультант: сайт. URL: https://duma.consultant.ru/documents/3711529 (дата обращения: 05.05.2019).

Федотова И.В. Каталог пряслиц в археологической коллекции ОГИК музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2011. № 16. С. 141–152.

Черненко Е.А. Отечественные музейные археологические каталоги второй половины XX в. // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1. С. 114–120.

Чижевский А.А., Антипина Е.Е., Асылгараева Г.Ш., Нуретдинова А.Р. Коллекции раннего железного века из собрания археологического музея Казанского (Приволжского) федерального университета // Поволжская археология. 2018. № 3(25). С. 68–87.

Чижевский А.А., Антипина Е.Е., Асылгараева Г.Ш., Нуретдинова А.Р. Коллекции Археологического Музея Казанского (Приволжского) Федерального университета. Часть 2 // Поволжская археология. 2019. № 1(27). С. 84–103.

Ютина Т.К. Археологические источники в коллекциях музеев Приуралья: по материалам сети Интернет // Краеведческий музей: история, коллекции, люди (к 150-летию Кировского областного краеведческого музея). Т. I. / Ред.-сост. М. С. Судовиков, П. Н. Шарабаров. Киров: О-Краткое, 2016. С. 157–161.

Яншина О.В. К закону об археологическом наследии России // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, Е.А. Михайлова СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 99–102.

Информация об авторе:

Казанцева Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); kazantsevaolga@yandex.ru

DIVIDE OR STUDY (THE INTEGRITY OF ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES OF SCIENTIFIC RESEARCH)

O.A. Kazantseva

The article discusses the issues of indivisibility of archaeological collections in connection to the adoption of the Federal Law on the submission of archaeological collections to the state Museum Fund of the Russian Federation 3 years after the completion of excavations at the site. The Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences stipulates in the Regulations on archaeological excavations that the entire collection (items, anthropology, osteology) should be submitted to state museums. One of the relevant issues in this regard is the study of archaeological collections in state museums which is related to a series of challenges in terms of the scientist activities. The main problem is the limitations in the application of methods resulting in partial destruction of archaeological articles. Another problem which arises is the author' s rights in the original publication of the collection materials. Attention is paid to the standards of professional archaeological scientific ethics regarding the use of the scientific report and archaeological collection for publication purposes by the excavations author and other scientists. The paper features recommendations to increase to 5 years the investigation period of archaeological collections obtained at archaeological sites which has have been excavated for over 20 years and are reference monuments for specific areas, providing essential materials for the reconstruction of historical processes. Apparently, an important step to be taken by the Institute of Archaeology is the development of methodical recommendations for possible allocation of a part of the collection for studies conducted by dedicated specialists.

Keywords: archaeology, collection, museum, investigation of museum items, academic status, professional ethical standards.

About the Author:

Kazantseva Olga A. Candidate of History Sciences. Udmurt State University, Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Republic of Udmurtia, Russian Federation; kazantsevaolga@yandex.ru

УДК 069.42

ЦЕЛОСТНОСТЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ В МУЗЕЙНОМ ХРАНЕНИИ: ЭФФЕКТ «РАСПРЕДМЕЧИВАНИЯ»

© 2019 г. В.С. Баранов

Проблема целостности археологических коллекций является одной из наиболее важных проблем, связанных с сохранением информационного ресурса и источниковедческого потенциала археологического объекта после завершения археологических исследований. Поступая на хранение в музей археологическая коллекция, остающаяся единственным материальным свидетельством и своеобразным информационным отпечатком археологического объекта, как правило, подвергается изменениям в процессе приспосабливания ее к условиям музейного хранения, особенностям музейной практики, миссии музея. При этом, ввиду того, что может оказаться утраченной связь между предметами археологической коллекции, полевой и музейной документацией, возможно частичное или полное разрушение целостности археологической коллекции, приводящее к утрате археологическим объектом его информационных и источниковедческих характеристик и позиций. Фактически происходит разрушение археологического объекта, теперь уже в информационном поле. Решение, препятствующее этим процессам, видится в разработке и создании системы учета, предполагающей особый подход к археологическим коллекциям, как музейным собраниям, обладающим только им одним присущими чертами.

Ключевые слова: археологическая коллекция, археологический предмет, музейный учет, археологическое наследие, археологический ресурс, законодательство РФ, Книга регистрации и учета археологических коллекций.

Археологические предметы и коллекции, полученные в результате проведения археологических исследований, являются неотъемлемой частью исторического, культурного и археологического наследия РФ, необходимость сохранения и использование которого закреплено ст. 44 Конституции РФ. Нормы, направленные на реализацию вышеуказанных конституционных прав и обязанностей содержаться в редакциях федерального закона "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" от 25.06.2002 N 73-ФЗ (преамбула, статья 45.1. пункт 13, пункт 13.1 (п. 13.1 введен Федеральным законом от 22.10.2014 N 315-ФЗ). О необходимости сохранения археологических предметов и особенно археологических коллекций свидетельствуют положения и нормы, заключенные в ряде международных документов и соглашений, том числе, в статье 4 «Европейской конвенции о защите археологического наследия (пересмотренная), Валетта, 16 января 1992 г», (ратифицирована Федеральным законом от 27.06.2011 N 163-ФЗ).

Российская музейная энциклопедия определяет археологические коллекции как «систематизированные собрания древних предметов и их фрагментов, формирующиеся в результате научных археологических работ или случайных находок». Ни для кого не секрет, что эти коллекции являются в настоящее время весьма значительной частью музейных собраний самого разного уровня (Каменецкий, 2001, с. 44- 45).

Вопросы формирования, принципы и особенности хранения и учета археологических коллекций освещены в работах Н.Е. Бердниковой (Бердникова, 2014), С.Л. Воробьевой (Воробьева, 2016. С.108 – 123; Воробьева, 2019), И.В. Волкова (Волков, 1997. С. 112 – 115) , А.И. Каменецкого (Каменецкий, 2001, с. 44 – 45), С.Ю. Каменского (Каменский, 2008, с. 16 – 25; Каменский, 2009), Л.С. Клейна (Клейн, 2001), Г.И. Медведева, 2009. с. 83 – 85), О.В. Яншиной (Яшина, 2007, с. 99 – 102).

Вместе с тем, практическое решение вопросов хранения археологических коллекций сопряжено с многочисленными проблемами и нерешенными в настоящее время коллизиями, которые связаны как недостатком специализированных фондовых площадей, отсутствием достаточного числа специалистов-музейщиков, способных обрабатывать все более растущий поток археологических поступлений. К вышесказанному следует добавить отсутствие современной инструктивной основы для приема и дальнейшего учета археологических коллекций. Открытым

остается вопрос об отношении к, так называемому, массовому материалу, значение и необходимость сохранения которого все более становится понятным научному сообществу и тем музейщикам, которые имеют непосредственное отношение к хранению предметов археологии.

К сожалению, понятие «археологической коллекции» отсутствует и в законодательстве РФ. Оно также не представлено среди других терминов в действующем ныне «Положении о порядке проведения археологических полевых работ», хотя в п. 5.15. и говорится о необходимости формирования «Коллекции собранных археологических предметов» (Положение…, 2018, с.30 – 31).

Подобная терминологическая неопределенность затрудняет разработку статуса археологических коллекций, без которого невозможно определение рамок их юридической защищенности и возможности практических действий, необходимых для сохранения их целостности на этапе комплектования и при дальнейшем бытовании в рамках музейного собрания. В конечном счете, отсутствие установленного порядка передачи археологических предметов, по мнению экспертов, оценивающих юридическую сторону вопроса, и может привести к хищениям культурных ценностей, полученных в результате археологических работ (Лавров, 2014, с. 96 – 97).

Н.Е. Бердникова определяет археологические коллекции, как коллекции, полученные в результате археологических исследований в первую очередь, обращаясь к характеристике двух подходов к хранению археологических предметов и коллекций, обозначаемых терминами «археологический ресурс» и «археологическое наследие»[1]. Говоря об их предметном составе, она отмечает, что «археологические коллекции является единым массивом, неделимость которого обусловлена спецификой археологического объекта. Археологическая коллекция является источником комплексной информации только во всей своей целостности, со всеми ее составляющими, в том числе и различной документацией, приближаясь к полному отражению археологического объекта». Таким образом, подчеркивается, что археологическая коллекция является целостным собранием, она должна восприниматься как тот же археологический объект, но в иной информационной системе (Бердникова, 2014, с. 98).

С.Л. Воробьева определяет археологическую коллекцию, как «совокупность археологических предметов, происходящих с одного археологического объекта, главной особенностью которой является принцип «неделимости». Целостность археологической коллекции признается одним из наиболее важных ее признаков. Она не может быть нарушена, т. е. невозможно распределение коллекции в различные фонды (Воробьева, 2018, с. 15 – 16, 29).

Учитывая определение археологического предмета, которое дано в статье 3 Федерального закона 73 - ФЗ «Об Объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», и в «Положении проведении о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации»[2], а также, воспользовавшись определением музейной коллекции, зафиксированном в части 3 Федерального закона от 26.05.1996 N 54-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации"[3]

можно предложить следующее определение археологической коллекции, под которой можно понимать собрание движимых

[1] По мнению Н.Е. Бердниковой, в музейной практике хранение предметов и коллекций осуществляется в рамках концепции «археологическое наследие», в научных, научно-образовательных структурах – в рамках концепции «археологические ресурсы». Первая направлена на выявление историко-культурной ценности предмета, его значимости для решения музейных задач и позволяет проводить разукомплектование археологической коллекции по разным фондам. Вторая концепция создает отношение к археологическим объектам как к средствам и источникам непрерывного процесса познания прошлого и обеспечивает его целостность (Бердникова, 2014, с. 94)

[2] Под археологическими предметами понимаются движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки, в том числе предметы, обнаруженные в результате таких раскопок или находок.(часть третья введена Федеральным законом от 23.07.2013 N 245-ФЗ).

[3] Музейная коллекция - совокупность культурных ценностей, которые приобретают свойства музейного предмета, только будучи соединенными вместе, в силу характера своего происхождения, либо видового родства, либо по иным признакам

объектов, полученных в ходе археологических исследований или случайным путем, основным источником информации о которых независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки, а также связанных друг с другом отношением к археологическому объекту или совокупности таковых.

Ценностные и информационные характеристики данного собрания зависят от его полноты и целостности, что может определять его источниковую (документирующую) и аксиологическую (ценностную) функции. Формирование археологической коллекции фиксируется полевой и/или коллекционной описью, в процессе археологических исследований (раскопок/разведок), связанных с иной полевой документацией (археологическим отчетом) и разрешительным документом МК РФ, предоставляющим право на проведение археологических исследований (открытым листом).

В процессе музейной деятельности археологическая коллекция фиксируется коллекционной описью, связанной с другими документами музейного учета (ГИК, книгами инвентаря, актами внешней и внутренней музейной деятельности)

Современное состояние законодательной базы и подзаконных положений рассматривает археологические коллекции, прежде всего, как собрание археологических предметов и материалов, ставя во главу угла их значение как объектов движимого наследия. В процессе формирования коллекции допускается возможное выделение из нее части археологического материала и захоронение его на месте исследований (Положение…, 2018, с. 27. П.4.33.).

Гарантия целостности археологической коллекции фактически возникает после того, как она становится музейной коллекцией, на основании статьи 7 Закона о Музейном фонде РФ (в ред. Федерального закона от 03.07.2016 N 357-ФЗ), где сказано о неделимости музейной коллекции.

Вместе с тем по целому ряду признаков археологическая коллекция отличается от иных музейных собраний. Среди отличительных черт археологической коллекции можно отметить следующие признаки:

1. Информационная, источниковедческая, юридическая связь с археологическим объектом. Последняя из них определяется, в том числе, в законодательном порядке;
2. Целостность – черта, определяющая информационную адекватность археологической коллекции, тому археологическому объекту, чьим информационным слепком она является;
3. Разнородность – фиксирует многообразие включенных в археологическую коллекцию предметов, представляющих разные по материалу, назначению, способу изготовления и иным качественным признакам вещевые собрания, в том числе антропологические, археозоологические и прочие материалы;
4. Массовость – черта археологической коллекции, характеризующая численный состав собрания. Уникальной, присущей именно археологической коллекции формой собрания является т.н. «массовый материал», количество которого измеряется статистическими величинами;
5. Фрагментарность. Большинство предметов, входящих в состав археологической коллекции, представляет собой обломки вещей, частично или полностью утратившие формообразующие признаки.

Даже при формальном признании музейным и археологическим сообществом необходимости отбора всех археологических материалов во время раскопок и сохранения целостности археологических коллекций в музее (Каменецкий, 2001, с. 44; Дукельский, Фролов, 2001, с. 45) в практике археологического комплектования, музейного приема и дальнейшего хранения коллекции остается ситуация неопределенности, при которой остаются открытыми вопросы: какие материалы следует брать в коллекцию, а какие нет; возможны ли определенные изменения в составе археологической коллекции в зависимости от нужд и специфики того музейного собрания, куда она поступает.

И.С. Каменецкий отмечает фактическое наличие двух стадий комплектования археологической коллекции. Основная стадия — комплектование коллекции во время археологических полевых работ (разведок или раскопок), когда берутся все вещи или практикуются определенные правила отбора предметов, основывающиеся на существующем устойчивом соотношении различных категорий находок. Вторая стадия формирования коллекции происходит при передаче ее на

хранение в музей. При этом исследователем отмечается недопустимость (за исключением редких случаев) сокращения «массового» материала. Однако, он же констатирует, что в «настоящее время сохранению цельности археологической коллекции препятствует разнообразие материалов из раскопок». Из общего числа находок отделяются антропологические и остеологические материалы, зерно, образцы дерева и другие органические остатки. Раздельное хранение А. к. часто практикуется в пределах одного музея, обычно хранятся отдельно каменные изваяния, плиты с надписями, крупные сосуды, выделяются ткани, предметы из кожи и дерева, требующие особого температурно-влажностного режима. В соответствии с требованиями «Инструкции по учёту и хранению» отдельно хранятся изделия из драгоценных металлов (Каменецкий, 2001, с. 44).

Раздельное хранение при этом может обозначать не только отдельное размещение предметов в хранилище, но и запись этих предметов в отдельные книги научного инвентаря или приобщение их к уже существующим музейным фондам и коллекциям.

Происходящие при этом действия с археологическими материалами, предпринимаемые в целях выявления их историко-культурной ценности и определения значимости для решения именно музейных задач и возможностей дальнейшего хранения, фактически обозначают своеобразное переформатирование коллекции. В ряде случаев они могут привести к ее частичному разукомплектованию, что выражается в распределении предметов по разным фондам, выделении групп предметов по материалу или назначению. Всегда это касается предметов из драгоценных металлов, наиболее часто - предметов нумизматики, предметов личного благочестия или иных вещей, которые попадают в другие фонды и в дальнейшем могут фиксироваться в других книгах научного инвентаря.

Однако, сами по себе операции перевода предметов в другие собрания, при сохранении их физического состояния и наличии информационной навигации в музейном собрании еще не могут окончательно разрушить ткань археологической коллекции. Зачастую это возникает тогда, когда эти действия приводят к разрыву информационной связи между предметами в коллекции между собой, а также с тем археологическим объектом, откуда они происходят, с полевой документацией и документами музейного учета.

Среди причин, способствующих этому, кроме перевода предметов в иные фонды, можно назвать следующее:

-утрата полевых шифров или музейной маркировки на предметах коллекции (при реставрации, выдаче предметов на выставку или для иных нужд)

-ошибки в полевой документации,

-ошибки в документах музейного учета (могут быть связаны с игнорированием полного описания местонахождения предмета при переводе его в другой фонд)

-утрата связи и навигации между полевой и музейной документацией, несогласованности внутри учетной документации при переатрибуции предмета

-выдача предметов для экспонирования или на реставрацию до приема на музейный учет, когда возможна путаница или утрата номеров и полевых шифров.

В результате, наблюдается то, что можно назвать эффектом распредмечивания археологического объекта, о котором писала Н.А. Бердникова. Данный эффект выражается в разукомплектовании (или распредмечивании) коллекции, что, ввиду непосредственной связи коллекции с археологическим объектом (археологическая коллекция – информационный слепок археологического объекта – В.Б.), в свою очередь приводит к полному или частичному изменению или утрате той информационной системы, в которую переходит археологический объект после завершения раскопок (Бердникова, 2014, с. 101 – 102).

Как следствие, исследованный археологический объект лишается информационного обеспечения и предметного ряда. Сама коллекция по причине депаспортизации части предметов теряет как научное, (переставая при этом быть достоверным источником научной информации), так и ценностное значение, так как утрата ее научно-информационного потенциала закономерно начинает ограничивать ее аксиологические, а значит и экспозиционные, презентационные и иные возможности.

Среди факторов затрудняющих обеспечение целостности археологической коллекции при дальнейшем сохранении ее в стенах музея можно назвать и те черты, которые присущи именно археологическим коллекциям:

– разнородность представленных в коллекции находок, различающихся по материалу, способу изготовления предполагает различные формы сохранения предметов и условия их содержания;

- массовость археологических коллекций всегда затрудняет их прием на ответственное хранение и дальнейшую сверку, растягивая эти мероприятия на длительное время;

- фрагментарность и утрата предметами, входящими в состав коллекции первоначального облика, что предполагает утрату индивидуальности предметов, что затрудняет их атрибуцию и идентификацию по внешним признакам.

В тоже время, хранение всего собрания единым массивом, особенно при значительном количестве находок, хотя формально будет соответствовать принципам целостности и неделимости коллекции, на самом деле не всегда сможет обеспечить ее физическую сохранность коллекции, т.к.

- затрудняет и замедляет процесс приема коллекции;

-ограничивает возможности ее учета и сверки, что, в конечном счете, ограничивает доступ к коллекции для исследователей или использование их для различных целей музейной деятельности;

- не учитывает индивидуальных и групповых особенностей предметов ввиду разнообразия материалов, из которых они изготовлены, габаритов предметов, различных условий хранения, необходимых для разных категорий материалов.

Поэтому, не отрицая тезис о сохранении единства коллекции, мы должны определить те границы, в которых возможны действия с археологическим материалом, позволившие создать предпосылки для ее дальнейшего хранения и в то же время не нарушившие связи между составляющими коллекцию предметами.

Сократить возможность распредмечивания в дальнейшем могла бы систематизация материала, которая должна производиться исходя из особенностей археологического исследования и фиксации находок при подготовке коллекции к передаче в музейное учреждение.

Основания этому мы видим в различных формах подхода к изучаемому вещевому материалу, предлагаемых логикой и методикой археологического полевого исследования, согласно которым в археологической коллекции из культурного слоя можно выделить разные группы материала, каждая из которых обладает своими особенностями выявления и фиксации.

Первая группа - индивидуальные находки. Выделяются уже на раскопе, наносятся на попластовые планы с нивелировочными отметками, сопровождаются полевыми паспортами и записываются под порядковыми номерами в полевую опись.

Вторая группа - массовый материал (прежде всего керамический). Поступает группами с полевыми паспортами на площадку для камеральной обработки, исследуется статистически, шифруется и заносится в опись массового материала

Третья группа - коллекция археозоологических материалов. Выделяется и формируется также в процессе камеральной обработки из основной группы массового материала.

Четвертая группа - палеоантропологическая коллекция. Также в силу своей специфики учитывается отдельно, по индивидам или погребениям.

Также могут выделяться отдельно и иные группы материалов, например: архитектурных и строительных остатков, конструктивных элементов, выделяющихся своей массивностью и габаритами (обломки намогильных плит и строительные блоки со следами), остатки, связанные с производственными процессами и ремесленной деятельностью (шлаки, сырье, производственный брак, полуфабрикаты), собрания аналитических проб и др.

Таким образом, мы видим предпосылки для выделения в общей массе археологических находок сразу нескольких коллекций, связанных с одним археологическим объектом, поступление которых в музей может не совпадать по времени.

Задачей музейного учета должно стать обеспечение связи между этими массивами археологических материалов, что позволит, прежде всего, сохранить целостность коллекции и не допустить ее распредмечивания.

Возможным вариантом решения этого вопроса был впервые озвучен А.Г. Ситдиковым и А.С. Мухаметшиной во время заседаний круглого стола, посвященного вопросам сохранения археологического наследия, организованном Институтом археологии РАН 8

ноября 2017 г. (Ситдиков, Мухаметшина, 2017).

В этом докладе предлагалось ввести в систему музейного учета дополнительную или вспомогательную Книгу регистрации и учета археологических коллекций, куда записывались бы все археологические коллекции, связанные с исследованием археологического объекта по открытому листу МК РФ и фиксируемые в полевых и коллекционных описях, привязанных к полевому отчету (рис. 1).

Предлагается, каждую археологическую коллекцию при поступлении в музей фиксировать в Книге регистрации и учета археологических коллекций, как совокупность принимаемых предметных комплексов (с соответствующими описями) и сопровождать номером или кодом, который становился бы единым для всего массива составляющих коллекцию материалов: коллекций индивидуальных находок и массовых материалов, палеоантропологических и археозоологических собраний, и проч. возможных собраний.

Что существенно, запись археологических материалов в этой книге должна происходить сразу по приходу их в музей параллельно с приемом коллекции на ВХ до ЭФЗК, предваряя все следующие музейные манипуляции. Каждой коллекции выделяется номер(код) и место, куда одна за другой записываются составляющие коллекцию группы материала. Цель – зафиксировать состояние археологической коллекции на момент приема в музей. Только затем должен происходить дальнейший ее музейный учет согласно принятым правилам и особенностям внутримузейной инструкции.

Все возможные изменения, происходящие с коллекцией, например – перевод части предметов в другой фонд (предметы из драгоценных металлов, нумизматика) также должны фиксироваться в этой книге.

Номер коллекции может включаться в состав музейного шифра и наносится на предмет вместе с номером по КП и Инвентарной книге. Этот номер не будет охранным учетным обозначением, а скорее станет навигационным обозначением, предохраняющим коллекцию от распредмечивания в процессе дальнейшей музейной работы.

Фиксация, таким образом, разных по своему характеру предметных массивов позволила бы навсегда привязать их друг к другу и обеспечить неделимость археологической коллекции и единство информационного поля археологического объекта.

Сохранение в составе археологической коллекции группы массового материала является одним из факторов сохранения целостности коллекции. Массовые коллекции в последнее время чаще стали становиться предметом музейного хранения, так как исследователи стали все чаще стали приходить к пониманию необходимости сохранения данных материалов. Причиной тому стало дальнейшее развитие современной археологии, увеличение требований к археологическим коллекциям с точки зрения их научной информативности и усложнение процесса их дофондовой обработки, в связи с применением различных новых методов статистического, естественнонаучного апробирования, распространения многообразных форм актуализации и позиционирования археологических материалов.

По мнению И.В. Волкова, только с помощью исследования массового керамического материала возможно решение целого ряда научных задач, как то: выяснение уровня развития древних коммуникаций, характеристика демографических и миграционных процессов в прошлом, развитие традиционных технологий керамического производства и освоение природных ресурсов (Волков, 1997, с. 112 -113).

Кроме того, применяемые статистические и иные методы обработки массового материала требуют периодической проверки и могут со временем изменяться, поэтому необходимость сохранения массовых коллекций, как вещественного источника, конечно же, будет оставаться актуальной.

Таким образом, для сохранения целостности археологических коллекций, необходимо признание, прежде всего, их статуса как особой группы музейных предметов, требующей разработки и применения индивидуальной системы музейного учета и описания. Кроме того, закрепление понятия «археологическая коллекция» в законодательстве РФ и связанных с ним документах, регламентирующих различные вопросы комплектования, хранения и использования археологических коллекций, более глубокая его теоретическая разработка позволили бы создать юридические и методологические предпосылки для дальнейшего сохранения целостности археологических собраний.

ЛИТЕРАТУРА

Бердникова Н.Е. Археологические объекты, коллекции и проблемы хранения//Известия Иркутского государственного университета. 2014.Т. 10. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». С. 94–109.

Волков И.В. Проблема создания археологического и природного заповедника золотоордынских городов (в аспекте хранения коллекций массового керамического материала)//Археологический фактор в планировочной организации территории. Материалы семинара / Отв. ред. Ю.А. Веденин. М.: Институт наследия, 1997. С. 112 – 115.

Воробьёва С.Л. Специфика научной инвентаризации (вторичного учета) археологических коллекций (на примере работы Национального Музея Республики Башкортостан) // Вопросы музеологии. № 2. 2016. С.108 – 123.

Воробьёва С.Л. Комплектование, учет, хранение и научное описание археологических коллекций в музеях: правовые аспекты и практический опыт. Научно-методическое пособие. Уфа: Национальный музей Республики Башкортостан, 2019. 160 с.

Дукельский В.Ю. Фролов А.И. Археологические музеи // Российская музейная энциклопедия: В 2 т. М.: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001.Т. 1. С. 45 – 46.

Каменецкий И.С. Археологические коллекции // Российская музейная энциклопедия: В 2 т. М.: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001.Т. 1. С. 44 – 45.

Каменский С.Ю. Археологические памятники как объекты культурного наследия: аксиологический аспект // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2008. № 55, вып. 15. С. 16–25.

Каменский С.Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках: автореферат дис. … канд. культурол. наук. Екатеринбург, 2009. 24 с.

Клейн Л.С. Принципы археологии. СПб.: Бельведер, 2001. 152 с.

Лавров В.В. Некоторые проблемы правовой охраны объектов археологического наследия//КриминалистЪ. 2014. №2. С. 94 – 99.

Медведев Г.И. Археологический ископаемый запас России под угрозой // Проект Байкал. Project Baikal. История. 2009. № 20. С. 83–85.

Ситдиков А.Г., Мухаметшина А.С. Фондохранилище археологического материала (депозитарий) как инструмент сохранения археологического объекта на базе концепции «археологических ресурсов». Опыт и перспективы. Доклад представлен на Круглом столе по актуальным вопросам сохранения археологического наследия, организованном Институтом археологии Российской Академии наук на площадке IV Международной выставки по сохранению, реставрации, современному использованию и популяризации культурного наследия «denkmal, Россия-Москва» 8 ноября 2017 года (г. Москва) .

Яншина О.В. К закону об археологическом наследии России //Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 99–102.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации. М.: ИА РАН, 2019. С. 64.

Европейская конвенция: Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) (ETS № 143). Ратифицирована РФ в 2011 г. URL: http://docs.cntd.ru/document/901809045. Дата обращения 17.10. 2019.

"Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ Дата обращения 16.10. 2019.

Федеральный закон "О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации" от 26.05.1996 N 54-ФЗ (последняя редакция) . URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/. Дата обращения 16.10. 2019.

Федеральный закон "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" от 25.06.2002 N 73-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ Дата обращения 16.10. 2019.

Федеральный закон "О ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной)" от 27.06.2011 N 163-ФЗ (последняя редакция) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115627/ Дата обращения 17.10. 2019.

Информация об авторе:

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Музей археологии РТ, Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sl.baranov@mail.ru

THE INTEGRITY OF ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS IN MUSEUM STORAGE: THE "DESOBJECTIVATION" EFFECT

V.S. Baranov

The issue of integrity of archaeological collections is one of the most significant problems associated with the preservation of information resources and source potential of an archaeological site after the completion of archaeological studies. An archaeological collection which remains the only material evidence and an information imprint of an archaeological site is usually subject to changes in the process of it adapting to the conditions of museum storage, specific features of museum practice, and the mission of the museum. At the same time, due to the fact that the connection between the objects of an archaeological collection, the field and museum documentation can be lost, it is possible to partially or completely violate the integrity of the archaeological collection, which may result in the loss of the archaeological object in terms of its information and source characteristics and attributes. In fact, after the actual destruction of an archaeological site, this leads to destruction of the information field. Perhaps, the solution that will decelerate these processes consists in the development and establishment of a system of accounting, which involves a special approach to archaeological collections as museum collections with unique characteristics.

Keywords: archaeological collection, archaeological item, museum accounting, archaeological heritage, archaeological resource, legislation of the Russian Federation, archaeological collection registration and accounting book.

About the Author:

Baranov Vyacheslav S. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sl.baranov@mail.ru

Рис. 1. Книга регистрации и учета археологических коллекций. Схема записи коллекции и взаимодействие с другими документами музейного учета

УДК 903.2

КАТАЛОГИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ В МУЗЕЯХ НА ПРИМЕРЕ КАТАЛОГОВ ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Р.Г. КУЗЕЕВА[1]

©2019 г. Э.В. Камалеев

Одно из основных функций музея является публичное представление музейных предметов и музейных коллекций. Неотъемлемой частью данной работы является каталогизация музейных коллекций. В данной статье представлен опыт издания научных каталогов, который организован сотрудниками Музея археологии и этнографии (далее МАЭ) Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского исследовательского центра РАН (ИЭИ УФИЦ РАН). За период научной и выставочной деятельности Музея археологии и этнографии было опубликовано около 20 изданий – это научно-популярные каталоги, наборы открыток, путеводители, которые отражают историю академического музея. Изданием научно-популярных каталогов решается проблема популяризации научных знаний, что делает фондовые коллекции музеев доступными широкому кругу исследователей.

Ключевые слова: музей, каталог, выставка, Музей археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН, археологические коллекции.

Согласно Федеральному закону № 54 «О музейном фонде Российской Федерации и музеях Российской Федерации» от 26 декабря 1996 г., функции музея заключаются в хранении, изучении и публичном представлении музейных предметов и музейных коллекций. Приоритетная функция музеев, связанная с учетом и хранением музейных ценностей, в той или иной степени организована во всех учреждениях. Данная работа жестко регламентирована в связи с необходимостью внесения музейных предметов в срок до 31 декабря 2025 г. в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. Однако внесение предметов в Госкаталог предполагает обязательную сверку зарегистрированных артефактов и коллекций с учетно-хранительской документацией, если в учреждении надлежащим образом организован учет музейных ценностей.

Научно-исследовательская функция музеев, «предполагающая все виды представления обществу музейных предметов и музейных коллекций путем публичного показа, воспроизведения в печатных изданиях, на электронных и других видах носителей» (Федеральный закон…, 1996), организована только в отдельных учреждениях, имеющих в штате квалифицированных ученых-исследователей, которые проводят научные изыскания.

Так, например, в Национальном музее Республики Башкортостан из 78 сотрудников только 4 имеют ученую степень. Рассматривая общий показатель среди 23 государственных музеев и 73 муниципальных музеев, подчиненных Министерству культуры Республики Башкортостан, то из 536 сотрудников на 2017 г. только 14 имеют ученую степень, что составляет 2,6% (Статистический…, 2018). Очевидно, что наличие ученой степени у сотрудников музея не является показателем, однако в большинстве случаев именно они ведут научную деятельность.

Проблема публичного представления музейных ценностей в значительной степени решается благодаря внесению предметов в Госкаталог с обязательным представлением и размещением на сайте их изображения. С точки зрения археолога-исследователя, наглядное изображение предметов на сайте Госкаталога (не всегда надлежащего качества), а также наличие основных сведений о каждом музейном предмете способствует целостному восприятию состава той или иной археологической коллекции. Однако отсутствие таких необходимых для профессионального археолога сведений о предмете как профиль, сече-

[1] Работа осуществлена в рамках Государственного задания по теме «Внутренние и внешние факторы культурогенеза населения Южного Урала (от эпохи палеометалла к Новому времени)», №АААА-А18-118041290046-0.

ние, техника изготовления, переводят данные Госкаталога из разряда полноценного источника в этап предварительного знакомства с материалами коллекции для последующего натурного их изучения в музее.

Представление музейных материалов обществу выражено также в написании научных статей, монографий, а также каталогизации археологических коллекций и предметов. Первый опыт каталогизации археологических предметов в России относится к дореволюционному периоду. В различные периоды истории данная работа в музеях то прекращалась, то начиналась снова. В целом следует отметить незначительное количество изданий такого рода. Согласно исследованию Е.А. Черненко до 2012 г. было издано всего 26 археологических каталогов (Черненко, 2012).

Основная масса опубликованных археологических каталогов содержит сведения об отдельных предметах, а также коллекциях, которые находятся в фондах музея, либо в музейных экспозициях и на выставках. По своей тематике можно выделить следующие типы археологических каталогов, в которых:

а) содержатся сведения о коллекциях по территориальной принадлежности (субъект РФ, административно-территориальная единица, отдельный населенный пункт и др.) или географическим объектам (реки, бассейны рек и др.).

б) объединены фондовые коллекции определенной исторической эпохи (эпоха камня, бронзы и т.д.);

в) описаны коллекции определенной археологической культуры;

г) выделены материалы отдельного исследователя или собирателя;

д) объединены коллекции определенного года исследования.

Указанные выше типы каталогов объединяют археологические коллекции музеев. Предметные каталоги могут быть выделены в те же типы, что и коллекционные, однако их принципиальное отличие в содержании, которое мы бы хотели рассмотреть на примере научных каталогов МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

В целом вариантов создания и объединение археологических предметов и коллекций в едином каталогизированном издании может быть очень много, но в то же время выбранное направление должно быть научно обоснованно.

В данной статье представлен опыт издания научных каталогов, который организован сотрудниками Музея археологии и этнографии (далее МАЭ) Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского исследовательского центра РАН (ИЭИ УФИЦ РАН).

Музей археологии и этнографии впервые открыл свои двери для посетителей в 1981 г. На момент создания МАЭ структурно входил в состав сектора археологии Института истории, языка и литературы (ИИЯЛ) Башкирского филиала АН СССР. На протяжении более 50 лет научными сотрудниками данного учреждения велись археологические исследования на территории Башкирии, а также в Татарстане, Оренбургской и Челябинской областях. При создании музея основу фондов составляли 534 археологические коллекции.

В дальнейшем фонды музея также пополнились благодаря коллекциям из фондов исторических факультетов БГУ и БГПИ г. Уфы, а также материалами Института археологии АН СССР, Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, Казанского Института языка, литературы и истории. Уфимский дворец пионеров передал в фонды МАЭ коллекции, которые были исследованы археологическим кружком «Юный археолог» (Юнар) под руководством Р.А. Нигматуллина и Ю.А. Морозова. Также коллекции музея пополнились материалами археологических исследований сотрудника краеведческого музея г. Октябрьского А.П. Шокурова и учителя-краеведа школы № 1 с. Бакалы А.В. Коновалова.

Кульминационным моментом в создании и формировании крупнейших научных археологических фондов в Урало-Поволжье явилось поступление уникальных материалов Филипповских курганов сарматского времени, выявленных А.Х. Пшеничнюком в 1986–1990 гг.

Пополнение фондовых коллекций осуществлялось также за счет уникальных этнографических экспонатов и коллекций народов Урало-Поволжья, которые целенаправленно собирались учеными этнографами в Республике Башкортостан, а также в сопредельных республиках и областях.

На данный момент в основном фонде музея находятся 189 этнографических коллекций (3438 ед. хр.) и 1021 археологическая коллекция (277458 ед. хр.). Для сравнения в

Национальном музее РБ в основном фонде хранится 170325 ед. хр., а в Национальном музее РТ – 580085 ед. хр.

С момента своего создания МАЭ находился в ведомости Российской академии наук, и вся фондовая и научная работа вплоть до ведения экскурсий была организована квалифицированными учеными – археологами и этнографами. Эти обстоятельства определили высокий научный статус музея. В этом же проявляются и отрицательные моменты. Музей принимает только групповые заявки на определенное время, предусмотренное графиком дежурств в музее, и не работает по выходным дням. Совмещение научной и фондовой работы определяет недостаточный объем необходимых работ для такого крупного хранилища коллекций, что в свою очередь связано с отсутствием необходимого штата сотрудников.

Первым хранителем археологических фондов МАЭ канд. ист. наук Н.Г. Рутто была начата каталогизация фондов. Благодаря ее научной и фондовой работе опубликованы два каталога археологических фондов МАЭ (Каталог…, 1994; Памятники…, 1997).

В издание 1994 г. вошли коллекции эпохи камня, бронзы и раннего железного века, а в каталог 1997 г. – эпохи средневековья. Основным принципом формирования данных каталогов явилась принадлежность археологических коллекций к историческим эпохам. Коллекции, в свою очередь, были отнесены к археологическим культурам, а сами памятники выстроены по блокам и были приурочены к крупным рекам и их бассейнам.

В тексте каталогов каждая коллекция содержит информацию о месте находки, организации, проводившей исследования, объем проведенных на памятнике работ, а также информацию о количестве предметов, основной категории находок и список источников и литературы. Благодаря выпуску данных каталогов были введены в научный оборот материалы музейных фондов, описан их состав и содержание.

Начиная с 2007 г. сотрудниками отдела археологии ИЭИ УНЦ РАН была начата инвентаризация археологических фондов, предполагающая предметную сверку коллекций с учетно-хранительской документацией, по результатам которой составлялся паспорт археологической коллекции. В нем содержались уточненные сведения о месте находки, эпохе, культурной принадлежности, датировке памятника, количественных показателях. Даны развернутые сведения о формировании коллекции, предметном составе, а также указана учетная документация и расширенные сведения об источниках и литературе.

По итогам сверки 65 коллекций и 8 единичных находок и составлению их научных паспортов, был издан каталог археологических коллекций (Каталог…, 2009). В каталог вошли различные фондовые коллекции от эпохи камня до Золотой Орды, так как инвентаризация осуществлялась с учетом научных интересов сотрудников отдела археологии. Следует отметить, что в последующей работе по каталогизации археологических фондов использовался указанный паспорт археологической коллекции.

Инвентаризация археологических коллекций в дальнейшем осуществлялась силами хранителей музейных фондов. Работа осложнялась в связи с назревшим вопросом о необходимости внесения предметов в Госкаталог, для чего предметы дополнительно шифровали, у них снимали размеры и попредметно фотографировали.

По итогам сверки 204 археологических коллекций эпохи бронзы (11275 ед. хр.) был опубликован каталог археологических коллекций эпохи бронзы из фондов МАЭ (Каталог…, 2016). Коллекции в каталоге выстроены согласно номеру в Главной инвентарной книге в порядке возрастания.

По тому же принципу был опубликован каталог коллекций эпохи раннего средневековья, в который вошли 119 коллекций бахмутинской культуры, из 220 имеющихся в фондах МАЭ (Каталог…, 2017).

В 2018 г. был опубликован полный каталог находок из Филипповских курганов по материалам раскопок археологической экспедиции БФАН СССР под руководством А.Х. Пшеничнюка в 1986–1990 гг. (Коллекции…, 2018).

Отличие данного каталога от ранее опубликованных заключается в том, что он составлен на основе индивидуального паспорта каждого отдельного предмета (9319 ед. хр.). Паспорт предмета в каталоге содержит информацию о наименовании, количестве, материале, размерах, учетных номерах и условиях находки. Описание каждой находки дано по коллекционной описи, составленной на момент принятия коллекции в археологи-

ческие фонды МАЭ, и уточнено на основе научных отчетов и публикаций материалов коллекции (Камалеев, 2018).

Информация о предметах из драгметаллов уточнена на основе Актов опробования Филипповских коллекций в Поволжской государственной инспекции пробирного надзора. Уникальность каталога состоит в том, что в нем наглядно представлены все предметы из драгметаллов в количестве 5759 ед. хр., известные только узкому кругу специалистов. Для примера, только около 250 ед. хр. из Филипповских курганов выставлены в экспозиционном зале «Золото сарматов» Музея археологии и этнографии для общего обозрения.

В каталоге помимо основной информации об артефактах представлено изображение каждого предмета с масштабной линейкой, что способствует целостному восприятию памятника. Публикацией данного каталога частично решается проблема переэкспозиции и демонстрации всех предметов коллекции в отсутствии необходимых для этого выставочных площадей. Также решается проблема популяризации научных знаний о яркой культуре сарматов на Южном Урале IV в. до н. э.

Все каталоги дополнены научно-справочным аппаратом, а именно географическим, именным, культурно-хронологическим и предметным указателями, что в значительной степени облегчает работу исследователей.

В различные годы в музее были изданы каталоги выставок, куда входили археологические предметы экспозиционных залов «Археология Южного Урала» и «Золото сарматов» (Музей…, 1993; Музей…, 2002; Музей…, 2007; Сарматы). Участие в совместных выставках и выставочных проектах как в Башкирии, так и за ее пределами, в том числе и за рубежом, сопровождалось публикацией иллюстрированных научно-популярных каталогов. В рамках совместной выставки МАЭ и Башкирского художественного музея им. М.В. Нестерова в 2002 г. в г. Уфе был подготовлен научно-популярный каталог на русском и башкирском языках, в который вошла только незначительная часть предметов Филипповских коллекций (Золотые…, 2001).

Выставка в Уфе была подготовлена Государственным Эрмитажем. В его экспозиционных залах в период с октября по февраль 2001–2002 гг. была организована выставка «Золотые олени Евразии» и подготовлен одноименный каталог (Золотые…, 2002).

Выставкам в России предшествовал зарубежный выезд золотых предметов в Германию, Италию и США. В Ганновере золото сарматов было продемонстрировано в рамках Всемирной выставки «ЭКСПО-2000». Выставка «Золотые олени Евразии: скифские и сарматские сокровища из российских степей» в Нью-Йорке в 2000 г. имела свой иллюстрированный каталог на английском языке (The Golden Deer…, 2000). Экспозиция в Милане «Золото: тайны сарматов и скифов» сопровождалась иллюстрированным каталогом на итальянском языке (ORO…, 2001).

Данная публикация была бы неполной, если бы в ней не были представлены каталоги этнографических фондов МАЭ. Научными сотрудниками были описаны и опубликованы в 2006 г. в качестве отдельных изданий предметы из коллекций финно-угорских народов и предметный каталог башкирских нагрудных украшений (Финно-угорские…, 2006; Башкирские…, 2006). Ярким событием для музея стало издание в 2017 г. иллюстрированного каталога-альбома чувашских коллекций из этнографических фондов МАЭ, поддержанного грантом РФФИ. Каталог составлен специалистом-этнографом, долгие годы изучающий культуру, быт и народное искусство чувашей Республики Башкортостан, ведущим научным сотрудником института, канд. ист. наук И.Г. Петровым (Чувашские…, 2017).

Издание каталогов становится перспективным направлением в популяризации научных исследований и демонстрации материальной культуры древнейшего населения Южного Урала вплоть до современности. Стоит отметить, что работа коллег музея-заповедника «Древняя Уфа» в этом направлении была отмечена дипломом II Всероссийского фестиваля «Архитектурное наследие-2019» в Казани в номинации «Лучший альбом» за издание иллюстрированного каталога отдельных предметов уникального городища Уфа-II (Городище…, 2018).

Таким образом, каталогизация музейных коллекций является важным направлением в деятельности музея. Работа сотрудников музея в данном направлении призвана облегчить доступ к фондовым коллекциям и предметам. Наличие богатой сувенирной продукции, а также научной литературы соответствующего

профиля создает положительный образ музея, что ведет к привлечению дополнительного интереса со стороны посетителей и развитию туризма в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

Башкирские нагрудные украшения из кораллов и монет / Сост. Н.Г. Рутто; Отв. ред. А.Б. Юнусова. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. 92 с.

Городище Уфа-II. 100 интересных артефактов / Отв. ред. Уфа: ООО Альфа-Реклама, 2018. 120 с.

Золотые олени Евразии: каталог выставки / Под ред. Кузеевой Р.Г., Пиотровского М.Б., Шкурко А.И. СПб: Славия, 2001. 247 с.

Золотые олени Евразии. Евразияның алтын боландары / Под ред. Кузеевой Р.Г., Пиотровского М.Б., Шкурко А.И. СПб: Славия, 2002. 63 с.

Камалеев Э.В. Введение // Коллекции Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН: каталог / Отв. ред. Р. М. Мухаметзянова-Дуггал. Уфа: Китап, 2018. С. 75−76.

Каталог археологических коллекций. Вып. 1. / Сост. Н.Г. Рутто. Уфа: УНЦ РАН, 1994. 130 с.

Каталог археологических фондов Института этнологических исследований УНЦ РАН (Музей археологии и этнографии). Вып. 1. / Отв. ред. и сост. Н.С. Савельев. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2009. 96 с.

Каталог коллекций эпохи бронзы археологических фондов Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН (Музей археологии и этнографии). Ч. 1. / Сост. Э.В. Камалеев, Отв. ред. И.И. Бахшиев. Уфа: Диалог, 2016. 232 с.

Каталог коллекций эпохи раннего средневековья археологических фондов Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН (Музей археологии и этнографии). Бахмутинская культура. Часть 1 / сост. Э.В. Камалеев; А.Г. Колонских / Отв. ред. Э.В. Камалеев. Уфа: ООО «Издательство «Диалог», 2017. 134 с.

Коллекции Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН: каталог. Уфа: Китап, 2018. 400 с.

Музей археологии и этнографии: Каталог музейной экспозиции Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН / Отв. ред. А.Б. Юнусова. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН: Информреклама, 2007. 220 с.

Музей археологии и этнографии. Путеводитель / Сост.: Р.Г. Кузеев, Р.И. Якупов. Уфа, 1993.

Музей археологии и этнографии Центра этнологических исследований УНЦ РАН. Путеводитель / Отв. ред. А.Б. Юнусова. Уфа: УНЦ РАН, 2007. 211 с.

Музей археологии и этнографии Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН: Проспект / Сост.: Р.Г. Кузеев, И.М. Минеева, И.Г. Петров, Н.Г. Рутто, Р.И. Якупов. Уфа, 2002.

Памятники эпохи средневековья: Каталог археологических коллекций. МАЭ. Вып. 2. / Сост. Н.Г. Рутто. Уфа: Гилем, 1997. 79 с.

Сарматы: Сокровища Филипповских курганов: набор открыток.

Статистический сборник «Музеи Республики Башкортостан. Цифровые данные 2016−2017 гг.». Уфа, 2018. 43 с.

Федеральный закон от 26 мая 1996 г. N 54-ФЗ "О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации" // Гарант: правовая система. Режим доступа: http://www.garant.ru. Загл. с экрана. Ст. 3. (Дата обращения: 8.08.2019 г.).

Финно-угорские народы в коллекциях Музея археологии и этнографии Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН / Сост. Е.Е. Никонорова. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. 120 с.

Черненко Е.А. Отечественные музейные археологические каталоги второй половины XX века // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2012. Вып. 1(18). С. 114−120.

Чувашские коллекции в этнографических фондах Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской академии наук: каталог-альбом/ сост. И.Г. Петров. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН; ГУП РБ Издательство «Белая река», 2017. 124 с.

The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes: The State Hermitage, Saint Petersburg and The Archeological Museum, Ufa. Metropolitan Museum of Art. 2000. In Joan Aruz, Ann Farkas, Andrei Alekseev, Elena Korolkova (eds.). New-York: Metropolitan Museum of Art ; [New Haven, CT] : Yale University Press.

ORO. Il mistero dei sarmati e degli sciti. 2001. In In Joan Aruz, Ann Farkas, Andrei Alekseev, Elena Korolkova (eds.). Milano: Electa-Metropolitan Museum of Art.

Информация об авторе:

Камалеев Эльвир Винерович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); kamaleev-ilvir@mail.ru

CATALOGIZATION OF ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS IN MUSEUMS ON THE EXAMPLE OF THE CATALOGS OF R.G. KUZEEV INSTITUTE OF ETHNOLOGICAL STUDIES[2]

E.V. Kamaleev

One of the primary functions of a museum is the public display of museum items and collections. An integral part of these activities is the cataloguing of museum collections. This article considers the experience of scientific catalogue publication conducted by the staff of the Museum of Archaeology and Ethnography of the R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies - Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. About 20 publications have been published over the period of scientific and exhibition activities of the Museum of Archaeology and Ethnography, which are popular science catalogs, postcard sets and guidebooks reflecting the history of the academic museum. The publication of popular science catalogs resolves the issue of popularization of scientific knowledge, making the fund collections of museums accessible to a wide circle of researchers.

Keywords: museum, catalog, exhibition, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies - Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, archaeological collections.

About the Author:

Kamaleev Elvir V. Candidate of Historical Sciences, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies - Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, K.Marx st, 6, Ufa, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation; kamaleev-ilvir@mail.ru.

[2] The work was completed within the framework of the state assignment "Internal and External Factors of the Cultural Genesis of the Southern Urals Population (from Paleometal to Modern Age)", No. AAAA-A18-118041290046-0

ВОПРОСЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

УДК 623.11

О МУЗЕЕФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ ФОРТИФИКАЦИИ

©2019 г. А.М. Губайдуллин

Автором предлагается методика по реконструкции крепостных сооружений для их последующей музеефикации. В первую очередь она касается объектов, для возведения которых использовались дерево и грунт. Здесь приводятся типы некоторых крепостных построек, а также способы определения их первоначального облика. Отмечаются и различные технологические приемы их возведения в древности. Также указывается, что при реконструкции оборонительных построек необходимо использовать сведения письменных источников и теоретические разработки, которые отражены в литературе по фортификации.

Ключевые слова: археология, крепостные сооружения, реконструкция, музеефикация.

Со времен Древнего мира оборонительные сооружения являлись одним из важных показателей становления и уровня развития различных государственных образований как в экономическом, так и в политическом плане. В свою очередь они определяли и архитектурный облик городов и поселений городского типа.

Во время археологических исследований памятников военного зодчества, в процессе определения способов их строительства, предполагается также и установление первоначального облика каждого конкретного объекта фортификации, в том числе и для их возможной музеефикации. В некоторых случаях по сохранившимся каменным и кирпичным конструкциям в воссоздании их первоначального вида все относительно ясно и проблема заключается лишь в попытке установления высоты построек, а также типа верхней части ранее существовавших крепостных стен и башен. Сюда, например, могут входить наличие или отсутствие навесных бойниц в виде машикулей[1] или хорд[2] (хурдикул), а также типа стенки-прикрытия боевого хода, куда относятся формы зубцов, размеры бойниц, устройства перекрытий и др.

Значительные проблемы возникают в процессе реконструкции дерево-земляных памятников фортификации, т.к. на протяжении нескольких столетий они оплыли или подвергались влиянию хозяйственной деятельности. Поэтому методика исследования и определения первоначального облика оборонительных сооружений заключается в наиболее полном привлечении археологических сведений, касающихся сохранившихся объектов, состоявших из грунта и дерева. Поэтому необходимо подвергнуть анализу существующие в научной литературе объяснения конкретных объектов оборонительного зодчества – их первоначальный облик и дальнейшее развитие, чему и способствует накопление дополнительных сведений, полученных в ходе археологических исследований. Для этого также необходимо использовать и дошедшие до нашего времени письменные источники, в которых, так или иначе, отражена информация по оборонительным постройкам древности. С целью лучшего понимания технологических приемов возведения крепостных сооружений и их последующей реконструкции нужно использовать и общетеоретические наработки, отраженные в целом ряде литературы по фортификации, которые были опубликованы в предшествующее время. Наиболее достоверная трактовка

[1] Машикули – навесные бойницы, расположенные в верхней части крепостных стен и башен, через которые велся обстрел приблизившегося к укреплениям противника.

[2] Хорда – выступающая навесная галерея из дерева, которую пристраивали к парапету крепостных стен и башен в период военных действий.

объектов во многом зависит от знания теории, а также привлечения возможных аналогов.

Существуют различные мнения, касающиеся реконструкции крепостных сооружений. Часто это связано с плохой сохранностью памятников фортификации по тем или иными причинами. Она зависит и от почвенных условий различных территорий. Например, в регионе Среднего Поволжья в процессе исследований укрепленных поселений редко прослеживаются внутривальные и другие деревянные конструкции. Иногда они фиксируются лишь в виде древесного тлена или только гумусированных следов от столбовых ям и горизонтальных бревен. Нередки случаи и полного отсутствия внутривальных конструкций изначально, что связано со способами возведения оборонительных насыпей (Губайдуллин, 2000, с. 168–176; Белорыбкин, 2001, с. 15–18; Белорыбкин, 2003, с. 62). Также необходимо отметить, что далеко не всегда сооружения одной линии обороны могли быть одинаковы. В свою очередь, нужно всегда учитывать наличие или отсутствие защитных особенностей рельефа местности, где расположены памятники оборонительного строительства. Все это, таким образом, может помочь в теоретическом воссоздании первоначального облика древних объектов военного зодчества и последующей их реконструкции для музейного показа.

ЛИТЕРАТУРА

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.–Пенза: Изд-во Пензенского гос. педагог. ун-та, 2001. 198 с.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во Пензенского гос. педагог. ун-та, 2003. 200 с.

Губайдуллин А.М. Способы возведения и типы булгарских оборонительных сооружений // Татарская археология. 2000. № 1–2 (6–7). С. 168–176.

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

MUSEUMIFACTION OF FORTIFICATION SITES

A.M. Gubaidullin

The author proposes a methodology for the reconstruction and subsequent museumification of fortifications. It particularly concerns the sites constructed with the use of wood and earth. The work features the types of a series of fortifications, and methods for the determination their original appearance. Various technological methods of their construction in antiquity are also outlined. It is also stated that information from written sources and theoretical developments reflected in the literature on fortifications should be used during their reconstruction.

Keywords: archaeology, fortifications, reconstruction, museumification.

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

УДК 719, 902/904

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИИ АРХЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ ОБЪЕКТОВ БИЛЯРСКОГО ГОРОДИЩА

© 2019 г. З.Г. Шакиров

В работе, на примере анализа существующего федерального и регионального законодательства, представлены проблемы сложившиеся по сохранению и презентации археологизированых объектов на территории Билярского городища, входящего в состав Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника. Специфика музеефикации памятников археологии выраженных в архитектурных объектах помимо собственно методики проведения раскопок и консервации подразумевает аутентичность и востребованность памятников археологии в современной социокультурной ситуации, а также развитии историко-культурного потенциала заповедников отмеченной направленности. Открытым остается вопрос о разработке программы развития и соблюдении законодательства в области сохранения музеефицированных под открытым небом археологических объектов в условиях ограниченного финансирования.

Ключевые слова: археология, архитектура, реставрация, культурное наследие, историко-культурный заповедник, музеефицированные археологические памятники, средневековый Биляр.

В современном мире все большую популярность приобретает форма сохранения и эффективного использования археологического наследия в виде создания и развития существующих археологических музеев-заповедников.

Неотъемлемой частью музейного пространства историко-культурных заповедников являются остатки археологизированных архитектурных объектов, которые более полно позволяют визуализировать отражение своего времени.

Одним из видов недвижимых объектов культурного наследия, в соответствии с Федеральным законом являются ансамбли. Это четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также памятников и сооружений религиозного назначения, в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений (№73-ФЗ, гл.I, ст.3).

В законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» отдельная глава посвящена историко-культурным заповедникам. В главе прописаны необходимость определения особого режима содержания территорий, хранения и показа музейных предметов, значение (федерального, регионального и местного) заповедника (№73-ФЗ, гл.XI, ст.57), а также порядок организации историко-культурного заповедника и определение его границы (№73-ФЗ, гл.XI, ст.58).

Исходя из законов субъекта Российской Федерации, в Республике Татарстан был соблюден порядок организации Билярского историко-культурного заповедника регионального значения, его граница и режим его содержания. Музей-заповедник создан на основании постановления Кабинета министров Республики Татарстан «Об организации Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника в Алексеевском районе Республики Татарстан» (Постановление № 459 от 14.08.1992). В 2001 г. Кабинет министров Республики Татарстан принял постановление «О территории Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника», которое регулирует земельные отношения, определяет зоны (рис. 1) охраны земель историко-культурного назначения[1] (Постановление № 165 от 28.03.2001).

[1] Земли I категории: Режим использования территории - резервационный (запрещается хозяйственное использование). Культурный слой содержится в толще земли и может не иметь внешнего выражения. Установить его наличие или отсутствие может только специалист-археолог в ходе проведения специального обследования. Культурный слой невосстановим. Разрушенный культурный слой окончательно теряет всякую научную ценность, поэтому его охрана требует проведения

ГБУК РТ «Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник» является подведомственным учреждением Министерства Культуры Республики Татарстан и находится в с. Билярск Алексеевского муниципального района (рис. 2). Ядром заповедника, несомненно, можно считать Билярское городище, стоящее на охране, как одна из столиц Болгарского государства.

Биляр – «Великий город на Черемшане» русских летописей – городской центр X – первой трети XIII вв., обладавший административно-политической, культовой, торгово-ремесленной и военной функциями, стоит в первом десятке крупнейших городов средневековой Евразии. Селитебная площадь города, погибшего в 1236 г. в результате нашествия монголо-татар, без укреплений, с прилегающими пригородными поселениями составляет около 800 га.

Описании объектов – «…сохраняет, где есче неколико древняго здания каменного, а особливо портал или врата великого храма и столпы видимы…» (Татищев, 1994, с. 269), «…между различными разрушенными зданиями находится еще и доныне преогромный каменный столп, постороенный посреди сего замка из красного кирпича, смешаннаго с диким… остатки каменных развалин…» (Рычков, 1770, с. 12–13) на территории Билярского городища идет с XVIII в. Однако уже в то время, Н. Рычков отмечает, что «жители города Билярска разрушили все сие здание до основания, и ныне уже находятся там одна пустота и развалины» (Рычков, 1770, с. 19). К рубежу XVIII-XIX в. здания на планах перестают фиксироваться (рис. 3). Последующая, почти двухсотлетняя, распашка площадки городища, особенно тяжелой техникой в 1950−60-е гг., привела к значительным изменениям поверхностного ландшафта.

Планомерное изучение Билярского городища началось в 1967 г. В центре внимания работ оказались вопросы внутренней структуры города, первоначальной его планировки и историко-социальной топографии. Были получены сведения по истории застройки и реконструкции архитектурного облика средневекового булгарского города, а также материалы по его благоустройству (Khuzin, Valiulina, Shakirov, 2017, с. 13-14).

Музеефицированные (1970−1980-е годы) руины комплекса Соборной мечети с основанием минарета, «Дом феодала», колодец, билярская «баня» (раскоп XXVII), а также изучаемое в последние годы (2015−2018 г., раскоп VLIV) руинированное кирпичное здание бани, являются наиболее выразительным историческим ядром. Они в центральной части Билярского городища с укреплениями в виде мощных валов и рвов внутреннего города образуют выдающийся визуальный ансамбль:

- *Соборная мечеть,* в 1973−1977 гг. в центре внутреннего города исследовались руины древнейшей мечети, состоявшей из двух частей – деревянной и белокаменной, с большим отдельно стоящим минаретом у северо-восточного угла. Общая площадь

предварительных археологических охранных работ на ранних стадиях осуществления строительного проекта. Территория не подлежит застройке и изменению. Запрещаются строительные, мелиоративные, дорожные и прочие хозяйственные работы, в том числе прокладка различных коммуникаций, не относящихся к памятнику, дорог, распашка, лесопосадка, устройство загонов для скота, стоянок авто- и сельхозтехники и т.п. Использование территории производится в объеме, обеспечивающем сохранность памятника археологии и природной среды.

Земли II категории: Режим использования территории - ограниченное использование. Все строительные, мелиоративные, дорожные и другие хозяйственные работы, в том числе работы по ремонту, реконструкции, перепланировке, прокладке коммуникаций (водо-, газопроводы и т.п.), новому строительству и т.д., в обязательном порядке должны быть согласованы с государственными органами охраны памятников истории и культуры. Проводится обязательная археологическая экспертиза и предварительные (до начала проведения строительных, земляных работ) археологические раскопки при строительстве и реконструкции зданий, сооружений, а также при прокладке коммуникационных траншей. Финансирование мероприятий по обеспечению сохранности памятника и его территории и ответственность за их выполнение возлагаются на юридические и физические лица, осуществляющие строительные, мелиоративные, дорожные и другие работы. Разрешается распашка земель территории на глубину не более 25 сантиметров.

Земли III категории: Режим использования территории - универсальный (использование не ограничено). Археологический надзор проводится специализированными археологическими организациями при любых земляных работах с глубиной вскрытия грунта более 25 сантиметров.

Примечание: При выявлении новых ценных участков культурного слоя в границах земель II и III категории границы зон могут быть изменены.

молельных помещений достигала 2500 кв. м. Здание ориентировано, согласно мусульманским канонам, на юго-запад, в сторону Мекки. Внутри белокаменной части прослежены остатки 24 колонн, расположенных симметрично в 6 рядов. Фасадная часть здания, обращенная на северо-восток, была красиво оформлена пилястровыми выступами – полуколоннами. По мнению исследователей мечети, она была построена, скорее всего, в 922 г. и связана с пребыванием на булгарской земле Багдадского посольства. А.Х. Халиков допускал возможность строительства ее в конце IX в. В 1976-1981 гг. силами Татарской СПНРМ под научным руководством С.С. Айдарова. Ф.М. Забировой и А.Х. Халикова была произведена научная консервация всего комплекса (Свод…, 2007, с. 91−92). По мнению Э.Д. Зиливинской сначала была возведена деревянная мечеть. Через какое-то время она разрушилась или была разобрана, и к востоку от нее построили новую, каменную мечеть (Зиливинская, 2019, с. 91).

- *«Дом феодала»*, в 1971−1973 гг. изучено кирпичное здание, сохранившееся на уровне фундамента и оснований стен, входит в комплекс соборной мечети. Основная часть здания имела в плане квадрат размерами 1 х 11 м, разделенный крестообразной перегородкой на четыре части – комнаты нижнего этажа площадью по 16 кв. м каждая. Кладка стен осуществлялась из стандартных кирпичей квадратной формы (26 × 26 × 5 см). В основании фундамента выявлены остатки антисейсмической подушки из двух рядов сырцовых и полусырцовых кирпичей, характерной для архитектурной традиции Ближнего Востока и Средней Азии. По мнению специалистов, этот строительный прием является ярким доказательством деятельности в булгарских городах, в том числе и в Биляре, восточных (среднеазиатских?) мастеров, прибывших в 922 г. вместе с посольством халифа ал-Муктадира. По мнению А.Х. Халикова, здание принадлежало одному из представителей духовной знати и использовалось в качестве жилого дома. Достаточно аргументировано также предположение Э.Д. Зиливинской о возможном назначении его в качестве общественной бани или тахарат-ханы. В 1973−1975 гг. здание силами Татарской СПНРМ было подвергнуто научной консервации (Свод…, 2007, с. 92).

- *Билярский «караван-сарай» (баня?)*, располагается во внешнем городе (у восточных ворот внутреннего города). В 1969–1972 гг. Билярская экспедиция изучила остатки стен и фундамента кирпичного здания, а также яму колодца, вымощенного кирпичом двора и часть укреплений в виде первоначального частокола и более позднего вала и рва, окружавших здание. Здание сложено из стандартного булгарского квадратного кирпича, претерпело несколько перестроек. А.Х. Халиков считал постройку зданием гостиничного типа в комплексе караван-сарая (Свод…, 2007, с. 92-93). Более доказательной является точка зрения Э.Д. Зиливинской, определившей здание в качестве общественной бани После завершения исследований здание было подвергнуто силами СНПРМ научной консервации и открыто для посещения.

Именно отсюда, с вершины вала у комплекса «Караван-сарая», ввиду открытости местности можно осознать масштабы города.

- *Билярский колодец*, расчищен и изучен в 1972 г., располагался между зданиями мечети и «домом феодала». Выявились остатки сруба, имевшего квадратную в плане форму размерами 140 × 140 см и сохранившегося в высоту на 15 венцов. Общая глубина колодца 7,6 м. На дне выявлен водосборный ящик размерами 75×80 см при высоте в 50 см. В 1973−1974 гг. колодец отреставрирован и подвергнут консервации (Свод…, 2007, с. 93). Ныне наземные конструкции реставрированного колодца утрачены.

- Билярская «баня» (раскоп XXVII), в 180 м к северу от комплекса мечети в 1979−1984 гг. исследованы остатки кирпичного здания, в плане имевшего подквадратную форму размерами 11 × 11 м и ориентированного углами по сторонам света. Состояло из двух равных частей: юго-восточной и северо-западной, с западной стороны южного угла – входной тамбур. От отопительной камеры по осевой линии шёл центральный дымоходно-тепловодный канал, от которого перпендикулярно под пол северо-западной части здания уходили дополнительные каналы. Наружные стены толщиной в 105 − 110 см. Выявлены обломки водопроводных и дымогарных труб, что вместе с конструкцией здания позволяет предполагать, что перед нами остатки небольшой бани. Построено в XII в. Р.Ф. Шарифуллин склонен считать его первым памятником

собственно булгарской архитектурной школы. В 1986 г. здание силами Татарской СМНРП подвергнуто консервации и частичной реставрации (Свод…, 2007, с. 93).

- *Билярская «баня» (раскоп VLIV)*, в 280 м к западу от здания Соборной мечети 2015−2018 гг. изучался южный угол фундаментной части кирпичного здания с остатками кирпичного цоколя. Среди завалов и прослоек, связанных с разрушением кирпичного здания, выделялись скопления известковой накипи – травертина, предположительно, отложившегося в емкостях для нагрева воды; куски штукатурки; фрагменты глиняных дымогарных (со следами копоти) и водопроводных труб (со следами осадка). В юго-восточной части кирпичного здания после разбора завалов удалось зафиксировать конструктивные элементы здания: емкости для нагрева воды, стены, большую печь, а также системы отопительных каналов. По завершению работ сезона 2018 г. раскоп с остатками кирпичного здания был накрыт паро-влагозащитным материалом и законсервирован до начала следующих исследований (Шакиров, Хузин, Худяков 2019).

Однако музеефикация 1970−1980-х годов, вышеописанных объектов, выполненная на уровне своего времени не совсем корректно отражает аутентичность вскрытых объектов (рис. 4), а воздействие атмосферных явлений приводит к дальнейшей деструкции (рис. 5, 6). Сегодня назрела острая необходимость в проведении повторной музеефикации с соблюдением научно-технической документации на основе научных отчетов об археологических исследованиях и использованием современных материалов, не нарушающих историчность объектов.

Для решения этих проблем необходимо коренным образом пересмотреть методологию как самой сферы охраны культурного и природного наследия, ее правовой и финансовой обеспеченности, так и решение вопросов музеефикации конкретных археологических объектов и целых культурно-территориальных комплексов.

Положительным моментом стали комплексные изыскания, применяемые Билярской экспедицией, которые позволили вести работы в перспективных направлениях: по картированию, получению качественно новой и уточнению старой информации, а также по выделению наиболее перспективных участков для вскрытия архитектурных объектов с последующей их музеефикацией (Шакиров, Хузин, 2018, с. 91–97). При планировании дальнейших вскрытий архитектурных объектов необходимо иметь возможность привлечения дополнительных средств для реставрации и музеефикации остатков зданий *in situ.*

Качественное и количественное увеличение архитектурных объектов, которые могут отразить историю средневекового Биляра – крупнейшего городского центра домонгольской Волжской Булгарии (Хузин, Шакиров, 2016, с. 69–71; Хузин, Шакиров, 2016а, с. 275-287) значительно расширят историко-культурный и туристический потенциал Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника. При консервации приоритет должен отдаваться максимальному сохранению внешнего вида объекта на момент раскопок перед реставрацией. Процесс сохранения и экспонирования археологических комплексов не может ограничиваться решением лишь технологических проблем, являясь частью культурной политики и, если угодно, средством межкультурного взаимодействия.

Музеефикация археологических памятников, обнаруживаемых в ходе раскопок, в рамках музеев-заповедников позволит приостановить процесс их разрушения и уничтожения. Кроме этого они могут способствовать появлению нового импульса в развитии инфраструктуры региона, его научно-образовательных, культурно-просветительских и социально-экономических составляющих, а также его общей инвестиционной привлекательности.

ЛИТЕРАТУРА

Зиливинская Э.Д. Монументальные постройки Биляра: новый взгляд. «Джума мечеть» // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 76–95. https://doi.org/10.24852/pa2019.2.28.78.95

Постановление Кабинета министров Республики Татарстан № 459 от 14.08.1992 г. «Об организации Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника в Алексеевском районе Республики Татарстан».

Постановление Кабинета министров Республики Татарстан принял постановление № 165 от 28.03.2001 г. «О территории Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника».

Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770. 189 с.

Свод памятников археологии Республики Татарстан / отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдиков. Казань, 2007. Т. 3. 528 с.

Татищев В.Н. Собрание сочинений: В 8-и томах: Т. I. История Российская. Часть 1.: Репринт с изд. 1962 г. М.: «Ладомир», 1994. 500 с.

Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. Архитектурные памятники домонгольского Биляра // Ислам и тюркский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии: материалы VIII Международной тюркологической конференции (Россия, Республика Татарстан, г. Елабуга, 22 апреля 2016 г.) / Отв. ред. А.З.Нигамаев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 69–71.

Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. Мусульманский город на Средней Волге: домонгольский Биляр // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ. Казань: Институт археологии АН РТ, 2016а. С. 275–287.

Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш. Комплексные исследования Билярской археологической экспедиции // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 85–99. DOI: https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.85.99

Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш., Худяков А.В. 2019. Результаты работы Билярской археологической экспедиции 2015-2018 гг. Доклад представлен на итоговой Международной научной конференции Института археологии им. А.Х.Халикова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, 28.02-01.03

Khuzin F.Sh., Valiulina S.I., Shakirov Z.G. 50th Anniversary of Bilyar Archaeological Expedition: results and issues of Great Town investigation // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 8–27. DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.8.27

Информация об авторе:

Шакиров Зуфар Гумарович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); zufar_alchi@mail.ru

ISSUES OF STUDYING AND MUSEUFICATION OF ARCHAEOLOGIZED SITES OF BILYAR SETTLEMENT

Z.G. Shakirov

The work considers the current issues concerning the conservation and presentation of archaeological sites in Bilyar settlement, part of the Bilyar State Historical, Archaeological and Natural Museum-Reserve, on the basis of an analysis of existing federal and regional legislation. The specific features of museumification of archeological site in the form of architectural structures, in addition to the actual excavation and conservation methods, implies the authenticity and relevance of archeological sites in the contemporary sociocultural environment, as well as the development of the historical and cultural potential of the corresponding natural reserves. An issue which remains to be resolved is the establishment of a program of development and regulatory compliance in the field of preservation of open museumified archaeological sites in the conditions of limited funding.

Keywords: archaeology, architecture, restoration, cultural heritage, historical and cultural reserve, museumified archaeological sites, medieval Bilyar.

About the Author:

Shakirov Zufar G. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan,

Russian Federation; Assistant Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; zufar_alchi@mail.ru

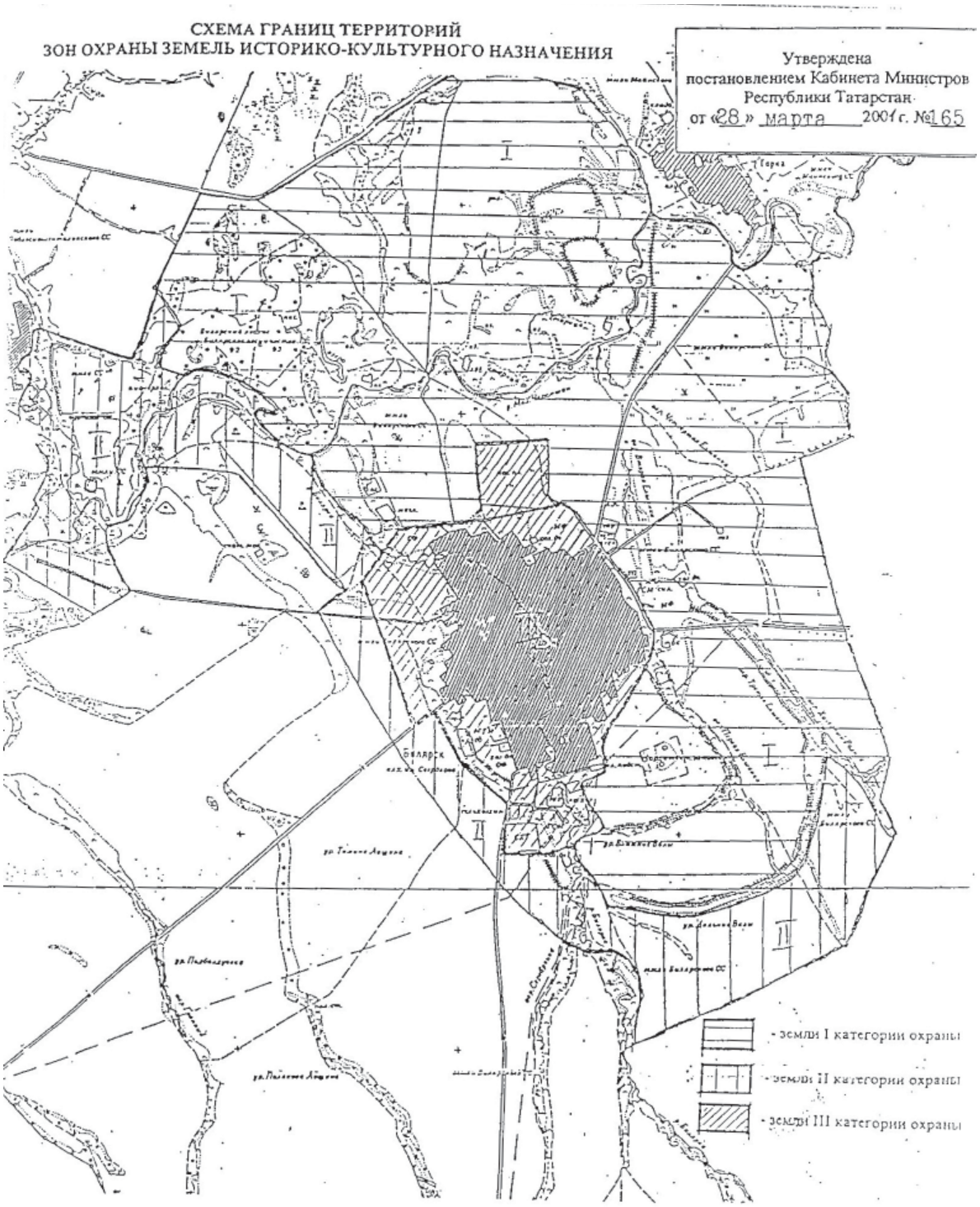
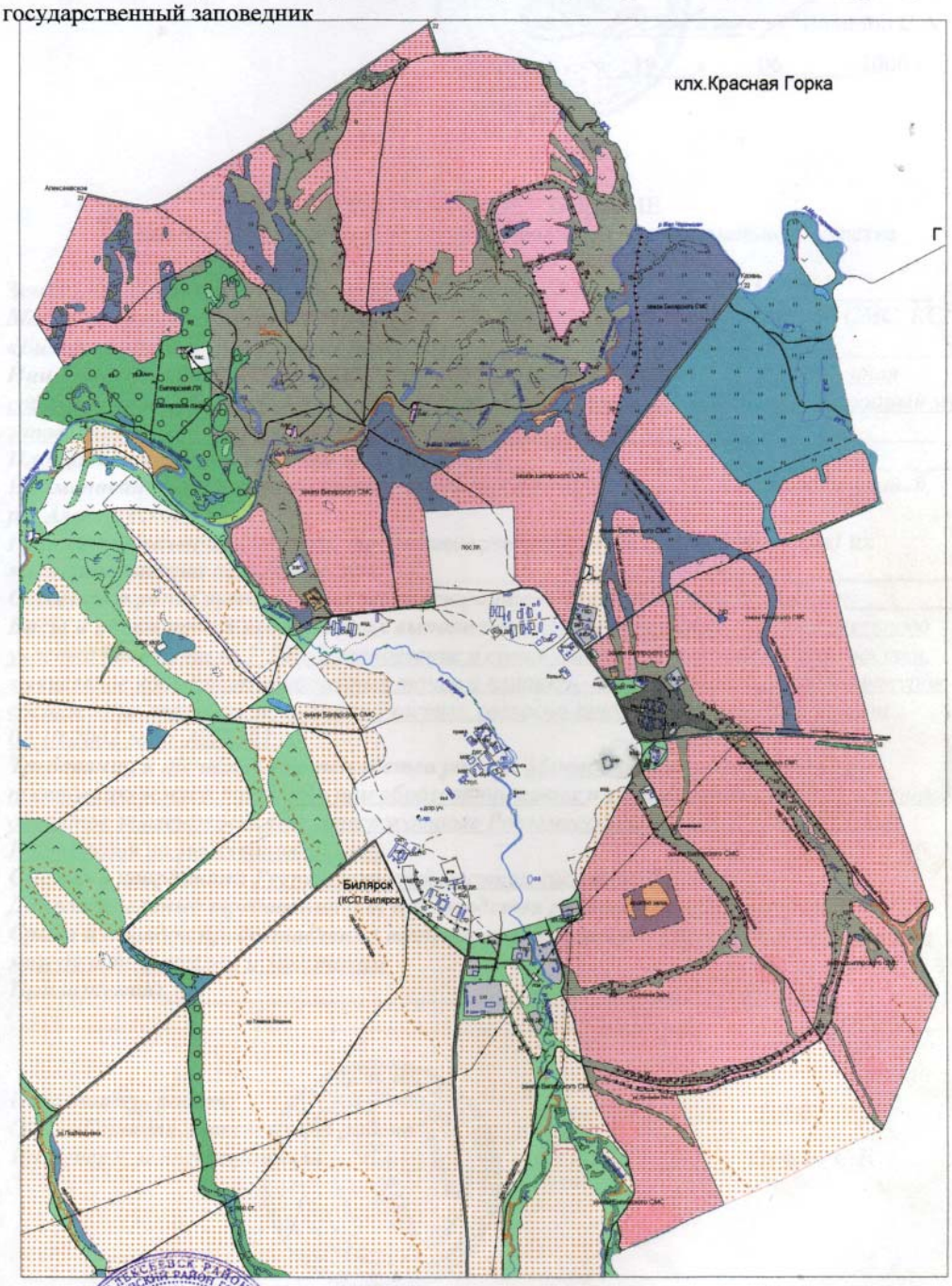


Рис. 1. Схема границ территорий зон охраны земель историко-культурного назначения

Землепользователь: Билярский государственный историко-археологический и природный музей заповедник.
Местоположение участка: РТ, Алексеевский район, Билярское СП, КСП «Билярск», государственный заповедник



Землепользователь _____ « 19 » 06 2006 года.

Рис. 2. План-схема Билярского ГИАиПМЗ

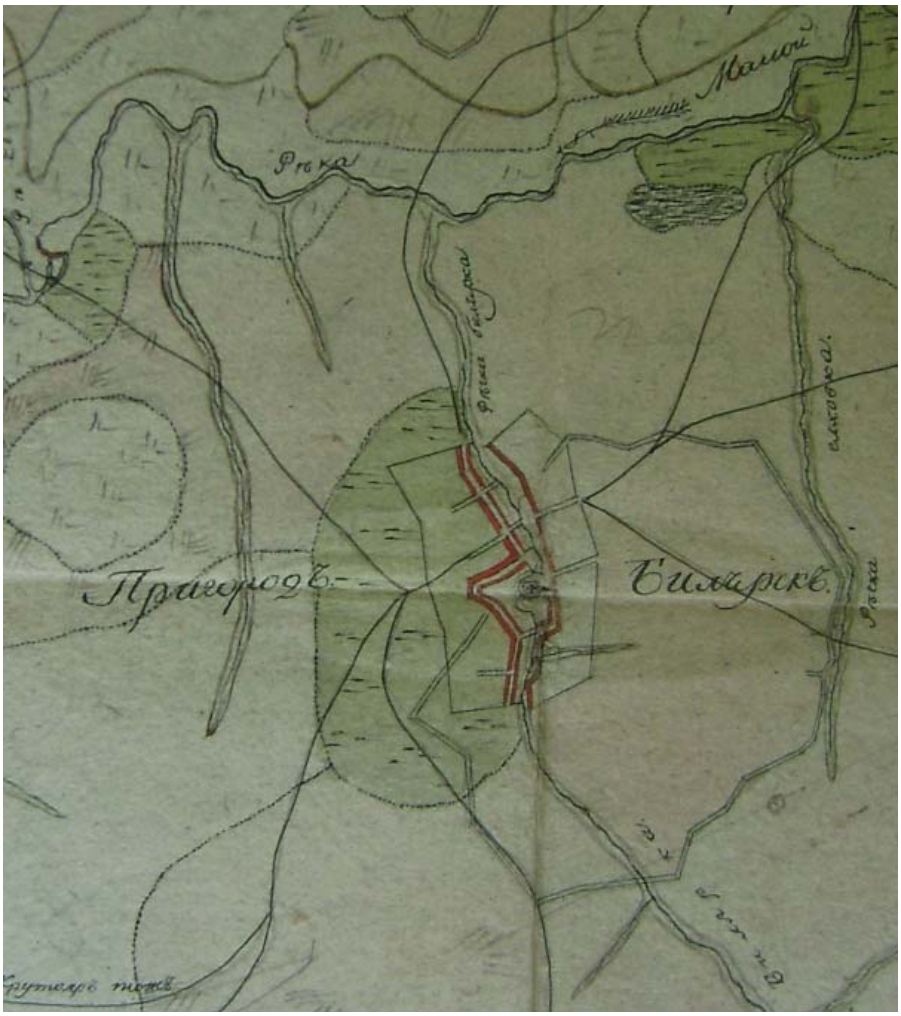


Рис. 3. Фрагмент Плана генерального межевания, конец XVIII в. Генеральное межевание в Билярске в 1799–1803 гг. проводил Капитон Милкович.

Рис. 4. Комплекс музеефицированных остатков Соборной мечети и «Дома феодала». Фото с БПЛА

Рис. 5. Музеефицированные остатки, «Дом феодала»

Рис. 6. Музеефицированные остатки, «Караван-сарай»

УДК УДК 737 (740) "14"

МОНЕТЫ ХАНА ПУЛАДА, ВЫПУЩЕННЫЕ НА МОНЕТНОМ ДВОРЕ БУЛГАР АЛ-ДЖАДИД (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗМЕРИЕВСКОГО КЛАДА ИЗ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РТ)[1]

©2019 г. А.И. Бугарчев, А.З. Сингатуллина

В статье рассматриваются серебряные монеты хана Пулада, чеканенные на монетном дворе Булгар ал-Джадид – Новый Булгар. За основу взят Измериевский клад, хранящийся в Национальном музее Татарстана. Авторы выделили из состава клада 43 экземпляра. Благодаря метрологическому анализу было установлено, что мода указанных монет соответствует значению 0,73±0,02 г, что коррелирует с весом всех монет хана Пулада. Сравнив полученные результаты со значениями монет предыдущего эмитента – хана Шадибека из этого же клада, авторы установили, что монеты Пулада чеканились по более низкому указному весу.

Ключевые слова: монета, дирхам, метрология, Пулад, Измериевский клад, Булгарский вилайат, XV век.

Измериевский клад серебряных монет первой четверти XV в. хранится в Национальном музее Республики Татарстан (г. Казань) под инвентарным № 34410. Клад был найден в апреле 1962 г. В первых публикациях он именовался «Семеновским», так как был обнаружен около деревни Семеновка Куйбышевского района ТАССР (Мухамадиев, 1964, с. 87). Позднее клад стал называться Измериевским (Мухамадиев, 1983). Общее количество монет в кладе составляло 2358 экземпляров (Мухамадиев, 1964). В его состав входят серебряные монеты с именами золотоордынских ханов XV в.: Шадибек, Пулад, Махмуд, Тимур, Джалал ад-Дин, Кибак, Чекре, Дервиш, Кадыр-Берди, Мухаммад («Улу-Мухаммад»), а также анонимные монеты и три русские удельные копейки начала XV в Таким образом, монетный комплекс состоит из монет, чеканенных в период 805–822 / 1402–1419 гг., т.е. примерно за 20 лет.

В данной статье мы хотели бы рассмотреть монеты второго золотоордынского хана XV в. – Пулада (810–812 / 1407–1410), выпущенные на монетном дворе Булгар ал-Джадид (Новый Булгар).

Приведем описание изучаемого типа[2].

Лицевая сторона (далее – л.с.) – Султан / **Пу** / правосудный / да хранит **лад хан** / (его) царство Аллах.

Оборотная сторона (далее – о.с.) – Булгар / чекан / ал-Джадид.

В работе В.П. Лебедева описание дирхамов Пулада приводится с указанием трех вариантов л.с. («I–II–III») и четырех вариантов о.с. («А–Б–В–Г») (Лебедев, 2007).

Первый исследователь Измериевского клада профессор А.Г. Мухамадиев выделил этот монетный двор в два отдельных раздела. Первый был обозначен цифрой 2 в числителе, второй – цифрой 8 в числителе (в знаменателе указывался порядковый номер монеты). В них было учтено 39 и 29 экземпляров соответственно.

Однако в этом году вышла статья Р.Ю. Ревы и Б.И. Леонова, где в описании вариантов монет хана Махмуда (812–813) указывалось, что отдельные монеты Махмуда чеканились с указанием на о.с. монетного двора «Булгар ал-Джадид» (Рева, Леонов, 2019, с. 74, рис. 1), то есть с использованием старого штемпеля оборотной стороны. Поэтому нам пришлось пересмотреть все монеты Пулада из Измериевского клада и экземпляры с топонимом Булгар ал-Джадид, но со

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-09-00485 А «Химический состав сплавов чеканной продукции монетных дворов XV века в Поволжье как индикатор состояния золотоордынской монетной системы в регионе».

[2] За критерий типа принимаются композиционное оформление и содержание легенд на каждой из сторон монеты (Петров П.Н., 2010. С. 126).

стертым именем эмитента исключить из исследования.

Кроме этого, один дирхам был обнаружен в разделе неопределенных монет с буквой «н» в числителе. Приведем сводную таблицу с указанием номеров и веса монет Пулада монетного двора Булгар ал-Джадид.

Таблица

№ п/п	*Нумерация по А.Г. Мухамадиеву*	*Вес*	*Примечание*
1-37	2/1-2/10 2/12-2/22 2/24-2/39	0,71, 0,68, 0,73, 0,72, 0,71, 0,74, 0,70, 0,70, 0,69, 0,70 0,72, 0,70, 0,72, 0,67, 0,62, 0,70, 0,64, 0,72, 0,71, 0,77, 0,74 0,75, 0,72, 0,76, 0,67, 0,79, 0,71, 0,71, 0,71, 0,70, 0,70, 0,69, 0,74, 0,63, 0,69, 0,70, 0,72	37 экз.
38-42	8/4, 8/8, 8/15, 8/18, 8/23	0,75, 0,73, 0,75, 0,73, 0,67	5 экз.
43	н/1	0,77	1 экз.

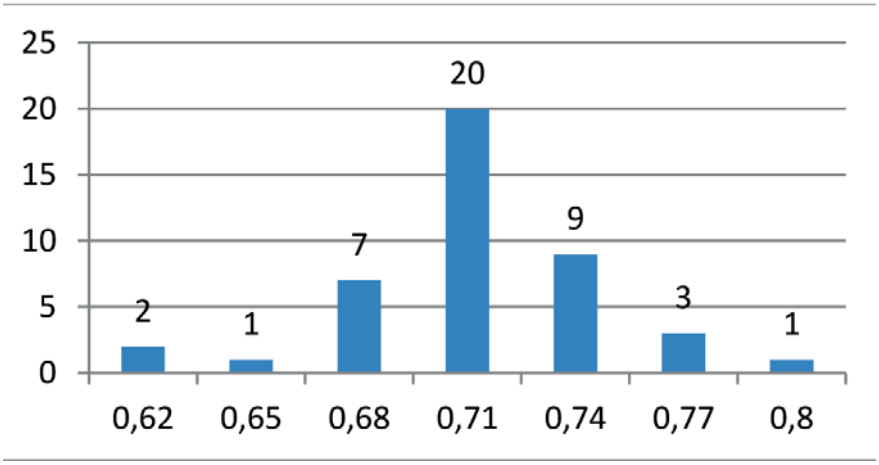
Таким образом, всего насчитывается 43 монеты с именем хана Пулада, чеканенные на монетном дворе Булгар ал-Джадид. Это составляет 1,8% от всего состава клада. Для сравнения можно посмотреть составы других опубликованных комплексов:

1.Тетюшский клад (Бугарчев, Купцов, 2017, с. 118–122). Из общего количества в 311 монет 10 экземпляров относятся к чеканке Пулада Нового Булгара. Это равняется 3,2% от всего Тетюшского клада.

2. Тетеевский клад (Бугарчев, Степанов, 2014, с. 40). Клад состоял из монет XIV и XV вв., общее количество дирхамов XV в. – 87 экземпляров, из них с именем Пулада и Булгара ал-Джадид – 7 экземпляров или 8,0% от всех монет XV в. Как видно из приведенных цифр, продукция монетного двора Булгар ал-Джадид представлена в кладах небольшим количеством монет, от 1,8 до 8,0% от состава каждого клада.

Теперь обратимся к метрологии изучаемых монет. По материалам 43 дирхамов была построена гистограмма.

Зависимость количества монет Пулада монетного двора Булгар ал-Джадид от значения их веса. Учтено 43 экз. шаг 0,03 г.
Гистограмма 1



Мода 0,71±0,02 г, 20 экземпляров, 46,5% от всех учтенных монет.

По материалам всех 208 монет Пулада из Измериевского клада нами также была построена гистограмма (здесь не приводится). Максимум пришелся на значение 0,73±0,02 г, что соответствует, с учетом допуска, моде из гистограммы 1. Однако если сравнить метрологию булгарских монет предыдущего хана Шадибека (802–810 / 1399–1407) с монетами Пулада Булгара ал-Джадид, то разница в весе несколько увеличится: мода монет Шадибека – 0,76 г (Bugarchev..., 2019, p. 161) против 0,71 г из гистограммы 1. Тенденция к понижению указанного веса у правителей Золотой Орды в XV в. была замечена давно, и продолжалась она до середины 1420-х гг. (Мухамадиев, 1983).

Одна из нерешенных на данный момент проблем – это местонахождение монетных дворов Булгар и Новый Булгар. Некоторые исследователи считали, что данным топонимом именовалась современная Казань. Другие историки называли Иски-Казань. Однако нигде не приводится главный аргумент о местонахождении Булгара и Булгара ал-Джадид – топография находок единичных экземпляров. Безусловно, монеты чеканились и обращались только на территории Булгарского вилайата, но пока невозможно точно локализовать монетные дворы XV в. Эту задачу предстоит решить в ходе дальнейшего изучения денежного обращения Среднего Поволжья XV в. путем сопоставления мест находок кладов и комплексов единичных находок.

ЛИТЕРАТУРА

Бугарчев А.И., Купцов А.Е. Клад монет начала XV в. из окрестностей г. Тетюши (Татарстан) // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2017 года. Мат-лы докладов и сообщений. (Москва, 23 и 24 ноября 2017 г.) / Отв. ред. Е.В. Захаров. М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С. 117−127.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Находка клада джучидских монет XIV – начала XV в. из Лаишевского района Республики Татарстан // НЗО. 2014. №4. С. 39−47.

Лебедев В.П. Поштемпельный анализ новобулгарского чекана ханов Шадибека и Пулада (1400−1411 гг.) // Нумизматика. №14, июль 2007. С. 19-21

Мухамадиев А.Г. Семеновский клад золотоордынских монет XV в. // Сборник студенческих работ историко-филологического факультета Казанского государственного университета. Вып. 1. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. С. 87−99.

Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII−XV вв. М.: Наука, 1983. 168 с.: XXI табл. ил.

Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. Вып.3. / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 121−149.

Рева Р.Ю., Леонов Б.И. В поисках Махмудов (первые 30 лет XV в.) // Двадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Великий Новгород, 16−20 апреля, 2019 г.). Тезисы докладов и сообщений. М.: ООО «Типография «Возрождение», 2019. С. 73−75.

Aleksey Bugarchev, Eugenia Shaykhutdinova, Alfira Singatullina, Airat Sitdikov. 2019. About The Golden Horde Silver Coins Of Khan Shadibek From The Izmeri Treashua (Russia). *6th SWS International Scientific Conference on Arts and Humanities 2019. Conference Proceedings*. Volume 6, Issue 1, 159−166.

Информация об авторе:

Бугарчев Алексей Игоревич, лаборант-исследователь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. (г. Казань, Россия); Abugar.61@rambler.ru

Сингатуллина Альфира Закиулловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела спецхранения, Национальный музей РТ (г. Казань, Россия); singatullina@list.ru

KHAN PULAD COINS ISSUED AT THE BULGAR AL-JADID MINT (BASED ON IZMERIEVSKY HOARD MATERIALS FROM THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

A.I. Bugarchev, A.Z. Singatullina

The article considers the silver coins of Khan Pulad minted at the Bulgar Al-Jadid - Novy Bulgar mint. It is based on the materials of Izmerievsky hoard deposited in the National Museum of Tatarstan. The authors selected a total of 43 items from the hoard materials. It was identified by metrological analysis that the weight of the coins corresponds to a value of 0.73 ± 0.02 g, which correlates with the weight of all Khan Pulad coins. After comparing the results with the values of the coins of the previous issuer Khan Shadi Beg from the same hoard, the authors discovered that the Pulad coins were minted with a lower standard weight.

Keywords: coin, dirham, metrology, Pulad, Izmerievsky hoard, Bolgar Vilayat, 15th century.

About the Authors:

Bugarchev Alexey I. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Singatullina Alfira Z. Candidate of Historical Sciences, National Museum of the Republic of Tatarstan. Kremlyovskaya St., 2, Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; singatullina@list.ru

Фототаблица.
Монета Пулада чеканки Булгар ал-Джадид

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ВЫЗОВЫ

УДК 902

О РАБОТЕ VI МЕЖДУНАРОДНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ[1]

© 2019 г. Е.Е. Воробьева, Е.Н. Голубева

VI Международная археологическая школа традиционно проходила в Болгаре и вела свою работу с 19 августа по 01 сентября 2019 года. Ее участниками стали более 90 молодых специалистов из 10 стран мира. Главной целью проведения Школы является внедрение в исследовательскую практику новейших методов изучения и сохранения историко-культурного наследия. Работа школы была организована в рамках четырех научно-образовательных практико-ориентированных программ: археологическое стекло, история и реставрация древней керамики, палеоантропология, стабилизация и консервация археологического железа. Отличительной чертой Международной археологической школы в Болгаре остается широкое применение экспериментальных методов исследования. Традиционным завершением работы Школы стала итоговая молодежная научно-практическая конференция «Междисциплинарные исследования в археологии: достижения и вызовы».

Ключевые слова: археологическая школа, научно-образовательный проект, реставрация, история, археология, конференция, Болгар.

Международная археологическая школа - ежегодное научно-образовательное мероприятие, которое проводится на базе Болгарского государственного историко-архитектурный музея-заповедника с 2014 года. Именно в 2014 году по результатам работы I Международной археологической школы (Ситдиков, Вязов, Макарова, 2014, 2015; Айтуганова, Ситдиков, Вязов, Макарова 2016) было принято решение о ежегодном проведении научно-образовательного проекта для молодых исследователей.

И вот, 19 августа 2019 года вновь на базе Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника открывается уже VI Международная археологическая школа.

На протяжении более пяти лет организаторами школы являются Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. В 2019 году Международная археологическая школа проходила при поддержке Фонда президентских грантов.

В 2019 г. участниками школы стали более девяносто молодых специалистов из 10 стран мира. География школы включала в себя Россию, Беларусь, Колумбию, Германию, Египет, Ирак, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Бангладеш. В качестве преподавателей выступили ведущие специалисты из крупнейших научных и образовательных центров России и Словакии. Рабочими языками школы были русский, английский и испанский.

Целью организации школы является консолидация отечественных и зарубежных научных и образовательных ресурсов для внедрения новейших достижений мировой науки в практику изучения и сохранения историко-культурного наследия народов Евразии. Школа ориентирована на потребности молодых учёных в знакомстве с новыми методами, представлении актуальных данных и коллаборации. Участники имели возможность не только прослушать лекции, поучаствовать в работе практических занятий, но и представить свои уникальные творческие проекты, обсудить их, получить экспертную оценку.

Программа школы из года в год меняет свой формат, оставаясь интересной как для начинающих специалистов, так и для тех, кто уже принимал участие в работе школы. Так, в 2019 году работа школы была организована в рамках четырёх научно-образователь-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда президентских грантов (проект №: 19-1-023099)

ных практико-ориентированных программ: археологическое стекло, история и реставрация древней керамики, палеоантропология, стабилизация и консервация археологического железа.

На занятиях секции «Археологическое стекло» под руководством к.ист.н., доцента кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Института международных отношений КФУ С.И. Валиулиной участники школы познакомились с современными подходами и методами описания стеклянных предметов в целом и стеклянных бус в частности. Серия теоретических и практических занятий была посвящена технологиям производства стеклянных изделий, принципам классификации, полевой обработки и консервации археологического стекла (рис.1). Также участники секции научились определять химический состав древнего стекла и интерпретировать результаты анализа химического состава, пополнили свои знания о разных древних и современных стеклодельных мастерских и принципах их оценки.

Секция «Древняя керамика: история и реставрация» состояла из двух разделов. Первый раздел (руководитель - к.и.н., доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета Л.А. Краева) - история древней керамики – была направлена на изучение первобытного гончарства в рамках историко-культурного подхода, разработанного российским ученым А. А. Бобринским (рис. 2, 3).

Чрезмерная или недостаточная очистка, неграмотная склейка и гипсовка, пренебрежение вопросами обессоливания и укрепления хрупкой керамики приводят к ее ускоренному разрушению в процессе последующего хранения. Во время работы второго раздела секции (руководитель - художник-реставратор, научный сотрудник реставрационно-аналитического отдела Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан П.Ю. Каплан) – реставрация древней керамики - участники освоили основные методы реставрационной обработки археологической керамики (рис.4).

Программа секции «Палеоантропология» была разработана к.б.н., научным сотрудником НИИ и Музея антропологии Московского государственного университета (г. Москва) Д.В. Пежемским для студентов, магистров, аспирантов и молодых специалистов в области археологии для расширения их теоретических и практических знаний, навыков и умений работы с палеоантропологическим материалом в рамках научно-исследовательских и научно-практических проектов различного характера. Лекционный модуль секции был посвящен современным проблемам физической антропологии. Практические модули секции охватывали основы работы с различными анатомическими частями человеческого тела: черепом, зубами и посткраниальным скелетом человека. Программа секции также включала отдельный модуль обучения методам полевой фиксации, консервации и реставрации палеоантропологических материалов (рис.5). Захватывающим и интересным был завершающий обучающий блок, посвященный методам диагностики палеопатологий и физиологического стресса в физической антропологии.

Одна из самых проблемных и часто встречающихся категорий археологических находок – железные предметы. Их форма и поверхность скрыты наслоениями продуктов коррозии, они нестабильны и начинают активно разрушаться уже в первый год после извлечения из земли. С методами расчистки археологических находок из железа и стабилизации активной коррозии в растворе щелочного сульфита в ультразвуковом поле, грамотной консервации подобной категории находок (Рис.6) познакомила секция «Стабилизация и консервация археологического железа», возглавляемая художником-реставратором высшей категории, старшим преподавателем кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Института международных отношений КФУ Светланой Георгиевной Буршневой.

Следует отметить, что лекции и полевые и практические занятия школы осуществлялись российскими и зарубежными специалистами. Это:

доктор Института археологии Академии наук Словакии Д. Сташшикова-Штуковска (Рис.7), младший научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН И.Н. Кузина (Рис.8), к.и.н., научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН Н.А. Лейбова (Рис.5), к.и.н., старший научный сотрудник Института археологии РАН О.С. Румянцева, к.и.н., первый заместитель директора государственного историко-

археологического музея-заповедника Херсонес Таврический Т.В. Сарапулкина (рис.9), к.и.н., доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Института международных отношений КФУ Л.А. Вязов (рис.10), научный сотрудник Музея археологии Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан В.Н. Бахматова, художник-реставратор по металлу Т.А. Губина.

Завершающим этапом работы Школы стала традиционно проводимая Международная молодежная научно-практическая конференция «Междисциплинарные исследования в археологии: достижения и вызовы», в рамках которой участники смогли поделиться результатами своих исследований, в том числе и экспериментальных изысканий, проведенных на площадках школы. Результаты конференции нашли отражение в статьях.

Широкий спектр проблем, затронутых авторами статей конференции, подчеркивает актуальность комплексного подхода в изучении, управлении археологическими объектами, сочетающего как сугубо археологические, так и междисциплинарные методы исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Ситдиков А.Г., Вязов Л. А., Макарова Е.М. О работе Международной полевой археологической школы в Болгаре (18–31 августа 2014 г.) // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 294–303.

Ситдиков А.Г., Вязов Л. А., Макарова Е.М. О работе Международной полевой археологической школы в Болгаре (18–31 августа 2014 г.) // Поволжская археология. 2015. № 3. С. 264–266.

Айтуганова, Н. Л., Ситдиков А.Г., Вязов Л. А., Макарова Е.М. О работе III Международной археологической школы // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 334–339.

Информация об авторах:

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, доцент реставрационно-аналитического отдела, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); veer47@mail.ru

Голубева Екатерина Николаевна, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ, научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); kategol@mail.ru

PROCEEDINGS OF THE 6TH INTERNATIONAL ARCHAEOLOGICAL SCHOOL[2]

E.E. Vorobieva, E.N. Golubeva

The 6th International Archaeological School was traditionally held in Bolgar on August 19 - September 01, 2019. It was attended by over 90 young specialists from 10 world countries. The main objective of the School is the practical research application of the latest methods of studying and preservation of historical and cultural heritage. The School was organized within the framework of the following four scientific and educational practice-oriented programs: Archaeological Glass, History and Restoration of Ancient Ceramics, Palaeoanthropology, Stabilization and Conservation of Archaeological Iron. One of the consistent features of the International Archaeological School in Bolgar has been extensive use of experimental study methods. The School was traditionally closed with the Final Youth Scientific and Practical Conference “Interdisciplinary Studies in Archaeology: Achievements and Challenges”.

Keywords: archaeological school, research and educational project, restoration, history, archaeology, conference, Bolgar.

[2] The work was conducted with the financial support of the Presidential Grant Foundation Grant No. 19-1-023099)

About the Authors:

Vorobeva Elena E. Candidate of Historical Sciences. Docent. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation. Docent. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; veer47@mail.ru

Golubeva Ekaterina N. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; kategol@mail.ru

Рис.1. Практические занятия секции «Археологическое стекло»

Рис.2. Группа слушателей секции «Древняя керамика: история и реставрация» подготовила экземпляры керамической посуды для обжига.

Рис.3. Процесс обжига керамики

Рис. 4. За реставрацией керамического сосуда

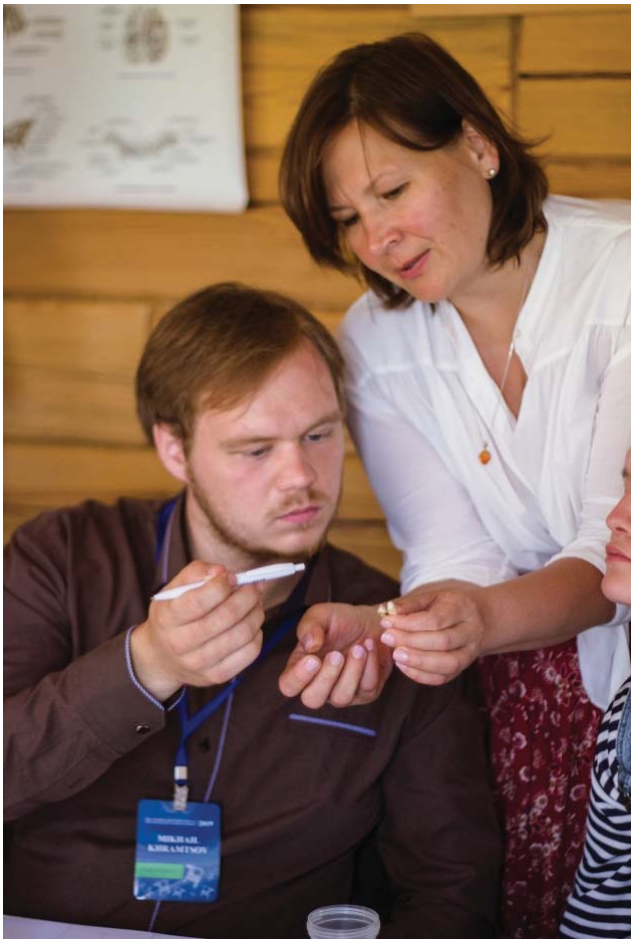


Рис. 5. Практические занятия секции «Палеоантропология» (преподаватели: Д.В. Пежемский и Н.А. Лейбова)

Рис. 6. Слушатель секции «Стабилизация и консервация археологического железа» за расчисткой археологической находки из железа

Рис. 7. Д. Сташшикова-Штуковска и секция «Археологическое стекло»

Рис. 8. И.Н. Кузина за чтением лекции слушателям школы

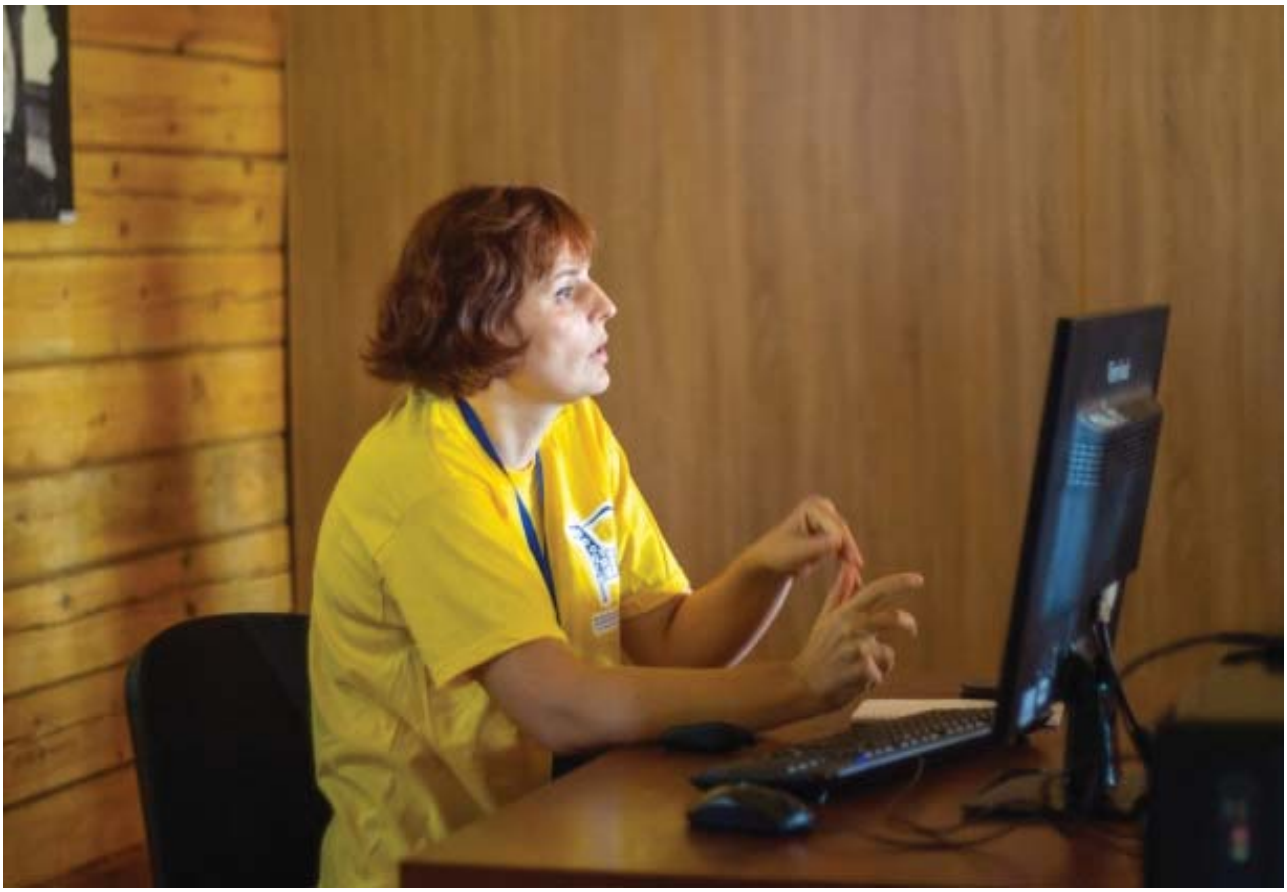


Рис. 9. Т.В. Сарапулкина за чтением лекции слушателям школы

Рис.10. Л.А. Вязов за чтением лекции слушателям школы

Рис.11. Слушатели VI Международной археологической школы

УДК 572

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В БЕЛАРУСИ

© 2019 г. В.Е. Винникова

В статье приводится информация о проведении антропологических исследований на территории Беларуси в 1920 – 1930-х годах. Считается, что становление антропологической школы в Беларуси относится к 1960-м годам. Но на самом деле, становление антропологии как науки на территории Беларуси началось ещё в 1920-х годах, когда в составе Института Белорусской Культуры была организована антропологическая комиссия, которая затем была переименована в кафедру антропологии Белорусской академии наук. Организация данных структур является знаковым событием для белорусской антропологии. Кафедра проводила работу в нескольких направлениях – вместе с антропометрией изучались проблемы высшей нервной деятельности. Широкая комплексная программа и целостный подход к проблеме были «новаторскими» для того времени.

Ключевые слова: антропологическая комиссия, Институт Белорусской Культуры, кафедра антропологии, антропологические исследования.

Становление антропологической школы в Беларуси относят к 1960-м гг., когда в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук БССР была открыта аспирантура по специальности «антропология». Однако, на самом деле, процесс становления антропологической науки в Беларуси начался раньше и был достаточно сложен. Первые попытки создания белорусской антропологии были предприняты в 1920-х гг., в период становления и развертывания политики белорусизации, создания Института белорусской культуры (Яноўская, Марфіна, 2017). Согласно Тегако Л.И, в 1920–1930-е гг. развитие отечественной антропологии характеризовалось углублением теоретических выводов в расоведении и расширением экспедиционных исследований. К сожалению, о данном периоде в отечественной антропологии и о тех, кто стоял у ее истоков известно не так много (Цягака, 2006).

Первым этапом возникновения и становления антропологии Беларуси можно считать организацию антропологической комиссии в составе медицинской секции Института белорусской культуры (Инбелкульта) в ноябре 1924 г. Данных о более точной дате основания антропологической комиссии нет. Примерное время ее появления определили по сохранившимся в архивах документам (в основном по протоколам общего собрания медицинской секции Института Белорусской Культуры от 13 и 24 февраля 1925 г., где заслушивалась работа антропологической комиссии). Инициаторами развертывания антропологических исследований были «врачи-белорусы» с г. Минска: Юльян Лютынский и Семен Волочкович. Данных о Лютынском, кроме его работ в Инбелкульте, нет, однако о дальнейшей судьбе Волочковича известно больше: он возглавил психиатрическую колонию, на базе которой был создан Научно-практический центр психического здоровья в Новинках (Яноўская, Марфіна, 2017). Письмо, которое заслушивалось на собрании медицинской секции, являлось обсуждением психического типа белоруса, целью которого было обратить внимание и попросить содействия Инбелькульта в разгадке национального типа (Яноўская, Марфіна, 2017). Информация о работе антропологической комиссии в первый год ее существования известна по отрывкам из протоколов заседаний. Большая часть работ комиссии представлена в «Протоколе годового заседания антропологической комиссии от 12 ноября 1925 года». По первому докладу возникло множество споров, одним из главных вопросов в которых была проблема, связанная с недостатком финансирования, инструментов, отсутствия помещения для лаборатории. Институт белорусской культуры стал обращаться к Институту экспериментальной биологии (в Москве) и Военно-медицинской академии (в Ленинграде) за необходимыми материалами, которых все равно не хватало. Поэтому, к лету 1925 г. деятельность антропологической комиссии постепенно сходила на нет (Яноўская, Марфіна, 2017).

Заново свою работу антропологическая комиссия начала в 1926 г., однако точная дата создания новой комиссии также не указана в документах, существуют только упоминания

в «Записке к плану работы Института белорусской культуры на 1926/27 года» о том, что комиссия создана и начала работу. В 1927 г. при реформировании Института белорусской культуры, когда его секции были преобразованы в кафедры, антропологическая комиссия приобрела статус кафедры антропологии (Яноўская, Марфіна, 2017). Антропологическую комиссию в 1926 г., а затем и кафедру антропологии (с 1927 г.) возглавил доктор, психолог и ученик И.П. Павлова Александр Карлович Ленц, изучавший типы высшей нервной деятельности человека. Он развернул масштабные исследования на новом уровне. Созданная структура включала антропологическую лабораторию, лабораторию по изучению высшей нервной деятельности и антропологический музей. Антропологическая лаборатория состояла из ряда отделов: антропометрии и описательных признаков; функциональных антропометрических исследований; отдела статистики по обработке материала, получаемого как от сотрудников кафедры, так и из других учреждений для проведения сравнительного анализа (Марфина, 2015).

Кафедра проводила исследования в 2-х направлениях: в области антропометрии и в области высшей нервной деятельности (Цягака, 2006). Как отмечал сам А.К. Ленц, работниками его кафедры был изучен и систематизирован весь литературный материал, касающийся антропологии белорусов, была разработана программа антропологических исследований, была установлена связь, на тот момент еще, комиссии с Антропологическим отделом Всесоюзной Академии Наук в Ленинграде и с Антропологическим Институтом в Москве, планировалось связаться с Интернациональным Антропологическим Институтом в Париже (Ленц, 1928).

В качестве своих первоочередных задач кафедра определяла: выявление расового и биологического типа белоруса, выявление характерных черт белорусов, которые отделяют их от других родственных народностей; определить, как изменяется функциональный тип белоруса под влиянием условий жизни; исследовать мозговую деятельность; установление основных типов высшей нервной деятельности белорусов (Антропология Беларуси в исследованиях…, 2017).

В рамках научно-исследовательской работы планировалась педагогическая и организационная деятельность на местах, которая включала подготовку кадров педагогов, врачей в крупных и малых центрах Беларуси и ведение единой методики основных приемов измерений во всех организациях, где проводились антропологические исследования. В то время помимо антропологической работы сотрудников кафедры часть измерений проводилась в окружных военных лабораториях, в комиссиях по приему новобранцев, а также в кабинетах физического воспитания, которые есть в каждом городе. Главной своей целью все эти учреждения ставили определение санитарной конституции. Разработанный на кафедре план экспедиций, в первую очередь, предусматривал антропологическое обследование студентов Белгосуниверситета, белорусов-красноармейцев и белорусов, проживающих в сельской местности. Для изучения последних планировалось проведение в 1928–1929 гг. ряда экспедиций в Могилевскую и Витебскую области. Были осуществлены антропологические экспедиции в Оршанский и Могилевский районы (Марфина, 2015). За время работы был собран материал, анализ которого позволил впервые охарактеризовать физическое развитие и физиологические показатели системы крови и обмена веществ у обследованных детей, молодежи и взрослого населения (Тегако, Зеленков, 2011).

Под руководством Ленца был проведен ряд антропологических измерений: были исследованы призывники Минской округи 1904 года рождения (760 чел.), белорусские и еврейские дети в Минске и Гомеле. Летом 1927 г. была проведена экспедиция на Князь-Озеро (Полесье, район Слуцкой и Мозырской округи) – было измерено около 400 белорусских селян. Летом 1928 г. были проведены две антропологические экспедиции – в Могилевской округе (350 чел.) и Оршанской округи (300 чел.), в которых, помимо антропометрических, были проведены исследования в области высшей нервной деятельности, а также были определены группы крови (Ленц, 1928).

В октябре 1926 г. доктором А.А. Смирновым под руководством А.К. Ленца были обследованы рекруты-белорусы 1904 года рождения, призванные в Красную Армию в количестве 760 человек. В исследовании принимались во внимание: пигментация (волос и глаз, цвет кожи как таковой не обозначался), строение лица (форма лба, строение наружного носа по вышине пере-

носицы, формы спинки носа и положению кончика носа, толщина губ, подбородок, форма лица в целом), строение тела (рост, пропорции; конфигурация и массивность костей; рельеф, строение и тонус мускулатуры и т.д.), носовой отдел и лицевой скелет в целом. Данные о весе и росте призывников были взяты у призывной комиссии. Эти показатели, по словам Смирнова, в большей степени зависели от внешних факторов и являлись существенными данными для характеристики санитарной конституции и рассматривались учеными в связи с социально-экономическим типом. Данное исследование Смирнов обозначил как «первый этап в предпринятом Антропологической комиссией Института Белорусской Культуры полным исследованием антропологического типа населения Беларуси» (Смірноў, 1928). Еще две публикации А.А. Смирнова, сохранившиеся до нашего времени, посвящены исследованиям черепов курганного периода, найденные при раскопках, проведенных в Минском округе, Заславском районе и районе реки Ухлясть, а также в районе города Борисов и в Гомельском округе. В своей работе он не давал сравнительной характеристики и не проводил анализ вариационных рядов, а лишь ограничился внесением полученных данных в таблицу, в которую вошли показатели черепного и высотного индексов, вариативные ряды данных величин (Смірноў, 1930).

К сожалению, большая часть материалов исследований, проведенных сотрудниками кафедры, была утеряна во время войны. В нашем распоряжении имеется лишь несколько публикаций А.К. Ленца и сотрудников его кафедры: вышеупомянутого А. А. Смирнова, а также Д.Л. Эйгорна, Ю.Н. Веремецкой, опубликованные в белорусских изданиях «Запіскі аддзелу прыроды і народный гаспадаркі Беларускай Акадэміі навук», «Працы катэдры археолегіі», в сборнике «Этнаграфія, антрапалогія, псіхалогія», а также в украинском ежегоднике «Антропологія. Річник кабінету ім. Ф. Вовка» (Марфина, 2015).

В ходе свертывания политики белорусизации и проведения «чистки» аппарата Белорусской академии наук кафедру антропологии попрекнули в отказе от сотрудничества с антропологами Москвы, также ей было поставлено в вину, что она была полностью оторвана от социалистического строительства и ничего для него не сделала, а лишь выполняла заказ «нацдэмовцев» по обозначению антропологического типа белоруса. Исследования групп крови посчитали поиском отличий крови русских и белорусов и в итоге этот метод запретили, а уже имеющиеся материалы были отправлены в Москву (Яноўская, Марфіна, 2017). В результате в 1931 г. кафедра была ликвидирована, и на ее основе был создан институт высшей нервной деятельности, который затем был переименован в Научно-исследовательский институт психоневрологии в 1933 г. (Цягака, 2006). В 1934 г. А.К. Ленц был вынужден покинуть Беларусь и вернуться в Ленинград (Яноуская, Марфіна, 2017). О судьбах остальных работников кафедры, в т.ч. Смирнова А.А., не известно.

В заключение стоит отметить, что проведенная под руководством Ленца работа кафедры антропологии отличалась современным подходом к осуществлению планомерных исследований населения и постановкой задач. Это были грандиозные планы развития науки в молодой республике.

ЛИТЕРАТУРА

Антропология Беларуси в исследованиях конца XIX – середины XX в. / Научн. ред. И.И. Саливон, О.В. Марфина. Минск: Беларуская навука. 2017. С.446−452.

Ленц А. К. Матар`ялы да організацыі антрополёгічных дасьледванняу на Беларусі // Этнаграфія. Антрапалёгія. Псыхолёгія / Отв. Ред. Менск: выданне Інстытута беларускай культуры, 1928. С. 55–59.

Ленц О. Антропологічні достліді на Білорусі // Окрема відбітка з «Антропології», річника Кабінету антропології ім. Ф. Вовка ВУАН. / Київ, 1929. С. 276−280.

Марфина О.В. История антропологических исследований в Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2015. 405 с.

Смірноў А.А. Антрапалагічная характарыстыка группы беларусаў Менскае акругі (рэкруты нараджэньня 1904 г. // Этнаграфія. Антрапалёгія. Псыхолёгія. / Інстытут беларускай культуры. Менск. 1928. С. 93–96.

Смірноў А.А. Асноўныя дыяметры і тып сэрый чарапоў курганнага пэрыоду (раскопкі ў Заслаўскім, Ухляскім і Менскім раёнах) // Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Інстытут беларускай культуры. Кн. 5: Працы катэдры археолѐгіі. Том 1. Менск. 1928. С. 93–96.

Смірноў А.А. Новыя даныя аб чарапох курганнага перыяду // Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Інстытут беларускай культуры. Кн. 11: Працы катэдры археолѐгіі. Том 2. Менск, 1930. С. 379−381.

Тегако Л.И., Зеленков А.И. Социальная антропология. Минск: Беларуская навука, 2011. 224 с.

Цягака Л. І. З гісторыі вывучэння антрапалагічных асаблівасцяў беларусаў // Л.І. Цягака, І.І. Салівон, А.І. Мікуліч, В.У. Марфіна, Н.І. Поліна. Беларусы. Т. 9. Антрапалогія. Мінск: Беларуская навука, 2006. С 27−43.

Яноўская В.В., Марфіна В.У. Станаўленне антрапалагічнай навукі ў Беларусі: ал Інбелкульта да сучаснасці // Матэрыялы Міжнар. круглага стала, прысвечанага 95-годдзю Інстытута беларускай культуры (Мінск, 10 лістапада 2017 г.) Мінск: Права і эканоміка 2017. С. 51−58.

Информация об авторе:

Винникова Валентина Евгеньевна, Международный государственный экологический институт имени А.Д. Сахарова Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь); vendy.marsell@gmail.com

HISTORY OF THE ESTABLISHMENT OF ANTHROPOLOGICAL SCIENCE IN BELARUS

V. E. Vinnikova

In the article presents information on the conduct of anthropological studies in the territory of Belarus in the 1920-1930s. It is considered that the establishment of an anthropological school in Belarus dates back to the 1960s. However, the formation of anthropology as science in the territory of Belarus began in the 1920s when an anthropological commission was organized under the Institute of the Belarusian Culture, which was subsequently renamed into the Department of Anthropology of the Belarusian Academy of Sciences. The foundation of these structures is an important milestone in Belarusian anthropology. The department worked in several areas – along with anthropometry, it studied the issues of higher nervous activity. An extensive complex program and comprehensive approach to the issue were an innovative phenomenon for the period in question.

Keywords: anthropological commission, Institute of Belarusian Culture, Department of Anthropology, anthropological studies.

About the Author:

Vinnikava Valentina E. International Sakharov Environmental Institute of Belarusian State University. Dolgobrodskaya St. 23, Minks, 220070, Republic of Belarus; vendy.marsell@gmail.com

УДК 902/903

ПРИМЕР РАНЕВОЙ БАЛЛИСТИКИ ПО ДАННЫМ СТАРОСЕЛЬСКОГО ТЕРЮХАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2019 г. К.Н. Втюрина, Е.В. Четвертаков

В статье дается описание редкого случая баллистического ранения, которое было зафиксировано в ходе археологических раскопок на Старосельском терюханском могильнике в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2017 году. При разборе мужского погребения золотоордынской эпохи в головке бедренной кости погребенного был обнаружен железный наконечник стрелы, ранение которым с большой вероятностью стало причиной смерти погребенного. Авторы статьи предпринимают попытку расчета раневой баллистики данной стрелы, а также предлагают реконструкцию обстоятельств военного столкновения.

Ключевые слова: Нижегородская область, мордва-терюхане, средневековье, грунтовый могильник, раневая баллистика, золотоордынская эпоха.

Целью статьи является попытка реконструкции обстоятельств смерти представителя мордвы-терюхан. Для решения поставленной цели приводится описание и характеристика погребения второй половины XIII–XIV вв. с редким случаем смертельного баллистического ранения стрелой.

Старосельский могильник был впервые обнаружен и обследован археологической экспедицией Дальнеконстантиновского районного музея под руководством Е.В. Четвертакова в 2016 г. (Четвертаков, 2016, с. 7–20). Памятник расположен на длинном пологом мысу правого коренного берега р. Озерка, правого притока р. Кудьма, к юго-востоку от окраины застройки деревни Староселье Дальнеконстантиновского района Нижегородской области. Площадь могильника, определенная по области распространения подъемного материала и по особенностям рельефа, равна около 50 000 кв. м.

При археологических раскопках 2017 года (Четвертаков, 2017, с. 14–19) на Старосельском терюханском могильнике был зафиксирован примечательный случай раневой баллистики. При разборе мужского костяка в парном погребении (илл. 1) золотоордынского времени было зафиксировано проникающее ранение стрелой. Железный наконечник стрелы находился в головке левой бедренной кости погребенного (илл. 2а).

Упомянутое мужское погребение входило в состав условной семейной группы, состоящей из двух погребенных разного пола – мужское погребение № 6 (условно – правое, западное) и женское № 7 (левое, восточное). Заполнение погребений неоднородное: слой переотложенного рыже-коричневого пестрого суглинка заполнял погребение № 6 и перерезался слоем коричневого суглинка, прослеженного в заполнении погребения № 7. Таким образом, согласно данным стратиграфии женское погребение № 7 было осуществлено позже мужского погребения № 6.

Погребение № 6 принадлежит мужчине возрастом 40–50 лет. Тело погребенного было вытянуто и лежало на спине. Правая рука согнута, правая ладонь лежит на правом плече. Левая ладонь лежит на животе. Череп незначительно повернут направо. Сопроводительный инвентарь погребения включал в себя следующие артефакты: топор железный с округлым обухом, железный нож, две рамочные железные пряжки, железное двулезвийное овальное заостренное кресало, а также четыре наконечника стрел, пять застежек-фибул, накладку костяную (от колчана), кремень кресальный и камень точильный.

Погребение № 7 принадлежит женщине возрастом 35–40 лет. Туловище погребенной было развернуто вправо в сторону мужского погребения. Правая и левая руки были подогнуты к лицевой части черепа. Ноги подогнуты в коленях. В погребении были прослежены остатки лубяной подстилки. Сопроводительный инвентарь погребения включал в себя следующие артефакты: три бронзовых щитковых перстня, семнадцать застежек-фибул, две бронзовые застежки-сюльгамы, бронзовую подвеску в виде 8-ки, фрагмент серебряной цепочки, серебряную желудовидную подвеску с украшениями из зерни и керамическое биусеченно-коническое пряслице.

Обнаруженное парное погребение относится к погребальной обрядности мордвы-терюхан, характерной для золотоордынского периода второй половины XIII–XIV в.

Интересующий нас наконечник стрелы был обнаружен в тазобедренном суставе левой ноги. Стрела прошла со стороны большого вертела шейку левой бедренной кости, застряв в головке сустава. Сопротивление костного материала, в который вошла стрела, было намного больше, чем плотность скрепления черешка стрелы с древком при попытке ее извлечения, поэтому данная операция была безуспешной, и убитый был погребен с наконечником. Сказанное свидетельствует о том, что в окружении жертвы не было никакого инструментария, которым можно было бы извлечь выступающий конец стрелы.

Данное ранение, скорее всего, привело к смерти погребенного. Баллистическое ранение шейки бедра и тазобедренного сустава является наиболее тяжелым и опасным из всех ранений суставов, так как оно обусловлено одновременным ранением органов таза и глубоким положением самого сустава, окруженного мощным слоем мышц, в глубине которых легко развивается гнилостно-гнойная инфекция (Ранения, 2019). Так же ранение может быть осложнено повреждением расположенных рядом с суставом крупных нервных стволов, что вызывает тяжелый шок, быстро приводящий раненых к смертельному исходу.

Обнаруженный наконечник стрелы – железный с листовидным (ромбическим) пером, плавно переходящим в плоский черешок без упора. Наконечник соответствует типу А11 по К.А. Руденко (Руденко, 2003, с. 296) и датируются периодом XI–XIV вв. По своей форме он пластинчатый, прямоугольного сечения (2×10 мм) в нижней части и линзовидного (4×25 мм) в верхней части. Наконечник не имеет упора. Перо ромбической формы с пологими плечиками плавно переходит в черешок (18 мм). Режущие кромки пера образованы ковкой. Длина наконечника – 73 мм, ширина 25 мм.

Подобный тип стрел встречается в культурном слое Болгарского городища, на Билярском городище, на Золотаревском городище и в погребениях древнеудмуртского Кузьминского могильника, на древнеудмуртском городище Иднакар IX – начала XIII в. Наиболее близкий экземпляр был обнаружен в западной части селища Чакма (Предкамье, XI–XIII вв.) в сборах К.А. Руденко в 1991 г. (Руденко, 2003, с. 78–79). Данный тип наконечника стрелы использовался в качестве охотничье-промыслового.

Анализ ранения показывает, что стрела вошла в область тазобедренного сустава под углом 400 по отношению к оси левой бедренной кости погребенного (илл. 2б). Данный тип ранения не мог быть нанесен убитому в положении стоя, практически единственный возможный вариант, по мнению автора статьи, – нахождение погребенного в момент ранения на лошади. Направление проникающего ранения соответствует положению бедра при облегченной посадке всадника.

Облегченная посадка применяется на прибавленных аллюрах, чтобы не мешать работе спинной мускулатуры. К облегченной посадке всадник переходит из посадки нормальной, когда он при более сильном прогибе поясницы и связанном с этим продвижении вперед средней части тела наклоняет вперед туловище. При этом вес тела передается в большей мере на передний край седалищных костей, а также на бедра и колени, которые для этого должны прижиматься несколько плотнее (Эзе, 1983, с. 52–53). При этом стреляющий в момент спуска стрелы находился практически сбоку от лошади, так как стрела была выпущена под углом 750 по отношению к оси движения лошади (рис. 2в).

Учитывая габариты обнаруженной стрелы, попытаемся оценить величину кинетической энергии стрелы для уточнения расстояния, с которого она была выпущена.

Для наших расчетов мы взяли значения удельной кинетической энергии стрелы, равные 60…135 Дж/см^2, которые применялись в подобных расчетах авторами методики расчета раневой баллистики (Коробейников, Митюков, 2007, с. 9–13).

Площадь сечения S рассматриваемого наконечника составляет 0,50 см^2. Тогда величина ее общей кинетической энергии при попадании в цель равна:

E= Eуд× S=(60…135)×0,50=30…67,5 Дж (3...6,9 кгс*м)

Так как $E = \frac{mv^2}{2}$, то скорость стрелы в момент встречи с целью $v = \sqrt{\frac{2E}{m}}$, где m – масса стрелы.

Принимая во внимание указание источников, что «у древнерусских стрел вес наконечника стрелы и древка соотносится 1:5, а согласно арабским источникам это соотноше-

ние равно 1:7» (Шокарев, 2001, с. 30), получаем, что масса снаряда в 6…8 раз больше массы наконечника, которым мы располагаем. Отсюда скорость стрелы у цели составляет:

$$v = \sqrt{\frac{2 \times (30 \dots 67{,}5)}{0{,}01515 \times (6 \dots 8)}} = 22{,}25 \dots 38{,}5 \text{ м/с}$$

Рассчитаем общую продолжительность движения этой стрелы. Допустим, что стрела была выпущена горизонтально стрелком из положения стоя с высоты h = 1,5 м. В данном случае время до ее встречи с землей будет определять время полета стрелы:

$$t = \sqrt{\frac{2h}{g}} = \sqrt{\frac{2 \times 1{,}5}{9{,}81}} = 0{,}56 \text{ с}$$

Для удобства дальнейших вычислений введем подстановку – постоянный член:

$$A = \frac{2m}{c_x \rho S_m} = \frac{2 \times 0{,}01515\ (6 \dots 8)}{1 \times 1{,}25 \times 0{,}00005} = 2908{,}8 \dots 3878{,}4 \text{ м}$$

В итоге скорость при сходе с тетивы определиться как:

$$A\left(\frac{1}{v} - \frac{1}{v_0}\right) = t \rightarrow v_0 = \left(\frac{1}{v} - \frac{t}{A}\right)^{-1} = \left(\frac{1}{(22{,}25 \dots 38{,}5)} - \frac{0{,}56}{(2908{,}8 \dots 3878{,}4)}\right)^{-1} = 22{,}3 \dots 38{,}7 \text{ м/с}$$

Из полученного результата видно, что разница скорости у цели и при сходе с тетивы почти не фиксируется. При таких скоростях и при столь незначительном времени полета работы силы лобового сопротивления невелика. А поэтому ускорение торможения можно принять примерно постоянным:

$$a = \frac{dv}{dt} = \frac{c_x \rho v^2}{2m} S_m = \frac{1 \times 1{,}25 \times (22{,}25 \dots 38{,}5)^2}{2 \times 0{,}01515(6 \dots 8)} \times 0{,}00005 = 0{,}13 \dots 0{,}51 \text{ м/с}^2$$

Отсюда дальность (дистанция) стрельбы:

$$S = v_0 t - \frac{at^2}{2} = (22{,}3 \dots 38{,}7) \times 0{,}56 - \frac{(0{,}13 \dots 0{,}51) \times 0{,}56^2}{2} = 12{,}4 \dots 21{,}6 \text{ м}$$

Принимая во внимание все полученные данные, мы можем реконструировать обстоятельства смерти погребенного. В момент боевого столкновения он находился на коне, имея при себе набор вооружения в виде топора и лука со стрелами, которые мы можем увидеть в его погребальном инвентаре. Сложно допускать у него наличие какого-либо защитного снаряжения, свидетельства которого отсутствуют в погребениях мордвы-терюхан золотоордынского периода. Вполне возможно, что погребенный находился в составе небольшого конного отряда легковооруженных воинов терюхан. Нападение было совершено пешими лучниками, которые, скорее всего, организовали засаду в лесистой местности для того,

чтобы находиться от противника на комфортном расстоянии для меткого поражающего выстрела стрелой (такое расстояние, согласно нашим расчетам, должно было составлять от 13 до 21 м). Обстрел нападавшими велся практически сбоку от лошади погребенного, так как стрела была выпущена под углом 750 по отношению к оси ее движения. Зафиксированное ранение могло быть следствием единственного меткого выстрела опытного лучника, который однако не был профессиональным воином, учитывая промысловый характер наконечника стрелы. Скорее всего, мы имеем дело с локальным военным конфликтом одной из племенных группировок мордвы-терюхан со своими соседями, этнический характер которых определить затруднительно. Данный конфликт произошел в золотоордынский период – во второй половине XIII–XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

Коробейников А.В. Митюков Н.В. Баллистика стрел по данным археологии: введение в проблемную область. Ижевск: Изд-во НОУ КИТ, 2007. 140 с.

Ранения тазобедренного сустава. [Электронный ресурс]. http://www.godmol.ru/cancer/ranenija_tazobedrennogo_sustava.html (дата обращения 08.04.2019)

Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII-XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: Закам, 2003. 512 с.

Четвертаков Е.В. Отчет об археологической разведке на территории Дальнеконстантиновского и Краснобаковского районов Нижегородской области в 2016 году // Архив ИА РАН. Р-1. 151 с.

Четвертаков Е.В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2017 году // Архив ИА РАН. Р-1. 129 с.

Шокарев Ю.В. Луки и арбалеты. М.: Изд-во АСТ, 2001. 173 с.

Эзе Э. Конный спорт: Пособие для тренеров, преподавателей, коневодов и спортсменов. М.: Физкультура и спорт, 1983. 256 с.

Информация об авторах:

Втюрина Ксения Николаевна, Нижегородский государственный университет им. Лобачевского, ИМОМИ (г. Нижний Новгород, Россия); kvtyurina@inbox.ru

Четвертаков Евгений Валентинович, методист, Дальнеконстантиновский районный музей (г. Нижний Новгород, Россия); Tank_kuz@mail.ru

EXAMPLE OF WOUND BALLISTICS BASED ON INFORMATION OBTAINED FROM STAROSELSKY TERYUKHANSKY BURIAL GROUND

K.N. Vtyurina, E.V. Chetvertakov

The authors provide a description of a rare case of wound ballistics, which was recorded as a result of archaeological excavations at Staroselsky Teryukhansky burial ground (Dalnekonstantinovsky District, Nizhny Novgorod Oblast) in 2017. During the study of a male burial of the Golden Horde period, an iron arrowhead was discovered in the head of the buried person's femur, and it was concluded that the wound probably constituted the cause of his death. The authors attempt to calculate the wound ballistics of the arrow and propose a reconstruction of the circumstances of the military conflict.

Keywords: Nizhny Novgorod Oblast, Mordva-Teryukhanes, Middle Ages, ground subsoil burial ground, wound ballistics, the Golden Horde period.

About the Authors:

Vtyurina Ksenia N. N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Gagarin Ave., 23, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; kvtyurina@inbox.ru

Chetvertakov Eugeny V. Dalnekonstantinovsky district Museum. Sovetskaya St., 89, Nizhny Novgorod, 606310, Russian Federation; Tank_kuz@mail.ru

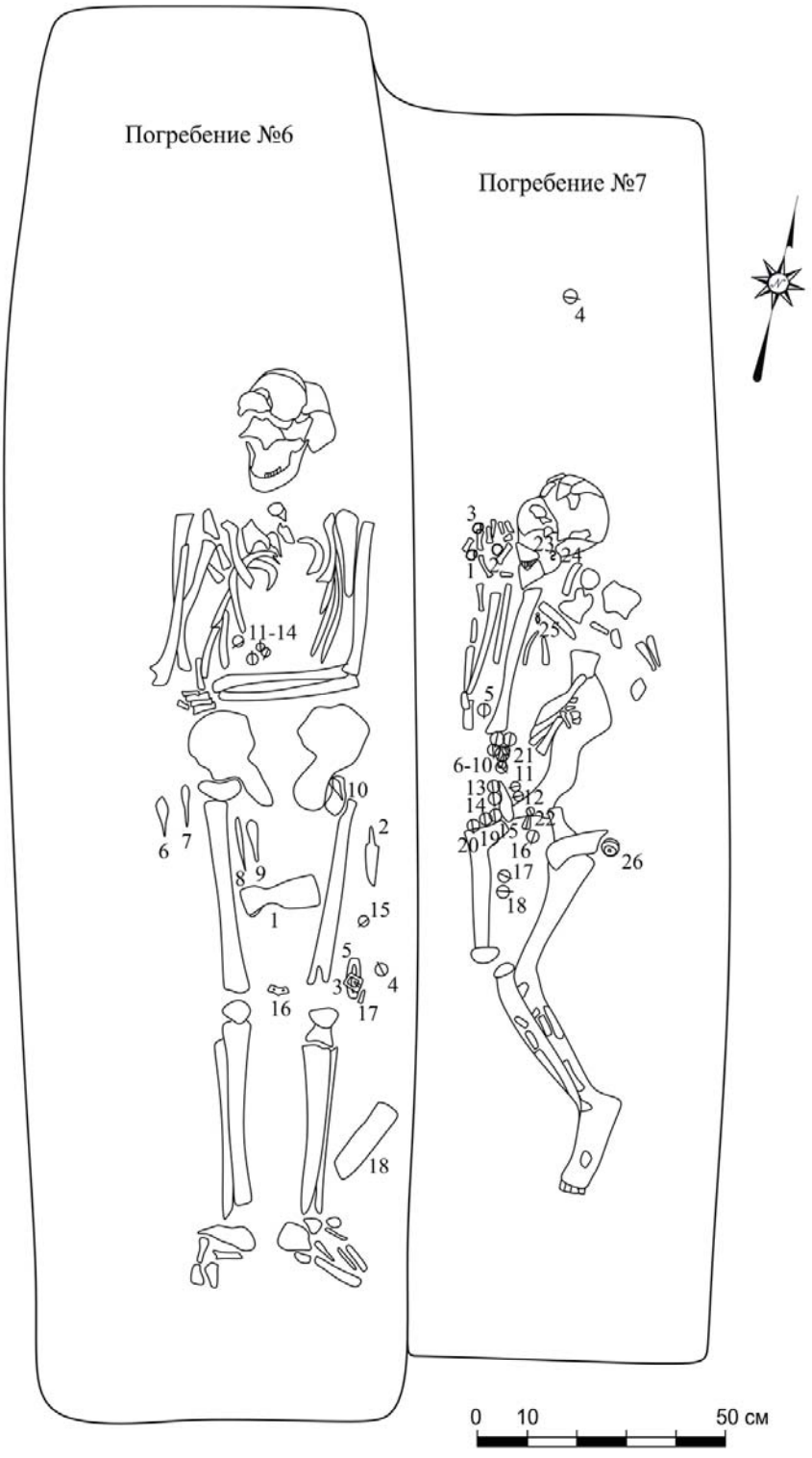


Рис. 1. Старосельский терюханский могильник. Погребения № 6, №7 (По Е.В. Четвертакову)

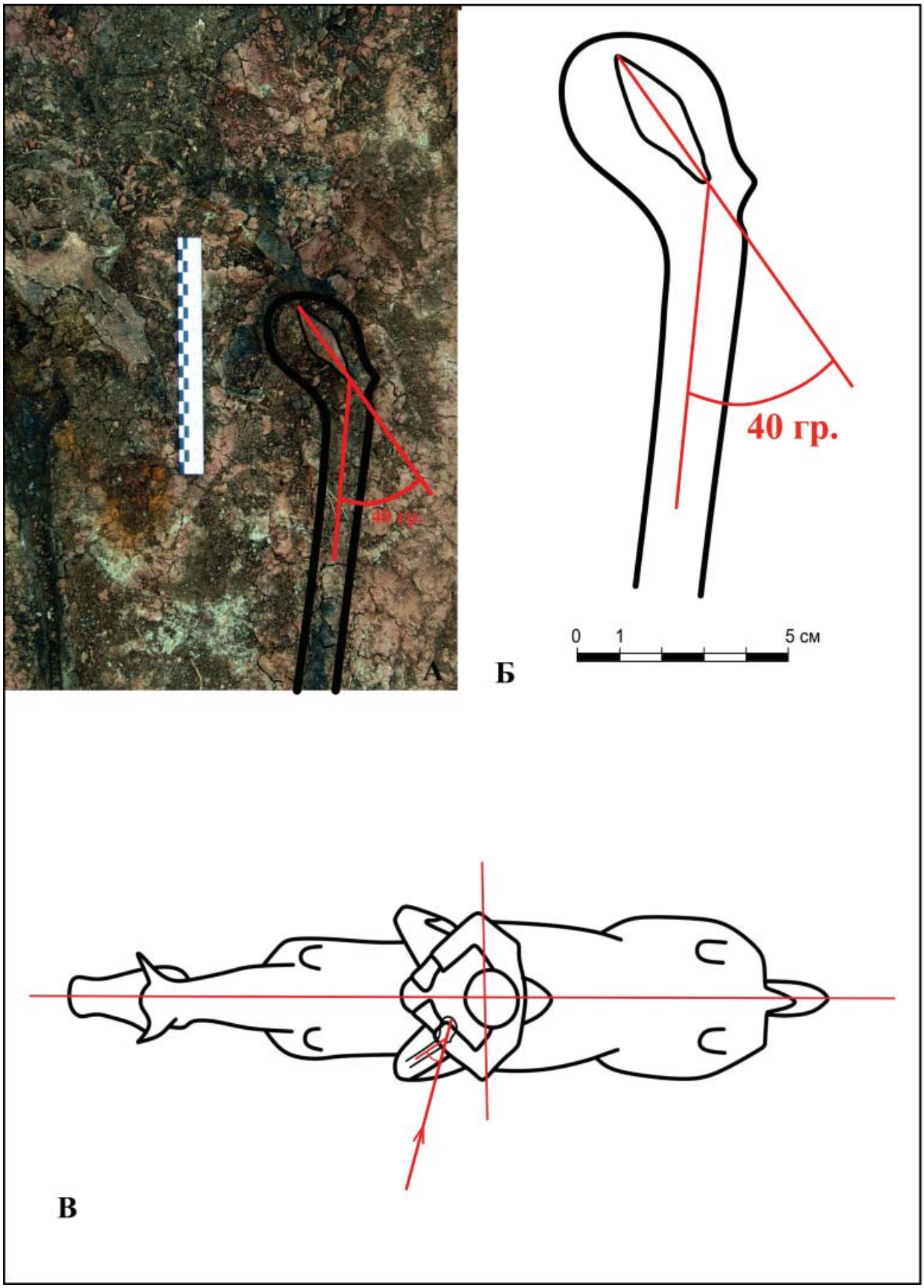


Рис. 2. Реконструкция направления стрелы при попадании в тело погребенного

УДК 904(470.316)/930.2

УРОЧИЩЕ «ГОРА СВЯТОЙ МАРИИ» В ОКРЕСТНОСТЯХ РОСТОВА ВЕЛИКОГО: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2019 г. А.Л. Каретников

«Гора святой Марии» – покрытый лесом моренный холм (размеры около 2,5×2,5 км), расположенный на границе Ростовского и Переславского районов Ярославской области. В ходе междисциплинарного изучения местности, проводимого автором с 2014 г. достигнуты следующие результаты: подробно исследована историография; анализ летописной статьи 1216 г. позволил поставить точку в дискуссии о локализации местности «у Святой Марии на реце Саре»; в ходе сплошных археологических разведок, проводившихся с привлечением планов Генерального межевания 1774-1791 гг., открыто семь новых селищ (от XIII в. до XVI в.) и один курганный могильник; использование металлодетектора вне зоны культурного слоя позволило собрать представительную коллекцию предметов и наметить границы территории хозяйственного освоения XIII-XVI вв.

Ключевые слова: Средневековая Русь, средневековые ландшафты, микрорегиональные исследования, сельские поселения.

«Гора святой Марии» – покрытый лесом моренный холм с отметками 170–210 м (по Балтийской системе высот), расположенный на границе Ростовского и Переславского районов Ярославской области. Северо-восточная часть холма в древности была подрезана р. Сарой, коренной берег которой имеет отметки 140–160 м. Размеры изучаемой территории составляют около 2,5×2,5 км. Начало исследований в урочище, проводимых Археологическим отделом музея-заповедника «Ростовский кремль» под руководством автора, было обусловлено наличием уникальной летописной записи о событиях 1216 г. В ней сообщается о встрече союзных войск, под предводительством ростовского князя Константина Всеволодовича и новгородского князя Мстислава Мстиславича: «И ту и отрядиста Всеволода с дружиною, и послашя къ Констянтину, а сами поидоша по Волзѣ вниз, и ту пометашя возы, а на кони полѣзошя и поедоша к Переяславлю воюючи. И бышя на Городищи на рѣцѣ Саррѣ у Святѣй Марине априля 9 в Велик день, и ту приеха Констянтин князь с ростовци. И възрадовашася видѣвшеся, и крестъ цѣловашя, и отрядиша Володимера Псковского с дружиною в Ростов, а сами, пришедше с полки, сташя противу Переяславлю в Фомину неделю» (Новгородская первая летопись..., 1950; Повесть о битве на Липице..., 2005). Таким образом, имеется уникальная возможность сопоставить сведения письменных и археологических источников в рамках микрорегионального изучения территории по методике разработанной С.З. Черновым (Чернов, 2008). Целью настоящей статьи является подведение итогов проведенной работы и обозначение перспектив дальнейших исследований.

На первом этапе работ была детально проанализирована историография и письменные источники. Удалось обнаружить публикации и архивные материалы, выпавшие из поля зрения исследователей. Это позволило прояснить историю первых археологических исследований на Горе святой Марии, проведенных ростовским краеведом А.А. Титовым в 1881 г. (Каретников, 2014). Забытыми оказались данные о разведочных работах 1927 г., выполненных директором Ростовского музея Д.А. Ушаковым (Каретников, 2016, с. 207–208). Важно отметить, что из обследованных в 1927 г. памятников один курганный могильник до сих пор не найден, другой был обнаружен нами только в 2018 г. (Каретников, Каретникова, Тарарака, в печати).

Особенность сохранившихся письменных источников о Горе святой Марии заключается в наличии летописного известия 1216 г. при полном отсутствии более поздних документов. Актовый материал XV–XVI вв. не сохранился (в том числе и на соседние земли). Писцовые описания XVII в. имеются лишь для смежных земель (д. Филимоново, с. Краснораменье, с. Алферьево, сельцо Медведево, д. Савино), хотя не исключено, что упомина-

ния церкви святой Марии будут найдены. Так была обнаружена краткая писцовая запись 1685 г., которая позволила установить, что церковь, упоминаемая в 1216 г., была посвящена Марии Египетской. Ее земли к 1685 г. пришли в запустение (Описание документов и бумаг..., 1872). Картографирование сведений писцовой книги Ростовского уезда 1629–1631 гг., а также привлечение дополнительной информации, позволило установить, что в середине XVI в. погост Марии Египетской по р. Саре граничил с обширной вотчиной, принадлежавшей ярославскому князю И.В. Пенкову. В частности, к этой вотчине относилась д. Филимоново (современное с. Филимоново), располагавшаяся на левом берегу реки (Каретников, 2018). Анализ летописной записи 1216 г. позволил установить, что на Горе святой Марии соединялись дороги из Новгорода (через Тверь) в Ростов и из Ростова на Переславль-Залесский. Рассмотрение сообщения 1216 г. на фоне других летописных сведений (до 1238 г.) о сельских поселениях позволило утверждать об его чрезвычайной важности, ведь оно является первым письменным свидетельством о деревянной сельской церкви Северо-Восточной Руси и одним из ранних свидетельств о почитании Марии Египетской на Руси. Отмечена чрезвычайная редкость посвящения сельской церкви в честь названной святой (Каретников, 2016, с. 225). Анализ опросов старожильческого населения, проведенных сотрудниками музея-заповедника «Ростовский кремль» в период с 2003 по 2009 г. позволил дополнить картину восприятия памятников археологии и окружающего их ландшафта (Киселев, 2003; Каретников, Киселев, 2017). Опросы, дополнительно проведенные автором, позволили узнать о «кургане в березняке» и об урочище Мирской пруд (Мирское болотце). В обоих пунктах в 2018 г. были обнаружены памятники археологии (Каретников, Каретникова, Тарарака, в печати).

С 2016 г. Археологический отдел музея-заповедника «Ростовский кремль» под руководством автора начал осуществлять программу сплошного археологического обследования местности. До 2006 г. на Горе святой Марии было известно два средневековых памятника археологии (рис. 1: 1, 2): селище XIII–XVI вв. (нами интерпретируется как место погоста Марии Египетской) и курганный могильник XI (?) – XII вв., состоящий из 196 насыпей (Леонтьев, 1994; Купцов 2011, с. 70–72). В ходе разведок 2016 г. было установлено, что два небольших участка культурного слоя, открытых в 2006 г., являются частью большого (450×150–280 м) селища XII–XIII вв. (рис. 1, 3). Памятник приурочен к дороге, которая идет в 130–150 м от р. Сары. Установлено, что именно это селище составляет комплекс с курганным могильником (Каретников, Каретникова, Тарарака, 2018, с. 291–299). Примечательно, что и селище, и могильник находятся на территории одной пустоши – Поповка. В 2017 г. поиск велся с опорой на планы дач Генерального межевания пустошей Поповка, Пенье, Мозжевелка. Перед разведками было выдвинуто предположение о том, что пустошь – это не просто участок заброшенных угодий, а еще и место запустевшего поселения (Каретников, Каретникова, 2018). Предположение подтвердилось в ходе полевых работ. В пустоши Пенье (19,4 га) было открыто селище XIV–XVI вв., в пустоши Мозжевелка (около 85 га) – два селища XIII–XV вв. (Каретников, Каретникова, Тарарака, 2018, с. 299–303). На территории пустоши «Поповка с пустошами» (257,7 га) в 2018 г. выявлено два селища – на Глухом враге и у Мирского болотца (рис. 1: 8, 9). Первое датировано второй половиной XIII в., второе – XIII–XV вв. Кроме того, в пустоши Поповка обнаружены остатки двух прудов (рис. 1: I, II), рядом с которыми, вероятно, находились еще не выявленные поселения (Каретников, Каретникова, Тарарака, в печати). Среднее расстояние между пятью селищами XIII в. составляет 0,83 км. От основного ядра значительно удалено (на 1,3–1,6 км) лишь селище у с. Краснораменье, открытое нами в 2018 г. Однако территория между памятниками пока слабо изучена. Единичные предметы XIII–XVI вв., обнаруженные здесь (рис. 1: а, б), в частности наконечник стрелы, замок типа Е, указывают на перспективность поиска селища. Одновременно с разведками геодезистом В.В. Петровым была выполнена инструментальная топосъемка (в масштабе 1:500) на площади около 40 га. Таким образом, в ходе сплошных разведок, которые охватили пока около 50% территории, на Горе святой Марии выявлена структура расселения XII–XIII вв. Она интерпретируется нами как погост и тяготевшие к нему малодворные деревни. Обнаружение рядом с некоторыми селищами курганов из камня (рис. 1: 12, 13) позволяет поставить под сомнение тезис об исчезнове-

нии курганной традиции погребения в начале XIII в. Полученных в ходе разведок данных пока недостаточно для установления социального статуса жителей/владельцев поселений. Однако необходимо отметить ряд значимых находок. На селище XII–XIII вв. и селище 1 в пустоши Мозжевелка обнаружены идентичные энколпионы типа VIII. 3. 1 (по А.А. Песковой) (Каретников, Каретникова, Тарарака, 2018, с. 297, 301). На селище у Мирского болотца найдена лицевая створка такого же энколпиона (Каретников, Каретникова, Тарарака, в печати). Кроме того, на последнем селище обнаружена пяточная часть шпоры с шипом типа Д (по А.Н. Кирпичникову). Считается, что подобные шпоры не использовались после середины XIII в. Кроме того, на разных селищах и за их пределами найдено четыре боевых наконечника стрел, из них два – бронебойные. Остается пока неясным, связаны ли эти находки с событиями 1216 г.

В лесу на Горе святой Марии сохранилась разветвленная дорожная сеть (рис. 1). Есть основания считать, что все или, по крайней мере, большинство этих дорог восходит к XII–XIII вв. К рубежу XVI–XVII вв. на Горе святой Марии не осталось ни одного жилого поселения. Однако еще в 1780-е–1790-е гг. три поляны в лесу на территории пустошей Поповка и Пенье распахивались. На двух селищах XIII в., а также на территории пустоши Волзина, найдены одношипные подковы XV–XVI вв., что указывает на использование угодий запустевших поселений. Соответственно существовала необходимость поддерживать старые дороги в хорошем состоянии.

Использование металлодетектора вне зоны культурного слоя позволило обнаружить предметы XIII–XVI вв., которые, по всей видимости, маркируют зону хозяйственного освоения поселений, в частности пашню. Эти находки показывают не только перспективность сбора подъемного материала по методике, разработанной для полей сражений. Они важны для понимания сущности археологизации древнерусского сельского поселения и его хозяйственной округи. При таком подходе научную ценность представляет не только жилая площадка поселения (собственно селище), но и обширная территория, окружающая ее. В этом плане наиболее показательно селище 1 (XIII–XV вв.) в пустоши Мозжевелка (рис. 1: 6). В 2018 г. памятник подвергся распашке для посадки лесных культур – гусеничный трактор пропахал плугом борозды через 1–3 м. Сбор подъемного материала в бороздах позволил сделать важные выводы по исторической топографии памятника. Жилая площадка (около 100×50 м) находилась на холме (210 м) с крутым западным и пологими северным и восточным склонами. На вершине холма выявлено несколько распаханных скоплений печных камней – «печищ». В 130 м к востоку от нее (на 7 м ниже) выявлены остатки пруда. Другой пруд обнаружен в 90 м к западу от жилой площадки, на 13 м ниже нее. В 120–200 к северу, северо-востоку и востоку от жилой площадки обнаружено несколько десятков фрагментов керамики XIII–XV вв., печных камней, отдельные металлические предметы. Очевидно, что эта территория, площадь которой в восемь раз превышает территорию поселения, активно использовалась в хозяйственном отношении. Не исключено, что на ней находились отдельные не жилые строения.

В ходе археологических разведок обнаружено шестнадцать ям идентифицированных с межевыми ямами. Их размеры в плане составляют от 3×3 м до 6×5 м, глубина – от 1 до 1,5 м. Межевые ямы, согласно межевым книгам на пустоши Поповка, Пенье, Марья Святая и сельцо Савино, выкапывались в период Генерального межевании в 1770-е–1790-е гг. на поворотных точках межи. Обнаружение межевых ям позволило точнее «привязать» к местности границы пустошей. Так, на территории селища XII–XIII вв. удалось обнаружить все четыре межевые ямы пустоши Колоколенка (1,6 га), две из них обозначают и границу пустоши (3,6 га) Марья святая (Каретников, 2016, с. 213–2140). Последняя связана с селищем XIII–XVI вв. – погостом Марии Египетской.

Таким образом, Гора святой Марии является пока единственной территорией в округе Ростова, где выявлена структура расселения, сформировавшаяся в XIII в. Очевидно, что эта местность, не подвергавшаяся серьезному хозяйственному воздействию в XVII–XX вв., является эталонной территорией для изучения русского средневекового ландшафта методами комплексного источниковедения (Чернов, 2007). В дальнейшем необходимо завершить программу сплошных археологических разведок, которая должна охватить не только Гору святой Марии, но и ее ближайшие окрестности, в том числе сохранившиеся до настоящего

времени деревни и села. Желательно изучение каждого поселения небольшими (100 кв. м.) раскопами, которые позволят выявить закрытые комплексы с последующим получением радиоуглеродных дат для них. Для определения хозяйственных и ресурсных зон поселений необходимо провести ландшафтный и палинологический анализ. Итогом указанных работ должна стать не только реконструкция системы расселения и природопользования, но и определение социального статуса жителей/владельцев поселений.

ЛИТЕРАТУРА

Каретников А.Л. А.А. Титов: открытие двух археологических памятников на «Горе святой Марии»» // Сообщения Ростовского музея. Вып. XX. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 2014. С. 90–100.

Каретников А.Л. Гора святой Марии в окрестностях Ростова Великого // Сообщения Ростовского музея. Вып. XXI. Ростов: Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», 2016. С. 205–246.

Каретников А.Л., Киселев А.В. Рассказы о местности «Марья Святая» / «Гора святой Марии» (на материалах полевых исследований) // История и культура Ростовской земли. Материалы XXVI научной конференции (г. Ростов, 9-11 ноября 2016 г.) Ростов: Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», 2017. С. 345–352.

Каретников А.Л., Каретникова В.А. Опыт использования планов Генерального межевания при проведении археологических разведок в окрестностях Ростова Великого // Актуальная археология 4. Комплексные исследования в археологии. Тезисы Международной научной конференции молодых ученых (г. Санкт-Петербург, 2-5 апреля 2018 г.) СПб: ИИМК РАН, 2018. С. 259–262.

Каретников А.Л., Каретникова В.А., Тарарака З.В. Новейшие археологические открытия на Горе святой Марии // Сообщения Ростовского музея. Вып. XXIII. Ростов: Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», 2018. С. 286–319.

Каретников А.Л. Вотчина князя И.В. Пенкова в Песьем стане Ростовского уезда и погост Святой Марии // XVII Золотаревские чтения. Материалы научной конференции (г. Рыбинск, 30 октября 2018 г.) Рыбинск: Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2018. С. 264–269.

Каретников А.Л., Каретникова В.А., Тарарака З.В. Гора святой Марии: археологические открытия 2018 года // Сообщения Ростовского музея. В печати.

Киселев А.В. Почитаемое место «Марья Святая» в окрестностях с. Филимонова Ростовского района // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции (г. Ростов 11-13 ноября 2003 г.) Ростов: Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», 2004. С. 308–325.

Купцов И.В. Археологические разведки на территории Ростовского района в 2006 и 2010 гг. Предварительные итоги // История и культура Ростовской земли. 2010. Ростов: Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», 2001. С. 68–79.

Леонтьев А.Е. «Гора святой Марии» // Сообщения Ростовского музея. Вып. 7. Ростов: Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», 1994. С. 218–230.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.

Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.2. СПб., 1872. С. 130, 134.

Повесть о битве на Липице // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век / Под ред. Д.С. Лихачева и [др.]. СПб.: Наука, 1997. С. 76, 77.

Чернов С.З. Микрорегиональные исследования исторических территорий средневековой Руси: новые возможности, проблемы, перспективы // Средневековая Русь. Вып. 7. / Отв. ред. А.А. Горский. М.: Индрик, 2007. С. 237–276.

Чернов С.З. Микрорегиональные исследования сельской Руси XIII–XVI веков как форма сопряженного изучения археологических и письменных источников: возможности, проблемы, перспективы // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов; сост. И.Н. Кузина М.: Наука, 2008. С. 16–28.

Информация об авторе:

Каретников Алексей Леонидович, Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», заведующий Археологическим отделом (г. Ростов, Россия); a.k.rostovveliky@gmail.com

EGORA SVYATOY MARII (HILL OF ST. MARY) SITE IN THE VICINITY OF ROSTOV THE GREAT: RESULTS AND PROSPECTS OF INTERDISCIPLINARY STUDIES

A.L. Karetnikov

Gora Svyatoy Marii is a moraine hill covered with forests (dimensioned approximately 2,5 × 2,5 km) located on the border of the Rostov and Pereslavl Districts of Yaroslavl Oblast. The following results were obtained in the course of the interdisciplinary study of the terrain conducted by the author since 2014: detailed research of the historiography; analysis of a chronicle article of 1216 allowing to put an end to the discussion on the localization of the area "at St. Mary on the Sara river"; in the course of continuous archaeological explorations carried out with the use of the “General Land Surveying” plans of 1774-1791, seven new settlements (from the 8th to the 16th centuries) and a single burial mound were discovered; the use of a metal detector outside the cultural layer zone made it possible to obtain a representative collection of artifacts and outline the boundaries of the household area of the 13th-16th centuries.

Keywords: Medieval Russia, medieval landscapes, micro-regional studies, rural settlements.

About the Author:

Karetnikov Alexey L. State Museum Reserve «Rostov Kremlin», Head of the Archaeological Department. Kremlin, 152151, Rostov, Yaroslavl Region, Russian Federation; a.k.rostovveliky@gmail.com

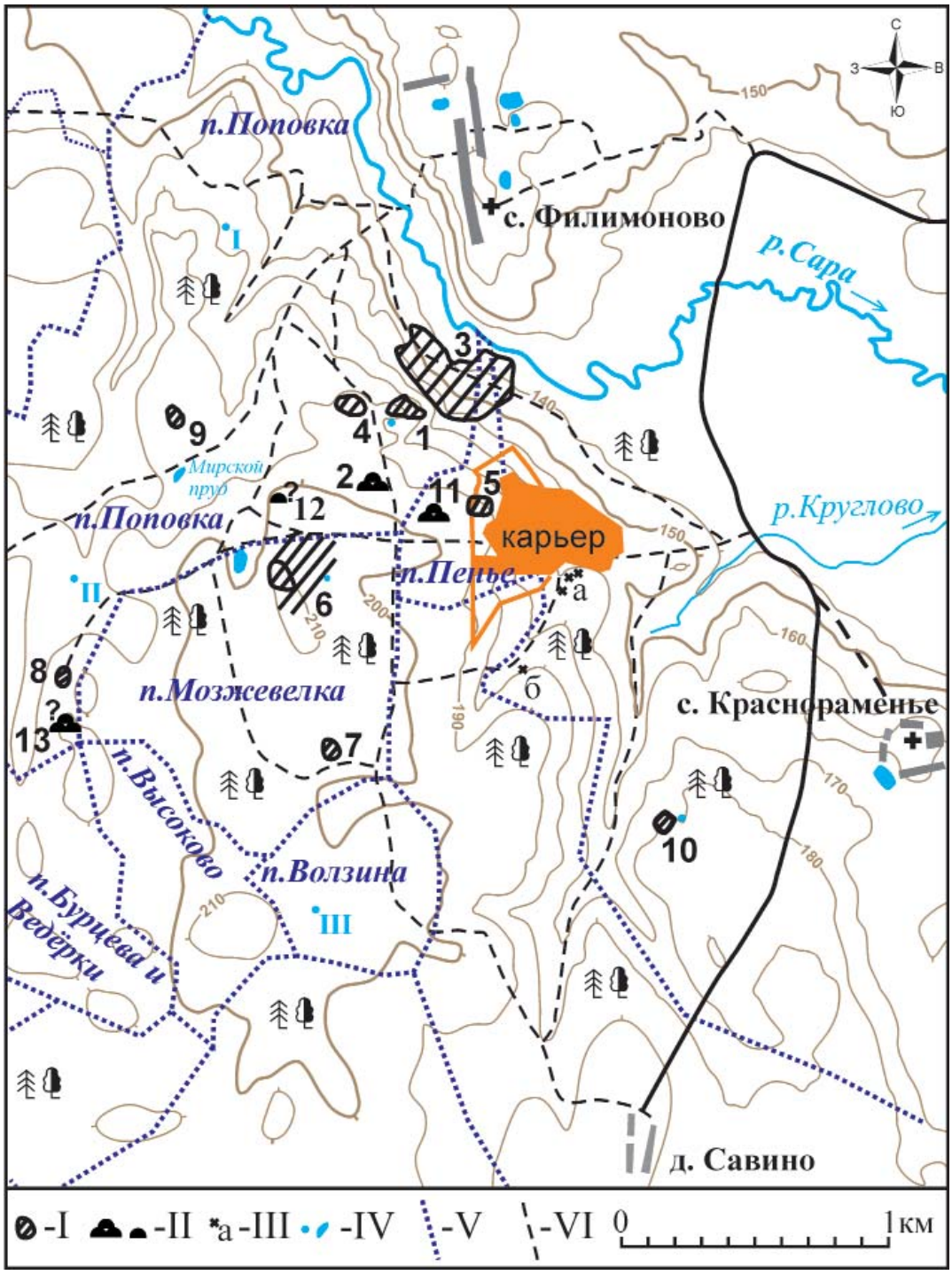


Рис. 1. Средневековые памятники археологии у с. Филимоново и с. Краснораменье: 1 – селище, XII-XVI вв. (погост Марии Египетской); 2 – курганный могильник, конец XI-XII вв.; 3 – селище, XII-XIII вв.; 4 – селище, XIV-XV вв.; 5 – селище, XIV-XVI вв.; 6 – селище, XIII-XV вв.; 7 – селище, XIII-XV вв.; 8 – селище, вторая половина XIII в.; 9 – селище, XIII-XV вв.; 10 – селище, XIII в.; 11 – курганный могильник, XI-XIII вв.; 12 – курган (предполагаемая погребальная насыпь XIII в.); 13 – каменные курганы (предполагаемые погребальные насыпи второй половины XIII в.); I– территория селищ; II – курганные могильники, одиночные курганы; III – единичные находки вне культурного слоя; IV – пруды (римской цифрой обозначены пруды, найденные в 2018 г.); V – границы дач Генерального межевания; VI – проселочные дороги.

УДК 903.27

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ СОХРАННОСТИ ПЕТРОГЛИФИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА КАРАКИЯСАЙ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАДАЧ ПО ЕГО КОНСЕРВАЦИИ И СОХРАНЕНИЮ

© 2019 г. О.А. Кащей

Статья посвящена оценке состояния археологического комплекса с петроглифами, расположенного на южных склонах хребта Каржантау (Узбекистан). Несмотря на то, что памятник был открыт более шестидесяти лет назад, мониторинг его сохранности и необходимые консервационные работы ранее не проводились. В результате сопоставления документальных данных, полученных в ходе наших исследований, с опубликованными прорисовками наскальных изображений и туристическими фотографиями более раннего времени были выявлены серьезные утраты и повреждения на многих каменных поверхностях петроглифического комплекса. В статье приводится анализ основных процессов, влияющих на сохранность петроглифов, представлены фотоматериалы основных разрушений на Каракиясае. Определены основные задачи для принятия безотлагательных мер по практической консервации и реставрации уникального памятника.

Ключевые слова: наскальное искусство, петроглифы Каракиясая, анализ состояния сохранности памятника.

Наскальная галерея Каракиясая – один из мало изученных в прошлом археологических комплексов с петроглифами, расположенный на территории Северо-Восточного Узбекистана, в приграничном районе с Казахстаном, на южных склонах хребта Каржантау, в 17 км от г. Газалкент Бостанлыкского района Ташкентской области. Отдельные группы скальных выходов с изображениями встречаются и в соседних с Каракиясаем ущельях (Чимбайлыксай, Кызылсу, Аулиесай и др.), но местонахождение с петроглифами в верховьях Каракиясая – одно из крупных не только в Ташкентской области, но и во всем в Узбекистане, по общему количеству изображений уступая первенство только Сармишсаю (по нашим подсчетам наскальная галерея Каракиясая насчитывает порядка 2000 отдельных изображений).

В 2016–2017 гг. в ходе полевых исследований на левобережье Каракиясая нам удалось зафиксировать 180 камней с около 1500 петроглифами (Кащей, 2018а, с. 132) и отыскать главный алтарь горного храма – крупный камень с многочисленными наскальными изображениями и арабской надписью, который расположен в предвершинной части одной из высших точек хребта на высоте около 2550 м н.у.м. и известен под названием «Карагаш». Летом 2018 г. в ходе проведения серии разведок было выявлено ранее неизвестное скопление камней с петроглифами на правобережном отроге Каржантау, который с двух сторон охватывает горная река Каракиясай. Всего здесь было найдено 100 камней с около 400 отдельными изображениями (Кащей, 2019, с. 43–45).

Горная цепь Каржантау ориентирована в направлении с юго-запада на северо-восток и образована главным образом песчаниками, глинистыми сланцами и конгломератами (Каржантау, 1961, с. 238). Два основных скопления петроглифов Каракиясая (ранее известное скопление по левому берегу реки, которое мы обозначили как Каракиясай I и новое скопление, находящееся в 1 км от первого – Каракиясай II) расположены по обоим берегам левого рукава одноименной горной реки и разделены ущельем глубиной порядка 300 м. Высоты местонахождения петроглифов Каракиясая от 1600 м н.у.м. до 2600 м н.у.м.

Если еще несколько десятилетий назад полный цикл изучения наскальных изображений в качестве объекта истории культуры состоял из трех последовательных этапов: сплошного исследования и описания комплекса, классификации и датировки, этнокультурной и смысловой интерпретации (Хужаназаров, 1995, с. 8), то современное петроглифоведение подразумевает не только важность комплексного исследования памятника с наскальными изображениями, но и его сохранение от разрушения, порчи и утраты петроглифов. При этом важно отметить, что за последнее десятилетие изменился общий стратегический подход к исследова-

нию наскальных изображений. И сейчас главная задача состоит не столько в копировании рисунков любой ценой, сколько в сохранении самого памятника наскального искусства.

В связи с этим документирование петроглифов – самый первый и важный этап изучения памятников наскального искусства, от которого зависят не только результаты всех дальнейших научных изысканий, но и сохранность петроглифических комплексов. Накопленный опыт полевой фиксации наскальных изображений очень ярко свидетельствует о том, что любые контактные способы копирования петроглифов в той или иной степени наносят определенный вред, нарушая микрофлору памятника, особенно если они связаны с привнесением на поверхность камня инородных материалов (мел, зубной порошок, типографская краска для снятия микалентных копий, промасленная калька и др.) (Дэвлет, 2002, с. 79). Придерживаясь позиции минимального вмешательства в микрофлору памятника, все наши полевые исследования проводились с использованием цифровых методик фиксации наскальных изображений, что также позволяло фиксировать все имеющиеся деструкции на каменных «холстах».

Результаты проведенного нами документирования наскальных изображений Каракиясая необходимо понимать как один из этапов «жизни» комплекса с петроглифами. Сегодня каждая сохранившаяся изобразительная плоскость является своего рода маркером природных изменений, которые здесь происходили в течение нескольких последних тысячелетий. Несмотря на то, что памятник с наскальными изображениями в урочище Каракия был открыт 60 лет назад, мониторинг его сохранности и консервационные работы, к большому сожалению, здесь ранее не проводились. Сегодня у нас имеется возможность оценить состояние сохранности лишь отдельных плоскостей с петроглифами, по которым удалось найти какие-либо документальные материалы. Здесь можно выделить два вида источников:

1. Фотографии, прорисовки петроглифического материала, которые опубликованы по исследуемому памятнику другими авторами. К этим источникам относятся:

– монография М.М. Хужаназарова «Наскальные изображения Ходжакента и Каракиясая», вышедшая в 1995 г., в которой по Каракиясаю детально опубликованы лишь 34 черно-белые прорисовки каменных поверхностей с петроглифами и 4 черно-белые фотографии (Хужаназаров, 1995, с. 138–164, 172–173).

– 3 черно-белые прорисовки каменных полотен из публикации 1960 г., представленные у Т.Р. Агзамходжаева (Агзамходжаев, 1960, с. 81–82).

Данные источники имеют мало объективных данных для проведения сравнительного анализа с современными результатами документирования наскальных изображений т.к. они, во-первых, представлены черно-белыми плоскими прорисовками и не отражают макро- и микрорельеф поверхности, наличие и площадь биообрастателей и т.д., во-вторых, не все из опубликованных прорисовок удалось идентифицировать при сопоставлении с полученными нами материалами памятника и, в-третьих, они содержат множество ошибок, допущенных в прошлом при документировании фигур наскальных изображений (Кащей, 2018б, с. 77–79).

2. Фотоматериалы по памятнику, которые были собраны нами у горных туристов (фотографии, слайды, оцифрованные пленочные носители). Данный вид источников о Каракиясае создавался любителями гор в разные годы и отражает важные моменты из «жизни» отдельных каменных полотен петроглифического комплекса за последние 29 лет. Пожалуй, на сегодняшний день это один из объективных видов источниковых данных для проведения сравнительного анализа сохранности петроглифов.

Все документальные материалы (фотографии туристов, некоторые прорисовки М.М. Хужаназарова и Т.Р. Агзамходжаева) позволили оценить состояние петроглифов в текущий момент, выявить изменения, которые произошли за минувшие десятилетия. Будем надеяться, что результаты представленного нами анализа нынешнего состояния памятника будут первым шагом на пути к его сохранению.

Плоскости с наскальными изображениями являются частью самой природы, они неотделимы от нее, поэтому первоначально необходимо выявить и проанализировать те процессы, от которых напрямую зависит сохранность петроглифов. Их можно разделить на две категории:

1. Атмосферные и другие природные явления, отрицательное воздействие кото-

рых на каменные полотна мы не в состоянии полностью устранить.

2. Антропогенное вмешательство, действие которого необходимо свести к минимуму.

К природным разрушениям на памятнике относятся:

1) Морозобойные трещины, развитие которых является следствием сильных перепадов температур и влажности окружающей среды. Замораживание и оттаивание попавшей в трещины воды приводит к их расширению и, в конечном счете, к выпадению фрагментов камня, а также к разделению единой изобразительной плоскости на отдельные фризы. Такие разрушения выявлены как на Каракиясае I, так и на Каракиясае II.

2) Корковое отслоение верхней части поверхности каменных полотен (рис. 1).

Образовавшиеся водостоки часто служат причиной подмывания камней, что способствует их смещению и дестабилизации. На памятнике имеются и открытые трещины, которые часто заполнены почвенно-растительным слоем, через который вглубь каменного массива проникает влага. Мы обратили внимание, что, как правило, во всех случаях на Каракиясае II подобные трещины являются благоприятной средой для развития разных видов биообрастателей.

Для практической консервации данных видов разрушений необходимо:

– укрепить аварийные плоскости, подклеить выпавшие фрагменты камней, заполнить и произвести мастиковку трещин и утрат. Например, реставраторы из Казахстана в таких случаях применяли технику «мозаики», заполняя образовавшееся углубление тонкими пластинками песчаника, имитирующими естественные фактуру и цвет поверхности (Чарлина и др., 2004, с. 132);

– определить основные пути стока дождевых вод и разработать меры по отводу воды, которая скапливается в трещинах и разломах – для предотвращения дальнейшего разрушения камней.

3) Заселение поверхности скал лишайниками (корковыми, листоватыми) и мхом.

Эти виды растительности способствуют задержанию влаги на каменных поверхностях с петроглифами, что приводит к ускорению процесса выветривания (Чарлина и др., 2004, с. 133). Мхи, и особенно лишайники, причина интенсивной биохимической эрозии. Они наносят непоправимый вред, разрушая поверхностный слой, который иногда бывает толщиной всего несколько миллиметров (Видаль, 1999, с. 64). Такой вид разрушения наиболее характерен для Каракиясая II, который расположен в ущелье с повышенной влажностью. Было зафиксировано 25 (!) изобразительных поверхностей (около ¼ от общего числа каменных полотен), на которых выявлены колонии разного рода лишайников, разрастающихся поверх изображений (ср. рис. 2–3). Лишайники и мох не просто наползают на петроглифы, но в отдельных случаях и полностью их поглощают (рис. 4). Как показали обследования значительной части плоскостей с наскальными изображениями в Сармишсае, повреждение лишайниками петроглифов зависит не только от уровня увлажнения того или иного участка, но и от характера микрорельефа поверхности камня (Реутова, 2008, с. 62).

4) Тенденция к плохой сохранности изображений на каменных полотнах, которые имеют горизонтальную ориентацию или находятся на ровных площадках (рис. 5).

К антропогенным факторам разрушения относятся:

1) Многочисленные посетительские надписи, которые процарапаны, выбиты, встречаются случаи обводки наскальных изображений белой краской.

Практически все посетительские надписи появились за последние десятилетия и, как правило, они нанесены поверх древних изображений. В этой связи приведем яркий пример сравнения фотографии одной каменной поверхности, сделанной в 1990 г. и современное состояние этой же поверхности (ср. рис. 6–7). Как видно на приведенном примере, если на каменном «холсте» появляется одна надпись, то она в дальнейшем является «поводом» для появления многих других посетительских «автографов». Поэтому при отсутствии физической охраны восстановление первоначальной чистоты места в какой-то мере предохраняет его от посетительского вандализма (Алтынбеков, Чарлина, 2011, с. 95).

Устранение данного вида разрушения каменных полотен – одна из первоочередных задач практической консервации. Необходимо провести мастиковку глубоко прочерченных и процарапанных надписей, удалить краску с петроглифов. Как правило, после проведения

подобных процедур могут проявиться ранее не выявленные древние пласты с наскальными изображениями.

2) Срезы фрагментов с каменных поверхностей с петроглифами, которые уже утрачены навсегда.

3) Хозяйственное использование данной территории под выпас скота, которое вносит определенный «вклад» в процесс разрушения памятника. При этом в ходе полевых исследований памятника мы неоднократно предотвращали попытки местных пастухов процарапать на древних каменных полотнах свои имена и проводили с ними разъяснительно-воспитательную работу.

Немаловажной частью комплекса мер по сохранению памятников наскального искусства является мониторинг состояния памятника в различных природных условиях. Фиксация изменений, происходящих со временем на каменных «холстах» с изображениями, позволит спрогнозировать и своевременно предотвратить утрату оригинальных петроглифов.

Таким образом, в результате анализа состояния памятника были выявлены различные виды повреждений, которые вызывают серьезные опасения за настоящее и будущее уникального комплекса с наскальными изображениями. За последние два десятилетия наблюдается тенденция к увеличению посетительских надписей и площади биообрастателей, поглощающих бесценные образцы древнейшего вида изобразительного искусства. Для предотвращения природной деструкции объектов необходима грамотная полевая консервация, для предотвращения нанесения вреда посетителями – охрана памятника государством.

ЛИТЕРАТУРА

Агзамходжаев Т.Р. Наскальные изображения в Бостандыкском районе Ташкентской области // Научные работы и сообщения АН УзССР. Кн. 1. Ташкент: Изд-во Академии наук УзССР, 1960. С. 80−82.

Алтынбеков А.А., Чарлина Л.Ф. Презентация петроглифов Тамгалы и Тамгалытас (Илийский Капшагай) и задачи практической консервации // Сборник материалов Международного семинара-тренинга по историко-культурному наследию стран СНГ, проведенного 19-23 сентября 2011 г. в г. Алматы (Казахстан). Алматы: «Аруна», 2011. С. 182−188.

Видаль П. Повреждения скальных плоскостей некоторых петроглифических памятников Центральной Азии (Южная Сибирь и Казахстан) // Международная конференция по первобытному искусству. Т. 1. / Под ред. Я.А. Шер. Кемерово: «НИКАЛС», 1999. С. 60−65.

Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства. М.: Научный мир, 2002. 256 с.

Каржантау // Краткая географическая энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1961. 592 с.

Кащей О.А. Образно-стилистический анализ наскальных изображений Каракиясая // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 1-4 февраля 2018 г.): материалы Всероссийской (с международным участием) конференции / под ред. С.Э. Зубова. Самара: Самарский университет, 2018а. С. 132−135.

Кащей О.А. Опыт документирования петроглифов наскальных галерей Каракиясая и Ходжикента с помощью современной цифровой фотографии // Международная археологическая школа в Болгаре: сборник материалов итоговой конференции. Вып. 5. Казань-Болгар: «Orange Key», 2018б. С. 68−80.

Кащей О.А. Неизвестные наскальные изображения Каракиясая // LI Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция (УПАСК, 5-8 февраля 2019 года).: материалы всероссийской (с международным участием) конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / под ред. Д. Н. Маслюженко, И. К. Новикова. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. С. 43−45.

Реутова М.А. Сохранение наскального искусства Сармишсая // Достижения и перспективы изучения, сохранения и управления природного и культурного наследия «Сармишсая». Материалы региональной конференции Навои: Институт Археологии АН Республики Узбекистан, 2008. С. 60−72.

*Хужаназаров М.М. Н*аскальные изображения Ходжакента и Каракиясая. Самарканд: Институт археологии Республики Узбекистан, 1995. 174 с.

Чарлина Л.Ф., Яценко Е.Л., Рогожинский А.Е., Искаков К.Т. Консервация петроглифов в Казахстане // Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация / Отв.ред. А.Е. Рогожинский. Алматы: «Искандер», 2004. С. 128−133.

Информация об авторе:

Кащей Олеся Анатольевна, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); Shukunja@mail.ru

ANALYSIS OF THE CONDITION OF KARAKIYASAY PETROGLYPH COMPLEX AND DETERMINATION OF ITS CONSERVATION AND PRESERVATION OBJECTIVES

O.A. Kashchey

The paper features an assessment of the condition of an archaeological complex with petroglyphs located on the southern slopes of the Karjantau (Uzbekistan). Although this significant site was discovered over sixty years ago, monitoring of its condition and necessary conservation activities have not been conducted. Serious losses and damaging of many stone surfaces the of petroglyphical complex were identified as a result of correlation of documentary data collected during our research with the published trace drawings of rock carvings and tourist photos of an earlier period. The authors present an analysis of the main processes influencing the preservation of the petroglyphs, and photo materials on the main damaged areas at Karakiyasay. The primary objectives were determined concerning the urgent activities on practical conservation and restoration of the unique site.

Keywords: rock art, Karakiyasay petroglyphs, archaeological site preservation analysis.

About the Author:

Kashchey Olesya A. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya str., 18, Kazan, 420008, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Shukunja@mail.ru

Рис. 1. Корковое отслоение верхней части каменной поверхности на Каракиясае I.

Рис. 2. Фотография камня № 5 на Каракиясае II, сделанная в 2007 г.

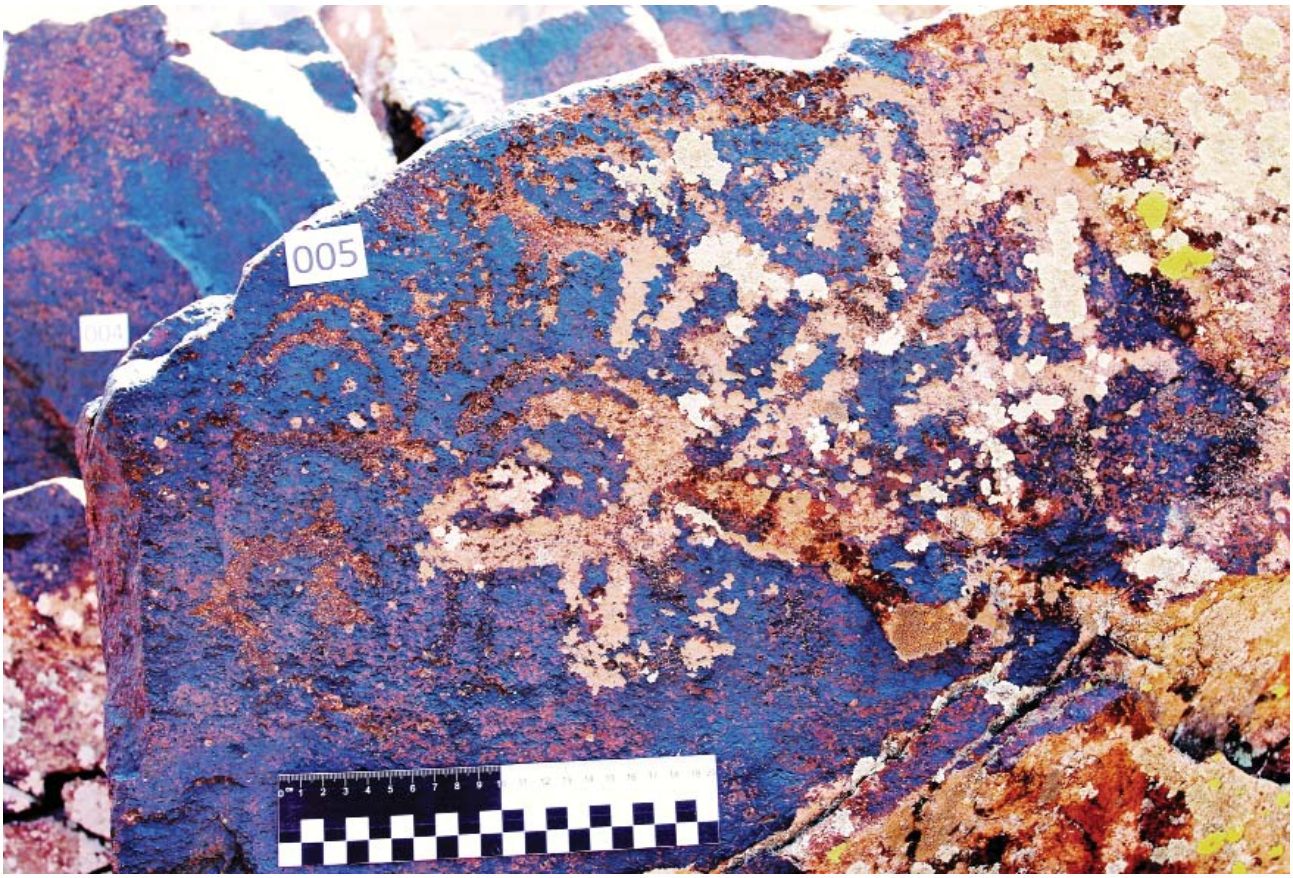


Рис. 3. Фотография камня № 5 на Каракиясае II, сделанная в 2018 г. Сравнительный анализ свидетельствует об увеличении площади поглощения лишайниками фигур животных за 11 лет.

Рис. 4. Утрата изображений животных на Каракиясае II по причине поглощения их лишайниками.

Рис. 5. Пример плохой сохранности изображений, находящихся на верхней горизонтальной площадке на Каракиясае I.

Рис. 6. Фотография камня с изображением животных на Каракиясае I до появления многочисленных посетительских надписей (1990 г.). В нижней части каменного полотна зафиксировано появление первых надписей.

Рис. 7. Современное состояние то же скальной поверхности с петроглифами с многочисленными посетительскими надписями. Каракиясай I.

УДК 903.59(571.53)

КОСТЯНЫЕ ОСТРИЯ В РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ УСТЬ-БЕЛЬСКОГО И КИТОЙСКОГО МОГИЛЬНИКОВ (ЮЖНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)[1]

© 2019 г. К. А. Крутикова

Представлены описание и морфологический анализ одного из видов ранненеолитических костяных острий. Уплощенные вытянутые костяные острия с черешком, обнаруженные в материалах Усть-Бельского и Китойского могильников, долгое время имели только краткое текстовое описание. Размеры находок в длину варьируют от 3,5 до 6,5 см, в ширину – от 0,7 до 1 см. В результате исследования были выявлены особенности части костяных острий, что позволило выделить группу заготовок. Предложены две версии интерпретации изделий – небольшие хозяйственные ножи для обработки крапивы или рыбы и наконечники стрел. Обе версии основаны на форме изделия.

Ключевые слова: Южное Приангарье, неолит, погребальные комплексы, костяное острие, китойская традиция погребения.

Проблема исследования и интерпретации категорий сопроводительного инвентаря в погребениях всегда имеет большую значимость для археологов, занимающихся древними захоронениями. Достоверность разного рода социологических и хозяйственных реконструкций, сделанных на основании материалов погребальных комплексов, напрямую зависит от степени изученности предметов, обнаруженных в могилах.

Ранненеолитические Усть-Бельский и Китойский могильники изучались в разное время и разными исследователями (Витковский, 1881; Витковский, 1882; Хороших, 1979; Окладников, 1974, с. 58–62; Георгиевская, 1989, с. 60–73; Бердникова, 2001, с. 134–136). Это отчасти определило некую разнородность в публикации материалов. На настоящий момент значительная часть сопроводительного инвентаря могильников в археологических работах представлена не полностью или имеет лишь краткое текстовое описание. Повлияло на ситуацию и то, что долгое время исследовательский интерес был направлен не на все категории находок. Так, наиболее изученными являются изделия из нефрита, наконечники гарпунов и стрел, жальца и стерженьки составных рыболовных крючков, предметы искусства и украшения, и некоторые другие предметы костяного и каменного инвентаря. Таким образом, наиболее высокую актуальность сейчас имеет повторное обращение к материалам погребальных комплексов раннего неолита Китойского и Усть-Бельского могильника. Особый интерес вызывает категория костяных острий. Достаточно широкие рамки толкования термина обусловили то, что за долгое время исследований сопроводительного инвентаря могильников под данную категорию попали типологически и морфологически разные изделия. Целью настоящей работы является описание одного из типов острий, обнаруженного в материалах Усть-Бельского и Китойского могильников и попытка его интерпретации.

Исследуемая категория острий обнаружена в трех комплексах Усть-Бельского могильника – № 1 (12 экз.), 4 (9 экз.), 15 (5 экз.), мужском оригинальном погребении Китойского могильника, открытом в местности Ярки в 1957 г – 4 экз. (Георгиевская, 1989, с. 61–73; Хороших, 1979, с. 86, рис. 6, 6–9). Костяные острия Китойского могильника, обнаруженные во время раскопок В.И. Витковского, по имеющейся информации невозможно распределить соответственно погребениям. Общее количество костяных острий, хранящихся в фондах Иркутского областного краеведческого музея, составляет 8 экземпляров. Однако в монографии Г.М. Георгиевской указано иное количество изделий – 18 (Георгиевская, 1989, с. 30). Таким образом, на данный момент достоверно можно говорить о 38 костяных уплощенных остриях.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке ИГУ в рамках темы № 096-18-222. Научный руководитель: кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Байкальский регион» Иркутского государственного университета И. М. Бердников

Острия имеют вытянутое, уплощенное тело. На двух или, реже, на одной стороне есть четко выраженные ребра. Длина изделий варьирует от 3,5 до 6,5 см, ширина – от ~0,7 до 1 см. Условная верхняя часть выполнена в виде плоского острого конца, нижняя – в виде небольшого заостренного черешка. Общий контур – ассиметричный, тело – линзовидное в сечении (рис. 1). Определить вид и кость животного, из которого изготовлено острие, не представляется возможным.

Как уже говорилось выше, уплощенные костяные острия Китойского могильника невозможно распределить соответственно погребениям. Тем не менее, в трех захоронениях Усть-Бельского могильника и в «сидячем» погребении в местности Ярки предметы находились скоплениями от 4 до 12 штук (Георгиевская, 1989, с. 62–73; Хороших, 1979, с. 86). Вероятно, в комплексах Китойского могильника изделия были сгруппированы также по несколько единиц. Местоположение находок в захоронениях относительно костяка имеется только в трех случаях. В захоронениях № 1 и 4 Усть-Бельского могильника острия находились у локтевых суставов левой и правой рук соответственно, а в погребении № 15 – около левого плеча, ближе к черепу (Георгиевская, 1989, с. 62–73).

Некоторые костяные острия имеют ряд отличий в сравнении со всей категорией.

1) Переходная часть от тела изделия к черешку пологая, но не образующая угол (рис. 1: 2, 4, 8, 11, 12, 14, 15).

2) В некоторых случаях ребра слабо выражены (рис. 1: 2, 4, 6, 11).

3) Часть находок сохранила следы грубой абразивной обработки, возникшие, по-видимому, при изготовлении острий (рис. 1: 2, 16). В четырех случаях отчетливо видно неотшлифованное губчатое вещество (рис. 1: 11, 12, 14, 15).

Абразивная обработка и ее характер, а также общий контур и сечение могут свидетельствовать о степени завершенности орудия. Изделия, обладающие четким контуром, выраженными ребрами и тщательно оформленные, вероятно, являются законченными. Указанные выше особенности могут свидетельствовать, что значительная часть обнаруженных острий – заготовки той или иной степени готовности. Наличие заготовок орудий часто встречается в китойских погребальных комплеках. Тем не менее, говорить о преднамеренном изготовлении этих предметов, как погребальных, пока не представляется возможным, поскольку заготовки также могли быть и личными вещами умершего.

По общей морфологии исследуемые острия напоминают нож. Подобная форма ножей распространена до сих пор. Она является традиционной и для некоторых народов Сибири и Дальнего Востока (Николаева, 2014; Жукова, 2017). Условная верхняя часть и тело изделия могут составлять клинок, обух, лезвие и режущую кромку, нижняя – хвостовик. Так, ребра, отмеченные на остриях, могли появляться при оформлении лезвия. Маленькие костяные ножи трудно представить в качестве боевого или охотничьего снаряжения. Тем не менее, такие ножи могли использоваться в других хозяйственных промыслах. Ханты использовали костяные ножи малых размеров с похожим клинком для расщепления крапивы (Попов, 1955, с. 55, рис. а, г). Помимо этого, костяной нож эффективен для разделки рыбы, в особенности для снятия с нее кожи. При своей остроте он не портит кожу, которая является ценным материалом. Однако у данной версии имеется два недостатка. Во-первых, согласно трасологическому анализу материалов китойского могильника Шаманка II была выделена категория ножей для рыбы, которые значительно отличаются от исследуемой группы размерами и формой (Кунгурова, Базалийский, Вебер, 2008, с. 59). Во-вторых, в погребениях острия находились скоплениями от 4 до 12 единиц. Трудно представить, что одному человеку было необходимо такое количество хозяйственных, не охотничьих ножей. Однако данные аргументы также могут подвергаться сомнению.

Размеры острий и их находки в могилах скоплениями позволяют выдвинуть еще одну версию интерпретации этих изделий, которые могли являться как наконечниками стрел. К такому же выводу пришел П.П. Хороших при изучении и описании сопроводительного инвентаря оригинального «сидячего» захоронения в местности Ярки (Хороших, 1979, с. 86). Для отнесения орудий к категории костяных наконечников важную роль играет насад, который должен быть обработан специальным образом для закрепления в тонком (около 1 см толщиной) древке стрелы (Жилин, 2001, с. 56). Уплощенные острия с вытянутым черешком этому условию соответствуют. Аналогичной формы изделий среди костяных наконеч-

ников других археологических культур найти не удалось. Тем не менее, костяные наконечники стрел, в том числе и уплощенные, были широко распространены в разное время в Восточной Европе (Медведев, 1966, с. 63–65).

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Значительная часть уплощенных костяных острий, вероятно, является заготовками, что может сделать невозможным их последующее функциональное определение при помощи трасологии.

Предложенные версии интерпретации уплощенных острий основаны только на морфологии. Возможно, поиск более широких аналогий и привлечение других методов позволит дополнить дальнейшее исследование.

Категории костяных острий из материалов китойских комплексов представляют большой интерес и значимость в изучении хозяйства ранненеолитического населения Прибайкалья.

ЛИТЕРАТУРА.

Бердникова Н. Е. Геоархеологический объект Усть-Белая. Культурные комплексы // Каменный век Южного Приангарья: Путеводитель международного симпозиума «Современные проблемы палеолитоведения Евразии». Т. 2: Бельский геоархеологический район / Отв. ред. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2001. С. 113–146.

Витковский Н. И. Краткий отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии, произведенной по поручению Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества в июле 1880 г. // Изв. ВСОРГО. Иркутск, 1881. – Т. XI. - № 3-4. – 41 с.

Витковский Н. И. Отчет о раскопках могил каменного века в Иркутской губернии на левом берегу р. Ангары // Изв. ВСОРГО. Иркутск, 1882. – Т. XIII. – № 1-2. 42 с.

Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС, 2001. 254 с.

Жукова Л. Н. Традиционные формы ножей аборигенного населения Колымы и Чукотки: от каменной индустрии к изделиям из железа // Гуманитарный исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. №4 (42). С. 22−28.

Кунгурова Н.Ю., Базалийский В.И., Вебер А.В. Функции орудий из погребений могильника Шаманка II (предварительные результаты) // Известия лаборатории древних технологий. 2008. Вып. 6. С. 57−65.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Луки и стрелы, самострел. VIII−XIV вв. М : Наука, 1966. 184 с.

Николаева С. И. Основная особенность якутского ножа // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. 2014. № 4-3. С. 32−34.

Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары. Новосибирск : Наука, 1974. 317 с.

Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л. , 1955. – Т. XVI. С. 41−146.

Хороших П. П. Неолитические погребения на р. Ангаре в местности Ярки // Известия СО АН СССР. 1979. Вып. 2. № 6. С. 83−88.

Информация об авторе:

Крутикова Ксения Александровна, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия); kseniya_krutikova@mail.ru

BONE SPIRES FROM THE EARLY NEOLITHIC BURIAL COMPLEXES OF UST-BELAYA AND KITOI BURIAL GROUNDS (SOUTHERN ANGARA REGION)[2]

K. A. Krutikova

The paper features a description and morphological analysis of one of the types of Early Neolithic bone spires. For a long period, the flattened elongated bone spires with a petiole discovered in the excavation materials of Ust-Belaya and Kitoi burial grounds have only had a brief text description. The dimensions of the findings vary from 3.5 to 6.5 cm in length, and from 0.7 to 1 cm in width. As a result of the study, the features of a portion of the bone spires were identified, which made it possible to identify a group of blanks. Two interpretations of the artifacts are proposed: small utility knives for nettles or fish, and arrowheads. Both versions are based on the shape of the articles.

Keywords: Southern Angara region, Neolithic, burial complexes, bone spires, Kitoi burial tradition

About the Author:

Krutikova Kseniya A. Irkutsk State University, Karl Marks St. 1, Irkutsk, 664003, Russian Federation; kseniya_krutikova@mail.ru

[2] The work was conducted with the financial support of Irkutsk State University within the framework of the topic No. 096-18-222]. Academic supervisor: I. M. Berdnikov, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate of Baikal Region Scientific Research Center of Irkutsk State University

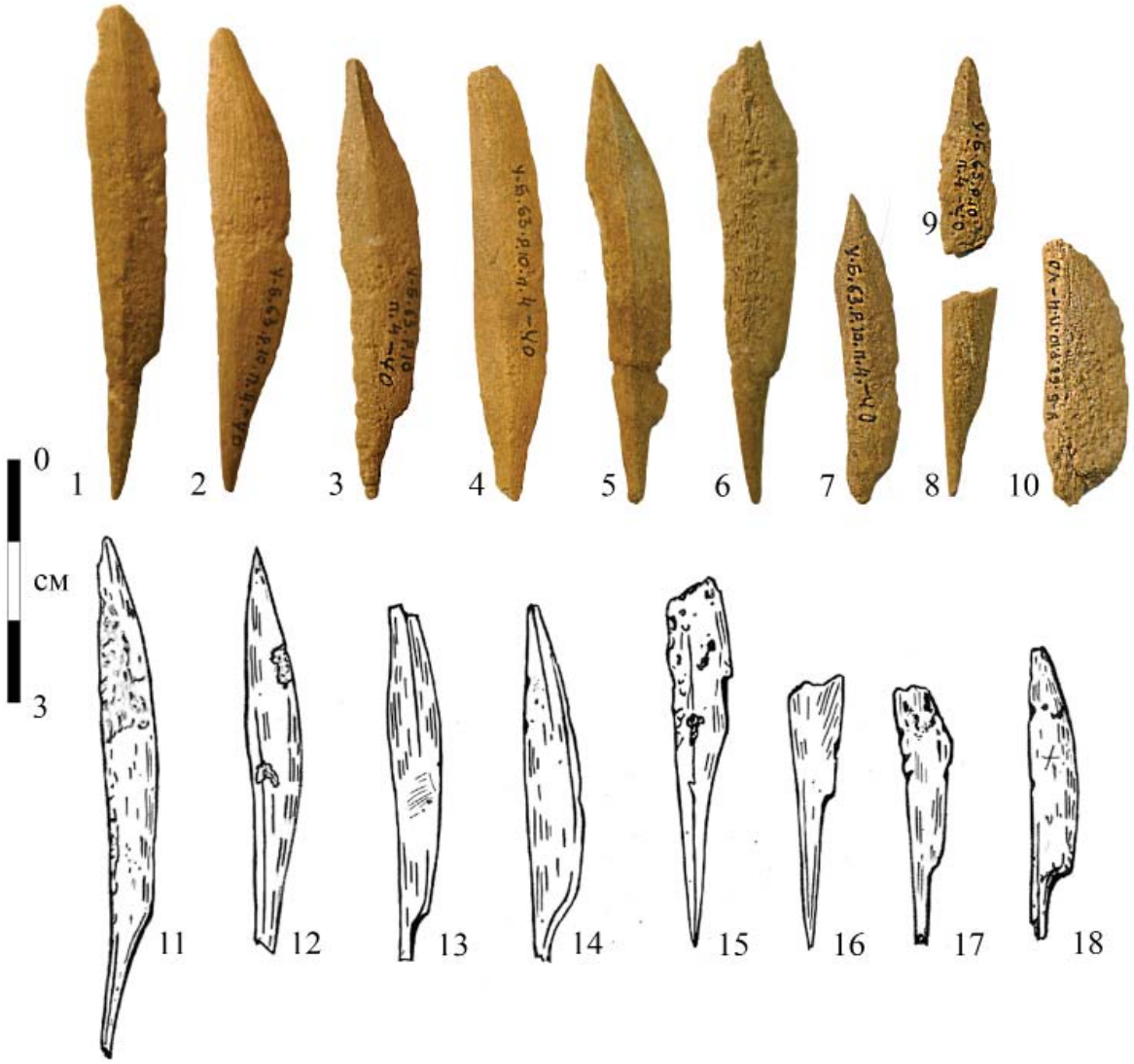


Рис. 1. Ранненеолитические костяные острия. 1-10 – Усть-Бельский могильник, 11-18 – Китойский могильник.

УДК 902.01

ПРИКАМСКО-ПРИУРАЛЬСКИЙ КОМПОНЕНТ В КЕРАМИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ СТАРОРОМАШКИНСКОГО ГОРОДИЩА

© 2019 г. М.С. Купцова

При исследовании материалов памятников Волжской Болгарии большой процент находок составляет керамика, или посуда местного (гончарного) производства – I гр. общеболгарской керамики (по класс. Т.А. Хлебниковой). Среди всего обилия различных форм керамики общеболгарской группы выделяется керамика «традиционная» - причиной выделения является наличие различных этнических групп в составе Волжской Болгарии. Среди них можно выделить угров – которые привнесли в регион свои традиции, в данном случае будет рассмотрена связь на основе изучения комплекса лепной посуды - VII, VIII, XIII и XVII групп керамики (по класс. Т.А. Хлебниковой) обнаруженный на территории Староромашкинского городища.

Ключевые слова: археология, средневековье, Волжская Болгария, Закамье, Нижнеее Прикамье, Староромашкинское городище, угорское население керамический материал, группа керамики, формовка, гончарный круг, лепная посуда.

Одним из основных моментов в изучении истории любого региона является изучение его этнологической составляющей. Показательным в данном случае является керамический материал, отображающий всю картину этнических процессов отдельного памятника. Зачастую керамический материал по необъяснимым причинам является практически единственным датирующим материалом на памятнике, так как обладает большой информативностью.

Волжская Болгария – крупное средневековое государственное преобразование на территории восточной Европы, состав населения которого был достаточно пестрым. Об этом свидетельствует большое количество «традиционной» посуды, или посуды прикамско-приуральских истоков. Выделение данной посуды в отдельную группу было осуществлено Т.А. Хлебниковой в работе «Керамика памятников Волжской Болгарии» (Хлебникова, 1984), на классификацию которой и будет сделан основной уклон при исследовании данной темы. Основной проблемой при изучении данной посуды является вопрос об этнической составляющей данных групп. Среди исследователей керамики населения Волжской Болгарии нет единого мнения. Е.П. Казаков выделяет носителей данной группы в отдельную археологическую «поспетрогромскую» культуру X в. (Казаков, 2004, с. 120–128), Т.А. Хлебникова данную группу носителя определила угорской, но с влиянием верхнекамского населения (Хлебникова, 1984). Мы же склонны отождествлять данную группу посуды с угорским населением башкирского Приуралья (X в.). Следующим проблемным моментом является посуда VIII группы. Рассматривая данную посуду как гибридную керамику «постпетрогромско-болгарскую», то есть, VII+I (общеболгарская), Е.П. Казаков не учел материалы VII группы Елабужского городища. В настоящее время Елабужское городище является единственным памятником, в керамическом комплексе которого данная посуда на отдельных участках достигает до 80% от общего количества керамики домонгольского слоя (Нигамаев, 2005), если бы VIII группа действительно являлась гибридной формой VII группы, то она явно должна была выделиться на данном городище. Следующим спорным моментом является отождествление данной группы посуды с населением Кушнаренковской культуры (Хлебникова, 1984, с. 116), сходство Т.А. Хлебникова отмечала в орнаментации отдельных сосудов. Данный факт имеет место быть, но требует дополнительных исследований.

В качестве объекта исследования выступает комплекс лепной посуды со Староромашкинского городища. Основной целью является выявление роли прикамско-приуральского населения в жизни Волжской Болгарии посредством решения следующих задач:

1. Статистический анализ лепной посуды;
2. Сравнительная характеристика рассматриваемых групп (техника изготовления, формовка, способ орнаментации и т.д.);

3. Анализ археологической литературы по исследуемой посуде.

Староромашкинское городище является одним из крупных средневековых городищ домонгольской Волжской Болгарии (более 38000 га). Расположен в 17 км от г. Чистополь РТ и 16 км к югу от р. Камы. Среди керамического материала прикамско-приуральских истоков, обнаруженного на территории Староромашкинского городища, необходимо выделить посуду VII, VIII, XIII и XVII групп (по классификации Т.А. Хлебниковой). Выделение данных групп в отдельные проходило по общим признакам: состав теста, формовка посуды, способ изготовления, орнаментация и т.д. В керамическом комплексе Староромашкинского городища VII группа представлена 4347 фр. (8,7% от всего керамического материала). Данная группа характеризуется круглодонными сосудами с раковиной в тесте, и подцилиндрической горловиной, с характерной орнаментацией для данной группы – гребенчато-веревочная или насечками по скошенному краю венчика. По форме можно выделить горшковидные и чашевидные сосуды. Все сосуды плохого обжига и тонкостенные (3–5 мм). Большая часть сосудов (90%) без ручек, широкая часть тулова составляет 10–15 см.

Следующая этнокультурная группа посуды VIII – характеризуется более плотным тестом с добавлением песка и мелкого шамота. По форме сосудов можно выделить горшковидный тип посуды с резными линиями по горловине. Имеет определенное сходство с VII группой по составу теста (раковина) и форме сосудов (горшковидный тип) и различие по орнаментации и технике изготовления, если VII группа является полностью лепным сосудом, то для VIII группы характерны поэтапная формовка, тулово вылеплено вручную, венчик и горловина подправлены на гончарном круге. Помимо резных линий по горловине, характерной орнаментацией, является волнообразные линии, как правило, в один ряд. В комплексе находок Староромашикинского городища представлена 0,1–0,2% (56 фр.) (рис. 1: 1–3) от общего количества керамического материала (Купцова, 2017, с. 176).

XIII группа керамики или посуда типа «джукетау» свое название получила по комплексу Джукетау, расположенного на левом берегу р. Камы, западнее г. Чистополя. Основные особенности данной посуды были подмечены в свое время А.П. Смирновым, который отметил ее наибольшую встречаемость в материалах городища Джукетау и оценил ее как характерную «для более поздних этапов булгарской культуры». Чуть позже Е.П. Казаков выделяет данную группу посуды как одну их форм «постпетрогромско-булгарской» – «гибридной посуды». В материалах городища представлена 1,3% от общего количества керамики (681 фр.) (рис. 1: 4–5). Когда на более отдаленных памятниках данная посуда достигает на Кирменском городище 15–17% (Мамадышский р-н РТ), А.З. Нигамаев этот факт объясняет близостью к городу Джукетау и вхождением данной территории в Джукетаускую округу (Нигамаев, 2005). Минимальное количество керамики типа «джукетау» на Староромашкинском городище возможно объяснить лишь дальнейшим изучением данного комплекса. В последние годы появилась точка зрения, что данное городище в домонгольский период был намного крупнее его соседа, Джукетау, этим, возможно, и объясняется отсутствие его влияния.

Данная группа посуды представлена сосудами ручной выделки, затем подправленная на гончарном круге. Как правило, орнаментированные многорядной набегающей волной. На некоторых сосудах можно встретить орнамент в виде наклонного гребенчатого штампа, реже гребенки. Поверхность сосуда шероховатая из-за наличия в тесте большого количества речного песка. В комплексе находок Староромашкинского городища представлена 1,3% от общего количества керамики. Преобладающая форма сосуда – горшковидная, реже встречается чашевидная форма.

Следующая посуда XVII группы в комплексе находок Староромашкинского городища представлена – 1–2% от общего количества керамики. Основными чертами является серый цвет черепка, с подцилиндрической горловиной. Изготовление теста, возможно, проводилось без примесей, так как визуально его проследить невозможно. Формовка теста характерна как для VIII, так и для XIII групп керамики – верхняя часть сосуда имеет следы формовки на круге, а остальная часть (тулово и днище) вылеплены вручную. Наличие такого малого количества данной посуды на памятнике определяется его возникновением на рубеже XII–XIII вв. и полным уничтожением памятника монголами в 1236 г.

Связь комплекса лепной посуды Староромашкинского городища прослеживается по отдельным признакам: орнаментация, техника изготовления, формовка теста и т.д. Посуда VII и VIII группы появилась на территории Закамья в IX–X вв., определенное сходство данных групп можно объяснить принадлежностью к одному населению – уграм Башкирского Приуралья, которые впоследствии вошли в состав населения Волжской Болгарии. На наш взгляд имеет место быть и другая точка зрения, о гибридной форме VII+XIII групп, и на их основе возникновение VIII группы. Данное утверждение нельзя считать окончательным, так как требует большей выборки исследуемых материалов, с более расширенной географией. Что касается XVII группы керамики, здесь прослеживаются все черты влияния угорского населения с большим влиянием общеболгарской посуды. Данную посуду можно отнести к ремесленной и переходной от VIII к болгарской цилиндрошейной форме (Кокорина, 2002).

Достаточно непростой этнический состав населения домонгольской Волжской Болгарии, территории, которая всегда являлась местом проникновения и сосуществованием различных племен и народов, отразился и в его материальной культуре. Процесс взаимосвязи местного с пришлым – угорским населением, отразился и на керамическом производстве, а дальнейшее совместное сосуществование, с сохранением традиционных этнокультурных технологий изготовлений, является показателем развития на его основе всей общеболгарской посуды с формированием единой этнической группы и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Казаков Е.П. Постпетрогромская культура: истоки, время, территория // Четвертые Берсовские чтения / Отв. ред. С.Н. Панина. Екатеринбург: ООО "АКВА-ПРЕСС", 2004. С. 120−128.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Болгарии второй половины IX – начала XV вв. Казань: Институт Истории, 2002. 383 с.

Купцова М.С. Уральские истоки посуды в керамическом комплексе Староромашкинского городища // XLIX Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Материалы всероссийской конференции с международным участием (1-3 февраля 2017 г., г. Киров) / Отв. ред. А.О. Кайсин, науч. Ред. В.А. Коршунов. Киров: ВятГУ, 2017. С. 175–178.

Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы Своеобразие материальной культуры населения. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 228 с.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

Информация об авторе:

Купцова Мальвина Станиславовна, аспирант, заведующий лабораторией археологии и этнографии, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета (г.Елабуга, Россия); malvina2711@bk.ru

KAMA-URAL COMPONENT IN THE CERAMIC COMPLEX OF THE STAROROMASHKINSKY SETTLEMENT

M. S. Kuptsova

A large percentage of findings obtained during the study of the materials of Volga Bolgaria sites is ceramics or ware (pottery) of local manufacture corresponding to the I group of All-Bolgar ceramics (after the classification by T. A. Khlebnikova). The “traditional” ceramics stands out from the wide range of various forms of All-Bolgar group ceramics, with the reason for its significance being the presence of different ethnic groups in Volga Bolgaria. Of particular interest among them are the Ugrians who brought their traditions to the region, and the work considers the relationships revealed on the basis of the study of a stucco ware complex - VII, VIII, XIII and XVII groups of ceramics (after the classification by T. A. Khlebnikova) discovered in the territory of Staroromashkinsky settlement.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Volga Bolgaria, Trans-Kama region, Lower Kama region, Ugric population, ceramic material, ceramic group, molding, potter's wheel, molded ware.

About the Author:

Kuptsova Malvina S. Elabuga Institute. Kazan (Volga Region) Federal University. Kazanskaya Str.,89, Elabuga, 423600, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; malvina2711@bk.ru

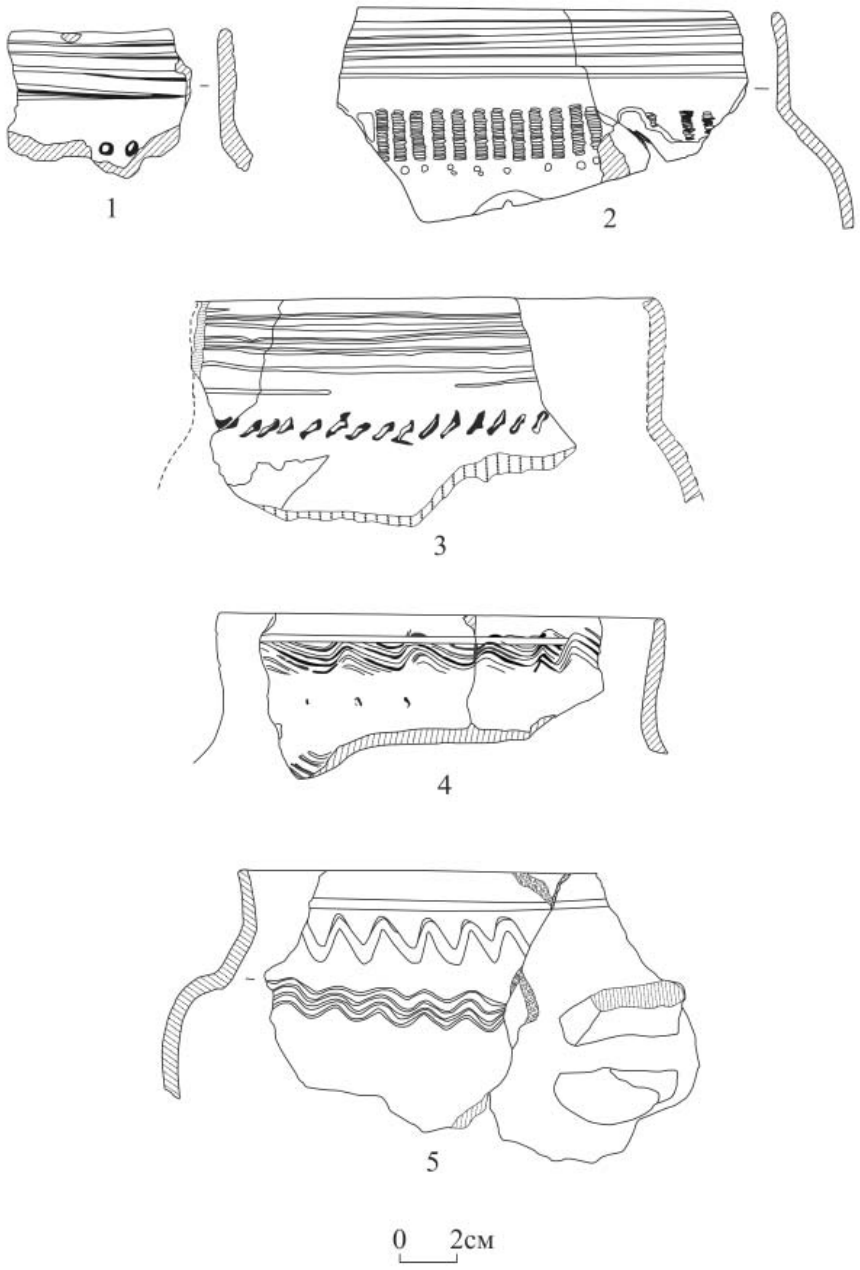


Рис. 1. Подправленная на гончарном круге керамика Староромашкинского городища. (1-3. VIII гр.; 4-5. XIII гр

УДК 902.01

БУСЫ МАРИ-ЛУГОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2019 г. Д.О. Кутузова

В статье приведены итоги классификации коллекции бус Мари-Луговского могильника из погребений 2,11,12,36,83,89,94,97 – одного из азелинских памятников на территории Марийского края. В основе классификации лежат труды Е.М. Алексеевой, В.Б. Ковалевской, Ю.Л. Щаповой, З.А. Львовой. В результате проведенной работы были выявлены основные признаки коллекции бус по материалу, форме, размерам, цвету, прозрачности, декору, технологии изготовления. Приводится круг аналогий с памятников с других территорий и сравнение бус Мари-Луговского могильника с материалами ближайшего к нему азелинского памятника – Арзебелякский (Ясачный) могильник. Основным источником поступления бус к населению оставивших Мари-Луговской могильник в это время, по-видимому, было Северное Причерноморье.

Ключевые слова: археология, Марийский край, азелинская культура, Мари-Луговской могильник, типология, бусы.

Мари-Луговской могильник расположен на широком мысу надлуговой террасы левого берега р. Волги в юго-восточной окраине д. Мари-Луговая Звениговского района Республики Марий Эл. Памятник известен с 1914 г., обследовался в 1929 г. Е.И Горюновой, в результате было вскрыто 14 погребений, в том числе 8 погребений – IV–VI вв., 6 погребений – XIV–XV вв. (Халиков, 1962, с. 158). Дальнейшие раскопки на памятнике производились Марийской археологической экспедицией в 1956 г. под руководством А.Х. Халикова (36 пп.) и в 1990, 1991 гг., руководитель А.И. Шадрин (23 пп.) (Никитин, 2009, с.116). В результате за все время раскопок на памятнике было изучено 68 погребений.

Исследователи отмечают смешанный характер вещевого комплекса могильника, на нем присутствуют вещи характерные, как для могильников азелинского типа, так и могильников кошибеевского типа (Никитина, 2002, с. 169; Архипов, 1973, с. 102). Памятник датируется IV–V вв. (Никитин, 2009, с. 116). Следует отметить, что бусы из могильников азелинской культуры (Ясачный, Мари-Луговской) частично исследованы О.С. Румянцевой (Румянцева, 2010, с. 277–300).

Объектом данной работы являются бусы из погребений 2, 11, 12, 36, 83, 89, 94, 97 Мари-Луговского могильника (Шифр 11, 12, XX МЛМ/п.36 Фонд Национального музея Республики Марий Эл имени Т. Евсеева). Коллекция бус насчитывает 1462 экз., кроме одной янтарной бусины из погребения 97, все остальные бусы стеклянные (рис. 1).

Методической основой работы являются труды Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1975, 1978, 1982), В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 2000), Ю.Л. Щаповой (Щапова, 1989). Техника изготовления бус изучалась на основе разработок З.А. Львовой (Львова, 1980, с. 75–85).

По форме поперечного сечения стеклянные бусы делятся на округлые, овальные, ребристые, граненные. По форме продольного сечения – цилиндрические (171 экз.), битрапецоидные (333 экз.), зонные (929 экз.), кольцевидные (2 экз.), шестигранная призма (3 экз.), бочонковидные (3 экз.). У 20 экз. не удалось установить форму. Янтарная бусина в поперечном сечении округлая, в продольном – зонная.

Для определения размера бус была использована шкала, предложенная Ю. Каллмером (Callmer, 1977), в которой величины диаметров разбиты на группы через каждые 2 мм. Таким образом, бусы делятся на малые (0,89 см) – 1395 экз., средние (0,9–1,79 см) – 40 экз., большие (1,8–2,79 см) – 1 экз. У 26 бусин диаметр определить нельзя в силу их фрагментарности. Среди общей массы бус, следует выделить пронизки, которые имеют при сравнительно небольшом диаметре – 0,2–0,4 см длину в 1 см.

Цвет стеклянных бус определен с помощью шкалы цветов, которая насчитывает 21 цветовой тон, каждый из которых имеет 8 различных оттенков по интенсивности и светлости (Щапова, 1989, с. 79–81). У одноцветных бус без декора и бус с декором определен цвет основы бусины, у бус с металлической прокладкой учитывался цвет внешнего слоя стекла.

Подавляющее число бус монохромные (1440 экз.). Цветовая гамма стеклянных бус без декора представлена: синим (405 экз.), голубым (14 экз.), желтым (779 экз.), красным (59 экз.), зеленым (176 экз.), белым (1 экз.), черным (1 экз.) цветами (рис. 1: 1–11). Бусы с металлической прокладкой (рис. 1: 12) имеют прозрачный внешний слой (11 экз.).

По прозрачности выделены прозрачные, непрозрачные (глухие) и полупрозрачные бусы. В коллекции преобладают непрозрачные и полупрозрачные экземпляры (904 экз. и 528 экз.). Совершенно незначительно количество прозрачных бус различных оттенков (7 экз.). У одной бусины нельзя определить цвет и прозрачность.

Таблица 1.

Цвет и прозрачность стеклянных бус без декора

цвет	*желтый*	*синий*	*зеленый*	*голубой*	*красный*	*белый*	*черный*	*нет*
прозрачность	-	-	-	-	-	-	-	-
прозрачный	-	1	2	-	-	-	-	4
Непрозрачный (глухой)	779	49	4	11	59	1	1	-
полупрозрачный	-	355	170	3	-	-	-	-
нет	-	-	-	-	-	-	-	1
-	779	405	176	14	59	1	1	5

Полихромных бус значительно меньше – 10 экз. (рис. 1: 13, 14, 16–18), они представлены следующими типами:

– зонные с волнисто-поперечно-линейным (1 экз.) и восьмерковидным (1 экз.) орнаментом, со сложноорнаментированными полосами (1 экз.),

– бочонковидные глазчато-крестовидные (2 экз.),

– цилиндрические продольно-волнистые (5 экз.),

Декор бочонковидных глазчато-крестовидных бус из погребения 12 (2 экз.) плохо связан с ядром и частично утрачен; образован тремя крестами и тремя глазками, расположенными между ними. Глазки являются отрезками прутиков с кольчатым поперечным сечением, кресты образуют отрезки ленты из прозрачного бесцветного стекла под которые подложена золотая фольга. Основа бусины изготовлена из темно-фиолетового, почти черного стекла (рис. 1: 18).

Зонная синяя бусина (п. 12) с волнисто-поперечно-линейный орнаментом (1 экз.) украшена по краям желтыми нитями стекла, середина обвита белым зигзагом. Декор плоский и хорошо связан с ядром (рис. 1: 16).

Зонная бусина со сложноорнаментированными полосами из погребения 12 (1 экз.) покрыта елочкой из белых, красных, желтых, бирюзовых и темно-синих полос (рис. 1: 14).

Ядро зонной бусины с восьмерковидным орнаментом (1 экз.) из погребения 83 образовано навивкой черного непрозрачного стекла на основу, толщина которой определила диаметр отверстия. Декор представляет собой накладные перекрещивающиеся одинарные волнистые линии желтого цвета (рис. 1: 17).

Основа цилиндрических бус (п. 12) с продольно-волнистым орнаментом (5 экз.) изготовлена из палочки с последующим проколом, декор – на основу из зеленого непрозрачного стекла наложены ленты синего, белого, оранжевого, зеленого стекла (рис. 1: 13).

Визуальное наблюдение за технологией изготовления показало, что стеклянные бусы Мари-Луговского могильника были изготовлены:

1. из тянутой трубочки 1067 экз., среди бус этой технологической группы преобладают одноцветные (1058 экз.); бус с металлической прокладкой незначительное количество (9 экз.).

2. навивкой стекла, из них одноцветных – 337 экз., с декором – 2 экз.

3. методом разрезания одноцветной палочки с последующим проколом выполнено одноцветных – 7 экз., с декором – 5 экз.

4. бусы, изготовленные обертыванием стекла вокруг стержня, представлены только одноцветными (11 экз.).

Техника изготовления 32 бусин не установлена.

Аналогии

В отличие от Мари-Луговского могильника, где бус из красного глухого стекла немного (пп. 2, 12, 89; 59 экз.). Этот тип бус характерен для рязано-окских могильников на протяжении всего времени существования культуры. Они встречены в Польно-Ялтуново (Алихова, 1958, с. 38, рис. 8: 10, 12), Шатрищенском (Кравченко, 1974, с. 176, рис. 36), Кораблино (Румянцева, 2005, с. 274–279), Кошибеево, Заречье 4, Никитино (Румянцева, 2007, с. 217, 219). Найдены они и в Безводнинском могильнике (Краснов, 1980, с. 47, рис. 23: 1, 2), оставленном муромой. В погребениях Окско-Сурского междуречья, начиная со второй половины IV – начала V вв. их количество в ожерельях достигает 60–80%, а со второй половины V в. они окончательно вытесняют ожерелья из золоченых бус (Вихляев, 2000, с. 70–71). Небольшое количество бус из красного глухого стекла встречено в погребениях ломоватовской культуры V–VII вв. (Голдина, 1985, с. 51, 53), получив наибольшее распространение в VIII–X вв. (Львова, 1973, с. 83–104).

Аналогии ребристым бусам (9 экз.) из синего полупрозрачного стекла из погребения 97 встречаются в материалах юго-восточной Европы VI–IX вв. (Деопик, 1961, с. 218, рис. 4: 11), Бирском могильнике (п. 503, III–IV вв.) на Южном Урале (Русланова, 2018, с. 129, рис. 29).

Глазчато-крестовидные бусы (п. 12; 2 экз.), синяя бусина с волнисто-поперечно-линейный орнаментом (п. 12; 1 экз.) и бусина со сложноорнаментированными полосами (п. 12; 1 экз.) появляются с античности и имеют аналогии в памятниках северного Причерноморья (Алексеева, 1982).

Массовое распространение бус с восьмерковидным узором (п. 83; 1 экз.) началось с рубежа н. э., а особую популярность они приобрели во II–IV вв. н. э. (Алексеева, 1982, с. 39). Аналогии встречены в Северном Причерноморье в погребениях с I по V в. (Алексеева, 1978, с. 50, Высотская, 1997–1998, с. 124, рис. 3: 21–24), на восточном побережье Абхазии в некрополе Цибилиум (II–V вв. н. э.) (Воронов, 2003), памятниках Черняховской культуры: Бернашевка 1, Бовшив постр., Дэнчень 137, Журавка 21, Кринички 3, Курники 20, которые автор относит к дате не раннее последней трети III в. (Гопкало, 2008, с. 52–53).

Массовое распространение бусы с продольно-волнистым орнаментом (п. 12; 1экз.) получают в I–II вв. н. э. в памятниках северного Причерноморья, где они доживают до III в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 47). Аналогии на других территориях встречаются в памятниках мазунинской (Югомашевский могильник, III–IV вв. н. э.) (Русланова, 2018, с. 125, рис. 28) и пьяноборской культур (могильники – Ныргында (Голдина, Красноперов, 2012, рис.22), набор бус датируется I–II вв. н. э.; Сасыкуль; Камышлытамак; Кушулево III; Чеганда II; Тарасово; Юлдашево) (Красноперов, 2009, с. 95).

Таким образом, на основании приведенных аналогий можно увидеть широкое распространение рассмотренных типов бус, что затрудняет возможность точно определить происхождение коллекции Мари-Луговского могильника. И сделать предположение об их причерноморском происхождении.

Бусы Мари-Луговского могильника выделяются среди бус памятников, относимых исследователями к азелинской культуре (Никитин, 2009, с. 92). Для сравнения были взяты бусы из Арзебелякского (Ясачного) могильника. Коллекция бус памятника насчитывает 217 экз. бус. Среди них стеклянных (216 экз.), халцедоновых (1 экз.). Стеклянные бусы в основном монохромные красного (69 экз.), синего (24 экз.), желтого (24 экз.), голубого (32 экз.), зеленого (4 экз.), фиолетового (1 экз.) цветов, 2 экз. прозрачные. У бус с металлической прокладкой внешний слой прозрачный (59 экз.). Одна бусина полихромная. Стеклянные бусы изготовлены из тянутой трубочки (201 экз.), навивкой стекла на стержень (4 экз.) и из тянутой палочки (11 экз.).

В целом коллекция бус Мари-Луговского могильника имеет следующие особенности – наличие бус с декором (глазчато-крестовидные (2 экз.), волнисто-поперечно-линейный орнамент (1 экз.), продольно-волнистый (5 экз.), восьмерковидный (1 экз.), со сложноорнаментированными полосами (1 экз.), кото-

рые отсутствуют на Арзебелякском (Ясачном) могильнике; наличие значительной доли желтого бисера, битрапецоидных синих бус, а также отсутствие многочастных бус с металлической прокладкой.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1–12. М.: Наука, 1975. 121 с.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1–12. М.: Наука, 1978. 120 с.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1–12. М.: Наука, 1982. 110 с.

Алихова А.Е. Могильник кошибеевского типа у с. Польное-Ялтуново // КСИИМК. Вып.72. 1958. С.37-45.

Архипов Г.А. Марийцы IX-XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. 1973. 197 с.

Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Красный Октябрь, 2000. 132 с.

Воронов Ю.Н. Могилы апсилов: Итоги исследования некрополя Цибилиума в 1977-1986 годах. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003. 348 с.

Высотская Т. Н., Рыжова Л. А. Бусы могильника «Совхоз-10» («Севастопольский») // Древности - 1997 – 1998. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: АО «Бизнес Информ», 1999. С. 116−133.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II-III вв. на средней Каме / МИ КАВЭ. Т.22. Ижевск: Изд-во «Удм.ун-т.», 2012. 364 с.

Гопкало О.В. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2008. 270 с.

Деопик В.Б. (Ковалевская В. Б.) Классификация бус Юго-Восточной Европы VI-IX вв. // СА. 1961. №3. С.202−232.

Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2000. 364 с.

Кравченко Т. А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966 - 1969 гг.) // Археология Рязанской земли. / отв. ред. Монгайт А.Л. М.: Наука, 1974. С. 116−183.

Краснов Ю. А. Безводнинский могильник: (К истории Горьков. Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.

Красноперов А.А. К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа // Древняя и средневековая археология Волго – Камья: Сб. к 70-летию П.Н. Старостина / Археология евразийских степей. Вып. 10./ Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 92−105.

Львова З.А. Бусы I Поломского могильника // АСГЭ. Вып. 15. / Отв. ред. Л.: «Аврора», 1973. С. 83−104.

Львова З.А. Признаки способа изготовления изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. Вып. 21. Л.: «Искусство», 1980. С. 75−85.

Никитин В. В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Марийский науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории им. В. М. Васильева. МПИК, 2009. 415 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья: (По археол. материалам): Марийс. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории им. В. М. Васильева. Йошкар-Ола, 2002. 430 с.

Румянцева О.С. Хронология и периодизация стеклянных бус могильника Кораблино // II Городцовские чтения / Отв. Ред. И.В. Белоцерковская / Труды ГИМ. Вып. 145.2005. С. 268−282.

Румянцева О.С. Рязано-окские могильники. Бусы массовых типов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. Вып. 9. / Отв. Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 2007. С. 214−246.

Румянцева О.С. Некоторые особенности распространения бус в Поочье и Окско-Сурском междуречье в эпоху великого переселения народов // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э.: Проблемы и материалы. Раннеславянский мир. Вып. 13 / Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. 2010. С. 277−300.

Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башк. энцикл., 2018. 376 с.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Отв. ред. Г.А. Архипов / Труды МарАЭ. Т. II. Йошкар-Ола: марийское книжное издательство, 1962. С. 7−187.

Щапова Ю.Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав: уч.пособие. М.: Изд-во МГУ, 1989. 119 с.

Callmer J. 1977. Trade Beads and bead Trade in Skandinavia ca 800-1000 A.D. Acta Archaeologia Lundensia. Series in 4. Nr.11. Bonn-Lund: Habelt, 229 p.

Информация об авторе:

Кутузова Дарья Олеговна, младший научный сотрудник, Марийский НИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); homjak2012@mail.ru

BEADS FROM MARI-LUGOVSKOY BURIAL GROUND

D. O. Kutuzova

The article presents the results of a classification of a beads collection from Mari-Lugovskoy burial ground – one of the Azelino sites located in the territory of Mari Krai. The classification is based on the works ин E. M. Alekseeva, V. B. Kovalevskaya, Yu. L. Shchapova and Z. A. Lvova. As a result, the main features of the collection of the beads were identified in term of the material, shape, size, color, transparency, decoration and manufacturing technology. The author describes a series of counterparts from the monuments located in other areas and compares the beads from Mari-Lugovskoy burial ground with the materials from the nearest Azelino monument – Arzebelyakskiy (Ysachniy) burial ground. During that time period, the North Black Sea region presumably was the primary source of beads for the population who have left the Mari-Lugovskoy burial ground.

Keywords: archaeology, Mari Krai, Azelino culture, Mari-Lugovskoy burial ground, beads, typology.

About the Author:

Kutuzova Daria O. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; homjak2012@mail.ru

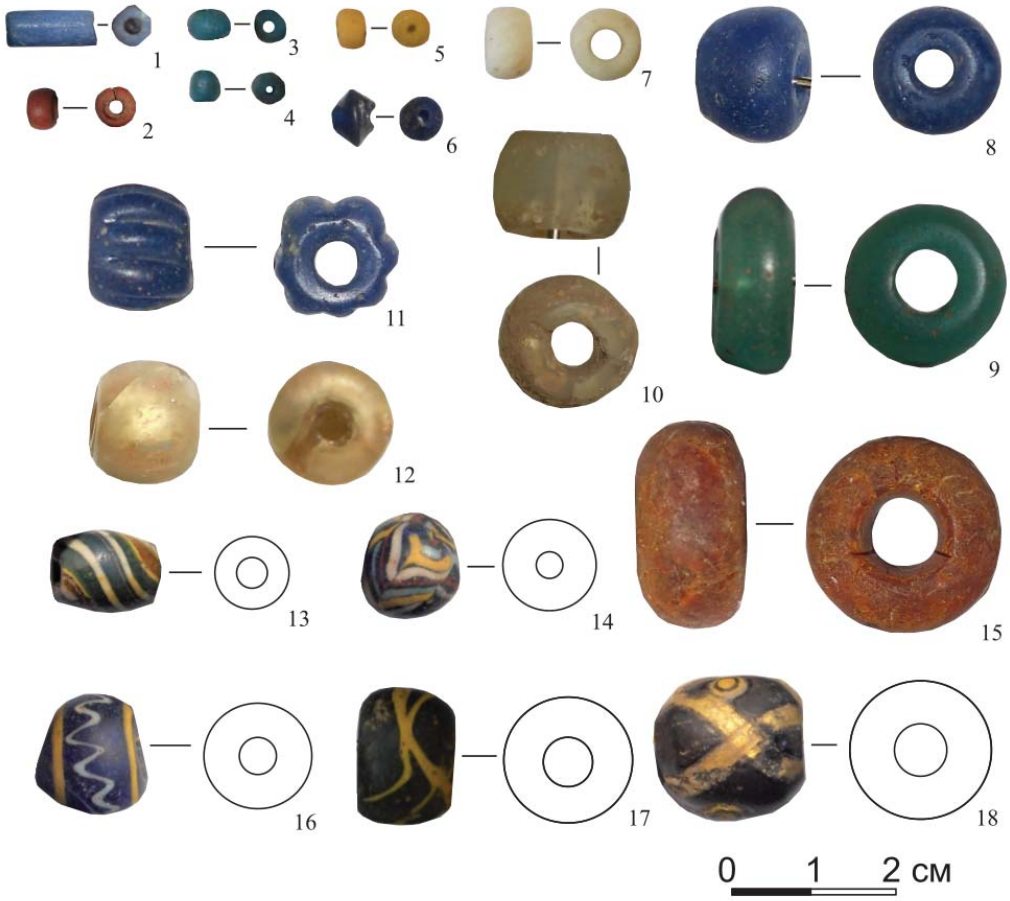


Рис. 1. Мари-Лговский могильник. Бусы.

УДК 902. 01

ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ АНАНЬИНЦЕВ В МАТЕРИАЛАХ ЛУГОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2019 г. Ю.В. Макарова

В статье рассматривается анализ духовной культуры ананьинцев на основе вещественных материалов в фондах лаборатории археологи и этнографии ЕИ КФУ. Автор приводит полный разбор находок из Луговского могильника на основе классификации В.А. Шаталова, мифологии и эпоса народов коми-зырян, коми-пермяков и удмуртов. Искусство ананьинцев отразилось на дальнейшее мировоззрение народов Волго-Камья и Европы северо-востока, сформировав Ананьинскую культурно-историческую общность (АКИО). Культурная система ананьинцев составляет сложную систему взглядов и ценностей, что отличает её от других археологических культур Поволжья, Прикамья и Северной Европы.

Ключевые слова: Ананьинская культурно-историческая общность (АКИО), Ананьинская культура, Луговской могильник, псалия, свирель, напрясло, солярный орнамент, Мировое древо, культ солнца, шаманство, обряд.

Большую роль в изучении раннего железного века в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье сыграло открытие Ананьинского могильника близ села Ананьино в Республике Татарстан. Ананьинская культура датируется VIII–III вв. до н. э., является одной из наиболее ярких представителей археологических культур на северо-востоке Европы. Древний предмет выполнял несколько функций – это бытовая, сакральная, защитная и эстетическая. В каждый предмет древний человек вкладывал свой смысл. Через материальные предметы человек рассказывал о себе и своем мире, поэтому предметы, созданные руками, можно считать отражением их души. В первую очередь, ананьинская культура известна своими ремесленными очагами, большим спектром находок, особо сформировавшейся керамикой, глиняными, костяными и бронзовыми изделиями, но не стоит забывать об их духовном мире, получившем свое отражение в материальной культуре.

Подобные предметы, отражающие мировоззрение древних ананьинцев, находятся в фондах лаборатории археологии и этнография ЕИ КФУ, найденные на Луговском могильнике. К ним относятся костяная псалия, свирели в количестве 12 штук, изделия, представляющее собой символ совы и мирового древа, а также кремниевое напрясло с солярным орнаментом.

Главной целью исследования является анализ костяных изделий ананьинской культуры из фонда лаборатории археологии ЕИ КФУ.

Задачи:

1. Исследовать ананьинские предметы из фонда лаборатории ЕИ КФУ;
2. Провести между предметами культурную взаимосвязь;
3. По классификации В.А. Шаталова привести полный разбор костяного изделия – псалии;
4. Раскрыть мифологическое сознание древних ананьинцев и видение их мира.

Первая находка состоит из бронзового сплава, олицетворяющая символ совы, с двумя «ушками» (рис. 1). Нередко встречаются «птицевидные идолы», что могло говорить о мировоззренческой функции предметов. Также бытует теория, что птицевидные символы могли воплощать душевное состояние древних мастеров (Чемякин, 2009). Еще с древних веков «сова» считается воплощением мудрости, знания и эрудиции. Сова являлась спутницей Афины – богини мудрости и стратегии. Однако в древнем Египте и Китае сову считали прислужницей смерти. Для древних ананьинцев же образ совы мог говорить о мудрости, преемственности и незыблемости поколений. Символ птицы не редкость в ананьинском мире. Известно, что душа человека может перевоплотиться в птицу и достичь Высшего мира. Существует легенда, что шаманы были прислужниками Богов, поэтому в отличие от простых смертных им были открыты врата верхнего мира, куда они могут попасть, превратившись в птицу (Ашихмина, 1992).

Второе изделие из бронзы представляет символ мирового древа, с двумя отверстиями, предназначенные для пронизки, которые возможно использовали в качестве украшения (рис. 2). Образ мирового дерева выражал идею воплощения рода, материнства, передача знаний из поколения в поколение (Молчанова, 2016). Древо Жизни во многих мифах упоминается как образ бессмертия, силы и плодородия. Легенды о символизме Древа встречается практически во всех странах и континентах. Не стоит упускать этимологию данного слова: *«arbor mundi»* – «космическое» древо или *«axis mundi»* – мировой столп, мировая гора и т.д. (Рябов, 2013). Кроме того, лес – был и остается одним из главных источников жизни: пропитание, одежда, укрытие, топливо и это далеко не все. Природные ресурсы сыграли немаловажную роль в жизни древних людей, что и отразилось в материальной культуре ананьинцев. Посредством изображения мирового древа ананьинцы олицетворяли свое видение мира в трехмерном его представлении, ветви которого уходили в поднебесье (космический мир), ствол – земной, нижний – подземный или подводный. Поэтому считается, что дерево для финно-угорских племен является сакральным, таинственным местом, где ствол древа – особая ось, соединяющая небесный мир и подземный, так как корни уходили глубоко в почву земли (Рябов, 2013).

У ананьинцев сформировалось политеистическое видение мира, которое отразилось в создание пантеона Богов и божественных существ. Между тем люди создали сложную систему обрядов, культов и ритуалов. К ним относились культ солнца (солнце считалось символом всего существования мира, так как оно было единственным источником жизни и тепла), культ медведя (поклонение медведю связано с его силой, из которого вытекал страх), культ калира в образе лося-оленя (это божество охраняет родовую реку – символ племени), а также культ поклонения коню, как наиболее значимому животному (Ашихмина, 1992). Именно поэтому созданию конных вооружений уделялось так много времени. Одним из таких предметов является костяная псалия из фонда лаборатории археологии ЕИ КФУ (рис. 3). Предмет обнаружен в погребении № 82 Луговского могильника на территории Республики Татарстан. Погребенный лежал вытянуто по спине, а ноги ориентированы к реке. Псалия была обнаружена у правового бедра (Корепанов, 1991). Данная находка представляет собой небольшой предмет длиной в 9 см с двумя отверстиями на фронтальной части. Деталь конного снаряжение плохо обработана, однако основной сюжет понятен и довольно хорошо очерчен (рис. 1). Интерес костяной псалии в том, что она имеет необычное оформление, которое несет в себе множество смыслов. Псалия выполнена в виде змееподобного дракона, на котором восседает всадник. Часто встречаются в раннеананьинских могильниках изделия с изображением змей или же драконов, которые любили наносить на вооружения лошадей (Коренюк, 2015). Образ человека в ананьинской культуре использовали достаточно часто, которого изображали в различных вариациях, то есть как автономно, так и в совокупности с другими объектами (Корепанов, 1991). По преданиям драконы олицетворяли не разрушительную силу, а созидательную: в их власти контроль над стихиями, к тому же именно драконы обитают вблизи Мирового Древа как покровители. Образ дракона зародился фантазией стран Юго-Восточной Азии, который вполне прижился и модернизировался и у древних ананьинцев (Фонякова, 2013). Однако нельзя упускать, что змеи-драконы в сказаниях Поволжья и Нижнего Прикамья также считались врагами человека, неким злым образом в жизни народов, который наносил ущерб поселению. Ярким примером может послужить легенда города Елабуги о таинственном змее, олицетворявшем зло. Кроме того, культура ананьинцев тесно пересекается со скифской культурой, оттуда и всевозможные изображения грифонов и змей-драконов.

Существуют различные классификации костяных предметов ананьинской культуры. Но более полной принято считать классификацию В.А. Шаталова совместно с А.И. Ашихминой и Е.М. Черных.

Разбор костяной псалии по классификации В.А. Шаталова (рис. 3):

Категория – упряжь (псалии).

Секция – 3 (кость животного).

Класс – фигурная псалия.

Группа – 3.

Отдел – двудырчатая псалия (изогнутая форма).

Подотдел – 3 (так как изображение скульптурное).

Тип – 5 (зооморфный орнамент).

Подтип – 1 (отверстия расположены на фронтальной части псалии).

Варианты – 1 (отверстия округлые).

Данная классификация дает полный анализ о костяном предмете, включая класс, группу, отдел, тип и т.д. Классификация дает нам объемную характеристику ананьинской кости. Мы можем сравнивать обработку костей ананьинской культуры с любой другой (Шаталов, 2012).

Подобный аналог костяной псалии упоминается в книге «Сокровища культуры Татарстана», датируется V–VI вв. до н. э. Псалия изготовлена в виде фантастического грифона, что говорит о схожести ананьинской культуры со скифской. Легенда костяного изделия не найдена (Тарунов, 2004). У данной псалии схожее описание по классификации В.А. Шаталова:

Категория – конная упряжь. Псалия.

Секция – 3.

Класс – фигурная псалия.

Группа – 2 (изогнутая псалия).

Отдел – двудырчатая псалия.

Подотдел – 1.

Тип – 5 (зооморфный орнамент – грифон).

Подтип – 1 (отверстия расположены на фронтальной части псалии).

Варианты – 1.

В фонде лаборатории археологии ЕИ КФУ находится 12 костяных свирелей различных размеров (рис. 4). Самая длинная свирель длиной 8,5 см и толщиной 0,1 см. Самая же небольшая по длине и объему свирель длиной 4,3 см. Каждая свирель хорошо обработана и отшлифована (рис. 4). Именно такие археологические находки позволяют нам дотронуться до самой сокровенной культуры древнего народа – музыка, которая наиболее точно передает внутренний мир целой общности. Развитие музыкального творчества выпало именно на эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э. – III в. до н. э.). У народов удмуртов, пермяков и коми сформировалась огромная база музыкальных инструментов. Свирель (рис. 4), составляющая семейство «чипсонов», использовалась в качестве сигнального предмета на охоте. Предмет имел высокий тембр, напоминающий звук птиц (Корепанов, 2015). Помимо прямого значения свирели могли использовать в обрядовых церемониях или же в целях шаманства, что было востребовано в обществе древних ананьинцев. Также музыкальный инструмент – свисток, свирель использовали как оберег, защищающий своего хозяина от злых сил.

Роль шаманства в ананьинском мире велико и пользовалось большой популярностью. Так как жизнь древних людей полна мистицизма, символизма и анимизма им необходим был посредник, который смог бы создать диалог между людьми и Богами. Шаман – человек, знающий все таинства и обряды, включая погребальные, ритуальные, поминальные и т.д. Можно утверждать, что главная функция шаманов – просветительская.

Последний, не менее интересный предмет, находящийся в фондах лаборатории археологии ЕИ КФУ, – напрясло с солярном орнаментом, выполненный из кремня. Напрясло округлой формы с отверстием по середине, представленно в виде диска с рельефным изображением (рис. 5). Древний человек был окружен массой неизведанного, пугающего и опасного – из этих факторов и вытекает зависимость человека от природных стихий. Солярный орнамент – символ солнечной стихии, отражающий культ солнца финно-угорских племен (Ковалева, 2017). Б. Рыбаков упоминал, что большинство частей орнаментаций несут защитную функцию от злых духов в качестве оберегов. Образ Солнца считался издревле источником тепла, уюта, света, защищенности. Ночь для древнего человека – период, который буквально «обездвиживал» их деятельность, пассивное время суток, наполненное опасностью и некой беззащитностью. С приходом солнца страх перед неизведанным исчезал. Так что неудивительно, что ананьинцы восхваляли День и боялись Ночи, создав тем самым культ Солнца, отразившийся впоследствии на орнаментации материальной культуры. Можно предположить, что Солнце и являлось Древним Божеством или «Всевидящим Оком» (Куек, 2016). Поклонение солнцу приравнивалось языческому верованию, так как ананьинцы возвели солнце в ранг Божества – Мать Солнца или космическая богиня. Если у народов мари олицетворения солнца – Мать Солнца, то у удмуртов Шунда Мума (Покровительница Солнца) (Корепанов, 1991). Ананьинский народ использовал довольно часто солярный орнамент в качестве орнаментации на вещественный материал: напрясла, предметы украшения, бытовые изделия, одежда. Ананьинцы

пытались окружить себя сакральным смыслом, чтобы Богиня Солнца всегда поддерживала очаг в доме.

Ананьинский могильник стал центром формирования и развития ананьинской культуры в Среднем Поволжье. Искусство ананьинцев породило свой самобытный эпос, сказания, легенды, что и вылилось в общее представление об устройстве ананьинского мира. Орнаментация и стиль изготовления предметов говорил также о региональной, этнической и религиозной принадлежности. Ананьинская культура отразилась на формирование сознания таких групп народов, как пермяков, коми-зырян, удмуртов, марийцев, финно-угр и др., сформировав единую Ананьинскую культурно-историческую общность. Анализируя ананьинские находки, мы можем сформировать примерное мировоззрение древних ананьинцев, которые создали свою культуру жизни, сложную, но наполненную сакральным смыслом. Культ солнца, поклонение птицам и другим животным, возвеличивание сил природы переплетаются между собой, образуя сложную систему взглядов и ценностей. Весь мифологический сюжет ананьинцев крутится вокруг Древа Жизни, который являлся центром мироздания.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Реконструкция представлений о мировом древе у населения Северного Приуралья в эпоху бронзы и раннего железа: Докл. на заседании президиума Коми науч. центра УрО Рос. АН 17 дек. 1992 г.. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 1992. 30 с.

Ковалева В.В. Символ солнца, вращающий мир // Финно–угорский мир. 2010. №1. С. 70−71.

Коренюк М.С. Металлические антропоморфные изображения в раннем железном веке Пермского Прикамья // Вестник Пермского университета. 2015. № 1(28). С. 85−98.

Корепанов К.И. История и культура населения Елабужского края в раннеананьинскую эпоху (VIII-VI вв. до н.э.). Елабуга: Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 1991. 32 с.

Корепанов К.И., Обыденнов М.Ф., Гайфутдинов А.А. Социальные основы культуры первобытных племен Волго-Уральского региона. Казань: Познание, 2015. 216 с.

Куек М.Г. Семантика солярных символов в художественном металле адыгов // Вестник АГУ. 2016. №1 (172). С. 158−159.

Молчанова Л.А., Рябкова М.А. Образ мира в орнаментации женского удмуртского костюма // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. №1. С. 161−165.

Рябов Н.В. Образ мирового древа как опора мироздания финно-угорского народа // Финно-угорский мир. 2013. №2. С. 103−106.

Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения эпохи раннего железа Восточной Европы и Урала. // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. Кузьминых С.В., Чижевский А.А., Г.Р. Руденко. Елабуга:, 2009. С. 116−120.

Тарунов А.М. Сокровища культуры Татарстана. М.: Издание Научно-информационного издательского центра, 2004. 592 с.

Фонякова Н.А. Загадки Шиловских Пластин // Филология и культура. 2013. №1(31). С. 203−208.

Шаталов В.А. О проблемах и принципах классификации костяных изделий ананьинской эпохи (на примере оружия, охотничье-промыслового и конского снаряжения). // Поволжская археология. 2012. №1(1). С. 58−67.

Информация об авторе:

Макарова Юлия Владимировна, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Елабуга, Россия); BBB_1999_BBB@mail.ru

REFLECTION OF THE SPIRITUAL CULTURE OF ANANYINO POPULATION IN THE MATERIALS OF LUGOVSKOY BURIAL GROUND

Yu. V. Makarova

The article features an analysis of the spiritual culture of the Ananyino population on the basis of materials deposited in the archaeology and ethnography laboratory of the Yelabuga Institute of Kazan Federal University. The author provides a comprehensive analysis of the findings obtained at Lugovskoy burial ground on the basis of the classification by V. A. Shatalov, mythology and epic literature of the Komi-Zyrians, Komi-Permians and Udmurts. The art of Ananyino population reflected in the further worldview of the peoples of the Volga-Kama and northeast Europe, having formed the Ananyino Cultural and Historical Community. The cultural system of the Ananyino population constitutes a complex system of view and values, which distinguishes it from the other archaeological cultures of the Volga and Kama regions, and Northern Europe.

Keywords: Ananyino Cultural and Historical Community, Ananyino culture, Lugovskoy burial ground, psalia, panpipe, spindle, solar ornament, World Tree, sun cult, shamanism, rite.

About the Author:

Makarova Yulia V. Elabuga Institute. Kazan (Volga Region) Federal University. Kazanskaya Str.,89, Elabuga, 423600, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; BBB_1999_BBB@mail.ru

Рис. 1. Сова.

Рис. 2. Мировое дерево.

Рис. 3. Костяная псалия.

Рис. 4. Свирель.

Рис. 5. Напрясло.

УДК 902/904

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫДЕЛКИ КОЖЕВЕННОГО СЫРЬЯ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ РФА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В ХЛЫНОВСКОМ КРЕМЛЕ)

© 2019 г. М.В. Нефедова

На основе российских, зарубежных исследований и личного опыта для решения проблем, связанных с изучением средневековой технологии выделки кож, предлагается применение неразрушающего рентгенофлуоресцентного анализа (РФА). Источником исследования являются находки из кожи XV – первой половины XVI в., обнаруженные в ходе раскопок в Хлыновском кремле в 1956–1958 гг. (г. Киров). Анализы проведены на приборе EDX-720 фирмы «Shimadzu» (Япония) на базе лабораторий Института химии и экологии ВятГУ (г. Киров). Проведён РФА образцов не только археологической кожи, но и современных образцов, подготовленных для эксперимента: шкуры без обработки; кожи, прошедшие разные стадии выделки по древнерусской технологии; кожи растительного и хромового дубления.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, Хлыновский кремль, XV–XVI вв., археологическая кожа, кожевенное ремесло, РФА.

На территории Хлыновского кремля (историческая часть современного г. Кирова) в 1956–1958 гг. были проведены раскопки под руководством Л.П. Гуссаковского, в ходе которых обнаружены фрагменты изделий из кожи (138 ед.). В связи с конструктивными особенностями коллекция датирована XV – первой половиной XVI в. (Жилина, 2017).

На современном этапе изучения археологической кожи в России одним из направлений научных изысканий А.В. Курбатовым заявлено повышение информативности качественных показателей сырья. Данное определение подразумевает работу по определению видовой принадлежности и особенностей технологии выделки шкур (Курбатов, 2012). В процессе разработки указанных проблем активно привлекаются методы естественных наук. При определении видовой принадлежности сырья хорошо зарекомендовал себя метод оптической микроскопии (Жилина, 2019); при выявлении красителей – метод жидкостной хроматографии (Осипов, 2018), рентгенофлуоресцентного анализа (РФА), электронной микроскопии. Определение способа дубления возможно при помощи РФА, хромато-масс-спектрометрии (Жилина, Бурков, 2018), хроматографии (Осипов, 2018) и химических анализов (Бусова, 2018).

Необходимо отметить, что в зарубежной науке при исследовании археологической кожи естественнонаучные методы начали использоваться раньше, чем в России: например, электронная (Yates, Durose, Caple, Clogg, Hovmand, 2001) и оптическая (Haines, 2006) микроскопия, РФА (Zimmermann, 2013).

Рентгенофлуоресцентный анализ в последнее время все чаще начинает применяться в археологических исследованиях. Между тем при изучении находок из кожи метод применяют редко, тем более с привлечением представительной в количественном отношении выборки образцов.

Методика. На наш взгляд применение РФА в изучении археологической кожи и средневекового кожевенного ремесла можно обосновать тем, что каждая стадия обработки сырья ведет к изменению химического состава кожи. Фиксация происходящих изменений в элементном составе с помощью методов спектрометрии приведет к выявлению технологических операций, происходивших с сырьем.

Анализ проведен на базе лабораторий Института химии и экологии ВятГУ (г Киров) на приборе EDX-720 фирмы «Shimadzu» (Япония). В качестве эталонных образцов (с которыми сравнивалась археологическая кожа) отобраны: необработанные шкуры МРС; кожи, прошедшие разные стадии выделки по древнерусской технологии; кожи растительного и хромового дубления (табл. 1).

В качестве образцов стали предметы из кожи XV – первой половины XVI в., обнаруженные в ходе археологических работ в исторической части современного г. Кирова в Хлыновском кремле в 1956–1958 гг. Образцы не прошли стадию консервации (подвергнуты

только внешней очистке с помощью водно-спиртового раствора).

Результаты исследования (табл. 2). Необработанная шкура имеет повышенное содержание серы и малый процент железа, меди, фосфора. Полученные данные соотносятся с теоретическими сведениями о химическом составе кожи животных: органические соединения шкуры – белки, жиры и углеводы, построены из кислорода, углерода, водорода, азота и серы. Из минеральных веществ в шкуре содержатся: соли калия и натрия, медь, фосфор, железо, кальций, алюминий (Асылкожаев, Радкевич, Изюмов, Гаевой, 1987).

Элементный состав значительно изменяется после промывки, известкования и золения шкуры, т.е. на начальных этапах выделки по древнерусской технологии (Изюмова, 1959). Доминирующим элементом становится кальций, процент серы резко уменьшается. Насыщение кожи кальцием происходит в процессе выдерживания кож в щелочной среде и последующего погружения в кислотную для нейтрализации щелочь.

Использование минеральных способов дубления также четко фиксируется в элементном составе: при хромовом дублении хром становится доминирующим элементом.

Согласно результатам РФА, во всех пробах археологической кожи отсутствует хром, а доминирующим элементом в образцах является кальций. Отсутствие окисей хрома указывает на то, что при выделке не использовались химические способы дубления. Элементный состав археологической кожи отличается от современной присутствием марганца, пониженным содержанием калия, повышенным содержанием кальция и железа. Экспериментально установлено, что процент кальция повышается при выделке шкуры способами растительного дубления. Следовательно, изучаемая кожа из раскопок Хлыновского кремля прошла обработку с помощью данного метода.

В научной литературе появление в археологической коже окиси железа относили к продуктам, с помощью которых могло производиться крашение кож (железо окрашивает кожу в черный цвет) или к результатам влияния влажных слоев, в которых содержатся данные окиси (Зыбин, 1958; Штыхов, 1963). Сравнение археологических образцов с результатами исследования почв и с РФА современной кожи показали, что процентное соотношение железа в большинстве случаев не настолько велико (оно не является доминирующим элементом), чтобы считать его продуктом крашения, поэтому стоит признать, что источником железа является влажный культурный слой.

Повышенное содержание кальция (более 50%) в некоторых образцах свидетельствует о том, что при изготовлении сырья промывка была произведена не полностью: известь из кожи не вымылась. Следовательно, такое сырье имело более плотную структуру. Интерпретировать данное явление можно с противоположных позиций: насыщение кож известью и золой производилось специально для повышения жесткости сырья (метод использовался кожевниками с рубежа XV–XVI вв. при выделке подошвенных кож (Курбатов, 2013); либо явление можно объяснить недостаточной развитостью технологического процесса.

В исследованиях за границу искусственного введения элемента считали 1%. Малое процентное количество в некоторых образцах Ti, Ta, Tm, Sc на данном этапе исследования не получили интерпретацию. Мы предполагаем, что с продолжением анализов при увеличении количественной выборки образцов как современной кожи, выделанной с помощью различных рецептов, так и с увеличением образцов археологической кожи из различных регионов (изготовленной сыромятным способом, с помощью восточных или западных технологий), удастся установить источники максимально возможного количества элементов. Также необходимо отметить, что при определении источника того или иного элемента в археологической коже важно учитывать влияние почв и грунтовых вод. Однако в ходе раскопок Хлыновского кремля определение элементного состава культурных слоев проведено не было.

Таким образом, многолетний опыт исследователей показывает, что методика визуального анализа находок из кожи позволяет провести атрибуцию, датировку, типологию и статистику. Напротив, при изучении технологического процесса выделки сырья большими информативными возможностями обладают естественнонаучные методы.

Применение РФА при исследовании археологической кожи направлено на выявление элементного состава, который помогает в воссоздании технологического процесса выделки сырья и последующих операций.

Данные результаты, в свою очередь, могут косвенно отображать уровень развития кожевенного ремесла (в исследуемом регионе), свидетельствовать о локализации кожевенных мастерских и существовавших торговых контактах: было ли собственное производство кож в исследуемом регионе или имели место закупки сырьевой базы.

ЛИТЕРАТУРА

Асылкожаев К.А., Радкевич Д.П., Изюмов Д Б., Гаевой А.Б. Справочник мастера цеха консервирования шкур. М.: Агропромиздат, 1987. 152 с.

Бусова В.С. Диверсификация подходов к изучению археологической кожи // Актуальная археология 4. Комплексные исследования в археологии. Материалы Международной научной конференции молодых ученых. (г. Санкт-Петербург, 2–5 апреля 2018 г.) . СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 35–38.

Жилина М.В. Кожаная обувь XV–XVI вв. по материалам раскопок в Хлыновском кремле (1956–1958 гг.) // Международная археологическая школа в Болгаре. Сборник материалов конференции (Болгар, 21 августа – 3 сентября 2017 г.) Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017. С. 88–93.

Жилина М.В. Применение оптической микроскопии при анализе находок их кожи (по материалам раскопок в Старой Руссе) // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V конференции молодых ученых (М., 19–21 марта 2019 г.). М., 2019. С. 239–241.

Жилина М.В., Бурков А.А. Опыт применения естественнонаучных методов в исследовании кожаной обуви XV–XVI вв.: по материалам раскопок в Хлыновском кремле (1956–1958 гг.) // Актуальная археология 4. Комплексные исследования в археологии. Материалы Международной научной конференции молодых ученых. (г. Санкт-Петербург, 2–5 апреля 2018 г.) . СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 278–281.

Зыбин Ю.П. Древнерусская обувь XII–XVI вв. Сообщение 2. Технология производства и материалы древнерусской обуви // Известия высших учебных заведений. Технология легкой промышленности. 1958. № 6. С. 38–40.

Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. Вып. 65. М.: Наука, 1959. С. 191–222.

Курбатов А.В. Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России // Археологические вести. 2012. № 18. С. 162–173.

Курбатов А.В. Псковская школа кожевенного ремесла в средневековой Руси // Российский археологический ежегодник. 2013. № 3. С. 476–498.

Осипов Д.О., Смольянинов Р.В., Жеплудков А.С., Юркина Е.С. Коллекция кожаных изделий из раскопок на ул. Скороходова в Липецке // Археологическое наследие. 2018. №1 (1). С. 227–241.

Штыхов Г.В. Опыт исследования древнеполоцкой кожи // СА. 1963. № 4. С. 240–246.

Haines B.M. 2006. The fibre structure of leather In M. Kite, R. Thomson (eds.). *Conservation of leather and related materials.* Oxford: Butterworth-Heinemann, 11–21.

Yates A.J.W., Durose K., Caple C., Clogg P., Hovmand I. 2001. EDX profiling of cross-sectioned archaeological leather In M. Aindow and C.J. Kiely (eds.). *Electron Microscopy and Analysis. Bristol,* England: Institute of Physics Publishing, 93–96.

Zimmermann G. 2013. Schadensbilder und Konservierungsmethoden archäologischer Lederfunde. *"Vom Umgang mit der Menge" – Ledereinbandrestaurierung nach dem Brand der Herzogin Anna Amalia Bibliothek (Kolloquium im Studienzentrum der Herzogin Anna Amalia Bibliothek, 24.09. 2011).* Weimar, 1– 11.

Информация об авторе:

Нефедова Маргарита Васильевна, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия); zhilina.margarita@yandex.ru

TECHNOLOGICAL ASPECTS OF THE LEATHER TANNING MATERIALS: XRF APPLICATION EXPERIENCE (BASED ON THE EXCAVATIONS IN THE KHLYNOV KREMLIN

M. V. Nefyodova

TThe use of non-destructive X-Ray fluorescence analysis (XRF) is proposed on the basis of Russian and European studies and personal experience in order to resolve problems related to the study of the medieval leather tanning technology. The study objects are the leather findings of the second half of the 15th - early 16th centuries, which were discovered during the excavations at the Khlynov Kremlin in 1956–1958. The analyses were performed using an EDX-720 instrument manufactured by Shimadzu (Japan) in the laboratories of Vyatka State University (Kirov). An XRF was conducted not only on archaeological leather, but also on contemporary samples prepared for experimental analysis: untreated skins; leather having passed various stages of tanning using the ancient Russian technology; vegetable and chrome tanned leather.

Keywords: Middle Volga region, the Khlynov Kremlin, 15th-16th centuries, archaeological leather, tannery, XRF.

About the Author:

Nefyodova Margarita V., Novgorod State University, Velikiy Novgorod, Russian Federation.
zhilina.margarita@yandex.ru

Таблица 1.

Элементный состав современной кожи по данным РФА (в %)

Комментарии	Ca	K	P	S	Fe	Zn	Mn	Cu	Si	Cr	V
Шкура козы без обработки	16,7		35,1	36,5	1,3						
Шкура овцы без обработки	9,2		3,3	84,5	1						
Шкура козы; погружение в раствор таннина и дистиллированной воды (1:1)				91,5	5,3			3,2			
Шкура овцы; погружение в раствор таннина и дистиллированной воды (1:1)				85,4	4,8						
Кожа козы; прошедшая промывку-известкование-золение-промывку	90,2	4,8		1	1,7		1,9				
Кожа козы; прошедшая промывку-известкование-золение-промывку-погружение в раствор таннина и дистиллированной воды (1:1)	85	2,6		5,9		4	2,5				
Кожа растительного дубления по технологии: промывка-известкование-золение-промывка-дубление в ивовой коре-промывка-жирование	39	20,5		17	6,1						
Фабричная кожа растительного дубления				22,6	57,6	12,8	6,4				
Фабричная кожа растительного дубления	33,7	8		4,8	25,5		1,6		21		
Фабричная кожа хромового дубления	8,8	2,2		33,6						55,3	
Фабричная кожа хромового дубления				20,2						79,3	
Фабричная кожа хромового дубления				18,6			2,8			76,6	1,9
Фабричная кожа хромового дубления				13						84,9	2
Фабричная кожа хромового дубления				17,7						82,3	

Таблица 2.

Элементный состав изделий из кожи XV – первой половиной XVI в. из раскопок Хлыновского кремля по данным РФА (в %)

№	Ca	Fe	Si	S	K	Mn	P	Ti	Ta	Cu	Tm	Zn	V	Ba	Sc	Hf
1	36	36,6		4,5	4,7								1			
2	38,8	27	16,3	5	2,3		7,8	1								
3	45,9	23,3	16,9	7,8	2,4	2,3										
4	60	13,8	9	8,3	1,6							1,4				
5	50,7	10	20,1	4,9	3		6,1	1,3								
6	43,3	19,3	12	8,1	2,9	9		1,2								
7	46,8	16,1	20	5,5	4,3			2								
8	59,3	24,7		8,3	1,6											
9	36,5	17,4	29,4	5,5	5,2			2,4								
10	40,6	19,6	25	6,2	4,3			2,2			1,6					
11	43,7	22,7	23,3	5,2	2,6			1,4								
12	48,4	13,5	16,8	4,4	2,7	1,3	9,1	1,2								
13	39,6	21,2	20,3	4,5	2,4	6,6		1,2								
14	48,4	14	14,9	8,8	2,5		6,6	1,2								
15	34,7	16,9	36,3	3,3	5			2,2								
16	33,8	24,7	26,2	5,4	3,9			1,7								
17	27,5	23,8	32,4	3,2	4,6	1,3		1,9								
18	47,3	12,3	23,8	6,8	3,6	1		1,7								
19	49,3	15,4	15,6	10,2	2,6	1,2		1								
20	63	21,1		11,6	1,2	1,2										
21	53,6	15,7	15	7,4	2						1,3					
22		2,7		29,3	66,4					1,5						
23	33,5	20,5	22	5,1	8	1,7		4,7								
24	38,8	24,5	13	3,6	2,6	4,7	5,7	1			1,2					
25	49,6	17,8		12,2	18					1,5						
26		3,3		22,4	64,3											
27	45,3	26	11,2	11,3	2,2	2,7										

28	40,2	24,2	20,9	4,4	3,2	2,1		2			2,6					
29		3		31	66											
30	43	23,2		4,4	13,7	1,8								7,6		
31	50,6	27,4		7	2,3	2,9										
32	53,8	10,8	16,8	9,7	4	3,1		1,2								
33	54,3	9,4	17,1	6,6	4,2	2,1		2								
34	56,2	19		8	3,6	1,3		1,5								
35	48,6	34,9		8,9	1,4										5	
36	48,5	24		13	2,6	1										
37	25,7	20,6	33,4	3,6	6,6	2,3		3,1								
38	37	21	19,1	7,5	5,4	1,6		2,3								
39	18,6	10,4		24,2	45						1,6					
40	20	31	27,6	3	4	3,3	5,2	1,4								
41	49	25,3		12,2	1,7	4		1								
42	34,3	25	20,5	2,4	3,5	1,4	6,5	1,5								
43	29,2	27,6	9,5	18,1	2,5	2,9	6,5									
44	25,7	36,5	15,5	2,4	2,1		12,9									
45	25,9	9,2		18,4	45					1,4						
46	47,7	14,6	15	3	1,4	5,5	1									
47	47,3	22,2	14,2	3,9	3,5			1,6				1				
48	44,6	24,8	15,7	4,3	3											
49	21,7	30,9	24,4	3,7	4,1	4,4	8,6	1,7								
50	36,8	23,7	24,7	2,5	5			2,3								
51	42,5	17,8	15,6	4,5	2,4	2,5	6,3	1,6			1,4					
52	50	10,7		10,7	17,5	1,6				1,3						1,6
53	47,4	23,3	5,9	6,1	1,2	3,5	8,3									
54	57,7	12,4	16,5	3,8	2,7			1,3								
55	57,6	12,8	14,4	3,8	2,7	1,8										
56	24,3	8,8		19,9	48											
57	65,4	9,2		8	3,5	3,2		1,2								
58	48,9	21,1	12,4	5,8	1,7										4,9	
59	39,5	15	27,6	5,4	4,5	1		2,2								

УДК 902

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА ОРЛА

© 2019 г. Е.В. Провоторов

Статья посвящена краткому введению в научный оборот результатов археологических исследований, проводившихся на территории города Орла за последнее время. Изыскания проводились в историческом центре города на территории крепости и за ее пределами, по обоим берегам рек Оки и Орлика. По результатам проведенных работ под мощными напластованиями городской застройки XVIII – XX вв., подтвержденных архивными картографическими материалами того же периода, были выявлены городские культурные слои XVI – XVII вв. и более ранних эпох. Обнаружены материалы эпохи неолита, I тыс. н.э., Древней Руси, XIV – XVII вв., XVIII – нач. XX вв.

Ключевые слова: Орел, Ока, Орлик, крепость, Красный мост, Детский парк, Городской парк культуры и отдыха (ГПКиО), позднее средневековье, новое время.

Несмотря на почти полуторавековую историю археологического изучения Орловской области, по сравнению с другими регионами Орловский является белым пятном в плане археологической исследованности, особенно это касается непосредственно г. Орла. Археологические изыскания на территории города практически не проводились, о чем свидетельствует и археологическая карта России, данные о культурном слое города отсутствуют (Археологическая карта…, 1992).

Первые археологические раскопки в г. Орле были произведены в 1902 г. членом Орловской ученой архивной комиссии Ф.Ф. Похвалинским на территории Орловской крепости (основана в 1566 г. по указу Ивана IV), расположенной в историческом центре города на слиянии рек Оки и Орлика. В результате проведенных исследований была обнаружена кирпичная кладка фундамента. По предположениям местных историков, относившейся к соборной церкви Рождества Богородицы, или к дому воеводы, или к приказной или губной избе. Описание и чертежи раскопок не сохранились (Краснощекова, Красницкий, 2006).

Далее последовал длительный перерыв в исследовании г. Орла, связанный с военно-политической ситуацией в стране в 1910–1940-е гг. В данный отрезок времени редкие исследования проводились лишь на территории губернии (области).

В послевоенное время, в период обильного строительства жилых и производственных зданий, сотрудникам Орловского краеведческого музея удалось собрать необходимую информацию и археологические находки, рассказывающие об истории города. Так, в июле 1959 г. при прокладке трубопровода от Детского парка по берегу р. Оки (на месте расположения крепости в XVI–XVIII вв.) была обследована траншея, в которой выявлены материалы XVI–XIX вв. В 1961 г. при проведении земляных работ по подготовке места для строительства нового здания на углу улицы Черкасской и Рыночного переулка (территория посада Орловской крепости) на глубине 3–4 м выявлены захоронения в долбленых из цельного дерева гробах, иногда уложенные в два ряда. В некоторых захоронениях встречены остатки кожаной обуви, нательных крестиков из медного сплава. Ниже, на глубине более 4 м, были выявлены детские гробы длиной около 80 см. В одном из погребений обнаружен нательный крестик из медного сплава и кожаные тапочки, завязанные спереди на бантик. Захоронения были датированы XVII–XVIII вв. Согласно архивным данным, на данном месте в XVII – начале XVIII в. располагалась приходская церковь во имя святого Николая Чудотворца (в народе Николы Рыбного, прозванного так из-за близости рыбных лавок) (Краснощекова, Красницкий, 2006).

После продолжительного перерыва, археологические исследования возобновились лишь в 1986 г., когда местный житель П.Н. Ивлев провел любительские раскопки в юго-западном крыле Орловской крепости. В 1987 г. работы проводились краеведческой группой «Феникс». В ходе проведенных работ был выявлен фундамент каменной постройки начала XIX в., возможно, питейного заведе-

ния. Среди массового материала в большом количестве обнаружены фрагменты посуды XIX в., преимущественно от стеклянных бутылок. Также найдено множество железных хозяйственно-бытовых предметов (кованые гвозди, пробои и т.д.) (Радюш, 2015).

В 1988 г. усилиями зампредседателя облотделения ВООПИК В.А. Ливцова, начальника научно-археологического участка Орловского реставрационного управления Л.Н. Красницкого, инструктора отделения ВООПИК В.М. Неделина, сотрудницы Орловского краеведческого музея С.Д. Краснощековой и краеведческой группы «Феникс» были произведены археологические раскопки в южной части крепости с целью осуществления стратиграфического разреза южной части городища и выхода на центральный – южный фас крепости. В результате произведенных работ на всю глубину была сделана полная прорезка крепостного вала, для выяснения его конструкции и размеров. Удалось установить, что основание вала в подошве было около 20 м, а высота более 3,5 м. Фундамент Рождественского собора, как и деревянные конструкции крепости, не были выявлены. Их остатки вместе с верхушкой вала были снивелированы еще в XVIII в. Следы крепостных стен были обнаружены в верхней части вала. На месте, где предположительно располагалась колокольня собора, П.Н. Ивлевым был заложен раскоп, который планировалось завершить в 1989 г. При раскопках попадались отдельные большемерные кирпичи XVIII в., по-видимому, принадлежавшие собору.

В результате произведенных работ был выявлен основной абрис Орловской крепости, произведена разметка крепостных стен и башен согласно историческим документам. Собран богатый археологический материал XVI–XIX вв. в виде глиняных курительных трубок петровских времен, глиняных церковных подсвечников, глиняных рыболовных грузил, кованых гвоздей, ножей, пряжек, монет времен Екатерины II, печных изразцов XVI–XVIII вв., большого количества стеклянной аптекарской и пиво-винной посуды XIX в. Также было найдено розовое шиферное пряслице XII в. и костяная заготовка для свирели того же периода, костяной гребень XIV в., а также некоторые фрагменты керамики, датируемые XII–XIV вв. (Неделин, 2001).

В 2006 г. археологом краеведческого музея С.Д. Краснощековой на детинце Орловской крепости в северной оконечности мыса были произведены раскопки (Радюш, 2015). Целью работ предполагалось подготовить основу для создания на месте детинца Орловской крепости мемориального парка с частичным воссозданием фрагментов укреплений древней крепости (вал, ров, Караульная башня). В раскопе глубиной 3 м в большом количестве были найдены фрагменты гончарной керамики XVI–XIX вв., кованые железные гвозди и костыли, металлическая и бронзовая фигурные пуговицы, дверные крючки, детали конской упряжи, 5 медных монет чеканенные от 1741 до 1798 г., печные изразцы XVII–XVIII вв. Под фундаментом из песчаниковых плит, на глубине 1 м выявлен 40 см слой углей и золы, по мнению С.Д. Краснощековой (Радюш, 2015), свидетельствующий о сильном пожаре на территории крепости. Отчетной документации по этим работам не обнаружено.

Исследования С.Д. Краснощековой были продолжены в 2008 г. (Краснощекова, 2008). На территории детинца Орловской крепости были заложены два раскопа. Первый располагался в центральной части мыса, к востоку от памятного камня. Второй раскоп был заложен к юго-востоку от памятного камня. В результате произведенных работ на первом раскопе (по мнению Краснощековой и других местных краеведов, раскопом могла быть вскрыта часть дома воеводы) выявлены материалы XVI–XIX вв.: фрагменты гончарной чернолощеной и сероглиняной керамики XVI–XVII и XVII–XIX вв., фрагменты печных изразцов XVI–XVIII вв., глиняные курительные трубки, тончайшая бронзовая витая проволока, монеты XVIII в., ювелирная костяная подвеска, инкрустированная прозрачными камнями, две костяные щетки, кремневый скребок. Во втором раскопе выявлены контуры рва и вала крепости, а также обнаружена кладка фундамента из песчаниковых плит в основании, а на них кладка из красного кирпича с известковым раствором. Предположительно, это остатки фундамента караульной башни (Радюш, 2015).

В 2012–2013 гг. под руководством замдиректора ИА РАН А.В. Энговатовой и научного сотрудника О.А. Радюша были проведены архитектурно-археологические и антропологические исследования в разрушенной мародерами усыпальнице семьи Ермоловых в Троицком храме. По завершении изысканий

было произведено перезахоронение останков (Радюш, 2015).

Наиболее полные археологические исследования на детинце Орловской крепости были проведены в 2015 г. силами ССАЭ ИА РАН (начальник экспедиции О.А. Радюш). Участок раскопа был заложен в центральной части мыса, площадь раскопа составила всего 36 кв. м. Мощность культурного слоя в раскопе составила 3–3,1 м. В результате проведенных исследований удалось уточнить состояние и сохранность культурного слоя в центральной части крепости. Удалось собрать богатый археологический материал в виде многочисленной керамики, преимущественно гончарной XVI – начала XX в., стеклянной аптекарской и пиво-винной посуды XIX в., нумизматического материала XVI–XX вв., и множество другого массового бытового материала из металла, фаянса, стекла и глины. В стратиграфии раскопа прослежены несколько этапов заселения исследуемого участка мысовой площадки. В нижнем слое был открыт существующий, вероятнее всего возле Рождественского собора, некрополь XVI – начала XVIII в., а также были выявлены возможные остатки конструкции самого каменного собора, построенного на месте деревянного в 1730-х гг. Обнаруженные погребения, часть из которых была разрушена или переложена вероятнее всего в связи со строительством каменного собора и, возможно, более позднего фундамента. Находки из погребений представлены чешуйкой чекана Михаила Федоровича или Алексея Михайловича, наперсными и нательными крестами из разрушенных и целых погребений, в том числе с изображением Никиты, изгоняющего беса. Наиболее позднее детское погребение датируется серебряными монетами «Севскими чехами», чеканенными в 1686–1687 гг., пара которых находилась в качестве подвески в погребении 19. Наиболее раннее погребение может быть датировано монетой Ивана Васильевича IV, находившейся, вероятно, во рту покойной женщины (погребение 22). Следует отметить также крупную по размеру яму погребения 11, в которой был погребен взрослый мужчина крепкого телосложения. Особенности конструкции ямы позволяют предполагать, что умерший был доставлен к месту упокоения издалека в массивном гробу, от которого сохранились многочисленные гвозди по контуру ямы и над ней. Молодой мужчина из погребения 20 погиб от попавшей в таз стрелы. Одно из потревоженных захоронений (погребение 8) имело черты редкого обряда, связываемого с монашескими погребениями, голова его лежала на так называемой «каменной подушке». В целом предварительные наблюдения антропологов, особенности погребального обряда и расположения участка некрополя позволяют предполагать, что здест захоронение представителей служилого сословия крепости. На границе предматерика и слоя существования крепости были обнаружены единичные фрагменты керамики эпохи неолита, кремневые отщепы и орудия, груболепной керамики роменской культуры (Радюш, 2015).

В 2018 г. Орловским отрядом ССАЭ ИА РАН проведены исследования в историческом центре г. Орла на правом и левом берегах р. Оки в районе Красного (Мариинского) моста, попадающего под реконструкцию. Общая площадь исследования составила около 4 га (Провоторов, 2018).

В районе Красного моста было заложено 2 шурфа и произведена зачистка 4-х метрового участка борта котлована, снесенного без проведения археологических работ здания XVIII–XIX вв. по ул. Гостиная, д. 1. В выбранных верхних слоях шурфов зафиксирован мощный слой мусорных остатков от строений XIX – начала XX в. В шурфе на левом берегу, расположенном в посадской части старого Орла, в непосредственной близости от детинца, выявлены свод кирпичного подвала второй половины XIX в. и остатки фундамента. В верхних слоях выявлена печная закладка из 23 медных монет номиналом в 1, 2, 3 и 5 копеек 1868–1915 гг. В нижнем горизонте заполнения шурфа выявлена чернолощеная керамика, характерная для XVI–XVII вв. В зачистке, сделанной в котловане по ул. Гостиная, д. 1, зафиксированы городские слои XVI–XVII вв., располагавшиеся под мощными напластованиями XVIII–XX вв. Мощность культурного слоя могла достигать 3 м и более. На правом берегу выявлены слои, датированные находками керамики XVIII–XX вв. (Провоторов, 2018).

В рамках комплексного благоустройства территории объекта культурного наследия регионального значения «Городской парк культуры и отдыха (ГПКиО)» (1823 г.) и прилегающей к нему территории, расположенной на высоком левом берегу Оки, прове-

дено обследование территории на площади 16,2 га (Провоторов, 2019).

На территории парка были заложены 16 шурфов и произведена зачистка угла фундамента строения первой четверти XIX в. По итогам обследования были выделены две зоны распространения археологического материала: 1) южная, центральная и юго-восточная часть парка; 2) северо-восточная часть парка, на месте парка аттракционов, где до 1960-х гг. располагался тюремный замок, построенный в конце XVIII – начале XIX в., а до 2004 г. сохранялось единственное здание из всего тюремного комплекса – психоневрологический диспансер (снесенный владельцами объект культурного наследия – «Дом смотрителя тюрьмы»). (Провоторов, 2019)

В ходе проведения изысканий было обнаружено более 30 индивидуальных находок, преимущественно XIX – начала XX в., среди них – мундирные пуговицы Русской Императорской армии, министерства юстиции и кадетских корпусов. Выявлено большое количество керамики, характерной для XIV–XVII, XVI–XVIII, XIX – начала XX вв. (Провоторов, 2019). В средней части парка на мысовой площадке обнаружена лепная керамика, характерная для I тыс. н. э. В северо-восточной части зафиксированы сохранившиеся остатки фундаментов и коммуникаций, связанных с функционированием тюремного замка (Провоторов, 2019). Для определения границ ОАН в 2019 г. работы на территории парка будут продолжены.

В том же 2018 г. археологической экспедицией СПОК «Елецкий Стан» были проведены археологические исследования на территории Детского парка, расположенного в центральной части города Орел, на левом берегу р. Орлик, в месте ее впадения в р. Ока и на стрелке рр. Оки и Орлик. На обследуемой площади парка в 9,11 га было заложено 6 шурфов 2×2 м. Под мощными напластованиями строительного мусора выявлены культурные слои с материалами XVII – начала XX в. Собран внушительный археологический материал в виде керамики, фаянса и стекла (Иншаков, 2018).

Стоить отметить, что в основном ранее производившиеся работы велись только на территории детинца Орловской крепости. Зачастую эти работы не соответствовали современным методическим требованиям, были малоинформативные из-за отсутствия какой-либо документации, раскопки проводились малыми площадями (преимущественно узкими траншеями), большая часть находок расходилась по рукам землекопов. Благодаря проведению охранных археологических исследований в последнее десятилетие, ситуация стала меняться в лучшую сторону. Не учитывая детинца Орловской крепости (объект культурного и археологического наследия), удалось выявить 4 объекта археологического наследия, расположенных в центральной части города по обоим берегам рек Оки и Орлика. Это правый и левый берега реки Оки в районе Красного (Мариинского) моста, это территория Детского парка, это и территория ГПКиО, включая месторасположение бывшего тюремного замка (рис. 1).

В результате проводимых археологических изысканий на территории г. Орла, удалось заполнить некоторые пробелы в истории города. Однако для восполнения белых пятен в истории г. Орла необходимо проведение полномасштабных археологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта России: Орловская область / Отв. ред. Ю.А. Краснов, сост. Г.К. Патрик. М.: «Авто», 1992. 96 с.

Иншаков А.А. Отчет о проведении археологического обследования земельного участка, отводимого под строительство объекта: «Детский парк», расположенного в городе Орле в 2018 г. // ОПИ ИА РАН.

*К*раеведческие записки. Археология Орловской области Вып. 5. / Под Краснощековой С.Д., Красницкого Л.Н.. Орел: «Вешние воды», 2006. 318 с.

Краснощекова С.Д. Отчет об археологических исследованиях в г.Орле и Орловской области в 2008 г. // Архив управления культуры и архивного дела Орловской области.

*Неделин В.М. О*рел изначальный. Орел: «Вешние воды», 2001. 280 с.

Провоторов Е.В. Отчет о проведении археологической разведки в зоне реконструкции Красного (Мариинского) моста в городе Орле в 2018 г. // М., 2018. Научно-отраслевой архив ИА РАН № 58583.

Провоторов Е.В. Отчет о проведении археологической разведки в зоне комплексного благоустройства Городского парка культуры и отдыха в городе Орле в 2018 г. // М., 2019. ОПИ ИА РАН.

Радюш О.А. Отчет о проведении научно-исследовательских работ на территории объекта культурного наследия «Детинец Орловской крепости» в г. Орле в 2015 г. // М., 2016. Научно-отраслевой архив ИА РАН № 48975-976.

Информация об авторе:

Провоторов Евгений Витальевич, заведующий реставрационной мастерской, Курский государственный музей археологии (г. Курск, Россия); provotor85@mail.ru

NEW ARCHAEOLOGICAL STUDIES IN THE TERRITORY OF OREL

E. V. Provotorov

The article presents a summary of the results of archeological studies recently conducted in the territory of Orel. The surveys were carried out in the historical center of city in the fortress and beyond its territory on the both riverbanks of the Oka and Orlik. As a result of the completed work, urban soil layers of the 18th-20th centuries and earlier periods were discovered under vast layers of contemporary urban structures confirmed by the archive cartographic materials of the same period. Materials of the Neolithic dated the 1st Millennium AD, Ancient Russia, 14th – 17th centuries, and 18th - early 20th century have been revealed.

Keywords: Orel, Oka, Orlik, fortress, Krasny Most, Children's park, City Culture and Rest Park, Late Middle Ages, Modern Period.

About the Author:

Provotorov Evgeny V. Kursk State Museum of Archaeology. Pioneers St.6, Kursk, 305001, Kursk region, Russian Federation, provotor85@mail.ru

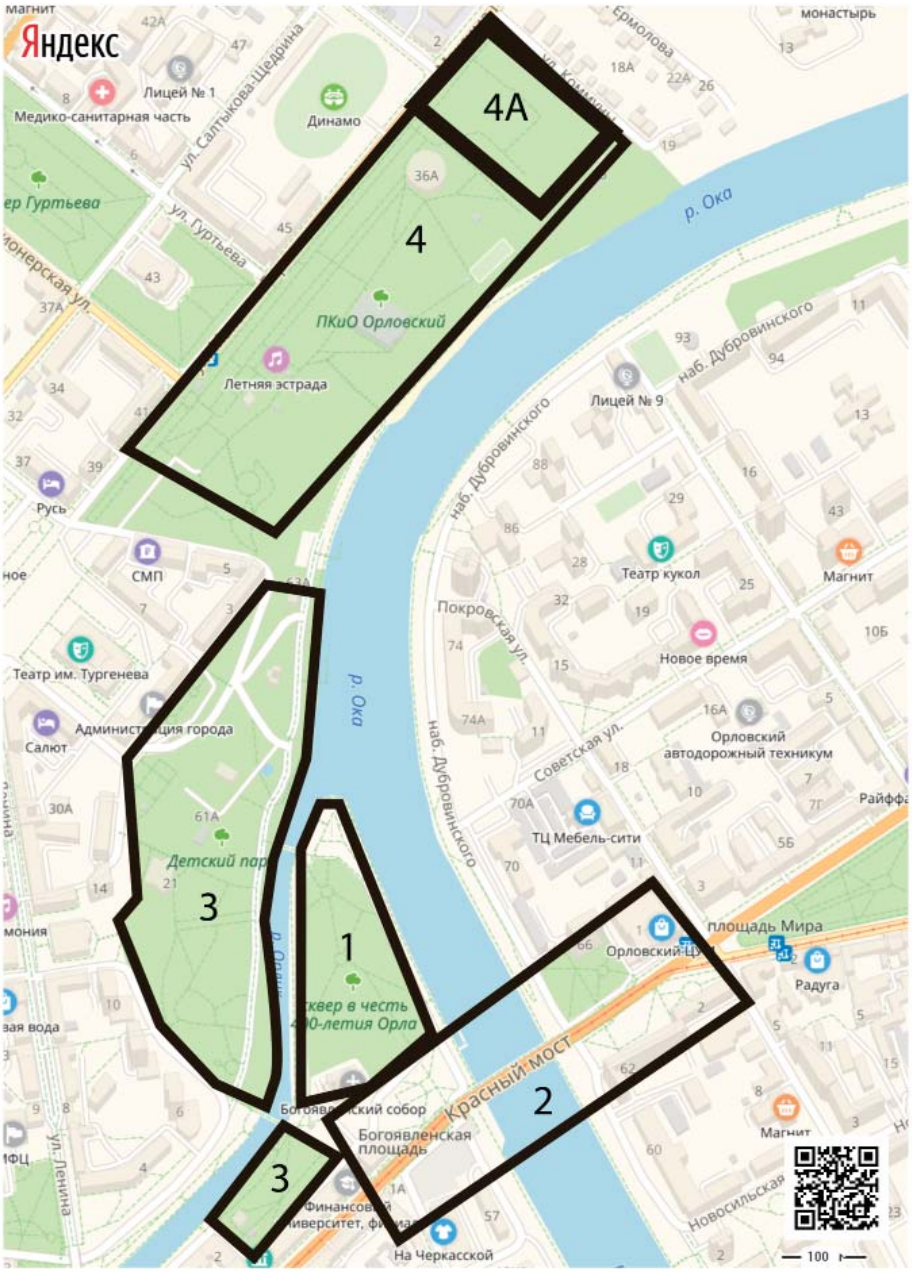


Рис. 1. Ситуационный план с приблизительными границами участков исследования. 1. ОАН - Детинец Орловской крепости; 2. Район Красного (Мариинского) моста, ОАН - правый и левый берег р. Оки; 3. ОАН - Детский парк; 4. ГПКиО; 4А. Тюремный замок.

УДК 902

СРАВНЕНИЕ ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МОГИЛЬНИКОВ ЛОМОВАТОВСКОЙ И НЕВОЛИНСКОЙ КУЛЬТУР

© 2019 г. П.Р. Смертин

Для анализа паледемографической ситуации взяты материалы могильников: Митинский, Бояновский, Деменковский, Пыштайн (ломоватовская культура); Бартымский, Верх-Саинский, Бродовский, Неволинский (неволинская культура). Основные методы: построение таблиц дожития, разделение выборки на возрастные группы (дети, взрослые, старики) и интервалы (0-4, 5-9 и т.д.), разделение выборки по половому признаку. Основные показатели: процент мужчин, процент женщин, процент детской смертности, процент стариков (старше 50 лет), средняя продолжительность жизни (мужчин, женщин, всего взрослого населения), вероятность смерти. Основной вывод – палеодемографическая ситуация индивидуальна для каждого могильника. Это не зависит от принадлежности к культуре.

Ключевые слова: Предуралье, палеодемография, ломоватовская культура, неволинская культура, половозрастная характеристика, вероятность смерти.

Цель работы – анализ и сравнение палеодемографических характеристик могильников ломоватовской и неволинской культур. Определение палеодемографических характеристик обязательно при изучении могильников, поэтому работа является поводом для актуализации палеодемографических исследований.

Отметим некоторые особенности работы. Половозрастные данные индивидов получены исключительно по антропологическим материалам. Это позволяет получить наиболее достоверную информацию. Палеодемография не исключает работу с археологическими данными, но антропология является наиболее точным источником.

Отметим моменты, повлиявшие на ход и результаты исследования. Некоторые могильники раскопаны не на 100%, поэтому данные сравнения могут быть не до конца объективными. Частично могильники подверглись разрушению при строительстве или распашке земель, что лишило нас полноценной информации. Часть костей фрагментирована в ходе разграбления могильников. На сохранность материала повлияла и плохая сохранность скелетов детей и стариков. Это объясняется сравнительно слабым кальцинированием костей (Алексеев, 1972, с. 3). Все эти обстоятельства повлияли на точность и возможность определения половозрастных характеристик.

Перейдем к описанию рассматриваемых археологических культур. Ломоватовская культура датируется V–IX вв. н. э. С ее образованием можно связать два компонента: пришлое население с соседних регионов и племена гляденовской культуры (Голдина, 1985, с. 170). Территориальные рамки культуры – верхнее течение р. Камы до устья р. Чусовой (Голдина, 1985, с. 4). Известно более 300 ломоватовских памятников (Голдина, 1985, с. 188–208).

Неволинская культура датируется концом IV – началом IX вв. н. э. Она занимает территорию бассейна р. Сылвы, левого притока р. Камы. Известно более 270 памятников (Голдина, 2012, с. 235).

Для анализа были использованы антропологические материалы 4 могильников ломоватовской культуры (Митинский, Бояновский, Деменковский, Пыштайн) и 4 могильников неволинской культуры (Бартымский, Верх-Саинский, Бродовский, Неволинский). Эти могильники взяты по причине достаточной изученности, удовлетворительной сохранности антропологического материала и наличия половозрастных характеристик в источниках и литературе.

Митинский могильник, датируется IV–VI вв. (Шмуратко, 2015). Первые исследования на памятнике проведены в 1956 г. (Генинг, 1956), антропологические определения сделаны канд. биол. наук М.С. Акимовой (Акимова, 1968, с. 40–46). Изучение возобновилось в 2014 г. КАЭЭ ПГГПУ под руководством Д.В. Шмуратко (Шмуратко, 2015). Антропологические определения сделаны научным сотрудником ПФИЦ УрО РАН Н.Г. Брюховой (Шмуратко, 2015; 2016; 2017). Обработана информация не менее чем по 76 индиви-

дам, происходящим из 66 погребений, 4 ям и межмогильного пространства. Достоверно определено 47 индивидов: 11 мужчин, 6 женщин, 8 взрослых (пол не установлен) и 22 ребенка (табл. 1).

Бояновский могильник датируется IX–X вв. Исследовался в 1951 и 1953 гг. В.А. Обориным. Дальнейшее изучение – с 2005 г. КАЭЭ ПГГПУ под руководством А.В. Данича (Данич, 2005). Антропологические определения сделаны научным сотрудником ПФИЦ УрО РАН Н.Г. Брюховой (Данич, 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2014; 2015; 2016; 2017). Обработана информация не менее чем по 228 индивидам, происходившим из 180 погребений, межмогильного пространства и выбросов из грабительских вкопов. Достоверно определено 202 индивида: 42 мужчин, 18 женщин, 94 взрослых (пол не установлен) и 48 детей (табл. 1).

Деменковский могильник датируется VII–IX вв. (Голдина, 1985, с. 194). В 1901 г. исследовался А.А. Спицыным (Спицын, 1902, с. 56). Дальнейшее изучение – в 1953 г. КАЭ ПГУ под руководством В.Ф. Генинга (Генинг, 1964, с. 145). В 2007–2008 гг. исследования продолжены А.Ф. Мельничуком (Мельничук, 2008, с. 101), антропологические определения сделаны научным сотрудником ПФИЦ УрО РАН Н.Г. Брюховой (Брюхова, не опубл.). Обработана информация по 38 индивидам, происходящим из 23 погребений. Достоверно определено 38 индивидов: 18 мужчин, 2 женщины, 4 взрослых (пол не определен) и 12 детей (табл. 1).

Могильник Пыштайн датируется V–X вв. Раскапывался в 1901 г. В.Л. Борисовым, в 1964 г. В.А. Обориным. В 2005 г. изучался В.В. Мингалевым (Мингалев, Юкова, 2017, с. 114), антропологические определения сделаны научным сотрудником ПФИЦ УрО РАН Н.Г. Брюховой (Брюхова, 2007, с. 228–230). Обработана информация по 22 индивидам, происходящим из 21 погребения. Достоверно определено: 6 мужчин, 5 женщин, 6 детей. 4 индивида определены как, вероятно, мужчины, 1 – подросток (табл. 1).

Перейдем к описанию неволинских памятников.

Бартымский могильник датируется 2-й половиной VII в. (Голдина, Водолаго, 1990, с. 47). Изучался в 1980, 1981 и 1983 гг. Камско-Вятской экспедицией под руководством Н.В. Водолаго. Половозрастные определения сделаны научным сотрудником КФ АН СССР Р.М. Фаттаховым (Голдина, Водолаго, 1990, с. 37). Обработана информация по 60 индивидам, происходящим из 19 погребений. Достоверно определено: 15 мужчин; 13 женщин; 5 взрослых (пол которых определить не удалось) и 27 детей (табл. 1).

Верх-Саинский могильник датируется 2-й половиной VI – началом IX вв. Полностью исследован на момент последней экспедиции 1983 г. (Голдина, Водолаго, 1990, с. 36–37). Определение антропологических материалов сделано старшим научным сотрудником Института антропологии и этнографии АН СССР Г.В. Рыкушиной (Голдина, Водолаго, 1990, с. 22). Обработана информация по 47 индивидам, происходящим из 44 погребений. Определено: 16 мужских костяков, 22 женских и 9 детских (табл. 1).

Бродовский могильник датируется IV–IX вв. (Голдина, Водолаго, 1990, с. 21). К 1979 г. Камско-Вятской экспедицией изучено 2178 кв. м площади памятника и 19 курганов, содержащих 49 погребений (Голдина, Водолаго, 1990, с. 6). Автор анализа антропологического материала не указан. Получена информация по 40 индивидам, происходящим из 35 погребений. Из них определено: 12 мужчин, 5 женщин, 12 взрослых (пол не определен) и 11 детей (табл. 1).

Неволинский могильник датируется концом VII–VIII в. Исследовался в 1926 г. А.В. Шмидтом, в 1969 г. О.Н. Бадером. В 1968, 1979, 1981, 1982 гг. могильник изучался под руководством Р.Д. Голдиной (Голдина, Водолаго, 1990, с. 47). Могильник близок к полному изучению (Голдина, Водолаго, 1990, с. 64). Определение пола и возраста сделаны частично сотрудником КФ АН СССР Р.М. Фаттаховым и частично старшим научным сотрудником Института антропологии и этнографии АН СССР Г.В. Рыкушиной (Голдина, Водолаго, 1990, с. 68). Получена информация по 35 индивидам, происходящим из 34 погребений. Достоверно определено: 7 мужчин, 16 женщин, 8 взрослых (пол не определен) и 4 ребенка (табл. 1).

Собрана информация по 8 могильникам, данные не менее чем по 546 индивидам, 491 из которых достоверно определен. Популяции условно разделены на 5-летние когорты (0–4, 5–9 лет и т.д.). Использование 5-летних интервалов обусловлено исходным материалом работы: использовалось определение

возраста индивидов на основе интервалов, кратных 5 годам.

Обратимся к таблице (табл. 1). По половому соотношению количество мужчин почти во всех случаях преобладает над количеством женщин. Исключением является ситуация на Верх-Саинском и Неволинском могильниках, где этот показатель равен 42,1% к 57,9% и 30,4% к 69,6% соответственно. Процент детской смертности неодинаков: ~ 1/3 детей среди всех погребенных на могильниках Пыштайн и Деменковском и всех неволинских памятниках. Наибольший показатель на Митинском могильнике, где 1/2 погребенных – дети. Такие показатели характерны для средневековья. Меньше всего детей на Бояновском могильнике – 1/4 погребенных. Вероятно, это связано с плохой сохранностью детских костяков. Процент стариков невелик на всех памятниках. Самый большой показатель на могильнике Пыштайн и Бродовском (8,89% и 8,18% соответственно). Интересно, что пожилых индивидов среди мужчин больше во всех случаях.

Что касается среднего возраста смерти, то этот показатель варьируется около 30-летнего возраста. Самый низкий показатель средней продолжительности жизни всего взрослого населений на Бояновском и Верх-Саинском могильниках – 25,7. Это можно объяснить возможными военными столкновениями, низким уровнем жизни, возможными стрессами для организма или плохой сохранностью костей стариков. Разница показателя между мужчинами и женщинами невелика. Лишь на Неволинском могильнике зафиксирован большой разрыв: 38,2 года для мужчин и 26,6 – для женщин. Это связано с полным отсутствием индивидов старше 40–44 лет и высокой смертностью в рамках первых двух интервалов.

Обратимся к графикам (рис. 1; рис. 2; рис. 3; рис. 4). Здесь ситуация индивидуальна для каждого могильника. На Митинском могильнике заметный рост показателя вероятности смерти (на который напрямую повлияло количество индивидов рассматриваемого возрастного интервала и процент доживших до этого интервала) фиксируется с 30–34 лет. Вероятность умереть для мужчин и женщин была одинакова с 45 лет. На Бояновском вероятность смерти возрастает пропорционально увеличению возраста, траектории мужского и женского графика схожи. Они совпадают с точки 45–49 лет, т.е. вероятность умереть была одинакова с 45 лет. Деменковский могильник демонстрирует несовпадение мужского и женского графиков, что является следствием малой представленности женщин. Пиковый показатель для мужчин пришелся на возраст 35–39 лет (в основном мужчины доживали до этого возраста, дальше – немногие). Здесь нет индивидов 50 лет и старше. На могильнике Пыштайн мужской и женский графики тоже сильно отличаются, что объясняется малой представленностью женщин. Пиковый показатель для мужчин приходится на интервал 40–44 года. Но индивиды, пережившие этот интервал, с большой вероятностью доживали до возраста 50 лет и старше (их 1/4 от числа мужчин).

На Бартымском могильнике пик приходится на 5–9 лет (это единственный случай, где фиксируется пиковое значение для детей). Получается, что в этом возрасте вероятность смерти была такая же, как и в 30–34 года. Рост показателя пропорционален росту возраста. Мужской и женский графики схожи, но почти во всех случаях вероятности смерти мужчин немного ниже. На Верх-Саинском могильнике рост показателя вероятности смерти неравномерен. Этот показатель выше в интервалах 30–34 и 35–39 лет. Также фиксируется высокий показатель для женщин в возрасте 15–19 лет (их 1/3 от числа женщин). Это можно связать с возможными осложнениями в ходе беременности и первых родов. На Бродовском могильнике показатель растет пропорционально росту возраста. Наибольшая смертность для мужчин приходится на интервалы 30–34, 35–39, 40–44 (процент мужчин на всех интервалах 20,12%). На Неволинском могильнике пиковый показатель приходится на возраст 30–34 года. Фиксируется спад в интервале 35–39 лет и непрекращающийся рост с 40–44 лет. Вероятность смерти женщин выше во всех интервалах.

В основном средний возраст смерти приходится на интервал 30–34 года. На всех могильниках, кроме Верх-Саинского, фиксируется низкая вероятность смерти, среди женщин возраста 15–19 лет, что странно.

Сохранность и представленность детских костяков не во всех случаях была полной, поэтому пришлось ограничиться лишь процентом детской смертности. Существует предположение, что не всех представи-

телей популяции могли хоронить на основном могильнике (Шмидт, 2015, с. 99).

Изучение памятников позволяет сделать предположение, что палеодемографическая ситуация на могильнике – показатель индивидуальный и не может быть характерным для той или иной культуры. Однако было правильным для исследования взять памятники синхронных культур, расположенных в Пермском Предуралье.

В заключение хотелось отметить, что комплексное исследование популяции с использованием описанных методов позволяет судить о палеодемографической ситуации на памятниках. Но важно учесть аспекты, описанные в начале статьи. Безусловно, использованы не все доступные методы. Поэтому их применение будет целью следующих работ.

ЛИТЕРАТУРА

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. Изд-во «Наука». М, 1968. 119 с.

Алексеев В.П. Палеодемография СССР // СА. 1972. №1. С. 3-21.

Брюхова Н.Г. Опыт исследования половозрастного состава населения ломоватовской эпохи (по материалам раскопок могильника Пыштайн II в 2005 г.). // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург-Сургут, Екатеринбург: Магеллан, 2007. С. 228—230.

Брюхова Н.Г., не опубл. Таблица распределения по возрастам смерти Демёнковского могильника.

Генинг В.Ф. Отчет об археологических раскопках курганного могильника у д. Митино Кочевского р-на Коми-Пермяцкого нац.округа, произведенных летом 1956 / В.Ф. Генинг, Кудымкар. (Архив Коми-Пермяцкого Краеведческого музея) – 1960.

Генинг В.Ф. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // ВАУ. 1964. № 6. С. 91–162.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д. Об общественном устройстве населения Неволинской культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. №3, т. 14. С. 235−242.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1990. 176 с., ил.

Данич А.В. Отчет о раскопках Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермской области в 2005 году. КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2005. / Архив МАЭ ПГГПУ, 2005.

Данич А.В. Отчет о раскопках Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского края в 2006 году. КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2006. . / Архив МАЭ ПГГПУ, 2006.

Данич А.В. Отчет о научно-исследовательской работе раскопки Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского Края в 2007 году. КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2007. / Архив МАЭ ПГГПУ, 2007.

Данич А.В. Отчет о научно-исследовательской работе раскопки Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского Края в 2008 году. КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2008. / Архив МАЭ ПГГПУ, 2008.

Данич А.В. Отчет о научно-исследовательской работе раскопки Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского Края в 2009 году. КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2009. / Архив МАЭ ПГГПУ, 2009.

Данич А.В. Отчет о научно-исследовательской работе раскопки Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского Края в 2010 году. КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2010. / Архив МАЭ ПГГПУ, 2010.

Данич А.В. Отчет о научно-исследовательской работе раскопки Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского Края в 2011 году. КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2011. / Архив МАЭ ПГГПУ, 2011.

Данич А.В. Отчет о научно-исследовательской работе раскопки Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского Края в 2014 году. КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2014. / Архив МАЭ ПГГПУ, 2014.

Данич А.В. Отчет о научно-исследовательской работе раскопки Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского Края в 2015 году. КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2015 / Архив МАЭ ПГГПУ, 2015.

Данич А.В. Отчет о научно-исследовательской работе раскопки Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского Края в 2016 году. КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2016. / Архив МАЭ ПГГПУ, 2016.

Данич А.В. Отчет о научно-исследовательской работе раскопки Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского Края в 2017 году. КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2017. . / Архив МАЭ ПГГПУ, 2017.

Данич А.В. Отчет о научно-исследовательской работе раскопки Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского края в 2012 году. КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2012. / Архив МАЭ ПГГПУ.

Мельничук А.Ф. Каменные изделия Деменковского некрополя // Труды КАЭЭ. № 5. г. Пермь. 2008. С. 101−103

Мингалёв В.В., Юкова М.К. Хронология могильников Пыштайн I-III // Труды КАЭЭ. № 12. Пермь, 2017. С. 114−124.

Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых: атлас рисунков с предисловием Спицына А.А. // Материалы по археологии России. 1902. № 26. С. 1–112.

Шмидт А.В. Возрастная структура населения в палеодемографии: принципы построения. // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / Под ред. А.А. Тишкина. Изд-во Алтайского ГУ. Барнаул. *2015. С. 94−100.*

Шмуратко Д.В. Отчет о раскопках Митинского курганного могильника эпохи Великого переселения народов на севере Пермского края в 2014 г. КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2015. / Архив МАЭ ПГГПУ, 2015.

Шмуратко Д.В. Отчет о раскопках Митинского курганного могильника эпохи Великого переселения народов на севере Пермского края в 2015 г. КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2016. / Архив МАЭ ПГГПУ, 2016.

Шмуратко Д.В. Отчет об исполнении государственного контракта №56 от 09.06.2016 на проведение охранных археологических раскопок на разрушающемся объекте археологического наследия «Митинская курганная группа». КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2016. / Архив МАЭ ПГГПУ, 2016.

Шмуратко Д.В. Отчет об исполнении государственного контракта №45 от 25.04.2017 с Министерством культуры на проведение охранных археологических раскопок на разрушающемся объекте археологического наследия «Митинская курганная группа». КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2017. / Архив МАЭ ПГГПУ, 2017.

Информация об авторе:

Смертин Павел Романович, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); paulsmert@mail.ru

COMPARISON OF THE PALEODEMOGRAPHIC INDICATORS OF THE BURIAL GROUNDS OF LOMOVATOVSKAYA AND NEVOLINSKAYA CULTURES

P. R. Smertin

An analysis of the paleodemographic situation was conducted with the used of materials of Mitino, Boyanovsky, Demenkovsky, Pyshtayn (Lomovatovskaya culture); Bartymsky, Verkh-Sainsky, Brodovsky and Nevolinsky (Nevolinskaya culture) burial grounds. The primary methods were as follows: compilation of survivance tables, classification of the subjects into age groups (children, adults, elderly people) and intervals (0-4, 5-9, etc.), and subdivision of the subjects into gender groups. The main indicators were the percentage of men and women, percentage of child deaths, percentage of elderly people (over 50 years of age), life expectancy (for men, women and general adult population), and death probability. The main conclusion was that the paleodemographic situation is unique for each burial ground, and does not depend on the cultural affiliation.

Keywords: Pre-Urals, paleodemography, Lomovatovskaya culture, Nevolinskaya culture, gender and age characteristics, death probability.

About the Author:

Smertin Pavel R. Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; paulsmert@mail.ru

Таблица 1.

Основные палеодемографические показатели

Могильник	**N**		**PSR (m/f)**	**PCD**	**AA**	**AAm**	**AAf**	**Dx50+**
	M	**F**						
Митинский	47		64,7 / 35,3	46,8	31,4	31,2	31,6	7
	11	6						
Бояновский	202		70 / 30	24	25,7	31,3	28,3	2,98
	42	18						
Деменковский	38		90 / 10	33,32	27,34	30,75	35,25	0
	18	2						
Пыштайн	22		66,7 /33,3	27,3	32,7	35,75	28,13	8,89
	10	5						
ВСЕГО (ломоватовская)	**309**		**72,2 / 27,8**	**26,3**	**29,29**	**32,25**	**30,82**	**1,76**
	81	**31**						
Бартымский	60		53,6 / 46,4	45	31,8	32,2	32	2,38
	15	13						
Верх-Саинский	47		42,1 / 57,9	19,1	26,7	28,9	24,8	4,74
	16	22						
Бродовский	40		70,6 / 29,4	27,5	34,9	33,6	34,8	8,18
	12	5						
Неволинский	35		30,4 / 69,6	11,4	30,3	38,2	26,6	3,94
	7	16						
ВСЕГО (неволинская)	**182**		**47,2 / 52,8**	**28,1**	**30,7**	**32,3**	**28,1**	**4,48**
	50	**56**						

Примечания: **N**— объём выборки (общее количество индивидов); **PSR(m/f)** – процентное соотношение мужчин и женщин; **PCD** — детской смертности; **AA**— ср. продолжительность жизни взрослых погребенных (включая мужчин, женщин и взрослых, пол которых не определен); **AAm**— средний возраст мужчин; **AAf**— средний возраст женщин; **dx50+** - процент стариков.

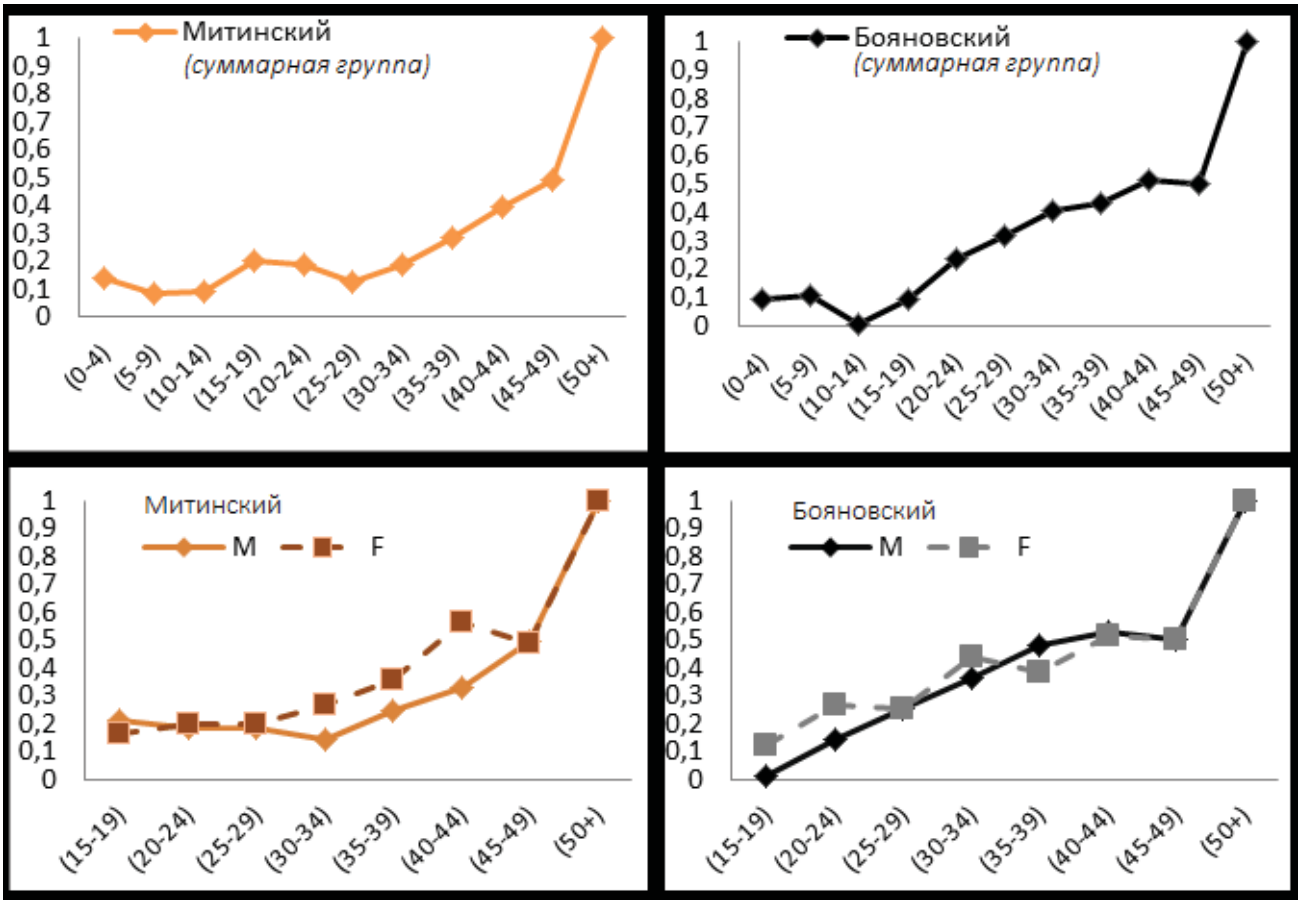


Рис. 1. «Вероятность смерти» (могильники: Митинский, Бояновский)

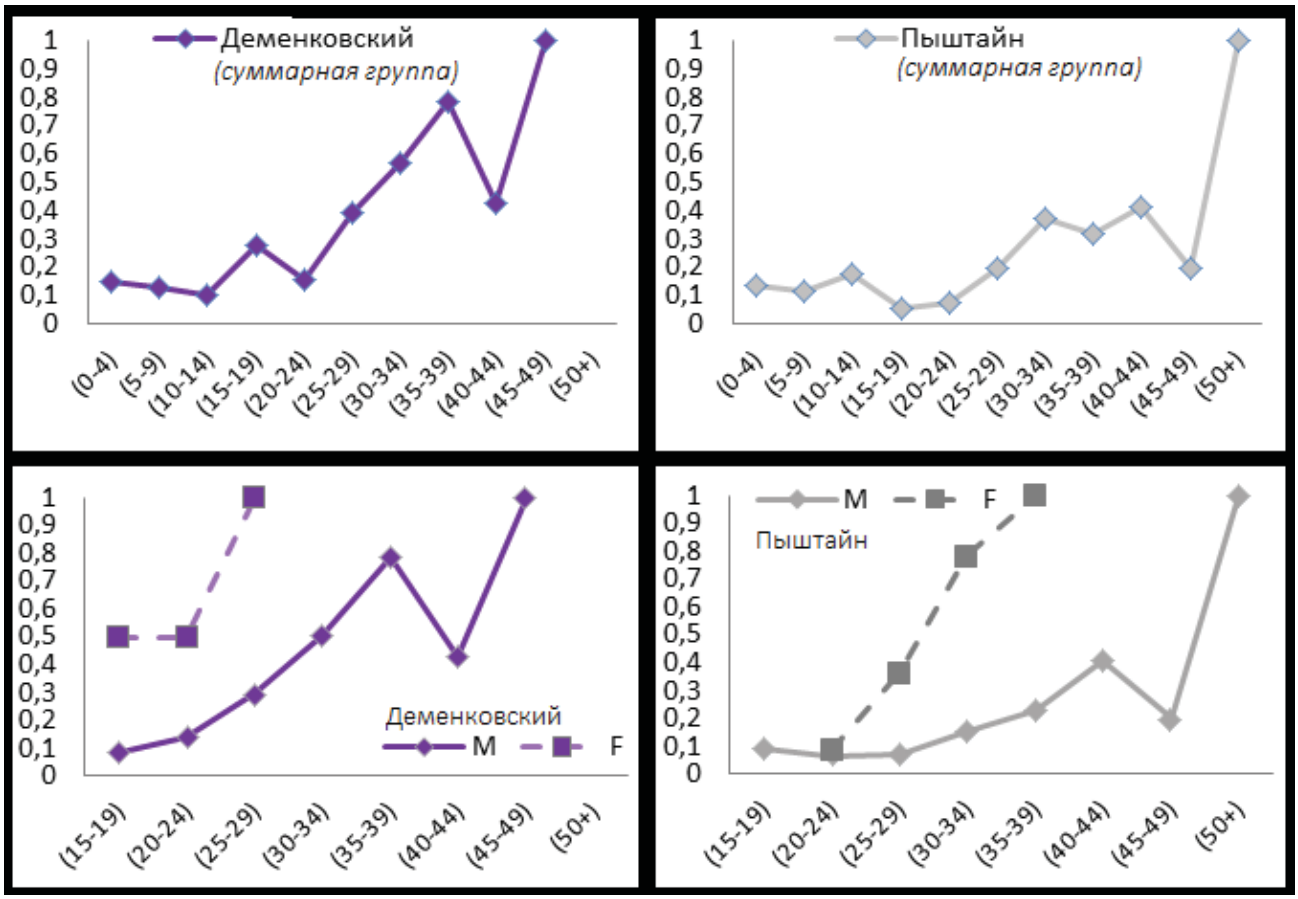


Рис. 2. «Вероятность смерти» (могильники: Деменковский, Пыштайн)

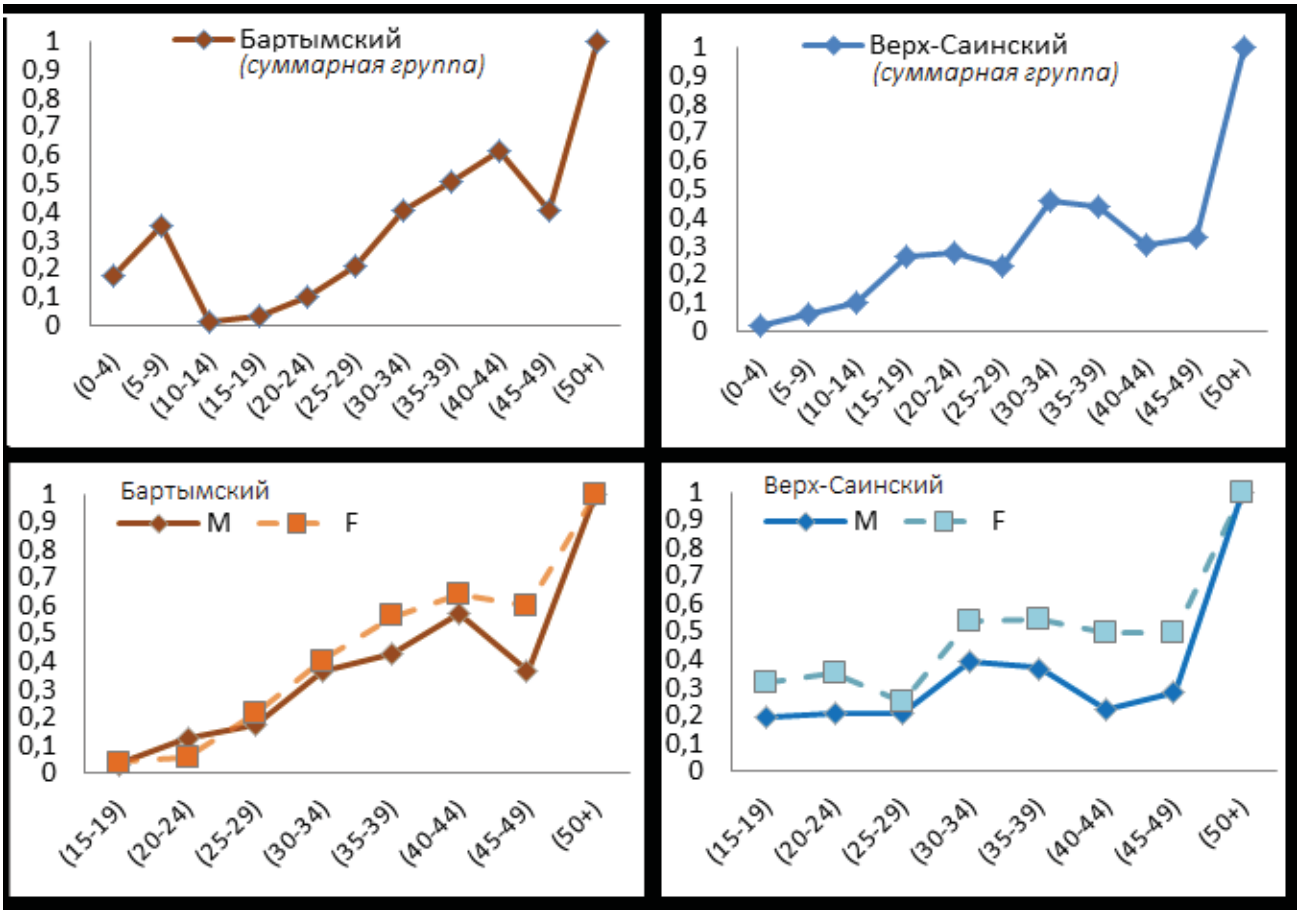


Рис. 3. «Вероятность смерти» (могильники: Бартымский, Верх-Саинский)

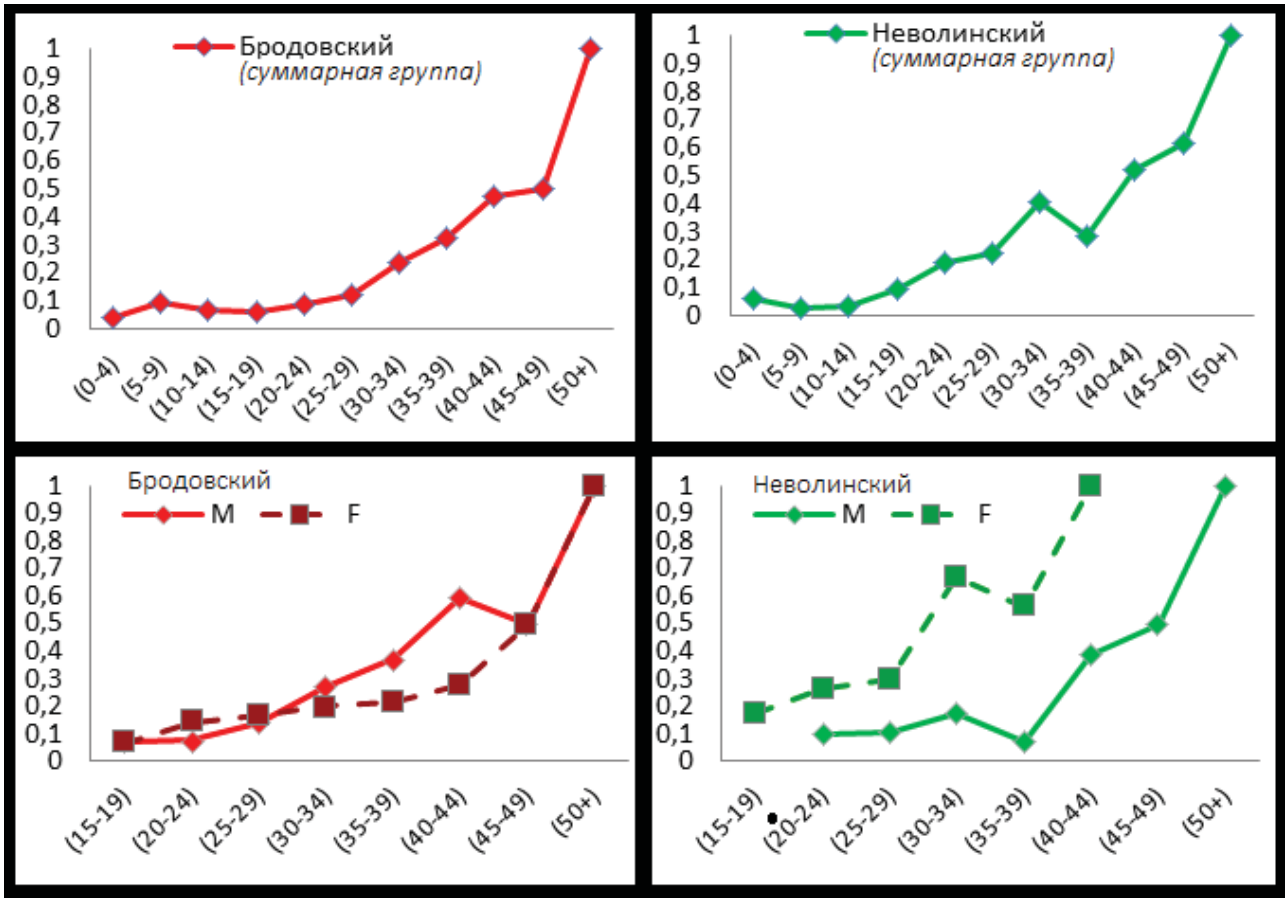


Рис. 4. «Вероятность смерти» (могильники: Бродовский, Неволинский)

УДК 903.2

ТОРЕВТИКА С ИНКРУСТАЦИЕЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ: ФАКТОРЫ СОХРАННОСТИ В СВЕТЕ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ

© 2019 г. Ю.А. Солод, Р.В. Давыдов

В статье рассматриваются факторы, воздействующие на сохранность предметов кыргызской торевтики с серебряной инкрустацией. В качестве объекта исследования использовались частично отреставрированные предметы из курганного могильника енисейских кыргызов, памятника Шигрей, датированного XI–XII вв. н.э. В работе зафиксирована специфика погребальной обрядности и методика камеральной обработки извлеченных из погребений вещей, в том числе реставрационно-консервационные работы. Были выявлены изменения поверхности изделий, основные выводы по которым сопровождаются изобразительным рядом. На конкретных предметах установлена значимость выбора методов реставрации и консервации для последующих направлений исследования торевтики: семиотического, функционального, технологического.

Ключевые слова: археология, Южная Сибирь, средневековье, енисейские кыргызы, кремация, окалина, торевтика, серебряная инкрустация, консервация, реставрация.

В эпоху средневековья на большей части степного пояса Евразии сменяя друг друга, последовательно возникали крупные государственные образования кочевников. Долина Среднего Енисея в VI–XVI вв. являлась территорией непрерывного проживания енисейских кыргызов. Ко второй половине IX в. границы их расселения значительно расширяются. Благодаря активной военной политике, они занимают территорию от верховьев Амура на востоке до восточных склонов Тянь-Шаня на западе. Выделяются такие локальные варианты культуры, как минусинский, тувинский, алтайский, восточноказахстанский и красноярско-канский (Савинов, 1984, с. 75). Их объединяет единство погребального обряда и присутствие в составе сопроводительного инвентаря большого количества предметов торевтики, которые, как правило, украшались орнаментом различного типа.

В начале II тыс. н. э. в культуре енисейских кыргызов наиболее распространенным способом декорирования торевтики стала инкрустация железных изделий серебряной фольгой. Данная техника включает в себя украшение художественных вещей металлом, вставленным в поверхность украшаемого предмета (Минасян, 2014, с. 214). С полным основанием можно считать, что железные элементы поясного набора и узды енисейских кыргызов начала II тыс. н. э. являются художественными произведениями, представляющими ценность с точки зрения изучения как искусства, так и технологии кузнечно-ювелирного дела древнего населения Хакасско-Минусинской котловины и Тувы. В связи с этим приобретает актуальность проблема оценки их сохранности и факторов, на нее влияющих.

В настоящей работе рассматриваются основные факторы, воздействующие на сохранность предметов кыргызской торевтики с серебряной инкрустацией.

От сохранности вещей напрямую зависит степень их информативности. В то же время различные направления исследований ориентированы на извлечение информации разного типа, получаемой при анализе археологических предметов. В рамках изучения торевтики енисейских кыргызов можно выделить следующие направления: семиотическое, функциональное, технологическое.

Семиотическое направление – это изучение мотивов и композиции орнамента, стилистики его исполнения, отражения в нем эстетического чувства людей прошлого (Кызласов, Король, 1990, с. 3, 7). При данных исследованиях используются сравнительно-морфологический, стилистический и другие аналитические подходы, которые требуют наиболее полной сохранности орнамента и формы предмета.

Функциональное направление, на наш взгляд, представляет собой атрибуцию предмета торевтики как конструкционного элемента пояса или сбруи (накладка, распределитель ремней, пряжка и т.д.). При этом используются сравнительно-морфологический, морфоло-

го-функциональный и сравнительно-типологический анализ. Для них также необходима максимальная сохранность формы предмета и его элементов.

Технологическое направление – реконструкция технологии изготовления предмета торевтики, включая выявление источников сырья (элементный анализ металлов), характер обработки сырья (металлографический анализ), построение технологических схем и установление техник, используемых при создании вещи (сравнительно-морфологический, экспериментально трасологический анализ). Данное направление требует наиболее полной сохранности предмета, включая не только все элементы и форму изделия, но его оригинальную поверхность со следами обработки. Для дальнейшего проведения трасологических исследований необходимо: отсутствие загрязнений и продуктов коррозии на поверхности предмета, сохранность оригинальной поверхности и ее достоверная расчистка (Каменский, 2015, с. 127).

В качестве объекта изучения использовались частично отреставрированные предметы из курганного могильника енисейских кыргызов Шигрей. Памятник расположен в долине р. Ус (юг Красноярского края) и датирован XI–XII вв. н. э. Исследованные предметы зафиксированы в кургане 4 в коллективном погребении, совершенном по обряду кремации на стороне. В могилу были помещены останки от 3 до 10 человек вместе с погребальным инвентарем, представленным наконечниками стрел и металлическими деталями конской узды и воинского снаряжения. Суммарно рассмотрено 20 вещей (накладки «геральдической» формы, круглые бляшки, распределители ремней), в том числе 15 отреставрированных предметов и 5 вещей, не прошедших реставрацию.

В процессе археологизации все предметы подвергаются воздействию совокупности необратимых природных процессов, приводящих к изменению их физических и химических свойств. Применительно к изделиям из погребальных памятников енисейских кыргызов, помимо естественных процессов, на сохранность предметов решающее влияние оказывают специфика погребальной обрядности и камеральная обработка извлеченных из погребений предметов, включающая в себя реставрационно-консервационные работы.

Обряд трупосожжения на стороне является наиболее стойким этническим индикатором культуры енисейских кыргызов по всей обширной территории ее распространения (Москалев, Табалдиев, Митько, 1996, с. 125, с. 193). Подобный способ представляет собой культурный феномен, сложившийся на основе традиций, бытовавших у кочевого населения в предшествующее время, и имеет глубокие исторические корни. Прежде всего прослеживается связь со взглядами таштыкских племен и соседствующих с ними в то время народов.

При реконструкции погребального обряда исследователи опираются на сведения письменных источников, а также на этнографические данные. Материалы археологических раскопок, в свою очередь, позволяют толковать некоторые моменты практической сферы погребального обряда. На протяжении всей истории в погребальной практике кыргызов существовала половозрастная дифференциация. Этому свидетельствует то, что в большинстве случаев кремации подвергались взрослые умершие (как мужчины, так и женщины) (Москалев, Табалдиев, Митько, 1996, с. 129). Детская погребальная традиция представляет собой погребение по типу трупоположения и может рассматриваться как относительно самостоятельная (Полищук, Худяков, 2000, с. 106–116).

Определенное значение имело размещение вещей рядом с телом, приготовленным к сожжению. Различные категории вещей помещались в порядке, регламентируемом существующими канонами. Большая часть предметов имела утилитарное значение и им отводилось то место, которое они занимали при жизни покойного (Москалев, Табалдиев, Митько, 1996, с. 134).

Все предметы, оказавшиеся в погребальном костре, претерпевали изменения из-за термического воздействия. Температура погребального костра может сильно варьироваться от 300 (обугливание костей) до 1000 ºС и выше (в пределах 1200 ºС) (Добровольская, 2010, с. 904; Клещенко, 2016, с. 36, 38). Кроме того, необходимо учитывать, что в различных участках костра температура существенно различается, потому состояние вещей после обряда различается в зависимости от их положения.

Первоначальный облик предметов торевтики с инкрустацией изменяется при крема-

ции в связи с расплавлением серебра, температура плавления которого составляет 962ºС. Поскольку он представлен на изделиях тонкой фольгой, драгоценный металл быстро нагревается и деформируется, собираясь на поверхности предмета в виде капель различного размера (рис. 1: 2; 2: 1; 3). Степень деформации зависит от температуры и, соответственно, от местоположения предмета в погребальном костре. При этом разница сохранности инкрустации заметна даже в пределах одного изделия. На распределителе ремней из кургана 4 могильника Шигрей на одной стороне частично сохранилось серебряное покрытие, в то время как на другой фиксируются только отдельные капли металла (рис. 1).

Следует учитывать возможность попадания капель серебра с инкрустированного изделия на находящиеся ниже предметы, не имевшие изначально дополнительного металлического покрытия. Так, на одной из «двурогих» геральдических накладов из могильника Шигрей зафиксированы маленькие подтеки белого металла (рис. 2: 1). Однако экспериментально-трасологический и сравнительно-морфологический анализ данного типа накладок показали, что они не имели инкрустации и украшались симметричным насеченным узором (Давыдов, 2019, с. 72).

В ходе кремации черные металлы оказываются в кислородосодержащей сухой среде и подвергаются воздействию высоких температур. В данных условиях происходит химическая реакция, в результате которой на поверхности изделий из черных металлов образуется окалина. Начинается окисление железа и формируется пленка, состоящая из трех видов оксидов: вюстита (FeO), магнетита (Fe3O4), гематита (Fe_2O_3). До температуры в 560–600ºС окалина состоит преимущественно из слоев магнетита и гематита. Выше 600ºС происходит растрескивание слоя и увеличение доли вюстита (Материаловедение, 2007, с. 246). Толщина окалины и каждого ее слоя (в мкм) напрямую связана с температурой горения погребального костра. Они наиболее тонки при температуре 850ºС и увеличиваются с повышением или понижением температуры (Механизм…).

Таким образом, на поверхности изделия формируется устойчивая ферромагнитная оксидная пленка с пористой прослойкой (вюстит, гематит) и красноватым плотным внешним слоем (магнетит). Подобный слой хорошо фиксируется на рассматриваемых предметах (рис. 2: 2).

Оксидная пленка способствует сохранению предметов из черных металлов, поскольку защищает их от почвенных коррозионных процессов. В почвах в различных концентрациях содержатся соли кальция, магния, фосфора, калия, натрия (в первую очередь – хлориды, сульфаты, (би)карбонаты, нитраты), кислоты и вода (Шемаханская, 2015, с. 127). Окалина, являясь основным оксидом, существенно тормозит коррозию из-за отсутствия химической реакции с солями. Реакция с кислотами и водой замедлена благодаря магнетиту – наиболее стабильному из оксидов железа, который за счет непрерывного твердого защитного слоя препятствует контакту менее стабильных соединений с активаторами коррозии.

Еще одним фактором, препятствующим коррозионным процессам, является наличие в погребении кальцинированных костей, которые перемешаны с предметами сопроводительного инвентаря.

Исследования могил бронзового века на территории Скандинавского полуострова продемонстрировали влияние погребального обряда на сохранность предметов за счет изменения состава окружающих почв. Присутствие ингумированного тела в погребении обычно увеличивает локальную кислотность почвы, бактериальную активность, содержание хлоридов, аммония и т.д. Локальный состав почвы в погребении, совершенном по обряду кремации, существенно отличается ввиду отсутствия процессов разложения тела. Кроме того, сохранность предметов зависит от их положения относительно останков (Horn, Holstein, 2017, p. 96–97). В могилах енисейских кыргызов погребальный инвентарь помещен в беспорядке вместе с кальцинированными костями, которые понижают кислотность почвы. Данный факт способствует сохранности изделий в том состоянии, в котором они были положены в погребение. На дальнейшие изменения формы и поверхности предметов могут существенно влиять преобразования в ходе реставрационно-консервационных работ.

Основной задачей реставрации и консервации является восстановление первоначального облика предмета и его сохранение для последующих исследований. Согласно Л.А. Лелекову, конечная цель реставрации

определяется как действие ради «сохранения во времени историко-документальной аутентичности и достоверности произведения искусства» (Шемаханская, 2015, с. 144). В международных нормативных документах по реставрационной этике, подготовленных и созданных Международным Советом музеев (ИКОМ), указано: «любое вмешательство в объект должно предваряться систематическим и научным исследованием, нацеленным на понимание объекта во всех его аспектах: реставратор должен осознавать документальную природу объекта» (Шемахагская, 2015, с. 85).

Статья 9 Этического кодекса Европейской конфедерации консерваторов-реставраторов (European Confederation of Conservator-Restorers' Organisation) гласит: «Консерватор-реставратор должен стремиться применять только такие современные средства, материалы и методы, которые не причинят вреда культурной ценности, окружающей среде и людям. Само воздействие и материалы, по возможности, не должны препятствовать последующим экспертизам, реставрационным работам и анализу. Они должны быть совместимыми с материалами самой культурной ценности и, насколько возможно, легко и полностью удаляться» (Каменский, 2015, с. 127).

Таким образом, большое значение имеет выбор методов реставрации и консервации, обусловленный необходимостью сохранения информации для исследований.

Реставрация и консервация предметов из металлов включает три основные стадии: очистка (химическая, механическая, лазерная, ультразвуковая и т.д.) – удаление временных наслоений с поверхности металлов; стабилизация – прекращение процессов, протекающих в металле и угрожающих его сохранности; укрепление – совокупность действий по введению в предмет адгезивных или конструктивно поддерживающих материалов для придания ему долговременной прочности (Шемаханская, 2015, с. 147).

Основные изменения поверхности изделия происходят на стадиях очистки и укрепления. Наиболее сложно сохранить материал для трасологических исследований: следы утилизации и обработки. Выявление последних наиболее актуально при изучении технологии изготовления предметов кыргызской торевтики.

Наибольший ущерб может быть нанесен при механической очистке, поскольку уничтожается первоначальная поверхность изделий. Кроме того, очистные инструменты нередко создают новые следы, перекрывающие древние. Их выявление необходимо для корректного изучения предмета. Например, стекловолокно оставляет на предмете короткие и средние по длине неглубокие узкие полосы, а после расчистки скальпелем фиксируются различные по длине глубокие канавки (Llopis, Sáez, 2009, p.126; Sáez, Lerma, 2015, p. 177). При анализе предметов торевтики из могильника Шигрей подобных следов не было выявлено, несмотря на применение во время реставрации механической очистки, однако не зафиксированы и древние следы, например, абразивной обработки.

Поверхность изделий может быть скрыта вследствие нанесения защитного покрытия на стадии укрепления. Некоторые изделия из могильника Шигрей являются ярким примером подобного изменения предмета. При консервации они были покрыты акриловой смолой, слой которой на некоторых накладках делает невозможным не только анализ следов обработки и насечки, но и выявление капель серебра (рис. 3: 1, 2). Кроме того, поверхность прошедших консервацию предметов приобрела металлический блеск, затрудняющий микроскопическое обследование и фиксацию посредством макрофотографии. Для полного исследования предметов требуется снятие покрытия. Зачистка слоя акриловой смолы с использованием скальпелей и алмазных надфилей потребовалась при химическом анализе металлов (рис. 3: 3).

Таким образом, на предметы кыргызской торевтики с инкрустацией до и после их археологизации влияет ряд факторов, среди которых можно выделить погребальный обряд и реставрационно-консервационные работы. Первый, являясь наиболее стойким этническим индикатором культуры енисейских кыргызов, воздействует на все предметы погребального инвентаря. Применительно к торевтике с инкрустацией, это воздействие происходит в двух аспектах: первый – из-за нагрева происходит расплавление серебра, что усложняет реконструкцию первоначального облика предметов, второй – благодаря образованию окалины и помещению кальцинированных костей в погребение вместе

с вещами, они не подвергаются разрушению вследствие коррозии.

В дальнейшем, при реставрации и консервации, может произойти уничтожение изначальной поверхности изделий из-за неосторожной механической расчитки вещей или ее сокрытие защитным слоем.

Данные теоретические положения подтверждаются при рассмотрении предметов из могильника Шигрей. Они хорошо сохранились благодаря обряду кремации, однако их изначальная поверхность деформировалась из-за реставрационно-консервационных работ.

ЛИТЕРАТУРА

Давыдов Р.В. Технология изготовления железных поясных накладок из средневекового могильника Шигрей // Археология: Материалы 57-й Междунар. науч. студ. конф. 14–19 апреля 2019 г. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 71–72.

Добровольская М.В. К методике изучения материалов кремации // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 85–97.

Каменский А.Н. О применении методов трасологического анализа при изучении средневековых предметов вооружения // Горный мир музеев. 2015. №1. С. 126–131.

Клещенко Е.А. Кремации как исторический источник в изучении погребального обряда населения Молого-Шекснинского междуречья I тыс. н. э. Дисс…. канд.ист.наук. М., 2016. 214 с. + Прил.(159с. :ил.)+(265с. :ил.)+(197с. :ил.).

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Наука, 1990. 216 с.

Мальцева Л. А., Гервасьев М. А., Кутьин А. Б. Материаловедение: учебное пособие. 3-е изд. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2007. 339 с.

Механизм образования железной окалины на поверхности стали. Доступно по URL: http://metallopraktik.ru/novosti/mehanizm-obrazovaniya-zheleznoy-okalinyi-na-poverhnosti-stali (Дата обращения: 19.05.2019)

Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.

*Москалев М. И., Табалдиев К. Ш., Митько О. А. К*ультура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. Бишкек: Кыргызско-Российский славянский университет, 1996, 295 с.

*Полищук Т. И., Худяков Ю. С. Д*етские погребения на чаа-тасе Кёзеелиг-Хол: (по материалам раскопок Южносибирского отряда в 1986) / Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии / Отв. ред. . Новосибирск: 2000, 216 с.

Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в средневековую эпоху. Л.: из-во ЛГУ, 1984. 174 с.

Шемаханская М.С. Металлы и вещи: история, свойства, разрушение, реставрация. М.: «Индрик», 2015. 288 с.

Horn Chr., Holstein Isabella von 2017. Dents in our confidence: The interaction of damage and material properties in interpreting use-wear on copper-alloy weaponry. *Journal of Archaeological Science,* 81 May, 90 – 100.

Llopis S.I., Sáez S.G. 2009. Use-wear analysis on metal, the influence of raw material and metallurgical production processes. *Archaeometallurgy in Europe: 2nd International Conference (17–21 June, 2007, Aquileia, Italy).* Selected papers. Milano: Associazione italiana di metallurgia, 115–125.

Sáez G.C., Lerma I.M. 2015. Traceology on Metal. Use-Wear Marks on Copper-Based Tools and Weapons In Marreiros J., Gibaja Bao J., Ferreira Bicho N. (eds.). *Use-Wear and Residue. Análysis in Archaeology. Manuals in Archaeological Method, Teheory and Technique. Switzerland,* Scham: Springer International Publishing, 171–188.

Информация об авторах:

Солод Юлия Александровна, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск, Россия); y.solod@g.nsu.ru

Давыдов Роман Вячеславович, Новосибирский государственный университет, Гуманитарный институт; инженер-исследователь, НОЦ Новая археология, Лаборатория палеотехнологий (г. Новосибирск, Россия); puer-viro@mail.ru

TOREUTICS WITH INLAYS FROM THE BURIALS OF YENISEI KYRGYZ POPULATION: PRESERVATION FACTORS IN VIEW OF THE FURTHER RESEARCH

Yu. A. Solod, R. V. Davydov

The article considers the factors influencing the safety of Kyrgyz toreutics articles with silver inlays. The study objects were partially restored articles from the burial mound of the Yenisei Kyrgyz population - Shigray burial dated the 11th-12th centuries AD. In the article fixed the specificity of the funeral rites and the method of office processing of the things extracted from the burials, including restoration and conservation works. The authors identify the changes in the surface of objects with the main conclusions supported by a series of graphic examples. Specific objects were used in order to determine the significance of the selection of the restoration and conservation methods for the subsequent toreutics study areas - semiotic, functional, and technological.

Keywords: archaeology, Southern Siberia, Middle Ages, Yenisei Kyrgyz population, cremation, oxidation, toreutics, silver inlays, conservation, restoration.

About the Authors:

Solod Yuliya A. Novosibirsk State University. Russian Federation , Novosibirsk; y.solod@g.nsu.ru

Davydov Roman V., Novosibirsk State University, Institute for the Humanities, REC New Archaeology, Laboratory of paleotechnologies, research engineer

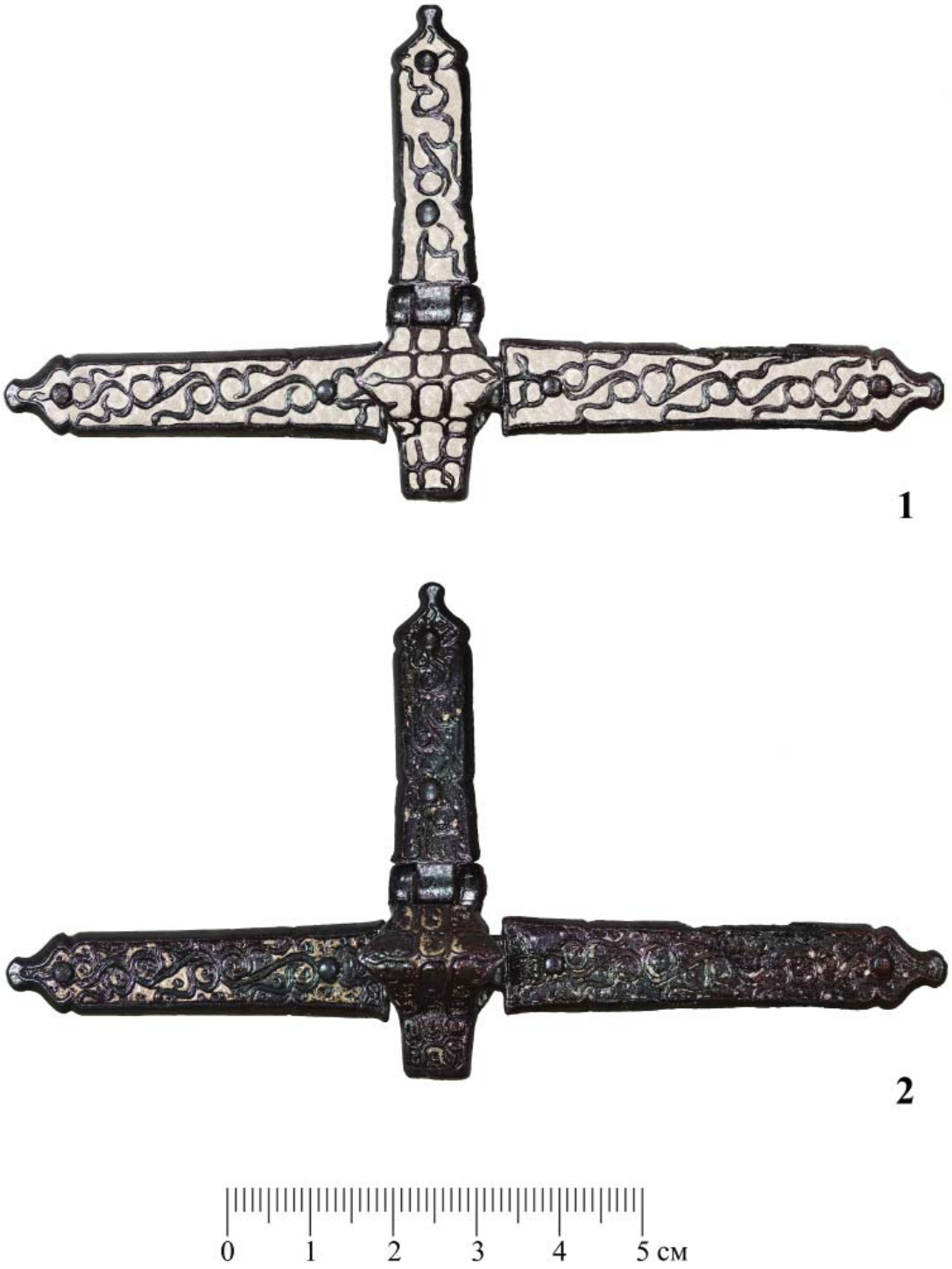


Рис. 1. Распределитель ремней из кургана 4 могильника Шигрей: 1 – реконструкция первоначального облика; 2 – состояние после реставрационных работ

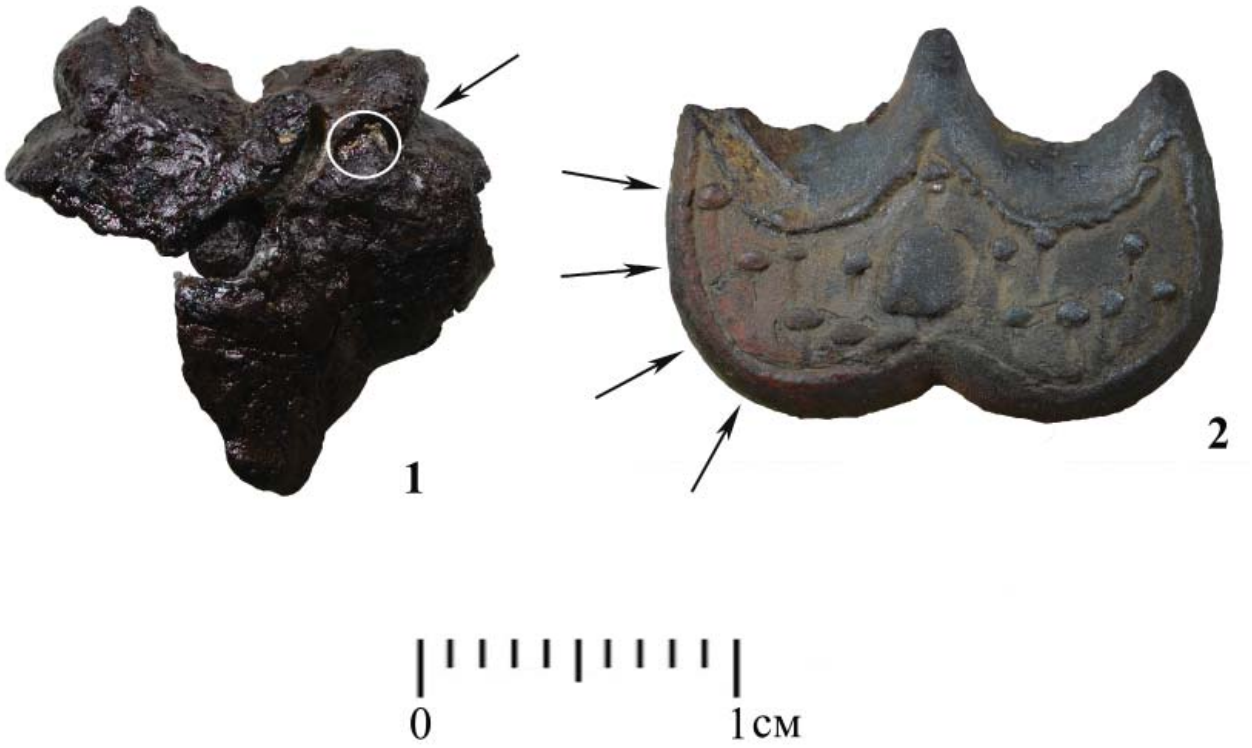


Рис. 2. Изделия из кургана 4 могильника Шигрей со следами пребывания в погребальном костре: 1 – накладка с каплями серебра, стекшими на неё с инкрустированного предмета; 2 – изделие с красноватым слоем окалины

Рис. 3. Предметы из кургана 4 могильника Шигрей после реставрационно-консервационных работ: 1 – накладка «геральдической» формы с поверхностью, приобрётшей металлический блеск; 2 – круглая накладка, покрытая слишком толстым слоем акриловой смолы; 3 – накладка с участками слоя акриловой смолы, расчищенными для проведения элементного анализа металлов

УДК. 902.01, 903.02

АНАЛИЗ КОЛЛЕКЦИИ ХУМОВ ТАШКЕРМАН-ТЕПЕ

©2019 г. А. Ж. Торениязов

В статье «Анализ коллекции хумов Ташкерман-тепе», описываются и анализируются одна категория керамического материала, как хозяйственные сосуды хумы. Анализ собранного материала за годы исследования в данном объекте позволяет выделить несколько хронологических групп сосудов этой категории. В статье впервые приводятся типологический анализ, описываются технология изготовления и формовка хумов с Ташкерман-тепе.

Ключевые слова: Ташкырман тепе, керамика, хумы, типология, технологические свойства, хронологическая классификация.

За годы исследования Ташкырман-тепе со стороны Каракалпакско-Австралийской археологической экспедиции (Ягодин, 1996, с. 101–103; Helmsetal, 1997. pp. 43–65; Helmsetal, 2001. pp. 119–144; Helmsetal., 2002. pp. 19–21; Беттс, 2005, с. 84–88) был собран относительно большой керамический материал. Большой, поскольку содержит достаточно большое количество фрагментов сосудов (в основном стенок), относительно, потому что коллекция ташкырманской керамики весьма бедна формами. Самой многочисленной категорией археологических сосудов, представленной в ташкырманской керамической коллекции, являются хумы (см. табл. 1). Всего было учтено 3027 фрагментов керамических сосудов, из которых хумов 1834 фрагмента или 61,5% от общего количества керамики Ташкырман-тепе.

Методы исследования

Исследование проводилось в несколько последовательных шагов. На первом этапе в программе MS Excel была создана таблица, заглавиями колонок которой являлись признаки, которые учитывались при анализе керамики (табл. 2). При заполнении таблицы учитывалось несколько групп признаков.

1) Группа признаков «Адрес» в эту группу колонок вносилась информация о том, в каком году производились раскопки и из какого памятника происходит фрагмент. Здесь также описывалось место находки и слой, в котором найден фрагмент, а также инвентарный номер, согласно коллекционной описи.

2) Группа признаков «Часть сосуда». Здесь указывались морфологические данные рассматриваемого фрагмента, а именно к какой части сосуда принадлежит фрагмент (венчик, шейка, плечо, стенка, днище).

3) Группа признаков «Метрика». Здесь указывались метрические данные рассматриваемых фрагментов, а именно (диаметр венчика, толщина стенок).

4) Группа признаков «Технология». В эту группу вошли признаки технологического описания фрагментов керамики, которые доступны при визуальном осмотре, а именно (качество обжига, наличие примесей и их вид).

5) Группа признаков «Оформление». В эту группу вошли признаки описания эстетического оформления сосудов, а именно наличие или отсутствие ангоба и его цвет.

После того, как таблица была заполнена, на основе формально-типологического метода, на основе формы сечения венчиков были выделены типы венчиков хумов[1], которые также были внесены в таблицу. Венчики были зачерчены и из них были составлены таблицы типов венчиков.

Часть значений, вносимых в таблицу, шифровались. Расшифровку значений см. в таблице 3.

Одним из первых работ, посвященных стремлению реконструировать формы артефактов по фрагментам, стал труд М.П. Грязнова, где исследователь применил метод проецирования для реконструкции форм сосудов. (Грязнов, 1946, с. 306–318). Графическая работа с керамикой проводилась после завершения камеральной обработки материала. Венчики зачерчивались следующим образом. С помощью специального шаблона определялся диаметр венчика сосуда. Затем на стандартном листе бумаги форматом А-3 чертились опорные горизонтальная (№

[1] В силу того, что анализируемый материал сильно фрагментирован, типологическая систематизация проводилась на основе формы венчиков, при этом автор осознает, что такая типология не может объективно отражать реальное типологическое деление хумов Ташкырман-тепе.

1) и вертикальная (№ 2) линии (рис. 1: А). Опорная линия № 1 на чертеже играет роль геометрического центра сосуда в двухмерной плоскости чертежа. От нее откладывается в левую сторону дистанция, равная 50% диаметра сосуда. Так, если диаметр венчика сосуда 30 см, то от опорной линии № 1 откладывается 15 см. В этом месте зачерчивается профиль венчика. Опорная линия № 1 должна быть строго перпендикулярна опорной линии № 2. Это необходимо для экстраполяции контура зачерченного профиля венчика на правую сторону от опорной линии № 1. Если Опорные линии взаимно не перпендикулярны, то сосуд получится ассиметричным. Как правило, венчики сосудов имеют уклоны внутрь сосуда или же, наоборот, наружу. Для правильной передачи на чертеже уклона венчика используется следующий подход в зачерчивании. Профиль венчика чертится с использованием инструмента «профиль мастер». При измерении диаметра венчика, венчик переворачивается таким образом, чтобы его верхняя часть касалась поверхности стола. Затем выбирается самое устойчивое положение венчика. В таком положении к венчику, к его внешней, самой выступающей плоскости приставляется прямоугольная линейка. Затем определяется дистанция между внешней плоскостью венчика и основанием линейки (рис. 1: Б). Допустим, эта дистанция составляет 5 см. Далее, на расстоянии 5 см друг от друга, на чертеже чертятся две параллельные вспомогательные вертикальные опорные линии, которые должны быть строго перпендикулярны опорной линии № 2. Теперь, нанося на чертеж контур внешней поверхности венчика, надо проследить, чтобы внешняя плоскость венчика и его самая выступающая часть соприкасались со вспомогательными опорными линиями. Далее, такие же опорные вспомогательные линии устанавливаются на правой половине чертежа и контуры венчика из левой половины переносятся с помощью «профиль мастера», либо с помощью кальки. При соблюдении этих правил чертеж получается симметричным и с минимальными искажениями.

При зачерчивании керамики использовались следующие инструменты. *Баянет* – используется для определения диаметра венчиков или стенок сосудов (рис. 2). *Штангенциркуль* – используется для измерения толщины венчиков и стенок сосудов (рис. 3: 3). Кронциркуль – используется для определения толщины стенок сосудов или венчиков в тех случаях, когда произвести измерение штангенциркулем невозможно, например, когда сосуд целый (рис. 3: 1). *Профиль-мастер* – инструмент, позволяющий графически точно передать контур сосуда. Используется для начертания профилей сосудов или частей сосудов (рис. 3: 2).

Типология. Изучение коллекции хумов Ташкырман-тепе как подъемной, так и происходящей из культурных слоев изучаемого археологического объекта, позволило расчленить ее на три большие хронологические группы, которые отражают динамику функционирования Ташкырмана.

Первая группа – хумы и хумчи[2] архаического периода (VI–V вв. до н. э.). Происходит главным образом из слоев предшествующих началу строительства Ташкырман-тепе. Встречаются и в слоях с более поздними керамическими формами, но занимает там вторичное положение. Находки единичны. В силу этого эта группа сосудов не вносилась в базу данных и не подвергалась анализу. Отметим лишь, что имеющиеся в коллекции венчики хумов имеют довольно ранний облик и находят аналогии в материалах из городища Кюзели-гыр – это манжетовидные подтреугольные в сечении венчики (Воробьева, 1959, рис. 2: 19, 32, с. 71). Диаметр хумов по краю венчика достигал 40–42 см. (рис. 4: 10–11).

Хумчи в ташкырманской коллекции представлены подтреугольными в сечении венчиками, различающимися различной профилировкой наружной поверхности и степенью отгиба края. Диаметр по краю от 26 до 36 см (рис. 4: 1–9). Сосуды с аналогичной формой венчиков известны по материалам городища Кюзели-Гыр (Воробьева, 1959, рис. 2: 19, 32, с. 71).

Вторая группа – хумы Кангюйского периода (IV в. до н. э.– I в. н. э.).

Данная группа керамики представлена в коллекции 382 фрагментами стенок и венчиков хумов, что составляет 20,8% от общего числа хумов Ташкырман-тепе и 12,6%

[2] В данной работе автор счел необходимым рассматривать хумы и хумчи как одну категорию сосудов, не разделяя их типологически, поскольку хумчи древнего Хорезма, как известно по наблюдениям исследователей, морфологически и функционально идентичны хумам и отличаются от них лишь абсолютными размерами.

от общего числа керамической коллекции Ташкырмана.

Происходит из слоев подстилающих стены, либо из слоев связанных с возведением стен платформы. Находки сравнительно малочисленны. Практически все фрагменты кангюйских форм встречаются вместе с более поздними формами, что говорит об их вторичном положении в слоях.

Почти весь материал состоит из фрагментов стенок, но есть и диагностичные формы – венчики (рис. 5: 1–4). В ходе изучения по венчикам были выделены 4 типа сосудов.

Тип 1. Судя по фрагменту, эти сосуды имели валикообразный в сечении, слегка наклонный внутрь сосуда, посаженный на короткую шейку венчик. По шейке сосуд огибал слабо выраженный рельефный валик. Место перехода шейки в тулово выражалось слабым уступом. Диаметр венчика по краю – 40 см. Толщина стенок – 2–2,4 см.

Близкие по форме венчика сосуды известны по материалам раскопок городища Кой-крылган-кала, где они происходят из наслоений нижнего горизонта (Кой-крылган-кала, 1967. табл. I: 3, с. 314).

Тип 2. Сосуды этого типа имели наклонный внутрь подпрямоугольный в сечении венчик, посаженный на короткую шейку, выделяющуюся бороздой, проведенной до обжига под венчиком и огибающей сосуд. Диаметр колеблется 38 до 40 см.

Аналогичные по форме венчика сосуды известны по материалам раскопок нижнего горизонта городища Кой-крылган-кала (Воробьева, 1959, рис. 9: 19, с. 93).

Тип 3 представлен сосудами, имеющими округлые в сечении валикообразные венчики, под которыми сосуд огибает неглубокая борозда, проведенная до обжига. Диаметр 36–38 см.

Аналогичные по форме венчика сосуды известны по материалам раскопок нижнего горизонта городища Кой-крылган-кала (Кой-крылган-кала, 1967, табл. VIII: 16–15, с. 321).

Тип 4. В коллекции имеются единственный фрагмент одного типа этого класса сосудов. Сосуды этого типа, судя по фрагменту, имели подквадратный в сечении венчик, короткую коническую шейку, отделенную от узких плечиков хорошо выраженным рельефным валиком (рис. 5: 2). Диаметр по краю венчика – 30 см. Толщина стенок – 1,3 см. Аналогичной формы известны по материалам нижнего горизонта Кой-крылган-кала, где они происходят из помещений внешнего кольца застройки (Кой-крылган-кала, 1967, рис. 49: 9, с. 114).

В коллекции хумы также представлены фрагментами стенок (рис. 5: 5–7). Свойства глины, из которой были сформованы сосуды, отличаются высоким качеством выделки. Тесто тщательно промешано и отмучено. Обжиг горновой, окислительный, равномерный. Черепок звонкий, в изломе красного цвета. Сосуды покрывались светлым розоватого оттенка ангобом, поверх которого расписывались закрученными в спирали лентами, нанесенными красно-коричневой ангобной краской.

Подобные сосуды бытовали в раннекангюйский период и известны по материалам нижнего горизонта Кой-крылган-кала (Кой-крылган-кала…, 1967, табл. I: 4–5, с. 314). Представляется, что ташкырманские хумчи расписывались более широкими лентами, это хорошо видно на имеющихся фрагментах.

Технологические свойства

Сосуды кангюйского времени изготавливались из тщательно промешанной и отмученной глиняной массы. Осмотр кангюйской керамики показал, что при выделке глиняной массы в тесто добавлялись различного вида примеси (табл. 4). Как видно из таблицы, 47,2% кангюйских хумов Ташкырмана содержало примеси виде белесых частиц, скорее всего гипса. В 28,6% черепков зафиксировано отсутствие каких-либо видимых включений.

Наличие таких видов шамот и дресва, скорее всего явление случайное. Об этом говорит количество наблюдений подобных примесей (табл. 4).

Кангюйские хумы Ташкырман-тепе обжигались в горнах при окислительном режиме. Черепки, как правило, кирпично-красного цвета. Отмечено, что качество обжига кангюйских хумов Ташкырман-тепе оставалось не «на высоте». Из 382 наблюдений в 211 случаях (55,2%) обжиг оказался неравномерным. У оставшихся 171 фрагментов обжиг равномерный.

Метрические параметры. По нашим наблюдениям толщина стенок кангюйских хумов колебалась от 1 до 4 см, что в среднем составляет 2,3 см. В коллекции имеются 15

венчиков, диаметр которых колеблется от 30 до 42 см, что в среднем составляет 37,2 см.

Третья группа – хумы Кушанского времени (I–IV вв. н. э.).

Данная группа керамики представлена в коллекции 1452 фрагментами стенок и венчиков хумов, что составляет 79,1% от общего числа хумов Ташкырман-тепе и 47,9% от общего числа керамической коллекции Ташкырмана.

Кушанская керамика связана, главным образом, с наслоениями помещений и дворов, располагающихся на платформе. Материал фрагментирован. В основном это стенки сосудов или фрагменты днищ. Венчиков обнаружено лишь 74 штуки. Они то и послужили основой типологической систематизации хумов Ташкырман-тепе.

Представление о форме тулова ташкырманских хумов дает археологически целый сосуд из южной части памятника, где были вскрыты длинные ряды хумов. Судя по восстановленному сосуду, ташкырманские хумы имели боченковидное тулово с покатыми плечиками и выпуклым дном (рис. 6).

На основе морфологического анализа венчиков хумов выделено 3 типа хумов.

Тип 1. Представлен 11 венчиками (рис. 7: 1–4). Это сосуды, имевшие подпрямоугольные, иногда подквадратные в сечении, наклонные внутрь и всегда четко выделяющиеся от шейки венчики. Подобные сосуды известны по материалам Кой-крылган-калы (Воробьева, 1959, рис. 27: 31, с. 126), и Ток-кала (Гудкова, рис. 9: 4–5, с. 37–39), где они датируются II–III вв. н. э.

Тип 2. Представлен 11 экземплярами венчиков (рис. 7: 5–8). Это наклонные внутрь вытянутые валикообразные венчики, внешняя плоскость которых слегка вогнутая. У некоторых венчиков четко фиксируется переход в шейку. Аналогичные сосуды известны по материалам Топрак-кала (Воробьева, 1959, рис. 35: 29, с. 158) и Кой-крылган-кала (Воробьева, 1959, рис. 27: 32, с. 126), где они датируются II–III вв. н. э.

Тип 3. Представлен 9 экземплярами венчиков (рис. 7: 9–12). Этот тип венчиков отличается от первых двух большей массивностью и округлостью и четкой границей между венчиком и шейкой сосуда. Аналогичные сосуды известны по материалам среднего и верхнего горизонтов Кой-крылган-кала (Кой-крылган-кала…, 1967, табл. VIII, 1, с. 321), и Куня-Уаз (Воробьева, 1959, рис. 32: 24, с. 147).

Технологические свойства

Изучение технологических свойств керамических сосудов дает возможность сделать некоторые выводы относительно техники изготовления и проследить изменения в технике изготовления в разные хронологические периоды развития гончарного ремесла.

Вопросы изучения техники изготовления сосудов древнехорезмийских сосудов уже рассматривались в работе М.Г. Воробьевой (Воробьева, 1959, с. 173–188), С.Б. Болелова (Болелов, 1999, с. 87–88). Мы тоже попытались сделать подобный анализ по Ташкырманской керамике. Анализ сводился к визуальной фиксации наличия ангоба и его цвета, характер обработки поверхности сосудов, качества обжига, наличие отощающих примесей и.т.д.

Основным объектом исследования явилась самая многочисленная категория сосудов – хумы. Причем рассматривались лишь хумы кушанского времени, поскольку сосуды других хронологических периодов в Ташкырманской коллекции малочисленны.

Кушанские хумы Ташкырман-тепе изготавливались из хорошо промешанной глиняной массы с добавлениями разного рода примесей. В таблице 5 демонстрируется виды примесей, зафиксированные при осмотре фрагментов кушанских хумов Ташкырмана. Как видно из таблицы, наиболее часто используемый вид отощителя в глиняном тесте хумов является БП (белесые включения). Далее по уменьшению частоты наблюдения стоят БВП, БВШ, П, ПШ и Ш. Остальные виды отощителя, судя по частоте встречаемости, видимо имели случайный характер. В целом результаты анализа не противоречат ранее высказанному исследователями, что в кушанское время крупные сосуды, такие как хумы и хумчи стали выделываться из менее тщательно приготовленной глиняной массы (Воробьева, 1959, с. 193). Тесто промешивалось хуже, в глину добавлялся крупно дробленный отощитель. Однако нами зафиксировано, что в 16,5% осмотренных фрагментов хумов (241 фрагмент) не имели какие-либо примеси, т.е. невооруженным взглядом какие-либо примеси не зафиксированы.

Формовка хумов. Точный метод формовки хумов Ташкырман-тепе по имеющимся материалам установить не удалось. М.Г. Воробьева описала метод, согласно кото-

рому формовка античных хумов Хорезма производилась комбинированным способом. На гончарном круге формовались отдельные элементы сосуда (венчик, плечики, тулово, дно), а затем, уже вручную, эти части сосуда соединялись. Тулово, в зависимости от абсолютного размера сосуда, могло состоять из 3–4 частей-поясов (Воробьева, 1959, рис. 40: 1, с. 184–185). Имеющиеся материалы не позволяют говорить формовались ли пояса на гончарном круге или вручную, однако они позволяют говорить как соединялись пояса между собой. В коллекции имеются фрагменты, глядя на которые можно понять каким образом, соединялись пояса. Края поясов обрабатывались особо. Краям придавалась волнистость, так, чтобы выпуклая часть входила в вогнутую, а в противоположенных (лицевой у одной части, внутренней у другой) сторон отдельных поясов делались уступы, а края сводились на нет (рис. 8.). При таком соединении верхняя часть пояса краем упиралась в уступ нижней, а нижняя своим краем – в уступ верхнего пояса.

Аналогичный метод по сей день используется мастерами производящими тандыры. Метод формовки тандыров (печи для выпечки хлеба) был опубликован И.М. Джаббаровым (Джаббаров, 1959, рис. 8–9, с. 395–396) Нами этнографически зафиксировано использование подобного метода при производстве тандыров в Чимбайском районе Республики Каракалпакстан. Его использует мастер Кадыров Усен, узбек, 1967 г. р., проживающий в г. Чимбае по улице А. Турымбетова. Он формует пояса вручную. После того как сформован пояс на нем устанавливается второй (рис. 9: 1–6). Соединение поясов заглаживается и трамбуется с помощью инструментов, которые он называет *топпан* (рис. 9: 9). Затем сверху наращивается новый пояс (рис. 3: 9, 7). Самый верхний пояс формируется как устье тандыра и образует венчик (рис. 9: 8). Внутреннюю и наружную поверхность мастер обрабатывает жидкой глиной, заглаживая таким образом пористость поверхностей изделия. Просушка тандыров происходит на солнце около недели (Полевая запись, 2010).

Обработка наружной поверхности. Поверхность кушанских хумов при формовке, как правило, заглаживалось руками или пучком травы (рис. 8). Следы такой обработки несут 85% кушанских хумов Ташкырман-тепе. Помимо заглаживания, поверхность сосудов покрывалась ангобом. 83,8% учтенных фрагментов хумов имели ангобное покрытие. По цвету ангобного покрытия весь массив изучаемого материала можно разделить на четыре группы. Первую группу, самую многочисленную, составляли сосуды облицовывавшиеся белым ангобом различных оттенков – 47,0%. Вторую по численности группу составляли сосуды, покрывавшиеся розовым ангобом – 30,9%. Третья группу, самую малочисленную, составляли красноангобированные сосуды – 4,20%. Четвертая группа выделена условно. В нее вошли сосуды, наличие или отсутствие ангоба у которых, определить не удалось. Таких в коллекции 16,8%.

Обжиг сосудов производился в гончарных горнах. Обжиг, как правило, неравномерный. Температурный режим не выдерживался, отчего черепок прожигался неравномерно. Равномерный обжиг зафиксирован только лишь на 32 фрагментах, что составляет 2,20%. Цвет черепка в изломе у большинства фрагментов (33,3%) красновато желтый по краям и в 29% желтовато-коричнево-серый в центре.

Исходя из вышеуказанных данных исследований в коллекции хумов Ташкырман тепе удалось выделить три хронологических групп, была предпринята попытка восстановить ход формовки хумов по этнографическим материалам. Была создана статистическая и систематическая база данных хумов по качественным и количественным признакам керамического материала.

ЛИТЕРАТУРА

Беттс А.В.Г., Ягодин В.Н., Ходжаниязов Г.Х. Археологические изыскания 2004 года в древнем Ташкырманском оазисе // Вестник ККО АН РУз. 2005. №5. С. 84−88.

Болелов С.Б. Некоторые итоги археологических работ на Хумбузтепа // ОНУ. 1999. №9-10. С. 85−90.

Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма /ТХАЭЭ. Т. IV. / Под ред. С.П. Толстова и М.Г. Воробьёвой. М.: Наука, 1959. С. 63−220.

Грязнов. М.П. Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам // СА.1946. №8. С. 306−318.

Джаббаров И.М. Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма // Керамика Хорезма / ТХАЭЭ. Т. IV. / Под ред. С.П. Толстова и М.Г. Воробьёвой. М.: Наука, 1959. С. 379−397.

Кой-крылган-кала памятник культуры древнего Хорезма (IV в. до н.э.−IV в. н.э.) / ТХАЭЭ, Т. V. / Отв. ред. С. П. Толстов, Б. И. Вайнберг. М.: Наука, 1967. 348 с.

Полевая запись №1, Чимбайский район, май 2010 г.

Ягодин В.Н., Хелмс С.У., Ходжаниязов Г.Х. О работах Ташкырманской Международной археологической экспедиции 1995 г. // Вестник ККО АН РУз. 1996. №3. С. 101−107.

Helms S.W., Yagodin V.N. 1997. Excavations at Kazakl'i-Yatkan in the Tash- Tash-Ki'rman oasis of ancient Chorasmia: a preliminary report. *Iran*., (35), 43-65

Helms, S.W., Yagodin, V.N., Betts, A. V. G., Khozhaniyazov, G. and Kidd, F. 2001. Five seasons of excavations in the Tash-k'irman oasis of ancient Chorasmia, 1996–2000. An interim report', *Iran* (39), 119−144.

Helms S.W., Vagodin V.N., Betts A.V.G., Khozhaniyazov G., Negus M. 2002. The Karakalpak-Australian Excavations in Ancient Chorasmia the Northen Frontier oflhe "Civilised" Ancient World. *Ancient Near Eastern Studies.* 39, 3−43.

Информация об авторе:

Торениязов Азизхан Жиенбаевич. Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан, докторант 2 г.о. (г. Нукус, Республика Каракалпакстан, Узбекистан); azizkhan.86@mail.ru

ANALYSIS OF THE HUMS COLLECTION OF TASHKERMAN-TEPE

A. Z. Toreniyazov

The article "Analysis of the Hums Collection of Tashkyrman-Tepe" features a description and analysis of such category of ceramic material as household vessels - hums. An analysis of the material collected over the years of studies and the site allows to identify several chronological groups of this category of vessels. The article presents the first typological analysis and description of the technology of manufacture and molding of the hums from Tashkyrman-Tepe.

Keywords: Tashkyrman Tepe, ceramics, hums, typology, technological properties, chronological classification.

About the Author:

Toreniyazov Azizkhan Z. Doctoral Candidate of 2 years. Karakalpak Research Institute of Humanititarian Sciences of the Karakalpak branch of Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Amir Temur Ave., 179A, Nukus, 230100, Republic of Karakalpakstan, Uzbekistan; azizkhan.86@mail.ru

Таблица 1.

Год	Хумы	Горшки	Кувшины	Миски	Неопределенные	Всего по годам
1997	291	0	0	0	191	482
1999	276	2	9	0	216	503
2000	495	3	1	0	188	687
2001	586	22	109	16	274	1007
2002	186	11	41	7	103	348
Всего	1834	38	160	23	972	3027
Процент от общего количества керамики в коллекции	60,58%	1,26%	5,29%	0,76%	32,11%	100%

Таблица 2.

Фрагмент таблицы базы данных по хумам Ташкырман-тепе

Год	Инв.	Раскоп	Помещение.	Траншея	Слой	Часть сосуда	Тип	Диаметр	Толщина макс.	Толщина мин.	Ангоб	Обжиг	Примеси	Культура
1997	2	01		01	004	стенка			2,2		БРО	НР	БВ	КШН
1997	3	01		01	004	стенка			2,2		БРО	НР	ПБВ	КШН
1997	4	01		01	004	стенка			2,4		БРО	НР	ПБВ	КШН
1997	5	01		01	004	стенка			2,1		Б	НР	БВШ	КШН
1997	6	01		01	004	стенка			2		БРО	НР	БВ	КШН
1997	7	01		01	004	стенка			2,1		Б	НР	БВ	КШН
1997	11	01		01	004	стенка			1,9		БРО	НР	ПБВ	КШН
1997	12	01		01	004	стенка			2,9	2,2	Б	НР	БВ	КШН
1997	13	01		01	004	стенка			2,2		БРО	НР	ПШМ	КШН
1997	16	01		01	004	стенка			2,3		Б	НР	ПБВ	КШН
1997	17	01		01	004	стенка			1,8		НПР	НР	ПБВ	КШН
1997	19	01		01	004	стенка			2,6		КК	НР	БВ	КШН
1997	23	01		01	004	венчик	3	34	4		БРО	НР	ПШМ	КШН
1997	24	01		01	004	стенка			1,9		Б	НР	БВ	КШН
1997	25	01		01	004	стенка			2,3		Р	НР	БВ	КШН
1997	26	01		01	004	стенка			2,1		БРО	НР	ПБВ	КШН
1997	27	01		01	004	днище			2,7	2,1	БРО	НР	БВ	КШН
1997	28	01		01	004	стенка			1,6		К	НР	БВ	КШН
1997	29	01		01	004	стенка			3,1		НПР	НР	БВДШ	КШН

Таблица 3.

Значения поля «Ангоб»			**Значения поля «Обжиг»**			**Значения поля «Примеси»**	
Б	Белый		НР	Неравномерный		**БВ**	Белесые включения
БЖО	Белый желтого оттенка		Р	Равномерный		**БВД**	Белесые включения, дресва
БРО	Белый, розового оттенка					**БВДП**	Белесые включения, дресва, песок
БЗО	Белый зеленоватого оттенка					**БВДШ**	Белесые включения, дресва, шамот
З	Зеленый					**БВП**	Белесые включения, песок
К	Красный					**БВШ**	Белесые включения, шамот
КК	Красно-коричневый					**БВШДП**	Белесые включения, шамот, дресва, песок
Р	Розовый					**БВШП**	Белесые включения, шамот, песок
НПР	Наличие ангоба неопределяется					**БезВП**	Без видимых примесей
						ДШ	Дресва, шамот
						П	Песок
						ПД	Песок, дресва
						ПДШ	Песок, дресва, шамот
						ПШ	Песок, шамот
						Ш	Шамот

Таблица 4.

Вид примеси		ЯБ	ЯБД	ЯБДШ	ЯБП	ЯБШ	ЯБШП	Без ВП	ДШ	П	ПШ	Ш
Количество		180	11	1	38	16	5	109	1	13	6	1
Процент		47,2	2,8	0,2	9,9	4,1	1,3	28,6	0,2	3,41	1,5	0,2

Таблица 5.

Вид примеси	Количество	Процент
ЛВ	340	23,4
ЛВД	16	1,10
ЛВДП	4	0,27
ЛВДШ	11	0,75
ЛВП	245	16,8
ЛВШ	223	16,0
ЛВШДП	1	0,06
ЛВШП	38	2,61
Без ВП	241	16,5
ДШ	1	0,06
П	157	10,8
ПД	6	0,41
ПДШ	3	0,20
ПШ	115	7,92
Ш	28	1,92

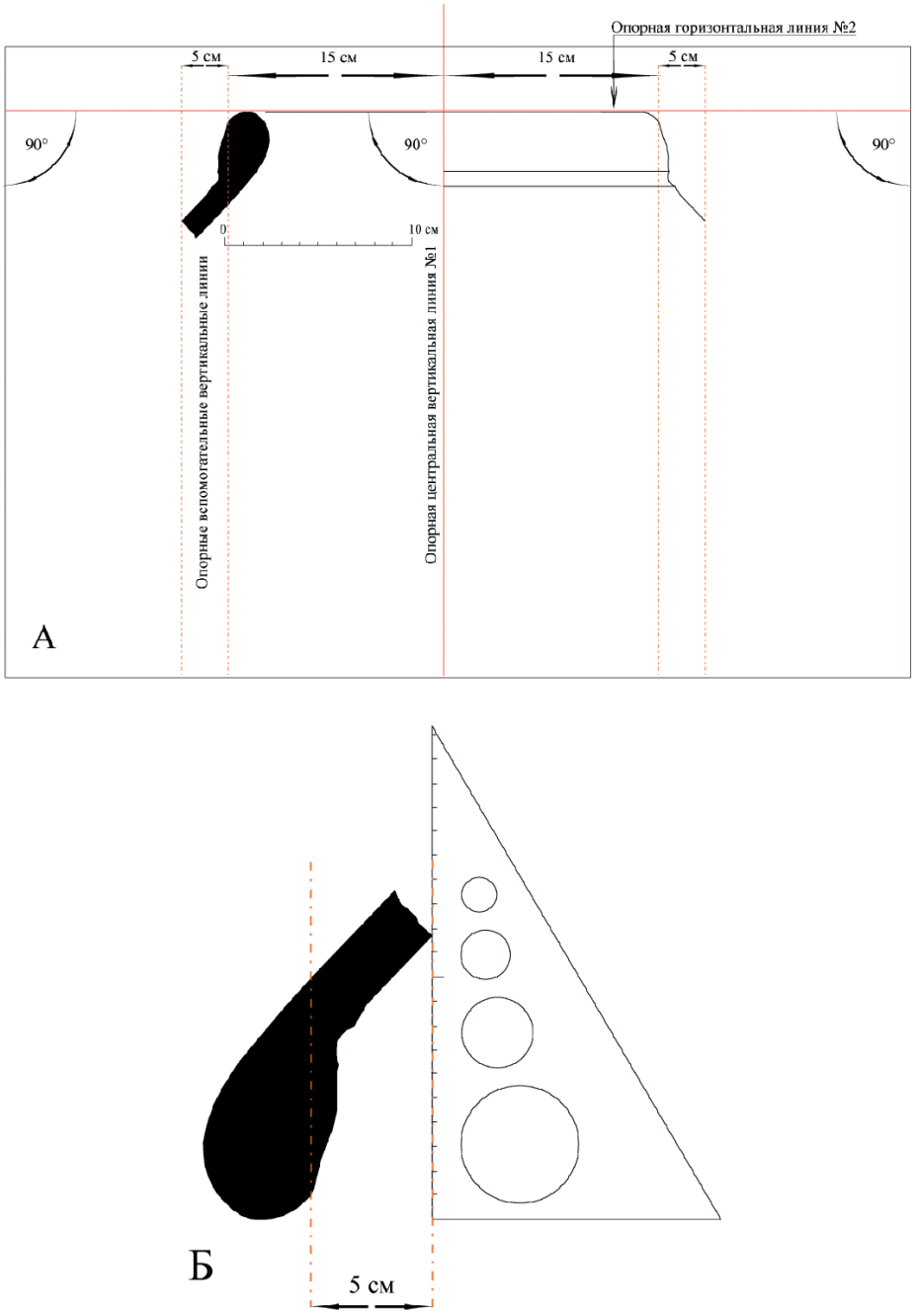


Рис. 1. Черчение профиля венчика сосуда

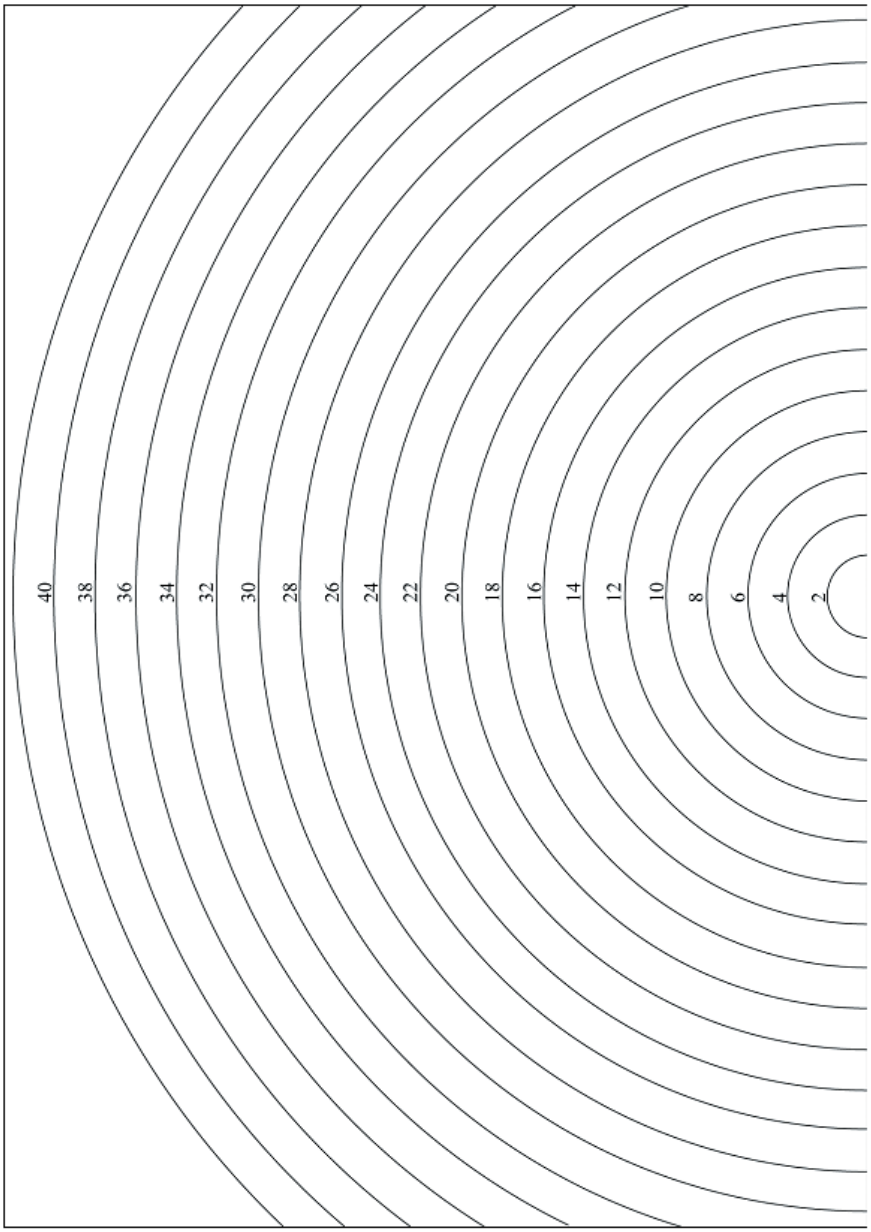


Рис. 2. Шаблон для определения диаметра сосуда

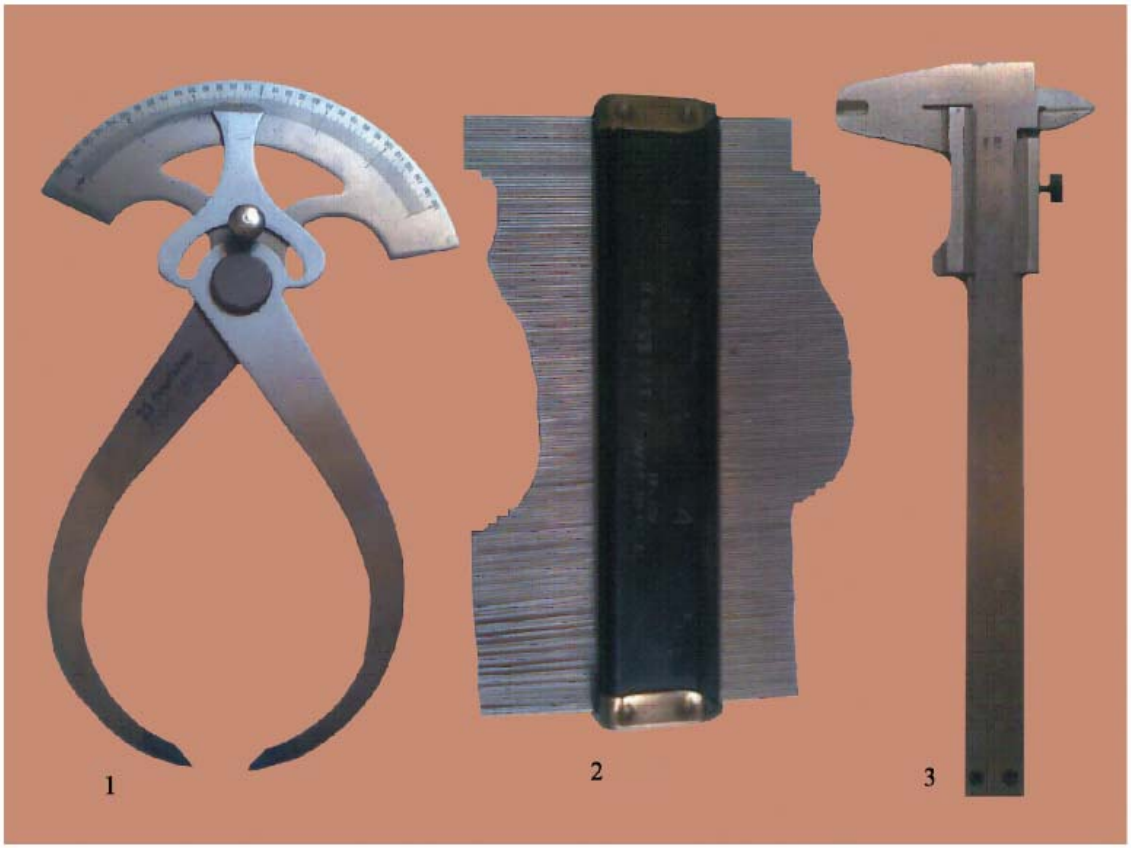


Рис. 3. Инструменты для черчения керамики.

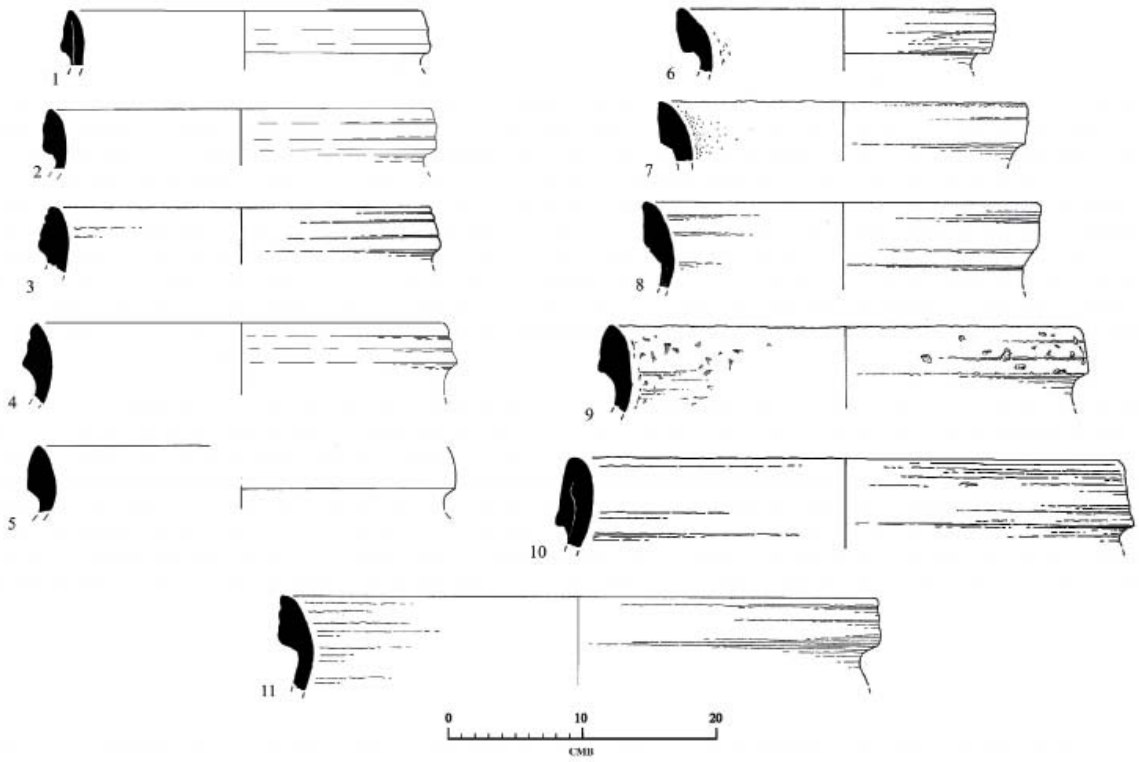


Рис. 4 Переотложенная и подъемная керамика архаического периода (VI-V). 1-9 – хумчи; 10-11 – хумы

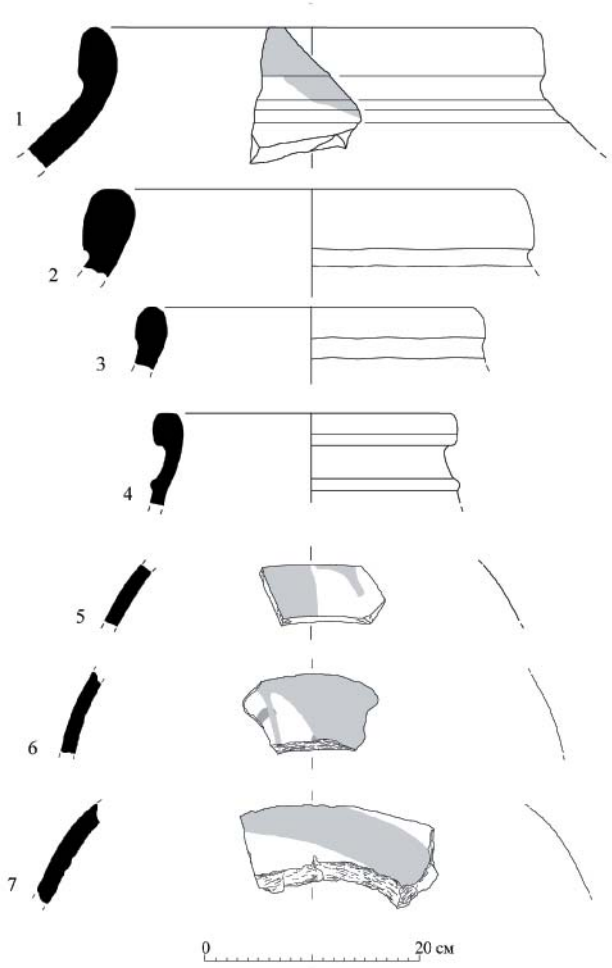


Рис. 5. Раннекангюйская керамика IV-III вв. до н.э. 1-3, 5-6 – хумы; 4 - хумча

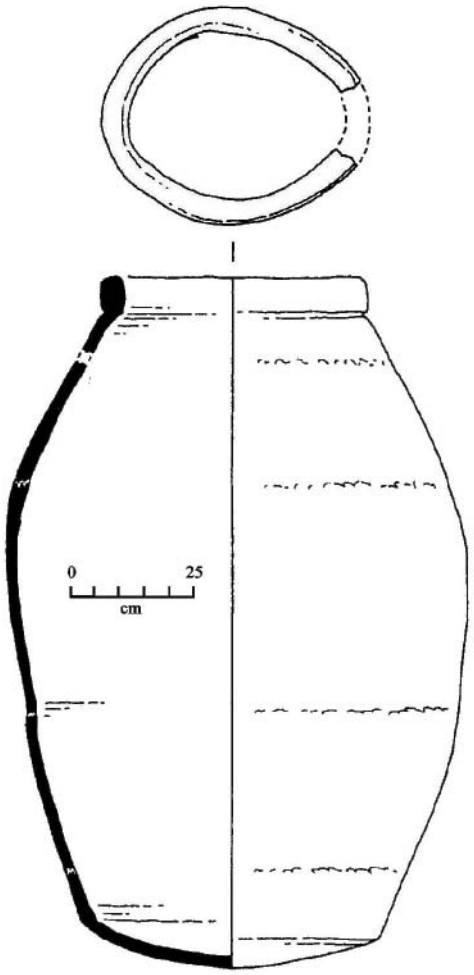


Рис. 6. Археологический целый хум кушанского периода I-IV вв. н.э.

Рис. 7. Хумы кушанского периода I-IV вв. н.э

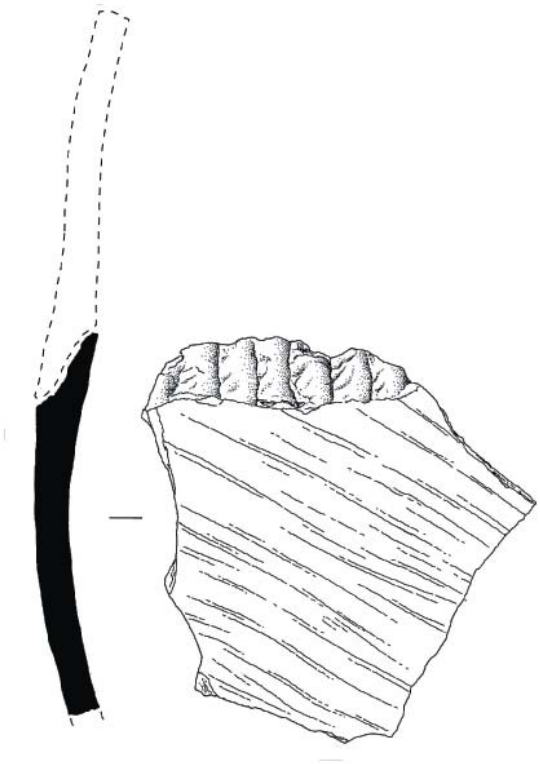


Рис.8. Фрагмент хума. Место соединения поясов. Без масштаба.

Рис. 9. Процесс формовки тандыров.

УДК 902/904

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РЕМЕСЛЕННЫМ КОМПЛЕКСАМ ПО ОБРАБОТКЕ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА СТАРАЯ РЯЗАНЬ

©2019 С.О. Троицкий

В статье рассмотрены комплексы, связанные с бронзолитейным и ювелирным делом, которые были найдены при исследованиях Старой Рязани. Особый акцент сделан на не обобщённых до этой работы данных из раскопок Северного городища. На основании их датировки, локации, сопутствующих находок объяснён ремесленный характер Северного городища на закате Старой Рязани, а также высказана гипотеза, объясняющая близкое расположение мастерских к деревянным укреплениям. Сделаны общие выводы о новых материалах по бронзолитейному делу Старой Рязани и его уровне развития в кон. XII в. -1237 г.

Ключевые слова: цветной металл, ремесло, Старая Рязань, городище, клад, мастерская, ювелирное дело, средневековье

Старая Рязань – некогда столица Рязанского княжества, как и все древнерусские города, являлась центром сосредоточения разного рода ремесел, которые развивались и эволюционировали с течением времени. Среди этих ремесел немаловажную часть, как можно судить из находок по всей площади памятника, занимало производство изделий из цветных металлов.

Материалы по обработке цветных металлов и комплексов, с ней связанных, из раскопок XIX – середины XX в. были обобщены А.Л. Монгайтом в фундаментальном труде «Старая Рязань» (Монгайт, 1955, с. 132–153). С тех пор эта область не затрагивалась достаточно широко последующими исследователями.

В связи с получением важных и интересных данных из раскопок, проведенных на Северном городище Старой Рязани в 1994–2016 гг. возникла необходимость в обобщении материала, относящегося к бронзолитейному делу. При этом в исследовании не затрагиваются вопросы, касающиеся состава сплавов и технологии производства, что является более фундаментальной задачей и станет следующим шагом в изучении этого ремесла. Основное внимание уделено топографии находок, связанных с производственным процессом. Новизна настоящего исследования – обобщение и интерпретация материала, полученного в ходе последних исследований 1994–2016 гг. Для этого необходимо выполнить следующие задачи: выявить и локализовать имеющиеся находки из раскопок Северного городища, связанные с обработкой цветных металлов, привязать их к вероятным местам размещения производственных комплексов, по возможности сделать выводы об особенностях их месторасположения.

В ходе многолетних исследований городища Старая Рязань выделился определенный набор признаков, позволяющих идентифицировать наличие следов бронзолитейного и иных производств, связанных с обработкой цветных металлов. В первую очередь, стоит отметить мастерские, т.е. помещения со специальным оборудованием. В раскопе они обычно читаются как печи или их остатки, они могут сопровождаться остатками несущих конструкций. Ко второй категории можно отнести инструментарий мастера: льячки, тигли, разнообразные инструменты: ювелирные молоточки и наковаленки, резцы, напильники, клещи-кусачки, волочильные доски, пинцеты, а также своеобразная категория инструментария – ювелирные матрицы и литейные формы. В третью категорию можно выделить заготовки и полуфабрикаты для поделок: фольга, проволока, пластины, слитки металла. В четвертую выделяются отходы производства: шлаки, оплавки, бракованные изделия, скопления угля и золы у печей или за пределами мастерских.

Ввиду невозможности без специального анализа всегда с достаточно высокой степенью достоверности дифференцировать бронзу, латунь и медь, а также из-за совершенной идентичности методов обработки цветных металлов на всех этапах производства в

данной работе на одном уровне будут рассматриваться комплексы, связанные с обработкой всех видов цветных металлов и их сплавов.

На протяжении длительной истории изучения Старой Рязани были обнаружены несколько объектов, которые можно связать с ювелирным ремеслом и литьем, последующей обработкой цветных металлов. Чтобы сделать исследование всесторонним, я счел необходимым включить в статью и эти материалы.

В 1950 г. в 5-ом раскопе (Северное городище) А.Л. Монгайтом были обнаружены полуземлянки № 28 и № 29, которые являлись жилищем и мастерской ремесленника. Здесь найдены слитки олова, фрагменты медных пластин, медная стружка. Особенно интересны находки узких и тонких медных полосок, предназначенных для изготовления накосников –традиционного мордовского украшения. Таким образом, как отмечает автор исследования, перед нами – яркий пример работы мастера на заказ для людей, живших не менее чем в 250 км от Старой Рязани (Монгайт, 1955, с. 139).

В 1970–1978 гг. в раскопе № 13 Южного городища Старой Рязани В.П. Даркевичем была обнаружена и исследована усадьба «А», так называемая «усадьба литейщика». В мастерской обнаружен богатый ассортимент находок, напрямую связанных с литьем цветных металлов (фрагменты ложковидных льячек и тиглей, обрезки листовой бронзы, маленькие серебряные и медные слитки, а также находки, позволившие определить ассортимент продукции мастера: крестики, заклепки, незавершенные застежки). Помимо мастерской в составе этой усадьбы были обнаружены следы явно жилого помещения, в которой мастер занимался холодной обработкой металла (найдено большое количество обрезков медной проволоки и фрагментов бронзовых пластин, аморфные кусочки металла). Весь комплекс стратиграфически и по составу находок датируется концом XII в. – 1237 г. (Даркевич, 1995, с. 150–155). Перед нами – яркий пример целиком исследованного старорязанского комплекса, напрямую связанного с обработкой цветных металлов.

С 1994 г. начинается новый этап в изучении Старорязанского городища и большое внимание сосредотачивается теперь на Северном городище – участке памятника, заселенном с наиболее ранних этапов жизни города и даже после Батыева погрома 1237 г. (Стрикалов, 2005, с. 36). Около столетия в XI–XII вв. эта часть поселения была центральной частью города, и здесь возникла развитая фортификационная система, которая не исчезла и с возникновением огромного Южного городища и просуществовала до XIII в. (Даркевич, 1995, с. 89–91, рис. 53). Эта линия укреплений протянута в южной части Северного городища с северо-востока на юго-запад (рис. 1).

В 1998–2004 гг. раскопками в юго-западной части Северного городища (28 раскоп) под руководством А.В. Чернецова был вскрыт значительный участок жилой площадки размером почти в 500 кв. м с примыкающим к нему участком вала Северного городища. Особенно интересно сказать об усадьбе, которая на позднем этапе своего существования стала местом, где найдены следы литейного производства (находки: обломки тиглей, литник медного сплава, шлаки). Важно отметить, казалось бы, парадоксальный факт: усадьба, на которой размещалось пожароопасное производство, расположена вплотную к деревянным укреплениям Северного городища. Комплекс датирован последним этапом жизни усадьбы, т.е. конец XII в. – 1237 г. (Стрикалов, 2005, с. 66) (Стрикалов, Чернецов, 2012, с. 33) (локация усадьбы отмечена на рис. 1 цифрой «1»).

В 2010 г. были начаты раскопки на одном из участков, находящихся в зоне существующей застройки. На так называемом 42 раскопе были обнаружены 2 ювелирные матрицы, ювелирный пинцет и другие предметы ремесла. Эти находки удалось привязать к одному из расположенных рядом комплексов с печью. Весь комплекс достоверно датируется началом XIII в. (Стрикалов, 2011, с. 33).

В 2011–2017 гг. на Северном городище проводились исследования еще одного крупного участка, примыкающего к валам: раскопа 40, расположенного в восточной части Северного городища. В 2013 г. на шестом участке раскопа 40 была обнаружена сенсационная находка – клад ювелирных изделий, их заготовок и материалов для будущих изделий. Клад получил порядковый номер «17» и был интерпретирован как «клад ювелира». Уникальность клада заключается не только в том, что он включал набор женских серебряных украшений, серию каменных крестов, часть из которых не была завершена, но и такие артефакты, как золотая фольга, большое количе-

ство ювелирных матриц, слитки из золота и серебра, серебряная с позолотой с внутренней стороны лента, скрученная в кольцо (Стрикалов, 2014, с. 23–26). При последующих исследованиях прилегающего к кладу участка был обнаружен еще ряд ювелирных матриц, которые, по всей вероятности, находились в верхней части клада и были перемещены плугом при распашке. «Шлейф» матриц протянулся на 5–6 м от места сокрытия клада в южном направлении (Стрикалов, Чернецов, 2015, с. 202–203). Сам клад был помещен у могильной ямы, в ногах покойника (Стрикалов, Чернецов, 2015, с. 202). Судя по всему, клад принадлежал мастеру-ювелиру, который спрятал его в декабре 1237 г. во время нашествия Батыя (Стрикалов, 2014, с. 23).

Можно предположить, что мастер спрятал клад в могилу кого-то из своих родственников, руководствуясь соображениями сохранить его таким образом. Интересен факт, что рядом с кладом был положен наконечник стрелы эпохи каменного века – «перунова стрелка» или, она же, «громовая стрелка» (Стрикалов, 2014, с. 25). Вероятно, это какой-то пережиток языческих мировоззрений.

Исследованное на раскопе 40 кладбище, как и другие городские некрополи второй половины XII – XIII вв. Старой Рязани, являются, вероятно, локальными, т.е. уличанскими. На основании этого факта можно высказать гипотезу, что усадьба ювелира, спрятавшего клад, находилась где-то неподалеку, также в зоне, близкой к оборонительным сооружениям Северного городища. При этом сама усадьба пока что не найдена и это предстоит сделать в ходе дальнейших исследований Северного городища (Место находки клада отмечено на рис. 1 цифрой 3. На рис. 2 вы можете увидеть несколько ювелирных матриц из вышеупомянутого клада № 17).

Таким образом, мы можем выделить как минимум три комплекса, связанных с бронзолитейным производством и ювелирным делом, открытых в ходе последних исследований на Северном городище Старой Рязани. Как установлено, найденные комплексы относятся к последнему этапу жизни города как столицы княжества – концу XII в. – 1237 г. Присутствие ремесленных комплексов этого времени на Северном городище подтверждает высказанное еще В.П. Даркевичем предположение о том, что с появлением и заселением Южного городища (занимает около 85% площади городища Старая Рязань) старые городские районы, в их числе и Северное городище, становятся периферийными (Даркевич, 1995, с. 92) и где сохраняется именно ремесленный характер населения.

С другой стороны, усадьбы расположены вблизи и вдоль линий укреплений, которые выступали важным планировочным фактором развития города (Даркевич, 1995, с. 91). Все упомянутые выше ремесленные комплексы расположены очень близко к деревянным городским укреплениям. Этот факт требует специального анализа. Вероятно, объяснение кроется в этапах развития городских укреплений. Можно предположить, что в какой-то момент стены Северного городища были разобраны и в период существования пожароопасных производств вдоль нынешних валов угроза пожара отсутствовала. Это согласуется с летописными данными о том, что в 1208 г. Рязань была взята Всеволодом Большое Гнездо в ходе рязано-суздальской войны. Итогом покорения Рязани стала ликвидация фортификационных укреплений города (ПСРЛ, Т. 25, с. 107). После этого укрепления Северного городища, в отличие от Южного, вероятно, были восстановлены лишь в символическом виде. Если по всему периметру Южного городища прослежены следы грандиозного пожара зимы 1237 г., то на исследованном участке стен Северного городища следов пожарища нет (Стрикалов, 2005, с. 51). Это может быть объяснено только отсутствием деревянных укреплений в период штурма города, что, вероятно, и позволило активно использовать участок городской территории, защищенный валами на месте бывших укреплений под развитие пожароопасных производств, в том числе и обработки цветных металлов.

Таким образом, можно предположить, что в начале XIII в. у подножия валов Северного городища Старой Рязани начал развиваться ремесленный район, связанный с обработкой цветных металлов и ювелирным производством. Но его развитие, как и всего города было остановлено монгольским разгромом 1237 г., после которого начался упадок Старой Рязани.

ЛИТЕРАТУРА

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М.: Круг, 1995. 448 с.

Монгайт А.Л. Старая Рязань / МИА. №49. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 228 с.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 25, М. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 464 с.

Стрикалов И.Ю. Отчет о работе Старорязанской археологической экспедиции на городище Старая Рязань в 2013 году/ Научная библиотека ИА РАН, 2014

Стрикалов И.Ю. Отчет о работе Старорязанской археологической экспедиции на территории городища Старая Рязань в 2010 году/ Научная библиотека ИА РАН, 2011.

Стрикалов И.Ю. Северное городище. Стратиграфия и планиграфия // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 36−89.

Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В. Новые находки ювелирных матриц из Старой Рязани // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 202−206.

Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В. Работы Старорязанской экспедиции в 1994–2010 гг. (хроника исследований) // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур / Отв.ред. Беляев Л. А. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2012. С. 16–55

Информация об авторе:

Троицкий Серафим Олегович, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва, Россия); hunterduck333@gmail.com

NEW INFORMATION ON THE CRAFT COMPLEXES RELATED TO THE PROCESSING OF FERROUS METALS FROM THE EXCAVATIONS OF STARAYA RYAZAN SETTLEMENT

S. O. Troitsky

The article “Analysis of the Hums Collection of Tashkyrman-Tepe” features a description and analysis of such category of ceramic material as household vessels - hums. An analysis of the material collected over the years of studies and the site allows to identify several chronological groups of this category of vessels. The article presents the first typological analysis and description of the technology of manufacture and molding of the hums from Tashkyrman-Tepe.

Keywords: Tashkyrman Tepe, ceramics, hums, typology, technological properties, chronological classification.

About the Author:

Troitsky Serafim O. Russian State University for the Humanities. Miusskaya Sq. 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation; hunterduck333@gmail.com

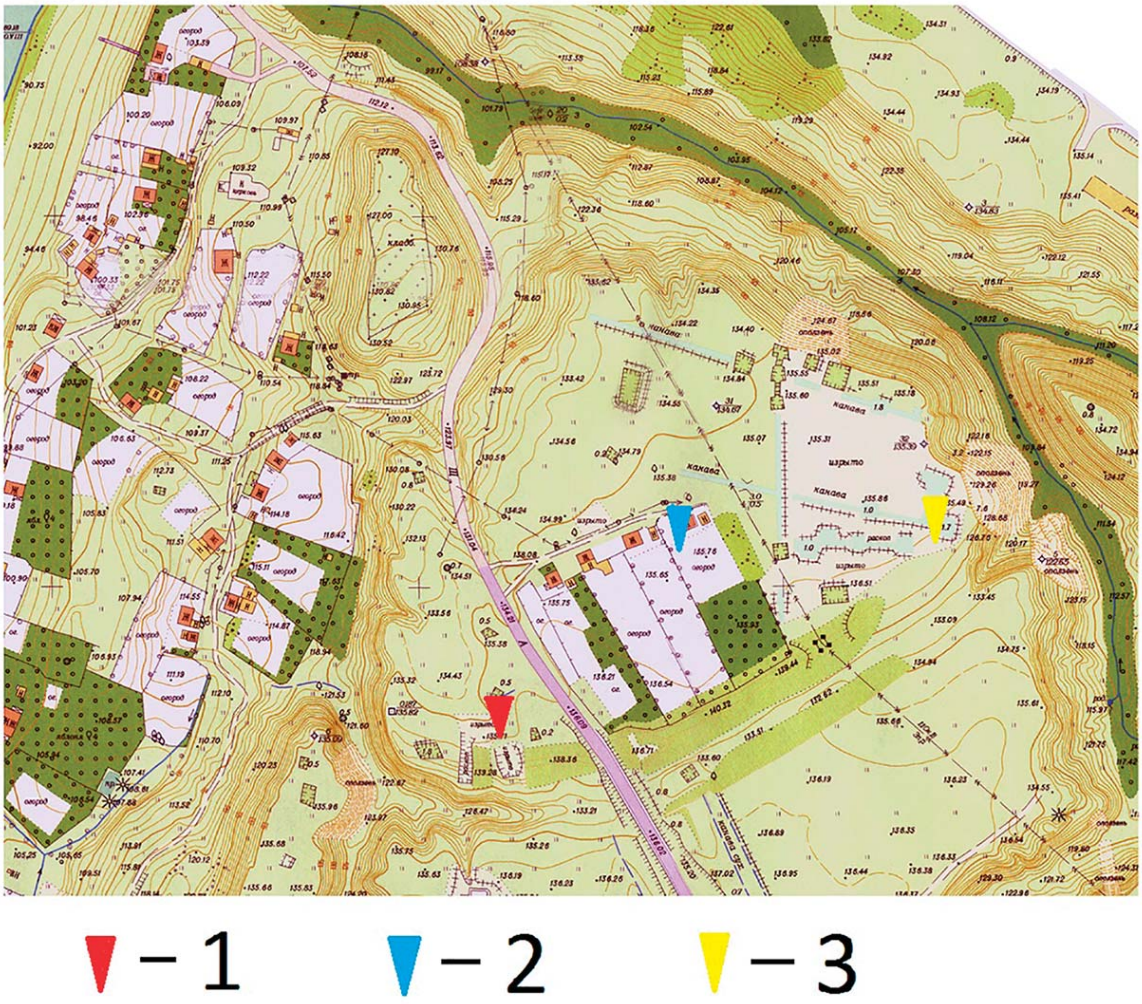


Рис. 1 Расположение комплексов по обработке цветных металлов (1,2) и клада (3) на Северном Городище Старой Рязани. (из личного архива Стрикалова И.Ю.)

Рис. 2 Образцы ювелирных матриц из состава «клада ювелира», найденного в Старой Рязани в 2013 году. (из личного архива Стрикалова И.Ю.)

УДК 902

О РАННЕМ ИМПОРТЕ В МАТЕРИАЛАХ БИЛЯРСКОГО ГОРОДИЩА (НА ПРИМЕРЕ КЕРАМИКИ ТИПА «САРИ»)

© 2019 г. Р.Р. Утягулова

В данной работе рассматриваются следы раннего импорта домонгольской поливной керамики типа «Сари» на территории Билярского городища. Все рассматриваемые фрагменты были обнаружены в 44 раскопе, в центральной части внутреннего города, который начал исследоваться в 2015 году.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, средневековье, Билярское городище, поливная посуда, ранний импорт.

В домонгольский период Волжская Булгария активно занималась международной торговлей, существенную часть которой составляли связи со странами Востока. Билярское городище, будучи столицей Волжской Булгарии, концентрировало основные материальные богатства. Наиболее часто предметом импорта становилась поливная посуда.

Количество находок поливной керамики, по предварительным материалам за 2015–2016 гг., обнаруженных в ходе работ на 44 раскопе, не превышает 283 экземпляров, что составляет 0,45% от всех найденных фрагментов посуды, из которых импортного производства 66 фрагментов (Утягулова, Шакиров, 2017, с. 113–117).

Вся поливная керамика в основном приходится на вторую половину XI – начало XIII в. Но существуют и следы более раннего импорта. К таким относятся ближневосточная керамика, так называемая керамика типа «Сари». Все три фрагмента с 44 раскопа, рассматриваемые в данной работе имеют в основе светло-коричневую глину, а также располагаются в сооружении 22 А, на 11 пласте. Это сооружение интерпретируется как подпольная яма, и предположительно датируется первой половиной XII в. Среди индивидуальных находок с сооружения 22А, имеются фрагменты лепных крышек, датированных X–XI вв.

Чаши типа «Сари» имеют коническую форму и небольшой полый поддон (Curatola, 2007: 65, 173). Фрагменты из 44 раскопа имеют характерные элементы декора для керамики типа «Сари».

Фрагмент стенки (далее в тексте фрагмент 1) (рис. 1: 1) 6,1×2,3×1,2 см, на внешней стороне имеется ангоб с подтеками бесцветной глазури. На внутренней поверхности наблюдается роспись по ангобу темно-коричневой краской, поверх украшен белыми вкраплениями. Так же использованы зеленая и краска кирпичного цвета.

Фрагмент венчика (рис. 1: 2) 3,9×3,6×0,5 см. Внешняя сторона ангобирована, по ангобу имеется роспись темной краской с неравномерным покрытием бесцветной глазурью. Внутренняя сторона расписана белой краской, коричневой и краской кирпичного цвета.

Фрагмент венчика (рис. 1: 3) 6,0×5,7×0,5 см. Внутренняя поверхность покрыта ангобом. На внешней полихромная роспись по белому ангобу покрытая бесцветной глазурью.

Такая специфичная технология нанесения декора характерна для керамики типа «Сари» (Sariwares). Такое название тип керамики получил в честь города Сари в Северном Иране. Чаши Сари датируются в пределах X–XI вв. (Ильясов, Ильясова, 2013, с. 100–101). Но доказательств изготовления керамики типа «Сари» в одноименном городе нет. Новые археологические данные показывают, что возможно центрами производства этого типа посуды явились мастерские города Гурган, на юго-востоке Каспийского побережья, где во время раскопок 1970-х были обнаружены бракованные изделия с аналогичной технологией нанесения декора.

В керамике типа «Сари» обязательным элементом является фигура пышной, центральной птицы. Контур птицы подчеркнут точками белого ангоба. Так же обязательным элементом керамики Сари является так называемые медальоны или, как их называют в западноевропейской литературе, «леденцы», контур которых тоже обведен точками белого ангоба (Watson, 2005, p. 243).

Но важно отметить, что в данную группу керамики входят не только изображения птиц,

но и другие зооморфные изображения, выполненные в той же стилистической манере.

Тема ближневосточной поливной керамики на памятниках Среднего Поволжья уже была затронута С.И. Валиулиной. Ей был проведен химический анализ глазури и глиняной основы нескольких фрагментов керамики типа «Сари» с территории Билярского городища (Валиулина, 2017, с. 625–638).

На территории Билярского городища изображение целой птицы или другого животного, выполненное в данной стилистике, не обнаружено.

Фрагмент 1 (рис. 1: 1) вполне может относиться к афрасиабской керамике. Для такого типа керамики большое значение имеет цветопостроение. Так, при росписи использовали черную краску или темно-коричневую, для ослабления строгости на темный фон клали белую краску, так же для придания яркости использовали красный оттенок. Не редко дополняли зелено-фисташковым цветом (Ташходжаев, 1967, с. 69). Открытые чаши афрасиабской керамики середины (второй половины) X в., обычно украшали радиальной композицией с заполнением фона штриховкой или точками в тонком контуре (Шишкина, 1979, с. 59).

Таким образом, наличие на городище фрагментов поливной керамики X–XI вв., происходящей из Средней Азии и Северного Ирана, говорит о ранних торговых связях. Но не стоит говорить о налаженных постоянных отношениях, единичный материал дает повод утверждать, что это были лишь разовые поставки в столицу.

ЛИТЕРАТУРА

Валиулина С.И. Ближневосточная поливная керамика рубежа X-XI и XI вв. в памятниках Среднего Поволжья // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X−XVIII вв. / под ред. С. Г. Бочарова [и др.]. Казань: Б.и.; Кишинев: Stratum Plus: Университет «Высшая антропологическая школа», Т. 2, 2017. С. 625−638.

Ильясов Дж.Я., Ильясова С.Р. Чаша // Классическое искусство исламского мира. Девяносто девять имен Всевышнего / Сост. кат. Г. Ласикова. М.: Изд. дом Марджани, 2013. С. 100–103.

Ташходжаев Ш.С. Художественная поливная керамика Самарканда IX – начала XIII вв. Ташкент: Фан, 1967. 155 с.

Утягулова Р.Р., Шакиров З.Г. Поливная керамика Билярского городища (предварительный анализ материалов раскопа 44) // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы XI Всероссийского научно-практическая конференции молодых ученых / Отв. ред. Э.В. Камалеев. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2017. С. 113−117.

Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. (вторая половина VIII - начало XIII в.) Ташкент: Фан, 1979. 74 с.

Curatola G. 2006. Persian Ceramics from the 9th to the 14th century. Milan: Skira.

Watson O. 2005. Ceramics from the Islamic lands. Kuwait national museum. The al-sabah collection. London: Thames and Hudson.

Информация об авторе:

Утягулова Римма Римовна. Казанский (Приволжский) Федеральный университет (г. Казань, Россия); rim9593@yandex.ru

EARLY IMPORT IN THE MATERIALS OF BILYAR SETTLEMENT (ON THE EXAMPLE OF THE "SARI" TYPE OF CERAMICS)

R. R. Utyagulova

The work considers the traces of early imports of the "sari" Pre-Mongol type of glazed ceramics discovered at the excavations of Bilyar settlement. All studied fragments were discovered at excavation 44 located in the central part of the inner city, which has been investigated since 2015.

Keywords: archaeology, Volga Bolgaria, Middle Ages, Bilyar settlement, glazed ceramics, early imports.

About the Author:

Utyagulova Rimma R. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya str., 18, Kazan, 420008, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; rim9593@yandex.ru

Рис. 1. Фрагменты раннего импорта поливной посуды Билярского городища

УДК 902/904

НОВЫЙ ИРРИГАЦИОННЫЙ РАЙОН В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

© 2019 г. О.А. Хамидов

Древняя Бактрия в эпоху поздней бронзы и раннего железа разделялась на несколько оазисов и ирригационных районов. На юге Узбекистана, т.е. в Северной Бактрии, было организовано несколько археологических экспедиций узбекско-чешских археологов, в которых участвовал автор. В результаты были выявлены: ирригационный канал, несколько памятников, курганов и петроглифов. В научный оборот вводится новый ирригационный район.

Ключевые слова: Бактрия, Кучук I, ирригационный район, микрооазис, ранний зороастризм, “ката”, дахма.

По общепринятому понятию «Северная Бактрия» обозначает Южный Узбекистан, «Северо-восточная Бактрия» – Южный Таджикистан, «Южная Бактрия» – Северный Афганистан, «Восточная Бактрия» – западную часть Афганистана, т.е. горный Бадахшан (Lyonnet, 1997, p. 192; Amiet, 1989, p. 137–138; Сагдуллаев, 1982, с. 229–234; Шайдуллаев, 2000).

Во второй половине II тыс. до н. э. в южных областях Средней Азии, а так же в Бактрии произошли существенные экономические и культурные перемены. С одной стороны, шел процесс проникновения скотоводов на территорию дашли-сапаллинской культуры, с другой стороны, под влиянием чустской культуры возникли такие памятники, как Кучуктепа и Кизылтепа. Как известно, в Средней Азии эти культуры именуются по-разному, но они очень схожи и близки по материальному облику.

Исследования последних лет показывают, что памятники периода Кучук I на территории орошаемого земледелия составляли незначительный процент и занимали небольшую площадь этих земель. Ни один памятник этой эпохи на территории Бактрии нельзя отнести к группе крупных. Население эпохи Кучук I начало вести оседлый образ жизни небольшими группами в местах, удобных для земледелия, они переняли традиции строительства монументальных сооружений, характерные для архитектуры культур Сапалли и Дашли. Этот же процесс произошел и со строительством жилья на высоких платформах.

До сих пор не найдены могилы вновь возникших культур (Сагдуллаев, 1990). Нам кажется, это связано с распространением традиций раннего зороастризма. Отсутствие гончарных станков в периоде Кучук I оценивается как отказ от передовых технологий. Наблюдения показывают, что население, осевшее в земледельческих районах, в силу значительных этнических, религиозных и бытовых отличий от местных жителей предпочитало собственные устоявшиеся традиции. Это связано с этническими процессами и формированием новых религиозных мировоззрений. По нашему мнению, отсутствие в эпоху Кучук I монументальных храмов, похожих на сапаллинские, связано с непринятием пришлого населения религиозных убеждений коренного населения.

Качество и разнообразие форм керамических изделий сапаллинской и других культур показывают, что гончарным ремеслом занимались только специализированные группы – керамисты. А в эпоху культуры Кучуктепа каждое отдельное поселение имело свое гончарное ремесло. Поэтому керамические изделия этой эпохи были просты по форме и низкого качества.

Памятники эпохи Кучук I расположены на предгорных равнинах, вдоль русел маленьких рек. Характерным признаком этих памятников является постепенное сокращение их площадей. Появляются первые в истории народов Средней Азии цитадели, окруженные оборонительными стенами. В основном это однослойные памятники, от некоторых до нашего времени дошли лишь следы хозяйственных помещений с предметами той эпохи, другие имели до трех строительных периодов. Мощность культурных слоев памятников эпохи Кучук I составляет 1,2–3,6 м (Сагдуллаев, 1989, .8).

Памятники, которые исполняли роль центра земледельческой области в эпоху Кучук I и в последующие исторические периоды (т.е. в эпоху культуры Древней Бактрии), потеряли свое политическое значение, так как географически располагались вдоль небольших рек. И наоборот, памятники, расположенные вдоль крупных рек, в эпоху культуры Древней Бактрии разрослись, образовав новые политические центры. Примером такого развития может служит памятник Джандавлаттепа, возведенный у Шерабаддарьи, и Хаитобадтепа и расположенный у реки Сурхандарьи (Аскаров, Альбаум, 1979; Сарианиди, 1977; Сагдуллаев, 1987; Шайдуллаев, 2000; Сверчков и др., 2013).

Здесь представлены два характерных компонента культуры этой эпохи: мощная платформа из сырцового кирпича (Кучуктепа, Тиллятепа) и расписная керамика ручной лепки (Аскаров, Альбаум, 1979; Сарианиди, 1972; 1976; 1977).

Основными изученными памятниками являются поселение Кучуктепа, Тиллятепа и Бандихан. Кучук I представляет собой местный вариант культуры яздепинского типа. Ш. Шайдуллаевым предлагалось более дробное стратиграфическое членение кучуктепинских материалов (Кучук IA, IБ).

Своеобразием древнебактрийского локального варианта этой культуры является полное отсутствие серой лощеной керамики и ряд особенностей в мотивах росписи (контурные треугольники, наличие фигур животных). Также характерны бронзовый листовидный наконечник стрелы с прожилкой посередине пера и наличие каменных серпов типа чустской культуры Ферганы.

Судя по результатам работ, проведенных на памятниках Северной Бактрии, традиционной метрополии раннеземледельческой культуры, памятники с материалами типа Кучук I либо располагались на поселениях эпохи бронзового века, и тогда соответствующие слои четко перекрывали более ранние напластования (Джаркутан, Бандихан I), либо формировались на ранее необжитой территории (Кучуктепа, Миршади).

Узбекско-чешская экспедиция за последние годы кроме археологических раскопок на городище Джандавляттепа занималась составлением археологических карт Шерабадского района. В результате чего общее число памятников достигло 200.

Самые результативные работы велись в предгорном районе Кугитангтау, т.е. между кишлаками Зарабаг, Кайрит и Карабаг (Stančoetall. 2016, p. 86–111; Stančoetall. 2014, p. 31–41).

Силами Узбекско-чешской археологической экспедиции в Шерабадской древнеземледельческой области открыт новый Зарабагский ирригационный район (микрооазис) (Augustinovaetall, 2015, p. 262–281). В нем очень хорошо сохранились остатки древнего канала длиной до 4 км, шириной до 5 м, берущего свое начало от Добилсая. В новом Зарабагском микрооазисе зафиксировано девять памятников раннего железного века с мощными культурными слоями (Бургуткала, Кайрит I–VII) и более 20 развеянных сезонных памятников с керамикой периода Яз-I, т.е. с лепной расписной керамикой. Также на склонах Кугитангтау отмечено сотни курганов, сложенных из каменных булыжников диаметром до 12 метров. Из них 27 курганов непосредственно расположены в Зарабагском микрооазисе.

В новом микрооазисе на 175 естественных гладких черных камнях отмечены петроглифы. На них изображены животные, геометрические знаки, космогонические рисунки, колесницы, которые характерны для раннего железного века Средней Азии (Augustinová, Stančo, 2016, p. 122–138).

Во время полевых сезонов 2015–2019 гг. были проведены археологические раскопки в поселении Бургуткала. По стратиграфическому шурфу уточнено, что памятник имеет два строительных горизонта. Судя по керамике оба периода относятся ко времениЯз-I – Кучук I. По результатам планиграфических раскопок, проведенных на трех участках памятника, можно сделать первичные выводы. Этот памятник имеет форму овала диаметром 75 м. Он окружен каменной стеной толщиной до 1,5 м.

Внутренняя планировка поселений больше всего характеризуется ранней зороастрийской традицией. Во дворе отмечен круглый алтарь, вокруг которого сложены каменные сиденья, напоминающие зороастрийскую церемонию «веста». А впритык к обводной каменной стене построена маленькая квадратная комната (2,6×2,5 м) без дверей, на полу которой сложена керамика, упоминаемая в Видевдате «ката» (Авеста «Закон против дэвов» (Видевдат), 2008, с. 157–161).

Узбекско-чешская международная экспедиция также проводила раскопочные работы в одном из каменных курганов. В результате чего под камнями не было обнаружено никаких погребальных сооружений. Поэтому мы в ходе раскопок пришли к первичному выводу, что в раннем периоде зороастризма бактрийцы строили для каждого умершего отдельную дахму. А потому большое количество курганов, зафиксированных в поймах Кугитангтау, вовсе не курганы, а дахмы. Об этом свидетельствует найденный керамический сосуд, расположенный в первом ряду каменных сооружений раскопанного кургана, который, видимо, играл роль сопровождающего инвентаря.

ЛИТЕРАТУРА

Авеста “Закон против дэвов” (Видевдат). Адаптированный перевод, исследование и комментарии Э.В. Ртвеладзе, А.Х. Саидова, Е.В. Абдуллаева. СПб, 2008. 301 с.

Аскаров А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Ташкент: Фан, 1979. 139 с.

Сагдуллаев А.С. Заметки о раннем железном веке Средней Азии // СА. 1982. №2. С. 229−234.

Сагдуллаев А.С. К изучению культовых и погребальных обрядов юга Средней Азии эпохи раннего железа / Древняя и средневековая археология Средней Азии / Отв. ред. З. И. Усманова. Ташкент: Фан, 1990. С. 29−38.

Сагдуллаев А.С. Оседлые области на юге Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально экономическая динамика). Автореф. дис. ... д..ист.наук. М., 1989. 45 с.

Сагдуллаев А.С. Усадьбы Древней Бактрии. Ташкент: Фан, 1987. 127 с.

Сарианиди В.И. Исследования памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. Материалы 1969-1973 гг. М.: Наука, 1976. С. 21−86.

Сарианиди В.И. Раскопки Тилля-тепе в северном Афганистане. Вып. I. М.: Наука, 1972. 97 с.

Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг., М., 1977.

Сверчков Л., Син У., Бороффка Н. Городище Кизылтепа (VI-IV в. до н.э.): новые данные // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах Том III. К юбилею Эдварда Васильевича Ртвеладзе / Гл. Ред. М.Д. Бухарин. М.: ООО «Издательство “Собрание”», 2013. С. 31−74.

Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент: Фан, 2000. 119 с.

Amiet, P. 1989. Elam and Baktria In Ligabue, Giancarlo, Carl C. Lamberg-Karlovsky (eds). Bactria: An Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan. Venezia: Enrizzo, 125−140.

Augustinová A., Stančo L.,Shaydullaev Sh., Mrva M. 2015. Archaeological survey in micro-oasis Zarabag (South Uzbekistan): preliminary report for season 2015. *Studia Hercynia.* XIX. 1-2, 262–281.

Augustinová A., Stančo, L. 2016. The Petroglyphs of Pashkhurt Valley in the Surkhan Darya Province (South Uzbekistan) – Preliminary Report. *Studia Hercynia*, XX/2, 122−138.

Lyonnet B. 1997. Ceramique et peuplement du chalcolitique a la conquete arabe. (Prospections archeologiques en Bactriane orientale (1974-1978). Soes La direction de Jean-Claude Gardin. V.2). Paris.

Stančo L. 2016. Archaeological Survey in the Surroundings of Kayrit (South Uzbekistan), Preliminary Report for Season 2015. *Studia Hercynia*, XX/2., 73–85.

Stančo L.,Shaydullaev Sh.,Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J., Kysela J., Shaydullaev A., Khamidov O., Havlík J., Tlustá J. 2016. Preliminary Report on the Excavations at Burgut Kurgan in 2015. *Studia Hercynia.* 2016. XX/2, 86–111.

Stančo L., Shaydullaev Sh., Bendezu-Sarmiento J., Pažout A., Vondrová H. 2014. Kayrit burial site (south Uzbekistan): preliminary report for season 2014. *Studia Hercynia.* XVIII/1–2, 31–41.

Информация об авторе:

Хамидов Одилжон Абдувохидович, докторант Института археологических исследований имени Я. Гулямова Академии наук Республики Узбекистан (г. Самарканд, Узбекинстан); odiljon-21@mail.ru

NEW IRRIGATIONAL REGION IN NORTHERN BACTRIA OF THE LATE BRONZE AND EARLY IRON AGES

O. A. Khamidov

In the Late Bronze and Early Iron Ages, Ancient Bactria was subdivided into several oases and irrigational regions. A series of archaeological expeditions to South Uzbekistan, i.e. Northern Bactria, in which the author participated, were organised by Uzbek-Czech archaeologists. The following has been revealed as a result of the works: an irrigation canal, several monuments, barrows, and petroglyphs. The article introduces a new irrigational region into scientific discourse.

Keywords: Bactria, Kuchuk I, irrigational region, micro-oasis, early Zoroastrianism, “kata”, dakhma.

About the Author:

Khamidov Odiljon A., Doctoral student. Institute of Archaeological Research of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Acad.V. Abdullaev St. 3, Samarkand, 140151, Republic of Uzbekistan; odiljon-21@mail.ru

УДК 902/904

АРЕАЛ БОБОРЫКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ОТКРЫТИЙ

© 2019 г. М.В. Храмцов

В современной археологической мысли за последние десять лет накопилось множество памятников, материалы которых определены как боборыкинские. Благодаря новым данным, ареал боборыкинской культуры резко расширяется, но в таком случае остро встает проблема определения ее культурообразующих признаков. В статье кратко изложены и проанализированы точки зрения исследователей на зону распространения боборыкинских памятников. Выделены признаки, по которым авторы проводили культурную атрибуцию археологического материала. Рассмотрены основные дискуссионные проблемы, касающиеся сущности признаков, характеризующих боборыкинские памятники. Исходя из полученных данных, были определены крайние точки распространения боборыкинской культуры и создана карта с «расширенным» и «узким» ареалом.

Ключевые слова: археология, неолит, боборыкинская культура, историография, картографирование.

Боборыкинскую культуру выделил К.В. Сальников в 1950-е гг. в результате исследования поселения Боборыкино II в лесостепном Зауралье. Изначально она была определена как раннебронзовая. Дальнейшие исследования позволили установить возраст боборыкинских древностей в рамках неолита и поставить ряд вопросов о возникновении, развитии, сущности данной культуры и культурной атрибуции новейших находок. Нашей задачей является определение границ распространения боборыкинских памятников с учетом данных последних лет и освещение связанных с этим проблем, что позволит лучше понять специфику культурогенеза Среднего Зауралья и Западной Сибири в неолитическую эпоху.

Первые комплексные данные по картографированию боборыкинских памятников были опубликованы в работе «Неолит Среднего Зауралья» В.Т. Ковалевой. На данном этапе утверждалось, что ареал боборыкинской культуры позднего неолита ограничен территорией Нижнего Притоболья и Среднего Зауралья (Ковалева, 1989, с. 50). Причем в процессе культурной атрибуции археологического материала автор акцентировался в основном на морфологии и орнаментации керамики. В позднейших трудах исследователи расширяют зону локализации боборыкинской культуры. По мнению М.Ф. Косарева она протянулась от Тобольска до Западного Казахстана с севера на юг и от восточных отрогов Уральских гор до правобережья Ишима с запада на восток (Косарев, 1996, с. 257). При этом Михаил Федорович признает, что основной объем памятников расположен на территории Среднего Зауралья и Нижнего Притоболья.

Тюменский исследователь В.А. Зах придерживается иной точки зрения и считает, что центром ареала боборыкинской культуры является междуречье Тобола и Ишима, а крайними точками на западе и востоке соответственно являются Уральский хребет и Присалаирье (поселение Иня-11) (Зах, Еньшин, 2015, с. 39). Проблема картографирования боборыкинских памятников в данном случае осложняется различными мнениями авторов о хронологической принадлежности боборыкинской культуры. В.А. Зах определяет ее как ранненеолитическую, в отличие от большинства исследователей, и связывает памятники Барабинской лесостепи и Присалаирья с процессом неолитизации Западной Сибири. Мигрирующее боборыкинское население продвигалось на восток, принося на лесостепные территории технологию изготовления керамики. Однако вывод о принадлежности западносибирских памятников к боборыкинской культуре был сделан лишь на основе изучения орнаментальных мотивов и технологии их нанесения.

Вопросы хронологии и точного совпадения признаков восточных точек ареала осложняются ситуацией с материалом памятника Автодром 2/2. Исследователи связывают его с боборыкинским субстратом, считая, что данное поселение является эксклавом боборыкинской культуры (Бобров, Мароч-

кин, 2013, с. 212). Аналогичная плоскодонная керамика была найдена при раскопках могильника Тартас-1, однако она датируется ранним неолитом, причем большая часть калиброванных дат приближается к сер. VII тыс. до н. э. (Молодин и др., 2018, с. 46). Таким образом, новейшие данные противоречат теории В.А. Заха о миграции боборыкинского населения на восток и неолитизации западносибирской лесостепи, т.к. материал памятника Мергень 7 в Приишимье датируется серединой-концом атлантического периода голоцена – 5700-е гг. до н. э. (Зах, Еньшин, 2015, с. 34).

Южная граница распространения боборыкинских памятников проходит по территории северной части Тургайского прогиба и северо-восточного Казахстана. Она была выделена в результате исследований В.Н. Логвина и В.К. Мерца на основе приемов изготовления керамики, несмотря на некоторые отличия. При этом вновь встает проблема хронологического определения боборыкинских древностей. Первый считает, что памятники Тургая датируются ранним энеолитом (Логвин, 2003, с. 98) , а второй определяет поселение Борлы в Павлодарской области как неолитическое (Мерц, 2014, с. 297). Более того, В.К. Мерц на основе обнаруженных при раскопках фаунистических остатков утверждает, что на пос. Борлы был совершен переход к производящей экономике.

Северная граница ареала боборыкинской культуры проходит по территории юга Кондинской низменности и Северного Зауралья. Была выделена в результате исследований С.Ф. Кокшарова, С.Ю. Зыряновой и Н.М. Чаиркиной на поселениях Геологическое XVI (Кокшаров, Зырянова, 2011, с. 195) и Нижнее озеро III (Чаиркина, Дубовцева, 2016, с. 27–29) на основании приемов изготовления и орнаментации сосудов. Однако проблема стоит достаточно остро, так как нет полного сходства в орнаментации керамики, а каменный инвентарь не имеет подлинно боборыкинского облика и отличается разительно.

В таком контексте встает вопрос об определении культурообразующих признаков боборыкинского населения. Основным, бесспорно, являются приемы изготовления и орнаментации керамики. «Классическая» боборыкинская посуда предполагает орнамент, выполненный «отступающей палочкой», ямочными наколами или прочерчиванием. При этом для культурной атрибуции можно использовать лишь сложные орнаментальные композиции, так как, по мнению авторов, мотивы из прямых и волнистых линий или зигзагов не отражают специфики боборыкинской посуды (Ковалева, Зырянова, 2010, с. 244). Такая позиция дает нам право значительно сузить зону распространения боборыкинских памятников. По форме сосуды – округло- и плоскодонные, часто профилированные, иногда с наплывом по краю днища. Венчики – плоские, округлые, приостренные (Ковалева, 1989, с. 54–55).

Керамика поселения Нижнее озеро III, по мнению его исследователей, принадлежит к сатыгинскому типу и имеет лишь некоторые аналогии с боборыкинской посудой. Основные различия заключаются в орнаментации сосудов: использование гребенчатой техники, хотя и всего на 11% емкостей, декорирование плотным узором большей части посуды и отличия в орнаментальных мотивах. Похожи лишь форма сосудов, приемы нанесения орнамента и технология производства, хотя авторы признают, что данный аспект слабо изучен (Чаиркина, Дубовцева, 2016, с. 27). Стоит сказать, что материал поселения Нижнее озеро III очень близок керамике с памятников Сумпанья IV, VI. Именно на них был выделен сатыгинский или ямчато-валиковый тип керамики. Кроме вышеуказанных отличий на сатыгинской керамике присутствуют фигуры в виде фестонов, лесенок, косой сетки, а часть фрагментов орнаментирована округлыми ямчатыми вдавлениями, чего нет на боборыкинской посуде. Несмотря на это, материал данных памятников был приписан В.Т. Ковалевой и С.Ю Зыряновой к боборыкинской культуре (Ковалева, Зырянова, 2010, с. 195). В случае с керамическим комплексом пос. Иня 11 в Присалаирье сходств с боборыкинской керамикой выделяется еще меньше: орнаментация «отступающей палочкой», прочерчиванием и ямочными наколами, а также один фрагмент венчика с защипом-«ушком» (Зах, Еньшин, 2015, с. 41).

Керамический комплекс пос. Геологическое XVI был определен исследователями как боборыкинский. Единственным отличием является присутствие наплывов на внутренней стороне венчика. Однако большие различия мы можем увидеть в каменном инвентаре. Для боборыкинской культуры характерно два типа каменной индустрии: микропластинчатая и макропластинчатая. Для первого типа

характерно наличие геометрических микролитов и использованием микропластин, ширина которых не превышает 1 см, в качестве основной заготовки. Во втором случае боборыкинское население использовало пластинчатые наконечники и пластины шириной более 1 см (Горащук, 2012, с. 103). Основным сырьем для изготовления орудий является кремень и кремнистые породы (Ковалева, 1989, с. 55). Материал поселения Геологическое XVI отличается наличием шлифованных наконечников из сланца, использованием в качестве каменного сырья кварца и кварцита наряду с кремнистыми породами, отщеповой техникой расщепления и отсутствием геометрических микролитов (Кокшаров, Зырянова, 2011, с. 191).

Подобные различия мы можем наблюдать и в каменном инвентаре других крайних точек выделенного нами ареала. Так, например, на поселении Борлы использовалась пластинчато-отщеповая техника на основе светло-зеленого микрокварцита (Мерц, 2014, с. 298). Таким образом, встает вопрос: можно ли игнорировать такое количество отличий и считать, что все вышеперечисленные памятники были оставлены представителями одной археологической культуры?

Стоит обратить внимание на западную границу распространения боборыкинских древностей. С одной стороны, она четко ограничивается Уральским хребтом, но с другой – памятники, расположенные в Исетско-Нейвинском междуречье отличаются особым, басьяновским типом керамики. Басьяновская керамика очень сходна с боборыкинской по морфологии сосудов, приемам орнаментации и орнаментальным мотивам. Однако она более однородна: имеет меньше вариантов форм и узоров. Каменная индустрия басьяновских памятников идентична боборыкинским стоянкам в Среднем Зауралье и Нижнем Притоболье (пластинчатая индустрия, вкладышевая техника, использование кремня и кремнистых пород в качестве основного сырья) (Шорин, Вилисов, Шорина, 2015, с. 11–13). Формовочные массы басьяновской и боборыкинской керамики также различны, хотя последняя имеет большее количество вариаций (Ковалева, Зырянова, 2010 с. 232–233). Таким образом, басьяновские общности отличались от боборыкинских и претендуют на положение локального варианта в составе боборыкинской культуры.

Учитывая все вышесказанное, можно выделить «расширенный» ареал боборыкинской культуры, включающий практически все крайние точки, и более узкую зону, в рамках которой материальная культура боборыкинского населения максимально однородна. Вторая область по площади примерно в три раза меньше первой. Разрешить подобное противоречие может пересмотр самой сущности боборыкинской культуры и рассмотрение ее в рамках более широкого археологического таксона. Одним из возможных вариантов будет выделение боборыкинской культурно-исторической области (Мерперт, 1974, с. 12–14), которая является временным объединением ряда локальных групп на широкой территории с общими чертами в материальной культуре, судьбы которых в дальнейшем не идентичны. Данное определение учитывает общность черт в археологическом материале, но не исключает региональных различий. Таким образом, изменение во взгляде на боборыкинскую культуру с точки зрения расширения сущности этого явления позволит решить проблему несоответствия ее материальной культуры и широкого ареала с локальными различиями в крайних точках.

ЛИТЕРАТУРА

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Боборыкинский комплекс из Барабы: проблема исторической интерпретации // Вестник ТомГУ. 2013. №3. С. 211−215.

Горащук И. В. Каменные орудия боборыкинской культуры // Человек и Север: антропология, археология, экология. Вып. 2. / Отв. ред. А. Н. Багашёв. Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН. 2012. С. 103−104.

Зах В.А., Еньшин Д.Н. К вопросу о неолитизации в лесостепи Западной Сибири // Вестник КемГУ. 2015. Т.6. №2. С. 34 – 43.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Центр «Учебная книга», 2010. 308 с.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья: учебное пособие по спецкурсу. Свердловск: Издательство УрГУ, 1989. 80 с.

Кокшаров С.Ф., Зырянова С.Ю. Неолитические комплексы поселения Геологическое XVI // Вопросы археологии Урала: сборник научных трудов. Вып. 26. Екатеринбург – Сургут: издательство Магеллан, 2011. С. 185 – 198.

Косарев М.Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. академик Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1996. С. 253–269.

Логвин В.Н. Ранний энеолит Тургая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №1. С. 98–105.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 173 с.

Мерц В.К. Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-восточный Казахстан). // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 297−301.

Молодин В.И., Райнхольд С., Мыльникова Л.Н., Ненахов Д.А., Хансен С. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т.17. №3. С. 39 – 56.

Чаиркина Н.М., Дубовцева Е.Н. Керамика сатыгинского типа поселения Нижнее озеро III // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. №1. С. 19–31.

Шорин А.Ф., Вилисов Е.В., Шорина А.А. Басьяновский археологический комплекс эпохи позднего неолита: основания выделения // РА. 2015. №1. С. 5–18.

Информация об авторе:

Храмцов Михаил Вадимович, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия); sush.xp.mih@mail.ru

THE AREAL OF BOBORYKINSKAYA CULTURE IN VIEW OF THE RECENT DISCOVERIES

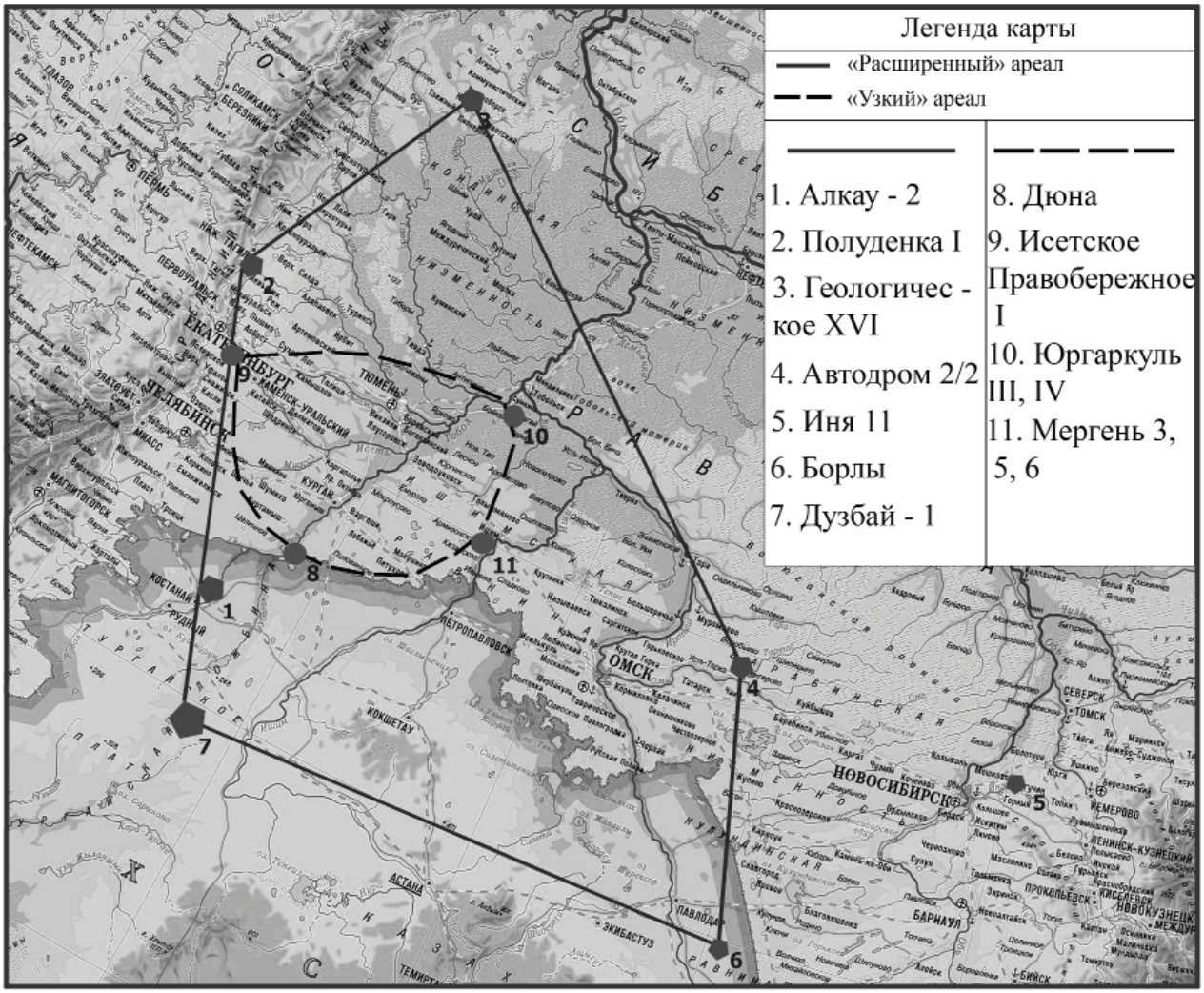
M.V. Khramtsov

Over the past ten years, the contemporary Russian archaeology has accumulated materials on numerous sites classified as belonging to Boborykinskaya culture. The area of Boborykinskaya culture has drastically expanded owing to the new archaeological data, but of particular significance in this case is the issue of determining the specific attributes of its cultural affiliation. The article features a summary and analysis of the opinions of researchers concerning the distribution area of Boborykinsky sites. It outlines the features which the authors used for cultural attribution of the archaeological material. It also addresses the main arguable issues concerning the essence of features characterizing the Boborykinsky sites. Based on the obtained information, the author identified the limits of Boborkinskaya culture distribution and compiled a map featuring its “extended” and “narrow” areal.

Keywords: archaeology, Neolithic, Boborykinskaya culture, historiography, mapping.

About the Author:

Khramtsov Mikhail V. Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Lenin Av., 51, Yekaterinburg, 620083, Russian Federation; sush.xp.mih@mail.ru



Карта «расширенного» и «узкого» ареала боборыкинской культуры

УДК 902/904

HERITAGE INTERPRETATION: ANALYSIS STUDY OF SIGNAGE SYSTEM AT DEIR EL MEDINA ARCHAEOLOGICAL SITE IN LUXOR, EGYPT

©2019 Ahmed Motawea Hussein Shaikhon

It is necessary that archaeological sites be actively managed and interpreted rather than left understood by the visitor himself alone. Signage and panels add pleasure and enhance the value of the tourist's visit, and encourage pre-designed routes through the site in order to minimize crowding and negative impact. A successful signage practice not only provides direction and information, but also plays a key role in linking visitors to product or experiences within the visited site (Falk and Dierking, 1992). Deir El Medina experiences a wide range of heritage management problems, numerous of which derive from the interpretation practice, and the most noteworthy interpretive concern is the incomplete and uncoordinated character of interpretation within the archaeological site. The incapability of site management and associated partners to consider interpretation best practice and the lack of trained professionals who conduct field research further confuse the problem. This paper might report a descriptive analytical study of interpretive media, that is, interpretive signage usually employed at heritage sites. The aims of this study are to record the spatial distribution of the signs on Deir El Medina archaeological site, and to analyze the physical appeal of the signs (design), finally to identify the type of signs according to the content and the function are considered helpful in regard to the visitor experience.

Keywords: Interpretation; signs; design; Deir El Medina, visitor, experience, management.

Introduction

Different people have visited a heritage site, looked for a monument, place, service or information; perhaps signs were approached by visitors because they help directing and informing them (Jensen, 2006). The eventual challenge is therefore in offering interpretive structures and facilities that are appropriate to and compatible with both site values and guests desires (Aplin, 2002; Timothy & Boyd, 2003). In this sense, heritage interpretation at archaeological sites is an issue of crucial importance for both site management and visitor experience (Uzzell & Ballantyne, 1998). Interpretation which is considered by scholars) Aplin, 2002; Timothy & Boyd, 2003; Uzzell & Ballantyne, 1998) to be an integral part of the heritage site management is also an important bridge of understanding between the site and the visitor (Graham, 2000).

The site for the study was selected based on the number of visitors that the site received annually and the problems of onsite interpretation encountered. This research begins with the introduction and the literature review, which explore a number of key themes within the research. Following this, the research design outlines the research questions and objectives and the methods used to prepare and conduct the research. This is followed by a background of the case-study Deir El Medina. The second half of the study examines the findings of the research, analyses these findings and answers the research question in a discussion of the results.

Literature review

Heritage interpretation literature is addressed by scholars in varied ways,Freeman Tilden, who was the author of the book “Interpreting Our Heritage, provided the first definition of the term in1957, Tilden describes ‘Interpretation’ as revealing meanings and relationships through an educational activity and by using original objects and illustrative media. Focuses on the basic principles and interpretive planning (Ham, 1992; Tilden, 1957; Veverka, 2011). Other literatures have discussed the forms and media in which interpretation is given (Beck & Cable, 1998). According to Brochu (2003, p. 125), “…media is anything that helps you communicate your message”. This may possibly consist of but is not limited to signs, brochures, audio or video presentations, interactive stations, touch-screen computer programs, graphics (Brochu, 2003). While ICOMOS, Charter for the Interpretation and Presentation of Cultural Heritage, 2006 interpretation means “the full range of potential activities intended to heighten public awareness and enhance understanding of cultural heritage sites”.

Signs are seen as one of the most important forms of interpretation (Hughes & Morrison,

2002) and one of the most widespread ways of presentation at archaeological sites. Signs have become an ordinary sight at many archaeological and heritage places because they are considered to be a useful and affordable method of providing interpretation for visitors (Jensen, 2006).

There are dissimilar types of signs, as Mollerup (2005) put forward; signs can be divided into diverse types based on their location, purpose, theme, content and form. However, according to scholars whose defined signs as:

A sign is an inscribed board, or space that communicates something to the viewer. Signs can be divided into two categories; information signs and interpretive panels. The first kind used for directing, identifying, advertising, warning, and guiding. The second is telling the story of a resource, site or feature.

(Gross, et al., 2006)

Different researchers (Jensen, 2006; Moscardo et al., 2003, 2004) claim that sign design should be good looking and be a focus for target visitors; as such, a quality sign can increase the capacity to boost a viewer's attention, as well as hold their attention longer and help them keep better the main meaning. Some studies have shown that people prefer signs with the same design; they should adapt to weather and site character (Trapp et al., 1994). Furthermore, signs location can play an important role in providing information on a trail while should be consistent with the natural setting of the place. Thus, the signs should be clear, the same size, and they should be placed at the eye level of a person standing (Edwards, 1994). "Signs should also be located and positioned where their attention does not create a hazard or obscure a hazard" (Drew et al., 2002). With regard to best practice for interpretive sign design at heritage sites,

There are several manuals and guidelines (Department of Conservation, 2005; Drew et al., 2002; Jamieson & Noble, 2000) recommended by heritage and recreation experts. Their recommendations center on the physical appeal that provokes interest with interesting texts and graphics. Moscardo et al. (2003) note that the benefit of interpretive signs fall into categories such as identifying, describing and illustrating a variety of site-specific themes. Their main function is to tell a story and to educate visitors to the area about the historical or ecological values (Cole, Hammond, & McCool, 1997; Hughes & Morrison-Saunders, 2002.

Different researchers emphasize the importance of sign content. Ververka (2011) suggest that themes preferably should be declared as a short, simple, complete sentence, contain only one idea if possible, be specific and interesting, and motivationally worded when Possible. Aplin (2002, p. 43) explained that signage planning should provide direct attention to the message and help define content and material design. A combination of well-designed text with dioramas, and attractive colors, that covers the majority of the site's story could enhance and foster a real experience and meaning between the visitors and the overall landscape. Besides the themes and content of signs, another important aspect to

On the other hand, information signs provide information about the use of the site and its services like showing trail user location, directions and distances (Drew, Grocke, & Cahalan, 2002).Different studies (Moscardo et al., 2004; Screven, 1995) have suggested essential elements that produce a successful signage system. Consider when designing interpretation will be the physical layout of signs.

Deir El Medina

Deir el-Medina one of the most important archaeological sites in Egypt, The historic importance of this site has long been recognized by international scholars for it was once home to the corps of workmen, the 'servants in the Place of Truth', who erected and decorated the royal tombs in both the Valley of the Kings and the Valley of the Queens. (McDowell, in Pharaoh's Workers, pp. 43 ff.). It is situated in a small secluded valley in the shadow of the Theban hills, on the west bank of the Nile, across from modern-day Luxor in Upper Egypt. The location is unique for its unrivalled wealth of archaeological, artistic and textual evidence that has survived and from which we can reconstruct many aspects of the daily lives of its ancient inhabitants. Deir el-Medina is the Arabic name for the village in the Theban necropolis, once occupied by the pharaohs' tomb-builders and the artisans of New Kingdom Thebes. Its name means 'Monastery of the Town' and derives from the Coptic monks who occupied the Ptolemaic temple there during the early Christian period, but in ancient times it was known as'Set Ma'at' (the Place of Truth) or simply 'P3-demi'(the village) The archaeological site of Deir el-Medina was first seriously excavated by: Ernesto

Schiaparelli in 1905. It was during this series of excavations that large amounts of Ostraca were first found. Between 1922 and 1951, a French team directed by Bernard Bruyère excavated the entire site, including the village; the dump and the cemetery, during these excavations, a massive wealth of ostraca were found.It's gave us a lot of information about daily life, and medicine.

Its unique village of Egypt's finest artisans and Craftsmen, housed together in the Theban hills. The term 'unique' is frequently used to describe the place of the village in a social context – not because Deir el-Medina is the sole surviving example of a workmen's community, but rather for the unrivalled wealth of textual, artistic and archaeological evidence that has survived and from which we can reconstruct so many aspects of the daily lives of the workmen. In this respect Deir el-Medina was found to be an 'exceptional' example. No other community in the Pharaonic Period has left so much evidence on which to base a study of everyday life in an ancient village from sources. The mass of documentation uncovered both in the environs of the village and from the royal work sites affords a detailed insight into the cultural, political and economic identity of Egyptian society, in addition to information concerning the working techniques and bureaucratic organization employed by the ancient craftsmen (Davies 1996).

Measures site management

Deir El Medina is considered including the World Heritage Site "Thebes Necropolis –east and west bank" which has been inscribed in 1979 under the criteria (I), (III), and (VI) UNESCO, Thebes and its Necropolis – east and west bank Thebes was the city of the god Amun. With the temples and palaces at Karnak and Luxor and the necropolises of the Valley of the Kings and the Valley of the Queens). Deir El Medina is considered an original location for Theban with temples, tombs, houses and estates, industrial areas, artisan communities.

In 1980, President Sadat decreed the West Bank to be a Cultural Heritage Site, and prohibited any building activity that encroached upon it or altered its character. In 2004, President Mubarak reaffirmed the 1980 decree, and further declared that SCA-owned lands should be surrounded by a2km-wide "buffer zone" in which only limited building activity would be permitted(weeks 2010). Cultural sites in Egypt include a wide range of types, but certain sites that attract tourists are only managed while others sites are neglected. Management of cultural heritage sites in Egypt thus depends on the touristic value of the site and its economic value. (Fekri Hassan 2001).

Tourism in the site

"The natural and cultural heritage, diversities and living creatures are major tourism attractions. Excessive or poorly managed tourism and tourism related development threaten their physical nature, integrity and significant characteristics. The ecological setting, culture and lifestyles of host communities may also be degraded, along with the visitor's experience of the place." ICOMOS, 1999.

Tourism was thought achievable without imposing any negative effects on Egypt's cultural heritage resource. Tourism was considered a non-consumable industry and was accepted as an essential component of the country's development strategy. In fact, it was regarded as essential to the success of Egypt's economy (weeks2010).

Deir el-Medina of archaeological sites characterized by a lack of the number of visitors compared to the numbers of visitors of the archaeological areas in the west bank in Luxor, where it was the proportion of visitors to the Deir el Medina for the Valley of the Kings 19% (Fig. 2)

This is due to visit Deir El Medina is not part of tourism programs or the sense that tourism programs are not included visit Deir El Medina. The tourist should pay a ticket for visiting Deir El Medina including the Ptolemaic temple, village and two tombs only they SENNEDJEM and INHERKHAU. There are individual ticket worth 10 Egyptian pounds to visit tomb of PASHDU, not all visitors to Deir El Medina are keen to buy another ticket to visit PASHDU tomb where visitors to Deir el-Medina ratio for the PASHDU tomb 6% (Fig. 3).

This is due to visit Deir El Medina is not part of tourism programs or the sense that tourism programs are not included visit Deir El Medina. The tourist should pay a ticket for visiting Deir El Medina including the Ptolemaic temple, village and two tombs only they SENNEDJEM and INHERKHAU. There are individual ticket worth 10 Egyptian pounds to visit tomb of PASHDU, not all visitors to Deir El Medina are keen to buy another ticket to visit PASHDU tomb where visitors to Deir el-Medina ratio for the PASHDU tomb 6% (Fig. 3).

In Comparison between the number of visitors to the archaeological areas of the west bank El Deir El Bahari Temple of Hatshepsut and

the Valley of the Kings, Temple of Medinet Habu and Deir El Medina we find that the number of visitors to the site El Deir El Bahari "Hatshepsut" 80%, while visitors to Habu Temple by 57% (Fig. 5).

There are fewer visitors at this time compared to other months in the year, especially the cooler winter months. The lower numbers of visitors influences visitor opinions regarding the adequacy and efficiency of available services at Deir El Medina. I think that the tourists doesn't form threat for Deir El Medina because the site isn't including in the programs of tourism companies. We can see the increase of the numbers in especial days that incuse of the over days trip from the majority of visitors are considered from foreigners within a week trip that the site is not included in the over-day trips' itinerary.

Site Management Improvement

The 22nd of April 2014, a wooden scale model (1/50) of the workmen village of Deir el-Medina has been installed at the entrance of the site (figure). The model is of a size of 2,10m by 1,40m. It shows the perimeter of the first village of Deir el-Medina dating back to the reign of King Thutmosis I (1504–1492 BC). The internal space divisions of the houses however date from the Ramesside Period (around 1300–1070 BC). On the scale model, the identity of the known homeowners has been indicated by a numbering system.

Tickets Booth: The Ticket booth is a very small window and outside Deir el Medina about 10 minutes walking from the site.

Promotion: The site isn't advertised as same as other national archaeological sites such as Valley of the Kings, Valley of the Queens and Hatshepsut temple.

Signage system at Deir El Medina Current situation

The signs should have basic template with cohesion in graphic design; the most apparent suggestion for Deir El Medina' signs would be to rewrite their text, and this would include a change of the whole sign, incorporating reconstruction drawings as well as more engaging text, which encourage participants to question what they see.

The interpretive text should be thematic, more coordinated organization of themes around historical, cultural and natural topics, improved signage that links more clearly to the historical topics and developed themes of the region and communities as well as engaging those of the present; the sign content should be considered as a "frame" that facilitates reading and interpreting historical and natural attractions. Such an approach does not cut off heritage monuments from their surroundings as a fenced archaeological site does.

The tour experience starts when the visitor arrives at the parking area and begins the visit from the settlement. It continues as the visitor tours archaeological monuments, walks through the site up to visit the open tombs and finally visit the temple and back to parking area.

The site has already begun many projects to survive restoration and improvement site management. According to the site's director, over the past 20 years, Ministry of Antiquities and French mission has installed signs along the site. It started as a series of simple, vertical wooden and iron routed signs identifying Deir El Medina era features. The next series of signs focused on the tombs of (Pashidu, senngim, Inherkha) temple of Hathour and the settlement. These initial signs were intended to provide basic information and encourage visitors for walking tours (Figure10).

There are only two information signs; they are located outside in the way to the site, they are printed on Metal sheet with brown background and white lettering and the second a map for the archaeological area. Inside the site there are seven information signs; they are located near the tombs and the Temple (see figure9), they are printed on Metal sheet with White background and black lettering. The signs give details of names and dates of the tombs. The signs inform tourists of the location of facilities and provide names and dates, periods of monuments in bilingual (Arabic and English). There is no coordinated sign strategy for the color, script and font. There were dramatic differences among signs material, color and shape, through the observation process, the difference of standardizing the whole of the signage system became obvious due to different involved authorities.

Deir El Medina is highly significant, powerful in the stories it contains, rich in history; yet, to this point, signage is unable to convey much. While during the site visits, it was noted that different parts of the site are underutilized and largely unknown to the public such as the Settlement, the Medical ostraca are a collection of ostraca containing notes of medical importance. The medical ostraca were written in the New Kingdom during the 18th and 19th dynasties. As such, they are written in hieratic script on flat pieces of stone or broken pottery, which served

as a convenient and cheap writing surface, The Great Pit, the Rock Graffiti.

Total number of nine panels have been erected in the Deir El Medina by the Ministry of Antiquities and French mission working on the site since 2000. They are simple in design, informative but in English only. Very little text is actually present on the panels. The panels at the Hathor temple are the oldest, and show significant amount of abrasion and wear. The texts are in English and Arabic. They are informative, but their overall presentation is unattractive, and they are placed in the sun without shade during any point of the day.

The layout and style of the panels do not necessaire need to be overly similar to the ones developed by the Theban Mapping Project for the Valley of the Kings, although they should be taken into consideration to emphasize the unity of the West Bank as a whole. Panels are difficult to read and the writing is unclear. Their number is too limited to inform visitors on exactly what they were looking at. Spelling mistakes were noted in the panels.

Signs in their present form are concentrating on communicating the chronological and archaeological information. The signs should be consistent with site features and visitor characteristics; an evaluation/ survey of visitor preferences associated with the interpretive facilities in the site should be completed.While regarding attractiveness of aesthetic and physical appeal of the signs, critical problem in the signage system is that of the absence of uniformity of style across the site; signs vary in design, dimension, height, color, font, material and were in some instances developed with the support of French mission.Information was used alone without any support of pictograms; moreover, the chosen size and colors do not achieve an inviting presentation.

This research presents the results of the academic study of signage system analysis in one of most important heritage sites in Egypt, in particular, the archaeological site of Deir El Medina. The site management is already aware of the need for increased interpretive trails within the site and is working with consultants to design a professional interpretive trail. The significant finding in this study is that of the interpretation media, in particular that the signs lack consistency. Consequently, the current signage does not necessarily ensure an enjoyable visit. For this purpose, the study of the overall significance of the site and then the characteristics of the visitors are major steps to establish good-quality signs. The following improvements to signs could advance the visitor experience in Deir El Medina.

The purpose of the study was to analyze the available signage system and to find if it is appropriate with the potential heritage richness of the site. Signage system is a method approached by heritage sites professionals and naturalists to help sites visitors gain experiences in heritage resources while enjoying the activities.The analysis of the case study suggests that Deir El Medina can benefit from allowing variety in their interpretation.

Recommendations:

• The panels and texts should be visible, easy to read and comprehend. They should cover factual and articulate information, in several languages.

• Use friendly material, scale, color and design that are in harmony with the archaeological site without disturbing its physical and visual identity.

• Lettering (size, shape and fonts) should be clear enough to allow elderly visitors to read at a distance, and to facilitate reading by children.

• Panels should be located in accordance with pre-selected points and be within the flow of the itinerary, and be placed in a way to avoid crowding.

• Old photographs and reconstruction drawings are efficient aids in disseminating historical information, potentially exhibited on site

• Adding the world Heritage logo on each panel would be a good way to integrate this notion.

• Panels should complement the guides' role and not compete with them. Panels' material should be endurable, proof protected against sun, harsh climate, dust, touching, tagging and general vandalism, and should be easy to clean and maintain.

• The length of the panels is of major concern. Basic information needs to be essentially provided. Basic information (date, what is the visitor looking at) should be quickly accessible but there should also be an opportunity for someone wanting to know more to gain this information.

Efforts should be taken to incorporate the entire scope of scientific research conducted and archaeological material found during excavations and epigraphic work at the great pit and whole site. This means utilizing not only the textual and

artistic reliefs on the tombs, temple and remains of the settlement as sources of information, but also illustrating and elaborating the daily life of Ancient Egyptian by inserting 'info-boxes' on small finds and other material. For example, the large numbers of ostraca could be used to illustrate the lives of the ordinary Ancient Egyptians and the daily lives of the workers and their families of many successive offer opportunities for interpretation in addition to the visited part of the site, but they do not find their place in the interpretation system.Up to this date, the sign design has not considered some audience categories, which means that the audience's analysis is not considered in the site development policies.

REFERENCES

Aplin, G. 2002. Heritage identification, conservation and management. South Melbourne: Oxford University Press.

Beck, L., & Cable, T. T. 1998. Interpretation for the 21st century: Fifteen guiding principles for interpreting nature and culture. Urbana.

Benedict G. Davies, 1999. "Who's Who at Deir el-Medina", A Prosopographic Study of the Royal Workmen's Community Nederland's Institute.

Brochu, L. 2003. Interpretive planning: The 5-M model for successful planning projects. Fort Collins, CO: Inters perses.

Bruyère, Bernard, 1929 "Rapport sur les Fouilles de Deir el Medineh (1928) Le Caire, Imprimerie de l'Institut Francais d'Archeologie Orientale.

Cleere, Henry, 2010. Management Plans for Archaeological Sites: A World Heritage Template", Conservation and Management of Archaeological Sites 12.1, 4–12.

Cole, D. N., Hammond, T. P., & McCool, S. F. 1997. Information quantity and communication effectiveness: Low – impact messages on wilderness trailside bulletin boards. Leisure Sciences, 19(1), 59–72.

Creswell, J. W. 2009. " Research design: Qualitative, quantitative, and mixed methods approach (3rd Ed.). Los Angles: Sage. Ernest, P. (1998).

Drew, G., Grocke, C., & Cahalan, P. 2002. Guidelines for producing trail signage: Direction, interpretation and management. SA Tourism Commission and Recreation Trails Signage and Interpretation Working Group, 3, 1–43.

Edwards, C. 1994. Interpretive project guide book. Portland, OR: U.S.D.A Forest Service, Pacific Northwest Region.

Falk, J. H., & Dierking, L. 1992. The museum experience. Washington, DC: Whales back Books.

Graham, B. 2000. The past in place: Historical geographies of identity. In B. Graham & C. Nash (Eds.), Modern historical geographies (pp. 70–99). Harlow: Pearson Education.

Gross, M., Zimmerman, R., & Buchholz, J. 2006. Signs, trails, and wayside exhibitions: connecting people and places (3rd ed.). Steven Point, WI: UW-SP Foundation Press.

Ham, S. H. 1992. Environmental interpretation: A practical guide for people with big ideas and small budgets. Idaho: North American Press.

Hassan, Fekri, 2001. Strategic Approach to Egypt's cultural Heritage. Cairo: CULTNAT, Egypt, Final Report, (Cult Nat), Cairo p.1-66-79.

Hughes, M., & Morrison-Saunders, A. 2002a. Impact of trail-side interpretive signs on visitor knowledge. Journal of Ecotourism, 1(2–3), 122–132.

Jamieson, W., & Noble, A. 2000. A manual for interpreting community heritage for tourism. Training and Technology Transfer Program, Canadian Universities Consortium Urban Environmental Management Project at AIT.

Jensen, K. A. 2006. Effects of the artistic design of interpretive signage on attracting power, holding time and memory recall. PhD Diss. Humboldt State University.

Lewis, William 1980. Interpreting For Park Visitors. Eastern Acorn Press.

McDowell, A.G. 1999. "Village life in ancient Egypt". Laundry lists and love songs Oxford: Oxford University Press.

Mollerup, P. 2005. Way showing: A guide to environmental signage principles & practices. Baden: Lars Müller.

Moscardo, G., Ballantyne, R., and Hughes, K. 2003. Interpretive signs-talking to visitors through text. In

Moscardo, G., Woods, B., & Saltzer, B. (2004). The role of interpretation in wildlife tourism. In K.NSW Heritage Office. 2005. Interpreting Heritage Places and Items Guidelines

Screven, C. 1995. Visitor-based exhibit planning: A question of survival. In C. Scott (Ed.). *Evaluation and visitor research in museums:* Towards 2000, Sydney: Powerhouse, 81–82.

Shaikhon, Ahmed. 2015. Lack of Adequate Management Plan in Deir El Medina the Craftsmen and Artists Village in Luxor, Universite' Paris 1 Panthe'on-Sorbonne.

Tilden, Freeman. 1957. Interpreting Our Heritage, the University of North Carolina Press, Chapel Hill.

Timothy, D. J., & Boyd, S. W. 2003. Heritage tourism. Prentice Hall: Pearson Education.

Timothy, Dallen J. 2011. Cultural Heritage and Tourism. Bristol: Channel View Publications.

Trapp, S., Gross, M., & Zimmerman, R. 1994. Sign, trails, and wayside exhibits: Connecting people and places. Stevens Point, WI: UW-SP Foundation Press. U.S. Forest Service. (2009). Interpretive signs, chapter 9.

Uzzell, D., & Ballantyne, R. 1998. Contemporary issues in heritage and environmental interpretation: Problems and prospects. London: The Stationary Office.

Veverka, J. A. 2011. Interpretive master planning: Volume one: Strategies for the new millennium. Cambridge, MA: Museums.

Weeks, K. 2010 "managing the west bank, Cairo, The American University in Cairo Press.

About the Author:

Ahmed Motawea Hussein Shaikhon, PhD Candidate Heritage and museum studies, Helwan University, Egypt; ahmed_motawea83@yahoo.com

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: АНАЛИЗ СИСТЕМЫ УКАЗАТЕЛЕЙ В ДЕЙР ЭЛЬ-МЕДИНЕ.АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК В ЛУКСОРЕ, ЕГИПЕТ

Ахмед Мотавеа Хуссайн Шайхон

Археологические памятники требуют выполнения активного контроля и проведения исследований, так как в противном случае вопросы по их изучению полностью возлагаются на посетителей. Указатели и вывески делают экскурсии более комфортными и полезными для туристов, а также позволяют направлять посетителей по организованным маршрутам для сведения к минимуму загруженности и негативного воздействия на памятники. Успешное применение указателей не только позволяет сообщать посетителям информацию о направлении и прочие сведения, но также играет ключевую роль в получаемом ими опыте и впечатлениях от посещаемого объекта (Фальк и Диркинг, 1992). В Дейр эль-Медине имеется целый ряд проблем, связанных с контролем объекта культурного наследия, многие из которых обусловлены практикой интерпретации, и наиболее значимой из них является неполная и несогласованная интерпретация информации на археологическом объекте. Проблема усугубляется вследствие неиспользования руководством объекта и их партнерами надлежащих практик интерпретации и нехватки обученных специалистов, выполняющих полевые исследования. В работе представлено описательное аналитическое исследование связанных с интерпретацией носителей информации, т.е. указателей, как правило используемых на объектах культурного наследия. Целью исследования является определение схемы распределения указателей на территории археологического объекта Дейр эль-Медина, анализ внешнего вида (дизайна) указателей, а также подбор указателей определенного типа в зависимости от содержания и выполняемых функций с точки зрения получения посетителями объекта максимально полезного опыта.

Ключевые слова: интерпретация; указатели, дизайн, Дейр эль-Медина, опыт посетителей, контроль

Информация об авторе:

Ахмед Мотавеа Хуссейн Шайхон, кандидат наук, Хелуанский университет, (г. Хелуан, Египет); ahmed_motawea83@yahoo.com

Fig.1. Panoramic photo of Deir El Medina © Dr.Mustafa El Sughir

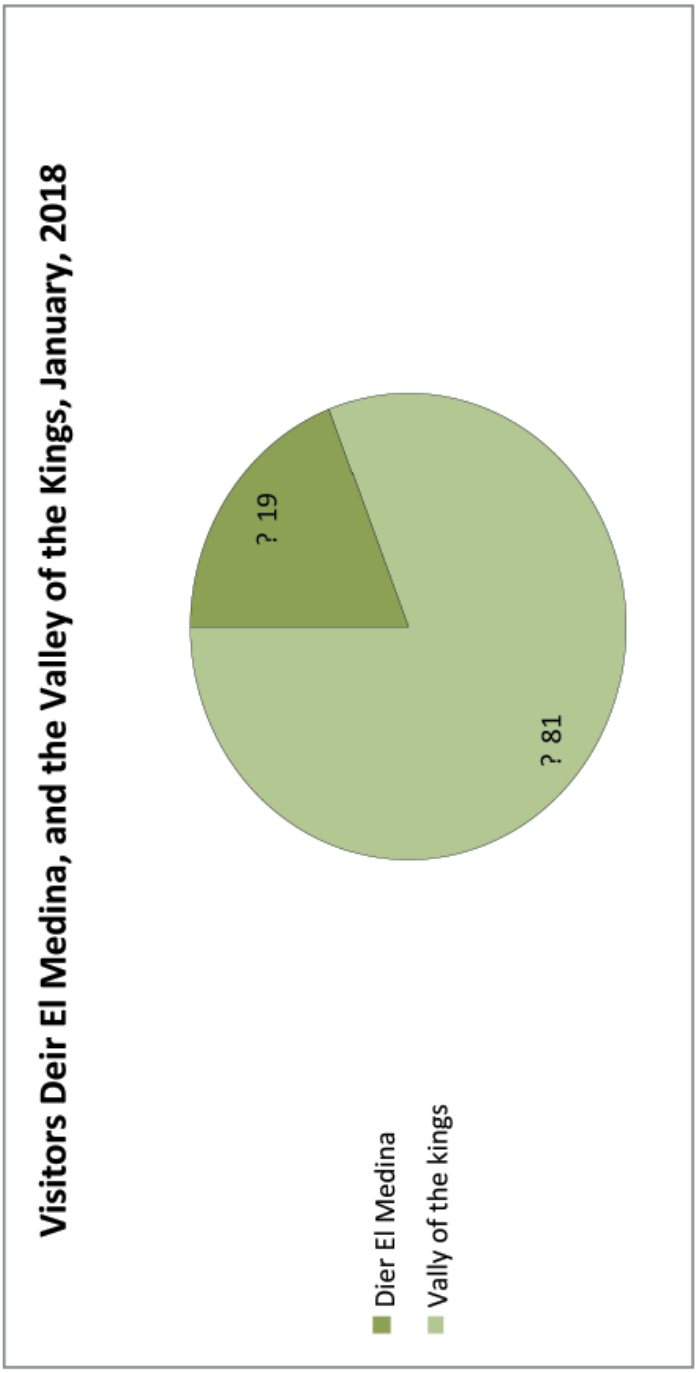


Fig. 2. Chart shows Number of Visitors in comparison between Deir El Medina and The Valley of the kings January, 2018

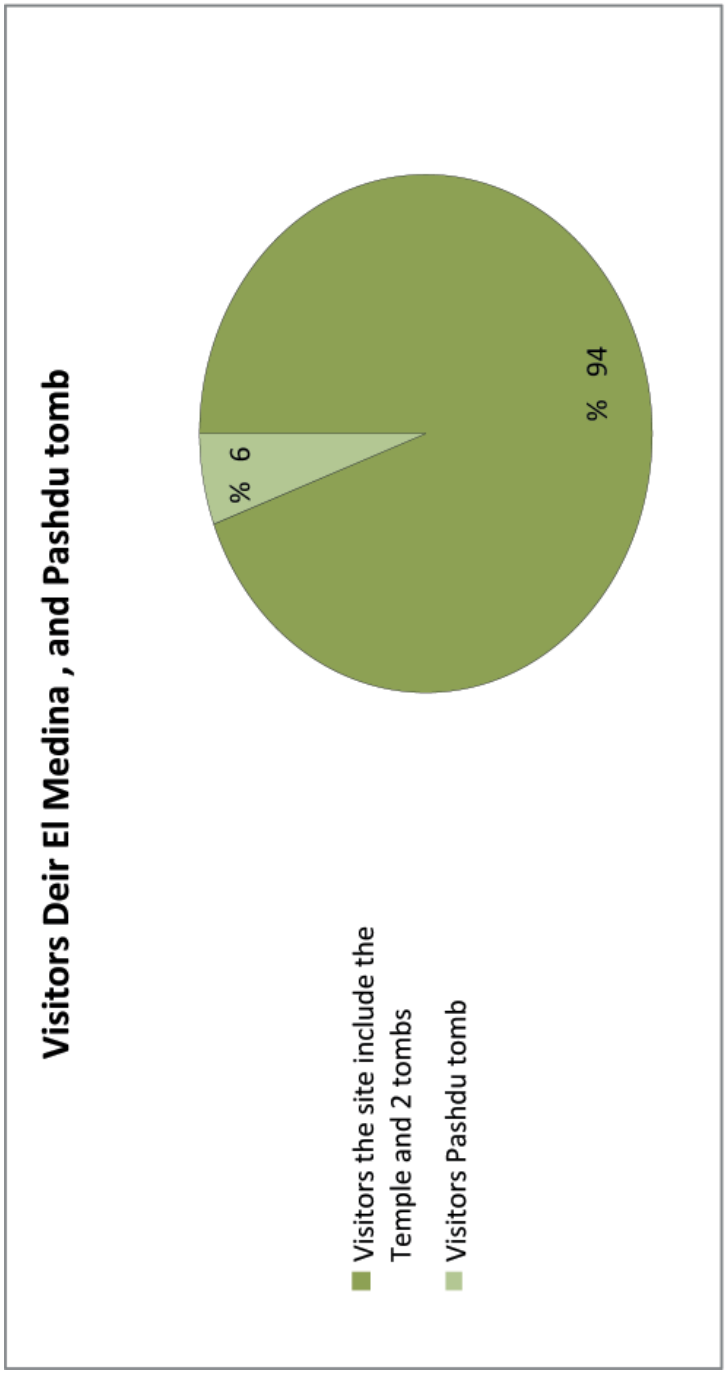


Fig. 3. Chart shows comparison between numbers of visitors the site include temple and two tombs and visitors tomb of Pashdu

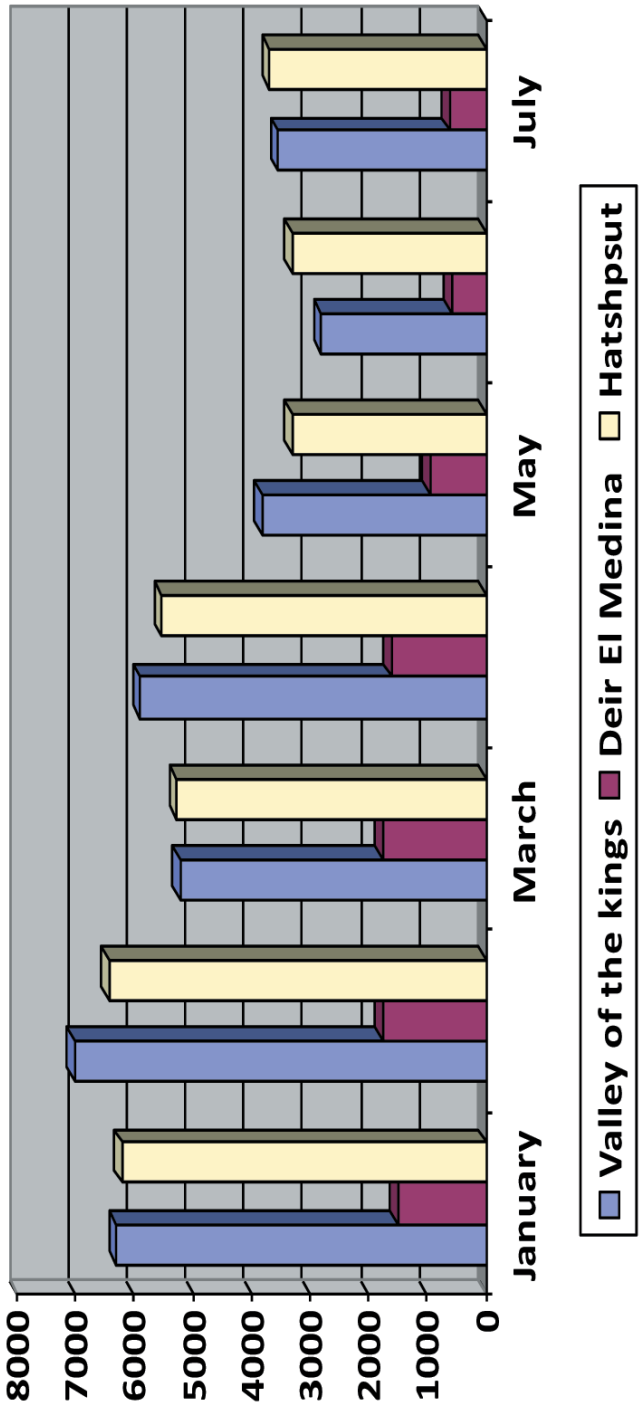


Fig. 4. Comparison between the number of visitors to the Valley of the Kings and El Deir El Bahri "Hatshepsut "and Deir El Medina.

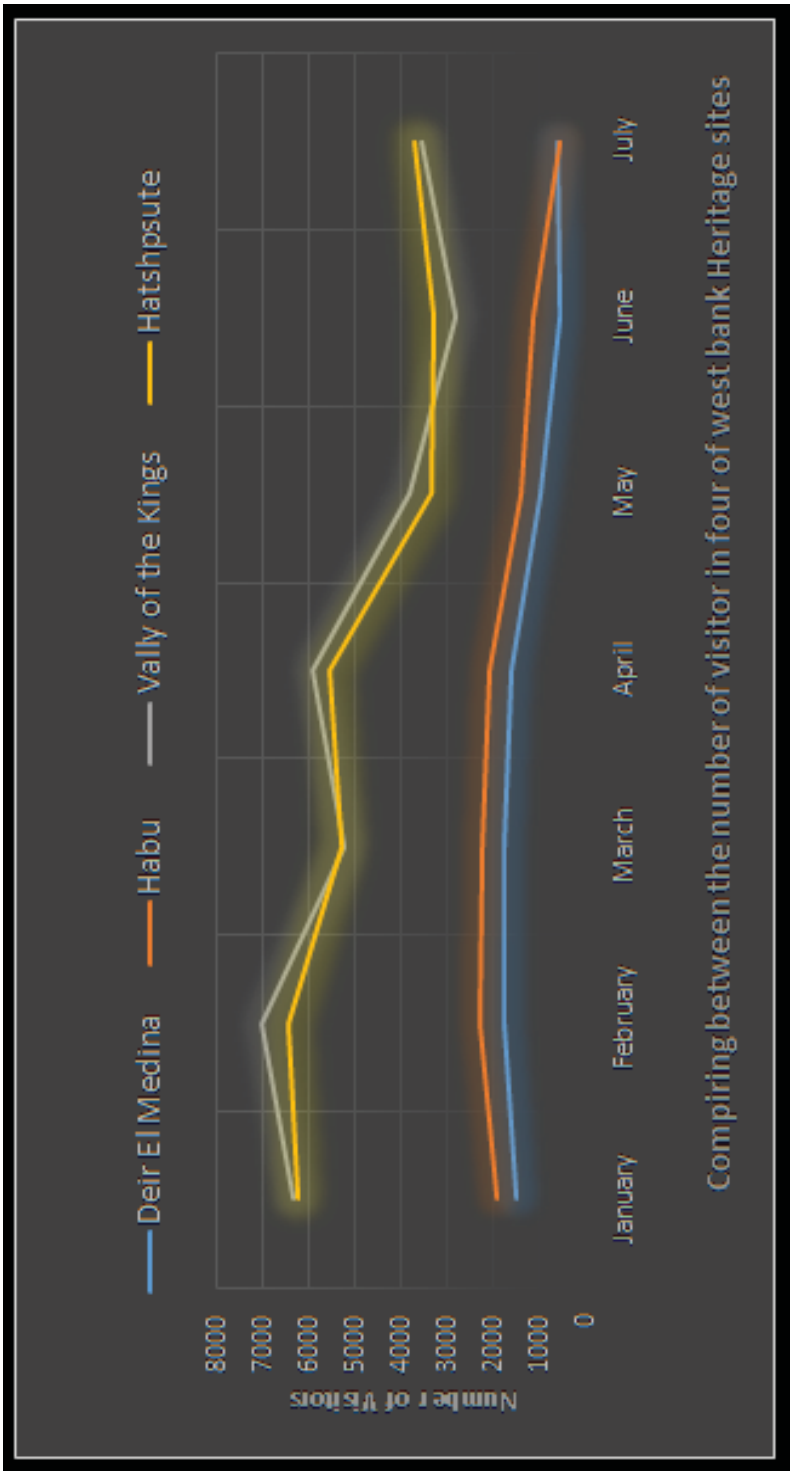


Fig. 5. Chart shows comparison between numbers of visitors in four sites in the west bank-Luxor.

Fig. 6. Wooden model the internal space divisions of the houses

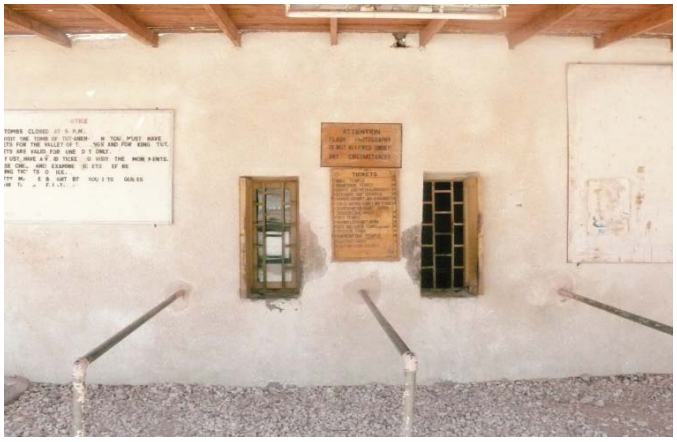


Fig.7. the Tickets Booth in El Qurna

Fig. 8. Ticket of Deir El Medina

Fig. 9. Signage system at Deir El Medina and its locations © Ahmed Shaikhon

Fig. 10. Different functional signs. ©: Ahmed Shaikhon

Table 1.

WHS Criteria for Thebes and its Necropolis Site, (ICOMOS, 1979)

Thebes Significance As Described in ICOMOS Evaluation
(i). Thebes, the city of the god Amun, is renowned for its temples whose imposing ruins are the glory of Karnak at Luxor. These truly colossal complexes which have been enlarged numerous time comprise some of the most fascinating realizations of Antiquity the "Hypostyle Hall" of Karnak begun by Seti and completed by Ramses II (measuring 102 meters in width and 53 meters in depth, covers a surface of 5,000 square meters; its roof is supported by 134 columns, those of the central nave measuring 20,40 meters with a diameter of 3,40 meters); the temple and the colonnade of Amenophis III at Luxor, one of the most refined masterpieces of Egyptian architecture (14th century B.C.). The Theban necropolis relinquish nothing in importance or beauty to these monuments: it suffices to note the tombs of the Valley of the Kings (1,500 B.C. to 1,000 B.C.) among which is that of Tutunkhamun, the Valley of the Queens, where, among others, Nephertari, wife of Ramses II, and Tuy, his mother, are entombed; and finally at Deir-El-Bahari (western Thebes) the funerary temple of the queen Hatshepsut with its immense porticos, it superimposed terraces flanking the mountain and its frescoes which trace her voyage to the country of Punt.
(iii). The few examples which remain among these splendid monuments serve to attest to the antiquity, the unique and unequalled character of these monumental Theban ensembles.
(vi). The monumental and archaeological complex of Thebes with its temples, tombs, and royal palaces; its villages of artisans and artists; its inscriptions; its innumerable figurative representations, as valuable from an aesthetic as from a documentary point of view, constitute the material witness of the aggregate history of the Egyptian civilization from the Middle Kingdom to the beginning of the Christian era. Moreover, the texts and the paintings are the source of information concerning the people and cultures of neighbouring countries: Nubia, the country of Punt, Libya, as well as Syria and the Hittite and Aegean civilizations.'

Table 2.

Signage system at Deir El Medina © Ahmed Shaikon

Sign category	Object	Place	Color	Material support	Number
Directional	Direction to the site	Near the way to the west bank	White on Brown background	Metal support	1
Promotion	Map of the archaeological area	Near the way to Deir El Medina	Black on yellow background	Metal support	1
Information	names and dates of Tombs, and Temple, plan	Near the Tombs and Temple	Black on White background	Metal support	5
Information	names and dates of Tomb, plan	Near the Tomb of Sennagim	Black on White background	aluminum support with glass	1
Interpretive	history of the site	Near the rest house	Black and red on White background	aluminum support with glass	1

УДК 902/904

ARCHAEOMETALLURGICAL ANALYSIS OF FOUR SILVER COINS FROM FOUR DIFFERENT MINTS OF INDEPENDENT SULTANS OF BENGAL

©2019 Mohammad Abu Al Hasan, ASW Kurny

Four silver coins from four different mints (Sunargawn, Satgawn, Chatgawn and Khalifatabad) of three different independent Bengal sultans from 1334 to 1538 AD have been analyzed by X-Ray Diffraction and EDS. Attempt has been made to understand the pattern of variation in composition of the coins of different periods from different geographical region from east to west within Bengal. The results have been compared with a previously analyzed coin of Ghiyath Al-din Mahmud of Husayin Shahi dynasty. Results of this study show that there is a variation in silver content from 86.70 - 94.39%. Lead, possibly from natural source of silver varied from 0.053 - 0.447%. Aluminum probably intentionally added to the alloy varied from 0.52 - 3.36%. Other elements such as Copper, Gold, Silicon, Iron, Bismuth, Zinc, Germanium, Ruthenium, Barium, and Cesium were also found in the coins.

Keywords: coins, Sunargawn, Satgawn, Chatgawn, Khalifatabad Bengal, X-Ray Diffraction and EDS

Introduction

In recent years, Archaeologists, Historians and Numismatists have gathered much information about the mediaeval period of Bengal through historical documents, stone/metal inscriptions and coins. Coins are the most important and most authentic artifacts to line up the disorderliness in the chronology of the Bengal sultans. As there is a lack of contemporary written documents of the sultani period in Bengal, coins are the only elements to identify the monetary history, currency circulation patterns and economy. Till now most of the researchers have tried only to rebuild and diminish the confusions in the history of Bengal sultans. Some researchers have also come forward to study the metallurgical aspects of the currency system of the Bengal sultans. The minting technology, purification process of metals, mixing of different other elements with the metals for making the strength etc. can be discovered from Archaeometallurgical analysis of a coin (Hasan, 2013, p.192). As a pioneer, Monwar Jahan of Bangladesh National Museum attempted to determinethe metallic composition of thirteen silver coins including eleven coins of Bengal sultans (Jahan, 1995, p.48). Later, Pranab Chattapaddhay elaborated Jahan's work and tried to find the sources of trade route of silver as a core element of striking coins (Chattapadhayay, 2011, p. 114). Jahan's work is important as a 1st step, but the sum of the percentages do not add up to 100%, he also didn't mention whether there were more elements (Chattapadhayay, 2007, p. 303). Recently, John Deyell has reported analysis of 33 silver coins of independent Bengal sultans but his results show only the percentages of silver, not of any other elements (Deyell, 2010–11).

The present authors made an attempt to explore, through non-destructive testing methods, the composition of sultani coins to see if the non-destructive techniques could be used to investigate the composition of a large number of sultani silver coins effectively and precisely. One coin of Ghiyath Al-din Mahmud Shah of AH 933 issued from 'Da' mint was analyzed by both X-ray diffraction and EDS (Hasan et al, 2015). In continuation of that study, the analyses of four silver coins of four different mints have been analyzed by x-ray diffraction analysis and EDS.

Descriptions and Experimental results of the Coins

Sample 01

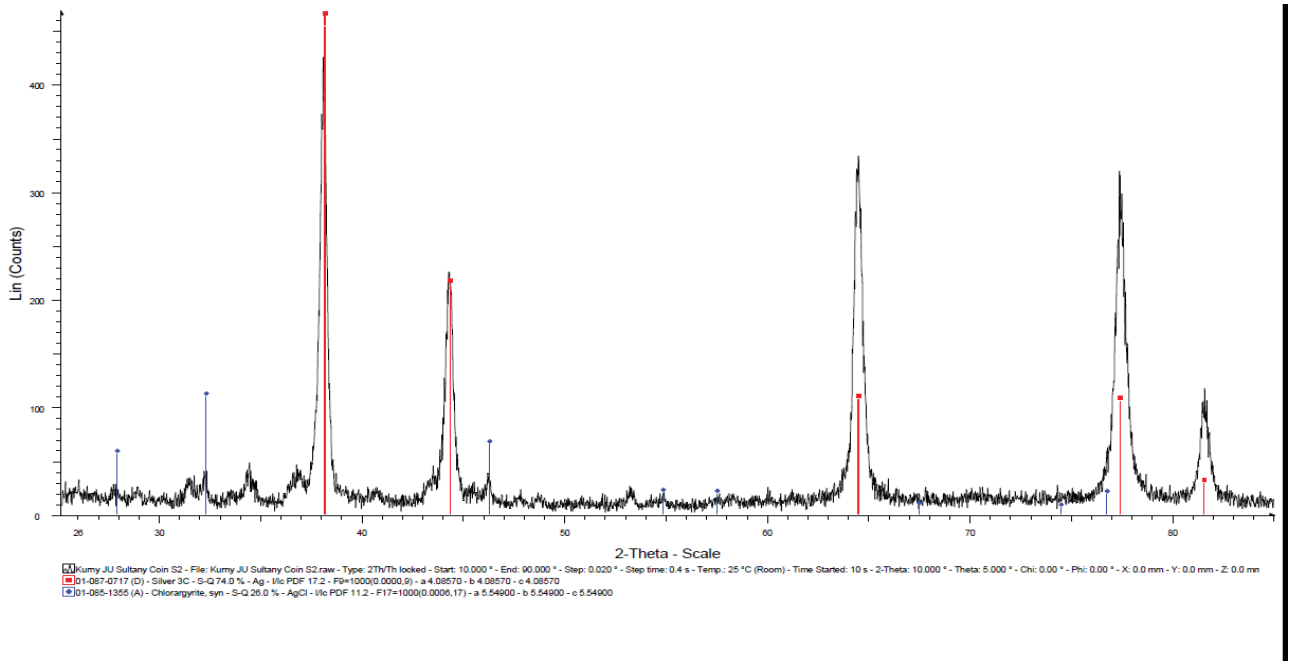
Sultan: Fakhr Al-Din Mubarak Shah, Date: 738AH, Mint: Hadrat Jalal Sunargawn.

Diameter: 24.687mm, Thickness: 02.80mm, Weight: 10.7g

Fakhr Al-Din Mubarak Shah was the 1st sultan of Bengal who declared independence from Sunargawn against Delhi Sultanate and ruled over the eastern part of Bengal forover a decade. Although, Karim mentioned the starting date of Fakhr Al-Din Mubarak Shah as AH739 (Karim, 1960, p. 36), but both gold and silver coins bearing his name and minted in AH 734/1334 ACE (Goron, 2001, p. 166) have been found.However, no coin minted in between

Plate 01			
Obverse	Legend	Reverse	Legend
	Al-sultan al-a'zam fakhr al-dunya wa'l din abu'l muzaffar Mubarak shah al-sultan		Yamin khalifat alah nasir amir al-mu'minin

AH 735–736 has been found. All the coins of this sultan were issued from mint Sunargawn (Shahnawaz, 1999, p. 81). He always used epithet 'Hadrat Jalal' (Honorable city) before the mint name on his coins (Karim, 2013, p. 326). A coin dated AH 738/1337ACE (Plate 01) has been taken as a sample to understand the metal composition of the early independent sultan of Bengal at the initial stage of his rule.



X-ray diffraction pattern of Sample 01 (Plate 2)

The XRD pattern(Plate 02) shows approximately 74% silver, with an upper layer of Silver Chlorargyrite (AgCl). No other element has been detected.

The EDS data of the sample 01

Elements	Ag	Cl	Al	Sn	Cu	Na	Au	Si	K	Pb	Ge	Ru
Percentage	86.70	03.32	02.11	02.62	01.44	01.09	0.90	0.69	0.69	0.35	0.046	0.043

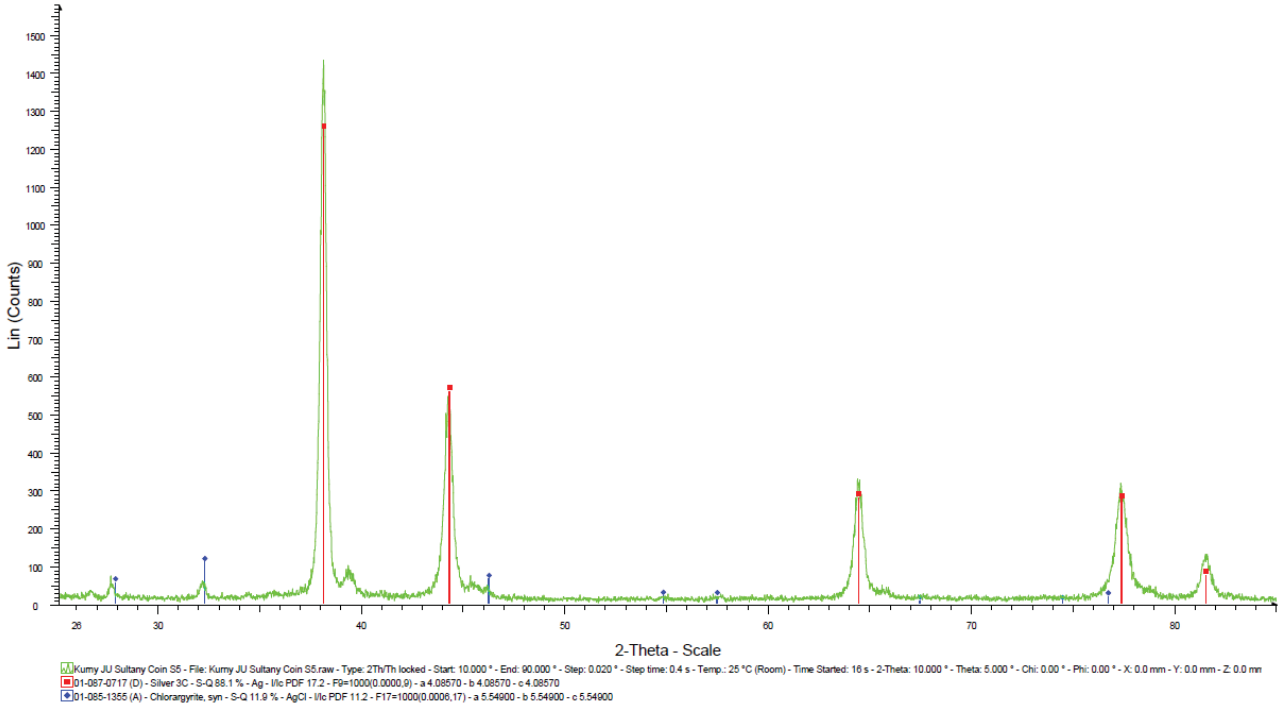
* Only three digits after decimal have been counted. The sum may not be 100%.

Sample 02 Diameter: 26.095mm, Thickness: 02.415mm, Weight: 10.5g

Sultan: Shams Al Din Ilyas Shah, Date: 754AH, Mint: Satgawn.

Plate 03			
Obverse	Legend	Reverse	Legend
	Al-sultan al-adil shams al-dunya wa'l din abu'l muzaffar ilyas shah al-sultan		Sikandar al-thani yamin al-khalifa (nasir) amir al-mu'minin

Shams Al Din Ilyas Shah was the 1st independent sultans of Bengal who conquered all the part of Bengal and combined the whole Bengal as a nation. As recognition, he was titled as Shah e Bangala or Shah e Bangalian (Sultan of Bengal). He issued coins from Firuzabad in AH 744 (Mukhopadhyay, 1988, p. 21) and then he issued coins from Satgaon in AH 747 (Karim, 1999, p. 184). A coin of Satgawn with the date AH 754 (Plate 3) has been taken as a sample because Satgawn was the most south-western mint of Shams Al Din Ilyas Shah and that will allow knowing the metallic pattern of the coins of distant part of Bengal sultans.



XRD of Sample 02 (Plate 4)

The XRD data (Plate 4) showing the peak of silver 88.10% approximately, with an upper layer of Silver Chlorargyrite (AgCl). No other element has been detected.

The EDS data of the sample 02

Elements	Ag	Cl	Al	Sn	Cu	Na	Au	Si	Zn	Pb	Ge	Ru
Percentage	88.06	01.46	02.48	02.48	0.78	01.36	01.18	01.95	0.06	0.13	0.058	0.035

*Only three digits after decimal have been counted. The sum may not be 100%.

Sample 03

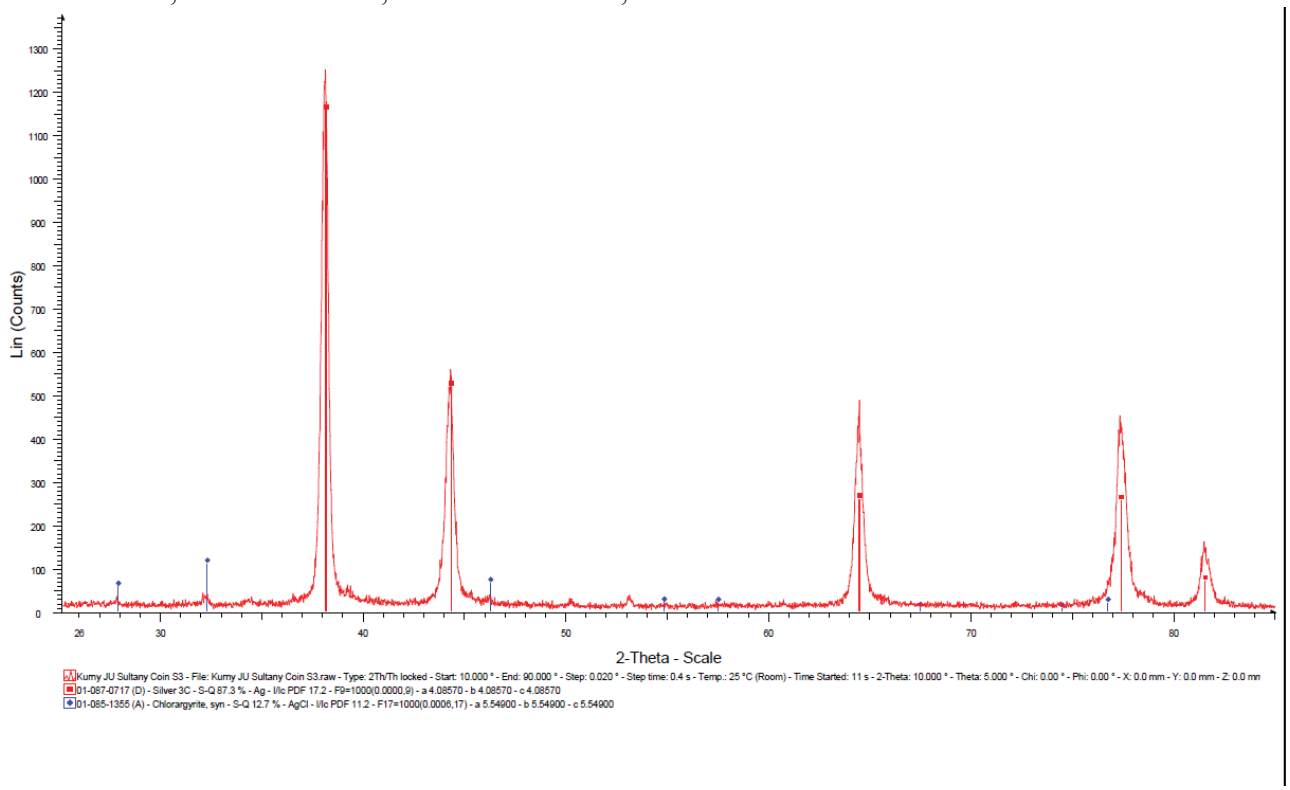
Sultan: Nasir Al Din Mahmud Shah, Date: 84(?) AH, Mint: Arsah Chatgawn.

Diameter: 30.28mm, Thickness: 02.074mm, Weight: 10.4g

Plate 5

Obverse	Legend	Reverse	Legend
	Nasir al-dunya wa'l din abu'l mujahid mahmud shah al-sultan		Al-mu'ayyad bi-ta'yid al-rahman khalifat allah bi'l hujjat wa'l burhan

Nasir al Din Mahmud Shah ruled over Bengal independently for the longest period of time (AH 837–864). An inscription of Gaur indicates that he transferred capital from Firuzabad to Gaur (Ray, Gaur). He issued coins from Khazanah, Dar-ul-Darb, Firuzabad, Satgawn, Nasirabad, Dakhil Banjalia, Khalifatabad, Muazzamabad, Muhammadabad, Sabtahara (Goron, 2001) and Dakhil ba-takhtgah (Hussein, 2003, p. 118). He also issued coins from Chatgawn, the most south-eastern mint of Bengal. As the mint's location is completely opposite to the previous sample and nearly hundred years of difference, we have chosen a coin of 74(?) from Chatgawn mint.



XRD of Sample 03 (Plate 6)

The XRD data (Plate 6) showing the peak of silver 87.3% approximately, with an upper layer of Silver Chlorargyrite (AgCl). No other element has been detected.

The EDS data of the sample 03

Elements	Ag	Cl	Al	Sn	Cu	Na	Au	Si	K	Pb	Fe	Bi	Ge	Ru
Percentage	91.24	1.32	0.52	2.66	0.9	0.83	0.32	0.95	0.73	0.1	0.21	0.14	0.02	0.042

*Only three digits after decimal have been counted. The sum may not be 100%.

Sample 04

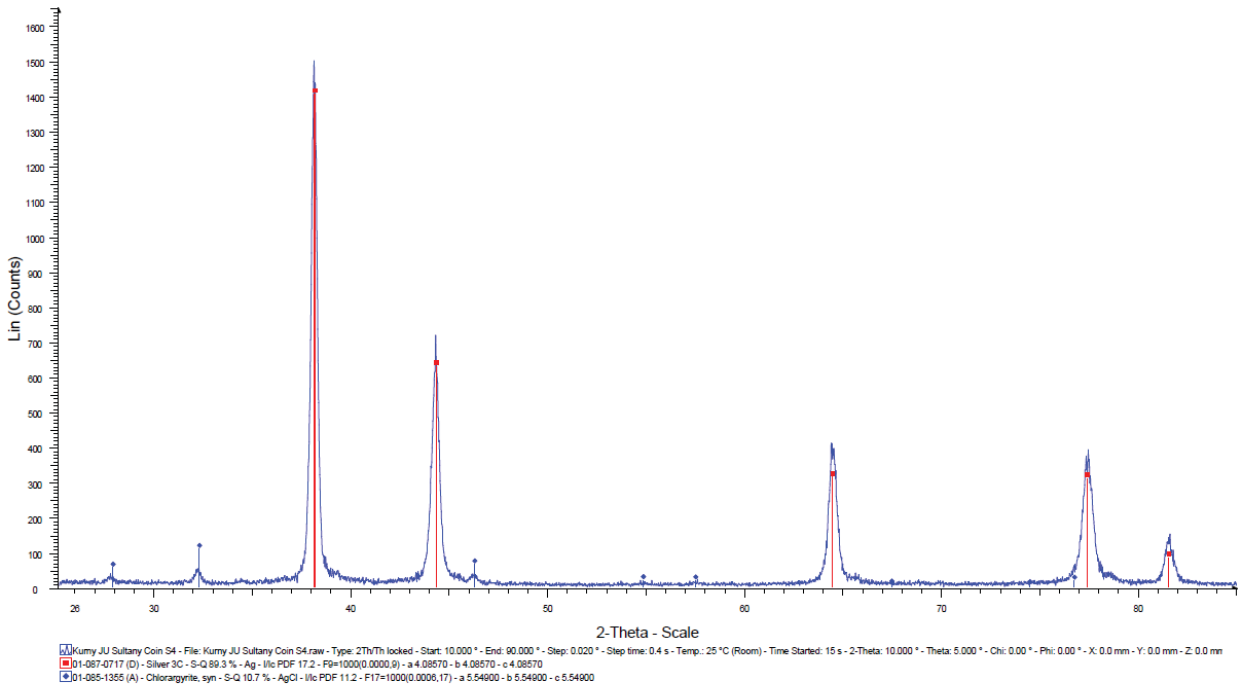
Sultan: Nasir Al Din Mahmud Shah, Date: 846AH, Mint: Khalifatabad

Diameter: 23.985mm, Thickness: 02.957mm, Weight: 10.5g

Plate 7

Obverse	Legend	Reverse	Legend
	Nasir al-dunya wa'l din abu'l muzaffar mahmud shah al-sultan		Al-mu'ayyad bi-ta'yid al-rahman khalifat allah bi'l hujjat wa'l burhan

Khalifatabad appeared as a mint on coins during the region of Sultan Nasir Al Din Mahmud Shah. Till now the 1st date found from mint Khalifatabad is AH 846 (Karim, 2013, p. 329). This mint town has been identified with the ruins of Khan Jahan in Bagerhat District (Jahan, 1953, p. 226). Khalifatabad was the most remote mint town surrounded by Sundarbans, that's why it has been taken as a sample (Plate 7) to identify the metal composition of this mint during the middle period of the Independent sultanate of Bengal.



XRD of Sample 04 (Plate 8)

The XRD data (Plate 8) showing the peak of silver 89.3% approximately, with an upper layer of Silver Chlorargyrite (AgCl). No other element has been detected.

The EDS data of the sample 04

Elements	Ag	Cl	Al	Sn	Cu	Na	Au	Si	Pb	Ge	Ru	Bi	Ge	Ru
Percentage	87.63	01.14	02.94	02.55	02.03	01.04	01.05	0.79	0.44	0.056	0.043	0.14	0.02	0.042

*Only three digits after decimal have been counted. The sum may not be 100%.

Comparative Metal content of the five coins

A comparative compositional analysis of elements of four silver coins of the Bengal sultans of three different rulers from four different mints from Eastern to the western part of Bengal along with previously analyzed coin of Ghiyath Al-din Mahmud Shah of AH 933 from 'Da' mint (Hasan et al., 2015) isgiven below:

Chart: A (shown data in the continuation of time for both eastern and western mint)

Elements	Sample 01 Sunargawn AH 738	Sample 02 Satgawn AH 754	Sample 03 Chatgawn AH 84(?)	Sample 04 Khalifatabad AH 846	Ghiyath Al-din Mahmud Da (B'dr Shahi type) AH 933
Argentums (Ag)	86.70	88.06	91.24	87.63	94.39
Chlorine (Cl)	03.32	01.46	01.32	01.41	-
Aluminum (Al)	02.11	02.48	00.52	02.94	03.36
Stannum (Sn)	02.62	02.48	02.66	02.55	-
Copper (Cu)	01.44	00.77	00.905	02.03	00.273
Sodium (Na)	01.09	01.36	00.83	01.04	-
Aurum (Au)	00.90	01.18	00.316	01.05	00.989
Potassium (K)	00.69	-	00.73	-	-
Silicon (Si)	00.69	01.95	00.953	00.79	00.70
Lead (Pb)	00.354	00.13	00.102	00.447	00.053
Iron (Fe)	-	-	00.218	-	00.151
Bismuth (Bi)	-	-	00.142	-	-
Zinc (Zn)	-	00.06	-	-	-
Germanium (Ge)	00.043	00.05	00.0193	00.056	-
Ruthenium (Ru)	00.043	00.03	00.0420	00.043	-
Barium (Ba)	-	-	-	-	00.042
Cesium (Cs)	-	-	-	-	00.042

Comparative Analysis

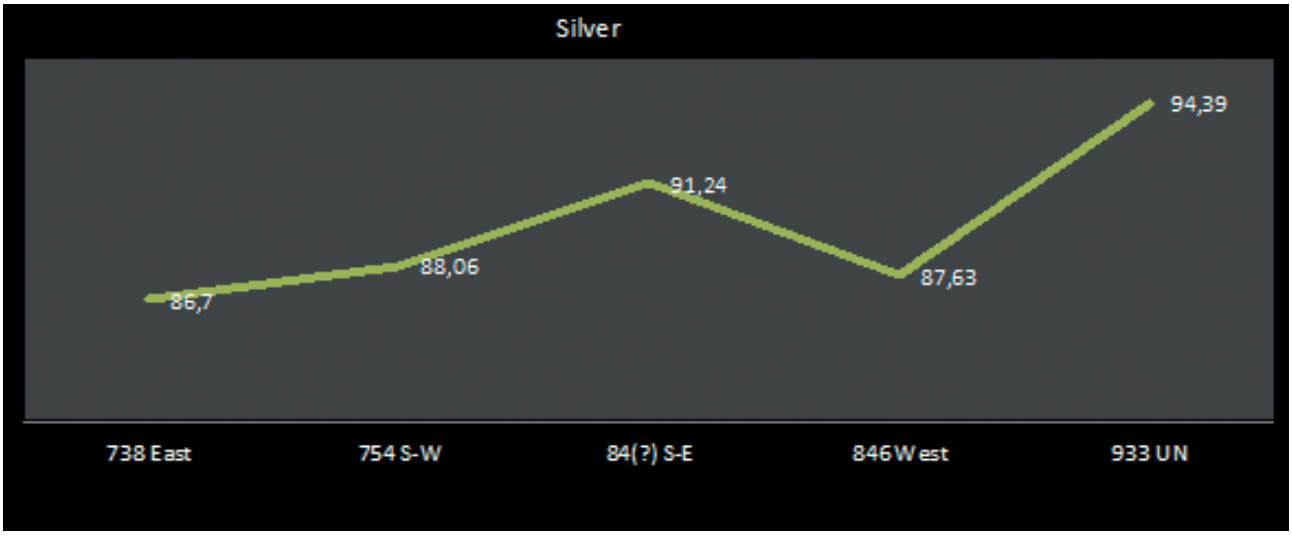
Deyell reported that silver tanka of Bengal sultans are almost pure silver containingfrom 96–99% (Dayell, 2012–13, pp. 133–137) but he arrived at this conclusionby misinterpreting incomplete analysis chart of Jahan's thesis (Jahan, 1995, p. 53) cited from another source which we have reported in our previouspaper (Hasan et al,

2015). The XRD data of each coin shows the presence of Silver Chlorargyrite (AgCl) on the surface, which is normally caused bycorrosion. The presence of AgCl proves that the coins didn't go through any heating process in modern period and has preserved its original features (Chattopadhyay, 2013, p. 100). That's why EDS analysis of each coin shows the presence of Chlorine in small percentage.

Silver Percentages

EDS analysis shows that percentage of silver in the coins of Bengal sultan has increased over the years (Graph 1). In Sample 01, the percentage of silver is little low. Fakhr Al-Din Mubarak ruled over only the eastern part of Bengal. In his early period of ruling, he stroked coins hastily, that may be the reason of his coins containingless silver. This hastiness has been reflected on the calligraphic pattern of the coin. In continuation, Bengal was independent for next 200 years. So, it can be assumed that the stability of the political situation encouraged trade and commerce and increased the economic wealth of the country. It developed trade relations with other kingdoms of the east and imported silver as a surplus in overland and sea trade from places like Yunnan in the South-west, the northern Shan states of China, and eastern Burma where silver mines existed and silver was produced, refined and exported (Hussain, 2013, p. 284). In mediaeval period, price of silver against cowries decreased in Bengal; the price of silver in Bengal was even five times less than the price inMalacca; on the other hand, price of gold in Bengal was six times higher than Malacca (Haider, 2015, p. 99). Sample 03 from the eastern mint Chatgawn contains over 90% silver which indicates our previous assumption of having higher percentage of silver in eastern mints than westerns (Hasan et al, 2015).

Graph 1: Graph of the percentage of silver of the coin from early to later period of Bengal sultans from East to west:

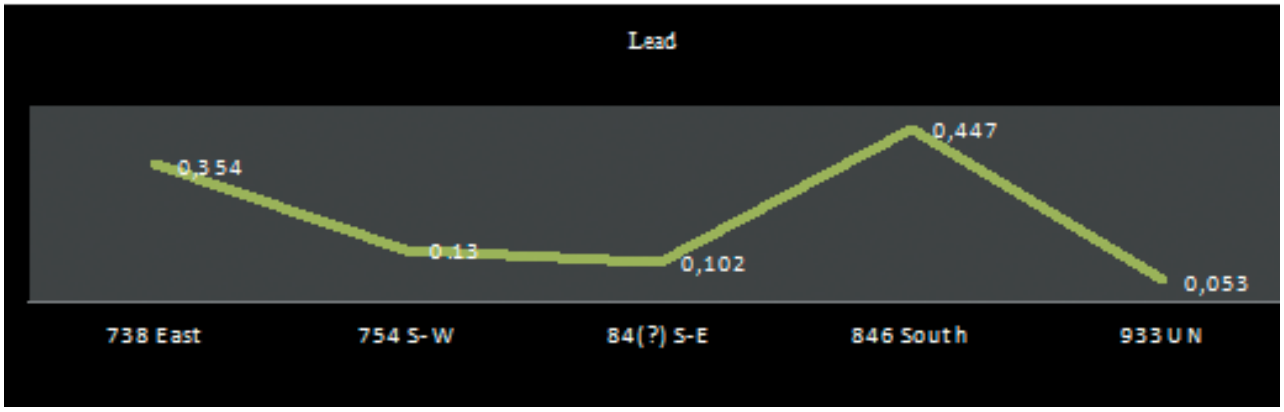


Percentages of Lead and the presence of Aluminum

The percentages of Lead are present in all five coins but in very low quantity (Chart A), less than 0.5%. In south and south-east Asia, silver is refined from lead ore. In mediaeval period, for purifying silver a quantity of adulterated material was put together with a proportionate amount of lead (Mukherjee, 1988, p. 25). According to Ain-i-Akbari (a Mughal writing), one-fourth of lead was put on the top of silver in a hole to make silver bullion for coinage (Allami, 1873, p. 22). If the same method was applied during sultani period, then coins should contain a remarkable amount of lead. But all the five coins from our experiment showed only a very less amount (Graph 02) of lead which perhaps came as a primary element of ore with silver.

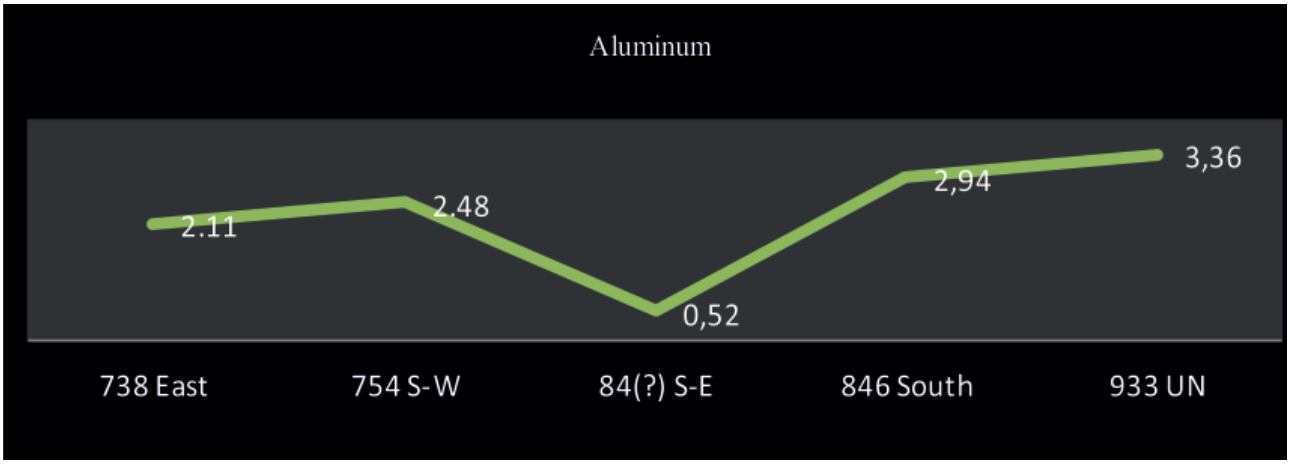
It is interesting to have a good percentage of aluminum in all the coins (Graph 03), 0.52–3.36%. Aluminum does not exist as a major or minor element in any of the natural sources of silver of south-east China and Burma (Soe, 1990, p. 12). Silver is a soft metal and its need to mix up with other material to increase its hardness while making any object. So, it

Graph 02: Graph of the percentage of Lead in the silver coin from early to later period of Bengal sultan from east to west



demands special concentration to re-investigate about the intentionally added material with silver in minting process because the major natural sources of silver like galena and Sphalerite do not contain aluminum.

Graph 3: Graph of the percentage of Aluminum in the silver coin of the Bengal sultans from early to later period from east to west:



Presence of other elements:

The coins contain tin (Sn), copper (Cu), gold (Au), sodium (Na), potassium (K), silicon (Si), iron (Fe), bismuth (Bi), zinc (Zn), germanium (Ge), ruthenium (Ru), barium (Ba), cesium (Cs). Silver mainly produced as a byproduct of gold, copper, zinc and lead refining. So, these elements can present in a low percentage in the purified silver. Germanium (Ge) and tin (Sn) is minor elements of Sphalerite. Copper is found in galena as a minor element. There are many natural sources of Galena and Sphalerite in Burma and south-east China but individual data of those mines is not present or out of our reach.

Conclusion

Although it is not possible to arrive at a conclusion about the metallurgy of the coins of Bengal sultans by metallurgical analysis of only five silver coins, these data has indicated that more elaborate investigation with a large number of coins could be helpful to arriving in a conclusion.

Acknowledgement

The authors are thankful to Dr. Abdul Gafur (SSO) and Rakibul Qadir (Engineer) for their help in the x-ray diffraction analysis of the coins. The authors are also thankful to Mr. Noman Nasir, a dedicated & passionate person of Numismatics for providing the sample coins.

REFERENCES

Allami, Abul Faz, Ain I Akbari, Vol. I, (translated by H. Blochmann), Asiatic Society of Bengal, Calcutta, 1873.

Chattapadhayay, P. K. and Gautam Sengupta. 2011. History of metals in eastern India and Bangladesh. New Delhi: Pentagon Press.

Chattopadhyay, Pranab K. 2013. Archaeometallurgy of Coins of Bengal. Centenary Commemorative Volume, Bangladesh National Museum, Dhaka.

Chattopadhyay, Pranab K. 2007. In search of Silver: Southeast Asian Source of Silver for The Coinage of Bengal. In Gouriswar Bhattacharya et al (eds.). Kalhār (white Water-lily): Studies in Art, Iconography, Architecture and Archaeology of India and Bangladesh. New Delhi: Kavery Books, −.

Deyell, Jhon. 2012-2013. Further metallic assays of Bengal Sultan Silver Tanka. Numismatic Digest. 36/37, 133−137.

Deyell, John, New Metallic Assays of Bengal Sultan Silver Tankas, Numismatic Digest, vols. 34-5, Nasik, 2010-11, pp. 119−133.

Goron, Stan & J.P. Goenka. 2001. The Coins of Indian Sultanats. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publisher Pvt. Ltd.

Haider, Najaf. 2015. Fractional Pieces and Non-Metallic Monies of Medieval India (1200−1857). In Jane Kate Leonard, Ulrich Theobuld (eds.) *Money in Asia (1200-1900): Small Currencies in Social and Political Context*. Leiden: Brill, 86−107.

Hasan, Mohammad Abu Al. 2013. Archaeometallurgy of the coins of Bengal Sultans: An unexplored way to the study of political, social and economic life of mediaeval Bengal. *Journal of History and Civilization*. 1, 187−194.

Hasan, Mohammad Abu Al, Dr. Syed Mohammad Kamrul Ahsan & Dr. ASW Kurny. (In press.) 2015. Trial Metallurgical Analysis of a Silver Coin of Bengal Sultan: Explore through methods and Interpretation. *Journal of History and Civilization*. 2.

Hussain, Syed Ejaz. 2003. The Bengal Sultanate: Politics, Economy and Coins (AD 1205-1576). Delhi: Manohar Publishers & Distributors

Hussain, Syed Ejaz. 2013. Silver Flow and Horse Supply to Sultanate Bengal with Special Reference to Trans Himalayan Trade (13th-16th Centuries). *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 56(2). 264−308.

Jahan, M. Mir. 1953. Mint Towns of Mediaeval Bengal. Proceeding of the Pakistan Historical Conference. Dhaka. 226.

Jahan, S.A.M Monowar. 1995. *Physio-Chemical investigation for the conservation of Museum objects and Archaeological materials of Bangladesh*. Unpublished PhD. Thesis, University of Dhaka.

Karim, Abdul. 1999. Banglar Itihas (Sultani Amal). Jatiyo Grontha Prokashan, Dhaka.

Karim, Abdul. 1960. Corpus of the Muslim Coins of Bengal. Dhaka: Asiatic Society of Bangladesh. (Reprint 2013).

Karim, Md. Rezaul, Sultani Banglar Takshal Nagari, Centenary Commemoration Volume, Bangladesh National Museum, Dhaka, 2013.

Mukherjee, B.N. & P.K.D. Lee. 1988. *Technology of Indian Coinage*. Calcutta: Indian Museum.

Mukhopadhyay, Sukhamay, Banglar Etihasher Dusho Bochor: Shadhin Sultani Amal, Bharti Book Stall, Kolkata, 1988 (4th edition).

Ray, Aniruddha, Gaur, City, Banglapedia Online Edition sighted on 03-05-2015, http://en.banglapedia.org/index.php?title=Gaur,_City

1999. Shahnawaz, A.K.M, Mudraya O Shilalipitte MadhayJuger Banglar Samaj-Samskriti, , Dhaka: Bangla Academy.

Soe, Kyaw, 1990. *The comparative Study of Contents of Zinc and Lead in Ore Samples of Namtu-Bawdwin Mine by Wet Analysis, X-ray Fluorescence and X-ray Diffraction Methods.* Unpublished MSc. Thesis. University of Yangon, Yangon, 1990.

About the Authors:

Mohammad Abu Al Hasan, M Phil Researcher, Department of Archaeology, Jahangirnagar University. Dhaka, Bangladesh.

ASW Kurny, Professor, Department of Materials & Metallurgical Engineering, Bangladesh University of Engineering and Technology. Dhaka, Bangladesh.

АРХЕОМЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЧЕТЫРЕХ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ С ЧЕТЫРЕХ МОНЕТНЫХ ДВОРОВ СУЛТАНОВ БЕНГАЛИИ

Мухаммед Абу Аль Хасан, А.С.В. Курны

Четыре серебряные монеты четырех различных монетных дворов (Сонаргаон, Сатгаван, Чатгаван и Халифатабад) трех независимых султанов Бенгалии 1334 - 1538 гг. н.э. были проанализированы с применением методов рентгеновской дифракции и энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии. Авторы предприняли попытку обоснования закономерности изменения состава монет, отчеканенных в отдельные исторические периоды в различных географических регионах, расположенных с востока на запад на территории Бенгалии. Полученные сведения были сопоставлены с результатами проведенного ранее анализа монете Гийас ад-дина Махмуда из династии Хусайн Шахи. Результаты исследования демонстрируют различное содержание серебра от 86,70% до 94,39%. Содержание свинца варьируется от 0,053% до 0,447%, что может быть обусловлено природным источником серебра. Алюминий был вероятно добавлен в сплав намеренно в количестве от 0,52% до 3,36%. В монетах были также обнаружены другие элементы, такие как медь, золото, кремний, железо, висмут, цинк, германий, рутений, барий и цезий.

Ключевые слова: монеты, Бенгалия, Сонаргаон, Сатгаван, Чатгаван, Халифа-табад, рентгеновская дифракция и энергодисперсионная рентгеновская спек-троскопия

Информация об авторах:

Мохаммад Абу Аль Хасан, магистр философии, научный сотрудник, факультет археологии, Университет Джахангирнагар (Дакка, Бангладеш).

А.С.В. Курны, профессор, кафедра материаловедения и металлургии, Бангладешский инженерно-технологический университет (Дакка, Бангладеш).

УДК 902.34:069.44

ОПЫТ ОБУЧЕНИЯ РЕСТАВРАТОРОВ ПО ПРОГРАММЕ ИНТЕНСИВА «КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЖИ» НА БАЗЕ МАГИСТРАТУРЫ К(П)ФУ ПО ПРОФИЛЮ «РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ»

©2019 г. П.В. Федан, Л.Ф. Богатова, С.Г. Буршнева

В статье представлены результаты совместного обучения студентов магистратуры ИМО К(П)ФУ по профилю «Реставрация историко-культурного наследия» и реставраторов Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ в рамках интенсива по основам консервации и реставрации археологической кожи. Система интенсивов включена в программу магистратуры и проводится в период прохождения студентами производственной практики. Во время интенсивов проводится обучение слушателей теоретическим и практическим навыкам реставрации под руководством ведущих реставраторов Российской Федерации.

В ходе проведенных занятий были рассмотрены и отработаны на практике методики консервации археологической кожи. Преподаватель интенсива О.Л. Швец представила современные материалы и техники, используемые в реставрационных лабораториях Института археологии и этнографии СО РАН, Научно-реставрационном центре И.Э. Грабаря и Государственном Эрмитаже.

Ключевые слова: археологическая кожа, консервация, реставрация, магистратура, реставрация историко-культурного наследия.

В ходе археологических исследований Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ получено очень большое количество артефактов из органических материалов. Все находки хранятся в фондах музея археологии АН РТ. Археологические предметы из кожи, дерева и текстиля без своевременной консервации стремительно разрушаются. При длительном хранении таких артефактов без соответствующей обработки происходит разрушение археологической кожи (Елкина, 1987). Процесс консервации археологических кож позволяет остановить процесс деградации структуры материала и в некоторых случаях восстановить его физико-механические свойства. Реставрация таких артефактов придает им экспозиционный вид, а так же возможность определить вид изделия и область его бытования. Необходимо производить консервацию и последующую реставрацию предметов, т.к. они являются важной и неотъемлемой составляющей культурного фонда (Абдуллин, 2014). Кожевенное производство в Казанском ханстве и в Казанской губернии в XVI–XVIII вв. неразрывно связано с историей Волжской Булгарии. В период ее существования кожевенное дело достигло высокого уровня. Изделие из кожи пользовались большим спросом за ее пределами. Первые находки предметов из археологической кожи ханского периода были обнаружены в результате археологических исследований, проводимых Н.Ф. Калининым на территории Казанского кремля в 1947 и 1953–1954 гг. В основной массе предметы являлись заготовками для кожаной обуви: фрагменты голенищ, каблуки, подошвы и т.д. Значительная часть находок из кожи была получена в результате раскопа под номером XIII на территории Казанского кремля. Раскоп по площади составлял 500 кв. м, в процессе расчистки которого были обнаружены «детали кожаной обуви-подошвы, голенища, каблуки со следами швов, орудия производства (Валиев, 2010).

Кожаные изделия, обнаруженные на территории Казанского кремля из культурного слоя, относящегося к ханскому периоду, следует разделить по функциональному назначению: 1 группа – обувь (подошвы, голенища, каблуки), 2 группа – одежда (рукавицы, фрагменты костюма), 3 группа – бытовые изделия (чехлы, сумки), 4 группа – сопутствующие предметы вооружения (конское снаряжение, ножны, колчан), 5 группа – отходы производства (Валиев, 2010).

Для подготовки реставраторов по программе магистратуры «Реставрация историко-культурного наследия» в Институте международных отношений К(П)ФУ используется система двухнедельных интенсивов

с приглашением в качестве преподавателей реставраторов из ведущих реставрационных организаций РФ: Государственного Эрмитажа, ГосНИИР, ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря, Кунсткамеры, Института археологии и этнографии СО РАН. Интенсивы проводятся в период прохождения студентами производственной практики. Во время интенсивов осуществляется обучение слушателей теоретическим и практическим навыкам реставрации. В качестве ассистентов и для повышения уровня профессиональной компетенции в интенсивах принимают участие реставраторы Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ.

Интенсив по основам реставрации и консервации археологической кожи проходил в ИМО К(П)ФУ с 1 по 12 апреля 2019 г. В качестве преподавателя был приглашен ведущий художник-реставратор Института археологии и этнографии СО РАН Ольга Львовна Швец. Программа интенсива состояла из теоретического и практического блока. Студентам, для отработки практических навыков консервации и реставрации, были предоставлены археологические предметы из кожи, находящиеся в хранении фондов Музея Археологии Республики Татарстан (МАРТ).

В теоретическом блоке программы интенсива по основам реставрации и консервации археологической кожи были проведены ознакомительные лекции по темам: «Основы консервации и реставрации археологической кожи», «Основные факторы деградации археологических кож», «Строение и химический состав кожевой ткани».

Практические занятия проходили по следующему плану:

– визуальное обследование археологических объектов из кожи, описание состояния сохранности, составление исторической справки;

– выбор методики консервации в зависимости от степени сохранности материала;

– выбор материалов для последующей реставрации;

– составление реставрационной документации.

Отработку методики консервации и реставрации можно представить на примере предмета из фондов МАРТ «Изделие орнаментированное «рукавица» №7-11/120, который был обнаружен в результате раскопок 2011 г. в Казанском Кремле, проводимых под руководством канд. ист. наук, научного сотрудника Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ Р.Р. Валеева. Артефакт извлечен на участке А/4 штык 13, слой XIX – темно-серая плотная гумусированная супесь с включением древесной щепы (рис. 1).

Первичный осмотр предмета осуществлялся органолептическим способом и методом оптической микроскопии, проводилась подробная фотофиксация. Предмет состоит из одного цельного фрагмента материала. Кожа была в неудовлетворительном состоянии: сухая, непластичная, жесткая, темно-коричневого цвета. На поверхности предмета имелись почвенные загрязнения бурого цвета, белый налет по всей поверхности, предположительно высолы. На боковой части предмета произошло расхождение внутреннего соединительного шва. Отверстия шва имеют округлую форму, в некоторых из них сохранились фрагменты соединительной нити. В верхней части предмета наблюдалась значительная утрата материала: судя по внешнем признакам, в ходе бытования предмета на данном участке производилась починка. В области большого пальца отсутствовал фрагмент нижней его части. На данном фрагменте имеется рельеф внешнего шва (отверстия внешнего шва в диаметре меньше, чем от внутреннего на боковой части предмета). Техника исполнения внешнего и внутреннего шва различны – ниже большого пальца с правой стороны предмета отсутствует вшивной фрагмент. На поверхности предмета имелись трещины, утраты, сгибы, образовавшиеся в период бытования предмета. В нижней части предмета, с обеих сторон, присутствует теснение (рис. 2).

Исходя из общего состояния сохранности памятника, была выбрана методика поэтапной очистки и консервации. Для удаления общих почвенных загрязнений была проведена сухая чистка щетинной кистью (Швец, 2010). Такой вид очистки позволил избавиться от сухих почвенных загрязнений на поверхности, а также удалить основные загрязнения из пор и трещин кожевой ткани. Однако такой способ не позволяет полностью избавиться от загрязнений, находящихся в объеме кожевой ткани.

При поступлении в реставрационную лабораторию памятник был полностью сухим. Метод погружения в водный раствор полиэтиленгликоля (ПЭГ) (Синицина, 2009), который традиционно используется в реставрационной лаборатории Института археологии им.

А.Х. Халикова, в данном случае не подходит, т.к. метод, при котором ПЭГ используется в качестве консерванта, применяется только на влажной или мокрой коже. Для этого требуется изначально увлажнить кожу, например, в эксикаторе, либо проводить консервацию артефактов еще в полевых условиях на «мокрых» раскопах. В нашем случае рукавица находилась долгое время в фондовом хранении, пересохла, и материал утратил свои физико-механические свойства, прежде всего, пластичность. Учитывая эти факторы, проводить процесс увлажнения кожи не рекомендуется, т.к. это является сильным стрессом для археологического предмета и может привести к дополнительным разрушениям. Поэтому было принято решение совместить процесс консервации и влажной очистки. Для такого типа сохранности больше всего подошел способ консервации пропитки кожи раствором СВГ (этиловый спирт 10% / вода 60% / глицерин 30% / антисептик). В ходе пропитки и расчистки кожи, за счет одновременного увлажнения водным раствором и диффузии глицерина в объем материала, удалось исправить все заломы и неприжизненные складки рукавицы, очистить объем кожи от загрязнений, и при этом избежать новых разрушений на памятнике. Процесс консервации и одновременной очистки кожи занял 10 дней. Для аналогичной процедуры с использованием ПЭГ время обработки археологической кожи в зависимости от сохранности занимает от нескольких недель до нескольких месяцев. Завершающим этапом консервации археологической кожи является обработка лицевой и бахтармяной сторон эмульсией, рецептуру которой предложила реставратор с сорокалетним опытом работы О.Л. Швец. Рецепт эмульсии разработан на основе собственного опыта консервации археологических кож и анализе различных отечественных и зарубежных методик. В состав эмульсии входит этиловый спирт, глицерин, ланолин, мыло нейтральное и дистиллированная вода (Полосьмак, 2001). Эмульсия позволяет вернуть коже мягкость и сделать ее более пластичной, что существенно облегчит дальнейшие реставрационные работы. Для тонкой кожи, как в нашем случае, было достаточно обработать ее три раза с увеличением временных промежутков. Это связанно со способностью кожевой ткани впитывать эмульсию. При увеличении временных промежутков между пропитками нам удалось точно установить момент, когда кожа достигла своего оптимального состояния.

Работа по реставрации археологического артефакта началась с определения наиболее слабых фрагментов кожи. Таким фрагментом являлась часть сохранившегося пальца. Потертости и небольшие утраты в этой области объясняются «жизнью вещи», они были приобретены во время эксплуатации рукавицы. Учитывая, что кожа достаточно тонкая, особенно в области фрагментарных утрат, стало очевидным, что ее нужно укрепить. Укрепление, в данном случае, было проведено способом дубляжа археологической кожи на шелковый газ, этот материал имеет наименьшую толщину и необходимую прочность для фиксации фрагмента. При выборе способа экспонирования памятника было решено расположить рукавицу в плоскости на планшет, и в этом случае газ позволяет четко разграничить дублирующий материал и археологический объект. В качестве клея был выбран водный раствор клея Lascaux (Дистилированная вода – 50% / клей Lascaux – 50%). Этот клеевой раствор позволяет избежать лишнего утолщения шва и не дает блеска после высыхания.

По итогам выполнения программы интенсива «изделие орнаментированное «рукавица» из фондов МАРТ прошел консервационную обработку, были начаты непосредственно реставрационные процедуры (сборка, дублирование и монтаж на основу), была проведена подробная фотофиксация предмета и оформлена реставрационная документация. Завершала реставрацию памятника научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ художник-реставратор III категории Л.Ф. Богатова (рис. 3).

Итогами проведения двухнедельного интенсива по основам реставрации и консервации археологической кожи является получение студентами и реставраторами Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ углубленной теоретической подготовки и освоение основных методик реставрации данного вида памятников. На практических занятиях студенты отработали полученные знания на экспонатах из археологической кожи. В общей сложности магистранты провели процесс консервации на шести экспонатах, находящихся в хранении фондов Музея Археологии Республики Татарстан (МАРТ).

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллин И.Ш., Кулевцов Г.Н., Богатова Л.Ф., Федотова Ю.В. Особенности работы с археологическими объектами из натуральных высокомолекулярных материалов и возможность применения ННТП обработки перед процессом консервации и последующей реставрации // КОП 2014. №4. С. 56−59.

Валиев Р.Ф. Кожевенно - сапожное производство ханской Казани. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Казань, 2010. 24 с.

Елкина А.К., Подвигина Н.Л., Хазанова И.А., Хазанова И.А., Шемаханская М.С. Полевая консервация археологических находок. Методические рекомендации. // ВНИИР. 1987. С. 28.

Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2001 . 336 с.

Синицына Н.П. Реставрация и консервация археологического текстиля и кожи, разработка методики // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т.I: История усыпальницы и методика исследования захоронений / отв. ред.-сост. Т.Д. Панова. М., 2009. С. 213−221.

Швец О.Л. Консервация и реставрация археологических кожаных предметов из могильника Горноправдинского (ХМАО – Югра) 2010. URL: https://docplayer.ru/32319765-O-l-shvec-g-novosibirsk-uchrezhdenie-ran-institut-arheologii-i-etnografii-sibirskogo-otdeleniya-ran.html

Информация об авторах:

Федан Павел Владимирович, научный сотрудник Музея археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Росссия); Pavel.fedan@mail.ru

Богатова Лина Феликсовна, научный сотрудник Музея археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Росссия); LinaFeliksovna@mail.ru

Буршнева Светлана Георгиевна, младший научный сотрудник Музея археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Росссия); burshneva@yandex.ru

EXPERIENCE OF RESTORER TRAINING UNDER THE “CONSERVATION AND RESTORATION OF ARCHAEOLOGICAL LEATHER” INTENSIVE PROGRAM UNDER THE “RESTORATION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE” MASTER COURSE OF KAZAN (VOLGA REGION) FEDERAL UNIVERSITY

P.V. Fedan, K.F. Bogatova, S.G. Burshneva

The article features the results of joint training of the “Restoration of Historical and Cultural Heritage” master course students of Kazan (Volga Region) Federal University and restorers of the Institute of Archeology named after A. Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences with the framework of a workshop on the basics of conservation and restoration of archaeological leather. The workshop system is included in the master course program and conducted during the students' internship period. The students of the intensive course acquire theoretical and practical restoration skills under the guidance of the leading restorers of the Russian Federation.

Archaeological leather conservation methods were reviewed and practiced during the completed classes. Workshop teacher O.L. Shvets presented the contemporary materials and techniques used in the restoration laboratories of the Institute of Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, the Grabar Art Conservation Center and the State Hermitage.

Keywords: archaeological leather, conservation, restoration, master course, restoration of historical and cultural heritage.

About the Authors:

Fedan Pavel V., Institute of Archaeology named after A. Kh. Halikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Pavel.fedan@mail.ru

Bogatova Lina F., Institute of Archaeology named after A. Kh. Halikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; LinaFeliksovna@mail.ru

Burshneva Svetlana G Institute of Archaeology named after A. Kh. Halikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; burshneva@yandex.ru

Рис. 1. Фото до реставрации.

Рис. 2. Фото тиснения.

Рис. 3. Фото после реставрации.

РЕЗОЛЮЦИЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «АРХЕОЛОГ И МУЗЕЙ: ДИАЛОГ О ВЕЧНОМ» 11-13 СЕНТЯБРЯ 2019 Г., Г. КАЗАНЬ

Участники научно-практического семинара «Археолог и музей: диалог о вечном», состоявшегося в г. Казани 11-13 сентября 2019 г., обсудив вопросы, связанные с организацией учета и хранения археологических предметов и коллекций в музеях и научных организациях, хранящих археологические предметы и коллекции, выражая обеспокоенность проблемой обеспечения сохранности массового археологического материала для в целях научных исследований, решили:

1. Считать целесообразным дополнение понятийного аппарата Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ понятиями «массовый археологический материал» и «археологическая коллекция».

2. Считать необходимым законодательно установить принцип целостности и неделимости археологической коллекции в целях учета хранения и обеспечения сохранности всех археологических предметов, включая массовый археологический материал, найденных в результате археологических полевых работ, проведенных на основании одного разрешения (открытого листа), в том числе на участках водных объектов.

3. Считать необходимым определить специфику и особенности учета, хранения и использования археологических предметов и коллекций.

4. Считать необходимым определить, что археологические коллекции по смыслу норм Федерального закона от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» подлежат учету и хранению как музейные коллекции, а также, что исключение археологических предметов из состава собрания музея или иной организации возможно только по основаниям, и в порядке, предусмотренном для предметов, включенных в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации.

5. Считать целесообразным внести изменения в редакцию п.13. ст. 45.1 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации)» в части установления обязанности передачи всех изъятых археологических предметов в государственные музеи и иные государственные организации, уставной целью деятельности которых является постоянное хранение археологических предметов и коллекций, а также предусмотреть необходимость подготовки заключения держателя разрешения (открытого листа) на право проведения археологических полевых работ, содержащее рекомендации о включении археологических предметов и коллекций в состав основного или иных фондов собрания музея или иной государственной организации, уставной целью деятельности которых является постоянное хранение археологических предметов и коллекций.

6. Отметить, что Положением о Музейном фонде Российской Федерации определено, что археологические предметы и коллекции могут включаться в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации на основании заключения ЭФЗК, созданной решением руководителя государственного музея или иной государственной организации.

7. Отметить, что создание специализированных фондохранилищ археологических коллекций в субъектах Российской Федерации, в том числе на базе государственных музеев, музеев-заповедников и иных организаций, уставной целью деятельности которых является постоянное хранение археологических предметов и коллекций, является одним из необходимых условий учета и обеспечения физической и юридической сохранности археологических коллекций, включая решение вопросов их целостности и неделимости.

8. Просить Министерство культуры Российской Федерации:

1) принять меры к реализации поручения Президента Российской Федерации о создании сети специализированных археологических фондохранилищ, проработать вопрос об организации фондохранилищ в возможно

большем количестве субъектов Российской Федерации;

2) включить в проект Единых правил организации формирования, учета, сохранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в музеях Российской Федерации, положения, отражающие особенности учета и хранения археологических предметов и археологических коллекций, в том числе массового археологического материала, в составе основного, научно-вспомогательного и иных фондов, входящих в собрание музея, в том числе формы полевой и коллекционной описей археологических предметов и коллекций, подлежащих к передаче на хранение в государственные музеи и иные организации; учесть при этом особенности музейного учета археологических предметов, связанные с созданием одного предмета из нескольких фрагментов в результате реставрации, а также возможности распада целого предмета или его крупного фрагмента на несколько более мелких фрагментов;

2) рассмотреть вопрос о введении в практику учетной деятельности государственных музеев и иных организаций, наделенных правом постоянного хранения археологических коллекций «Книги регистрации и учета археологических коллекций» как вспомогательного документа государственного музейного учета;

3) увеличить нормативные сроки регистрации данных об археологических предметах и коллекциях в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации; предусмотреть упрощенную систему ввода данных в информационные системы музейного учета для массового археологического материала.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ – Адыгейский государственный университет
АКИО – Ананьинская культурно-историческая область
АКР – Археологическая карта России
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск-Екатеринбург
ВНИИР – Всероссийский научно-исследовательский институт реставрации музейных ценностей
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВРГО – Вестник Императорского Русского географического общества. М.
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГПКиО – Городской парк культуры и отдыха
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ЕИ КФУ – Елабужский институт КФУ
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК – Известия ГАИМК. Л.
Изв. ВСОРГО – Известия Восточно-Сибирского Отделения Императорского Русского географического общества
Изв. Урал. гос. ун-та. – Известия Уральского государственного университета
ИИ АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук РТ
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИИЯЛ – Институт истории языка и литературы
ИИЯЛ БФАН СССР/УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР / Уральского научного центра РАН
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
ИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и искусства
КАЭ – Камская археологическая экспедиция
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
КГУ – Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.–Л.
КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
КФУ – Казанский федеральный университет
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МАРТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ
МАЭ – Музей археологии и этнографии УНЦ РАН
МАЭ РАН – Музей археологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
МИКВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции.
Н.с. – научный сотрудник

НА УНЦ РАН – Научный архив Уфимского научного центра РАН
НГУ – Новосибирский государственный университет
НЗО – Нумизматика Золотой Орды. Казань.
НИИ – Научно-исследовательский институт
НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан (Фонд Археологии)
НМ РТ - Национальный музей Республики Татарстан.
ОГИК – Омский государственный историко-краеведческий музей
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГУ – Пермский государственный университет
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб, Л., М.
ПФИЦ УрО РАН - Пермский федеральный исследовательский центр, Уральское отделение Российской академии наук
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РАНИОН – Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО – Российское археологическое общество
РФА – рентгенофлуоресцентный анализ
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СГАИМК – Сообщения ГАИМК. Л.
СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской академии наук
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ССАЭ – Сейминско-Суджинская археологическая экспедиция
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
ТМАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола.
УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа
УдГУ – Удмуртский государственный университет.
УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ЯрГУ – Ярославский государственный университет

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–69645
от 2 мая 2017 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*
420012 г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203
Подписано в печать 29.10.2019 г. Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 31,62
Тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Свободная цена
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"
г. Казань, ул. Галактионова, 14

16+